KNIHOVNA
SBORU PRO VÝZKUM SLOVENSKÁ A PODKARPATSKÉ
RUSI PŘI SLOVANSKÉM ÚSTAVU V PRAZE.

ČÍSLO I.

ПРОФ. Д-ръ А. ПЕТРОВЪ:

ДРЕВНѢЙШІЯ ГРАМОТЫ
ПО ИСТОРІИ
КАРПАТОРУССКОЙ ЦЕРКВИ
И ІЕРАРХІИ 1391-1498 г.

Съ 12 фотографическими факсимиле.

V PRAZE 1930.
NÁKLADEM SBORU PRO VÝZKUM SLOVENSKA A PODKARPAT. RUSI.
V GEN. KOMISI KNIHKUPECTVÍ »ORBIS« V PRAZE.
TISKEM ČESKÉ GRAFICKÉ UNIE A. S. V PRAZE.

»Эти бѣдныя селенья«,
»Эта скудная природа —«
»Край родной долготерпѣнья«,
»Край ты русскаго народа«.

»Удрученный ношей крестной«,
»Всю тебя, земля родная«,
»Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный«
»Исходилъ, благославляя«.

Ѳ. Тютчевъ.

Задачи карпаторусской исторіографіи.

Еще въ университетѣ (1876—1880 г.), подъ вліяніемъ В. И. Ламанскаго, особый интересъ возбуждала во мнѣ Карпатская[1]), тогда еще Угорская Русь съ ея загадочнымъ прошлымъ. Возрасталъ интересъ къ ней по мѣрѣ того, какъ я убѣждался, до какой степени прошлое Карпатской Руси мало изучено; оставалось даже неизвѣстнымъ, какіе для ознакомленія съ этимъ прошлымъ существуютъ матерьялы, и гдѣ слѣдуетъ ихъ искать.

Лишь въ 1890 г. удалось мнѣ во время заграничной ученой командировки пробыть около трехъ мѣсяцевъ на карпаторусской территоріи. Личное знакомство съ этимъ, сохранившимъ въ себѣ такъ много старой Руси народомъ, оригинальнымъ, простодушнымъ и довѣрчивымъ, съ его выдающимися дѣятелями, какъ покойными Е. Фенцикомъ, І. Сильваемъ (Уріиломъ Метеоромъ), Р. Годинкой, В. Гебеемъ, Ю. Фирцакомъ и др., такъ и нынѣ здравствующими старыми друзьями — Е. Сабовымъ и

[1]) Относительно терминологіи »Карпатская, Закарпатская Русь« позволю себѣ повторить высказанное въ сборникѣ »Карпаторусскія межевыя названія« (18 , пр.). »Подкарпатская Русь«, оффиціальный терминъ, взятый изъ стихотворенія А. Духновича, не считаю вполнѣ подходящимъ: 1. Карпаторуссы живутъ не столько *подъ* Карпатами, какъ *въ* Карпатахъ; 2. »Подкарпатская Русь« нынѣ обозначаетъ только *часть* (правда, бóльшую) карпаторусской территоріи, я же терминъ »карпаторусскій« употребляю не въ смыслѣ административномъ, но *этнографическомъ*. »Карпатская Русь«, конечно, можетъ обозначать и Русь по сѣвернымъ склонамъ Карпатъ, но для послѣдней у насъ уже давно установился терминъ »Русь Галицкая«. Когда же идетъ рѣчь о Карпатской Руси по отношенію къ *остальному* русскому народу, тогда я называю ее съ точки зрѣнія географической »Закарпатской«.

К. Мачикомъ — все это упрочило и мой интересъ, и мои симпатіи къ Карпатской Руси. Сильное впечатлѣніе произвела на меня также личность высокоодареннаго и широкообразованнаго карпаторусскаго вождя А. И. Добрянскаго.

За это время удалось мнѣ собрать довольно много новаго матерьяла. Зиму 1890—1891 г. я провелъ въ Будапештѣ, знакомясь съ мадьярской исторической литературой и занимаясь въ Государственномъ и иныхъ архивахъ.

По возвращеніи въ Петербургъ осенью 1891 г., мнѣ удалось въ 1891—1893 г. г. написать только четыре статьи о Карпатской Руси: »Угрорусскіе заговоры и заклинанія нач. XVIII в.; Старопечатныя книги въ Мукачевѣ и Унгварѣ; Замѣтки по этнографіи и статистикѣ; Памятники угрорусской письменности« (рецензія на Христоматію о. Е. Сабова). Почти на 10 лѣтъ я долженъ былъ прекратить всякую научную творческую дѣятельность. Приготовленіе къ лекціямъ по исторіи и литературѣ Славянъ, составленіе грамматикъ славянскихъ языковъ, лекціи и уроки отнимали у меня все время. Только съ началомъ XX ст., благодаря матерьяльной поддержкѣ нашей Академіи Наукъ, мнѣ удалось освободиться отъ излишнихъ обязательныхъ занятій и вернуться къ наукѣ. Съ 1905 по 1914 г. опубликовано было мною семь выпусковъ »Матеріаловъ по исторіи Угорской Руси«[1]).

Занятый лекціями, научными и иными работами и живя въ Петербургѣ, я не могъ, конечно, посвящать все свое время исключительно Карпатской Руси. Къ тому же, въ Петербургскихъ библіотекахъ не имѣлось очень многихъ изданій, вышедшихъ въ Угріи. Приходилось пользоваться только каникулярнымъ временемъ для посѣщенія Будапешта и Карпатской Руси. Съ 1907 по 1914 г. каждое лѣто я отъ мѣсяца до трехъ мѣсяцевъ проводилъ въ Угріи въ разысканіи невѣдомыхъ матерьяловъ. Послѣ войны, въ 1923 и 1925—26 г., прожилъ въ Будапештѣ около одиннадцати мѣсяцевъ. Такъ какъ мною были открыты разные новые и интересные памятники, то приходилось заняться ихъ изученіемъ, комментированіемъ и публикованіемъ. При такихъ условіяхъ,

[1]) 1050 стр., 4 фотогр. снимка и 7 картъ.

о какой нибудь планомѣрной и систематической работѣ не могло быть и рѣчи.

Нынѣ, при изданіи десяти старѣйшихъ грамотъ, касающихся исторіи карпаторусской церкви и іерархіи, я рѣшилъ высказать нѣсколько общихъ соображеній о состояніи изученія прошлаго Карпаторуссовъ. Думалъ я надъ этимъ долгіе лѣта, но теперь, въ послѣдней, вѣроятно, въ моей жизни работѣ, нахожу умѣстнымъ подѣлиться съ читателями выводами стараго ученаго.

Закарпатская Русь составляетъ статистически небольшую часть русскаго народа. Источниковъ для ея исторіи до половины XVII в. имѣется очень мало. Тѣмъ не менѣе, литература о ея прошломъ[1]), *сравнительно*, весьма велика[2]). Результаты, однако, довольно скудны. Изслѣдователи все время бродили въ заколдованномъ кругу однихъ и тѣхъ же вопросовъ.

Первый вопросъ — *о началѣ Карпатской Руси*, о времени поселенія Русскихъ на южномъ, позднѣе угорскомъ склонѣ Карпатъ[3]). Вопросъ самъ по себѣ, съ научной точки зрѣнія, очень *интересный*, но его важность преувеличивалась — и преувеличивается — тѣмъ, что ему придавали *современное*, такъ сказать, *политическое* значеніе. Эта *ложная точка зрѣнія*, какъ извѣстно, очень распространена вообще у разныхъ народовъ[4]) и въ разныхъ государствахъ. На

---

[1]) Оставляемъ въ сторонѣ труды по ея этнографіи, діалектологіи и т. п.

[2]) См. В. Францевъ, Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси, Варшава, 1901 — къ сожалѣнію, никакъ не можемъ дождаться новаго дополненнаго изданія; Е. Перфецкій, Обзоръ Угорусской исторіографіи, Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ, XIX, I, 1915, 291—341 — много неточнаго и невѣрнаго, особенно относительно старшихъ трудовъ; J. Král, Geografická bibliografie Podkarpatské Rusi, I, 1923, II, 1928, — здѣсь, отчасти, затронута и историческая литература.

[3]) Старинную теорію о Карпатахъ, какъ о *прародинѣ* Славянъ или *вообще*, или, хотя бы, *Славянъ восточныхъ*, можно считать уже окончательно сданной въ архивъ, такъ что объ *автохтонности* Русскихъ нѣтъ нужды и распространяться. Точно также нѣтъ ни какой точки опоры относить поселеніе »Русскихъ«, т. е., точнѣе выражаясь, »восточныхъ Славянъ« за Карпатами ко времени Аттилы.

[4]) Т. е., собственно, *не* у народовъ (чеш. lid) а въ ихъ *интеллигентскихъ* кругахъ.

давности поселенія того или инаго народа на той или иной территоріи обосновывали *историческое право* на данную территорію. Мнѣ, признаюсь, всегда было непостижимымъ это, если можно такъ выразиться, историческое *этнографическое* право[1]). Почему, если одинъ народъ поселился на такой то территоріи 1000 лѣтъ назадъ, а другой 700 лѣтъ назадъ, то первый народъ имѣетъ историческое право на эту территорію, а другой, какъ позднѣйшій пришелецъ, есть народъ только терпимый, нисшій, какъ бы второразрядный, который долженъ въ національномъ отношеніи уступать первому и, какъ если и не высказываютъ — на дѣлѣ очень часто и черезчуръ громко высказываютъ — то, по крайней мѣрѣ, въ душѣ думаютъ — которому было бы самое лучшее отбросить свою народность и постепенно претвориться въ народъ перваго сорта. Думаю, что самый *фактъ* существованія того или инаго народа даетъ ему *право* на существованіе[2]).

Такая *ложная точка зрѣнія*, въ Угріи особенно преобладавшая, усвоена была и образованными кругами разныхъ народовъ Угріи, въ томъ числѣ и Карпаторуссовъ, и придавала совершенно излишнюю остроту данному вопросу.

Я ограничусь лишь научной его стороной.

---

[1]) Историческое *государственное* право есть нѣчто другое. Народъ, создавшій государство трудомъ, жертвами и кровью, имѣетъ право сохранить единство государства единымъ государственнымъ языкомъ. Искусство государственной политики — найти должную границу государственнаго языка и языковъ другихъ народностей. Безъ единаго государственнаго языка разнонародное государство обратится въ вавилонское смѣшеніе языковъ. Въ концѣ концевъ, общимъ языкомъ станетъ *языкъ чужаго народа, широко распространенный въ мірѣ*.

[2]) Въ гражданскомъ правѣ существуетъ, такъ называемая, *земская давность* — послѣ извѣстнаго срока владѣлецъ объекта, не осуществлявшій свое право на него, теряетъ это право. Должна же быть такая *давность* и для историческаго *этнографическаго* права. Полагаю, что, если народъ, занимавшій территорію 1000 лѣтъ, за 700 лѣтъ не претворилъ въ себя другой народъ, то для *права перваго уже нѣсколько столѣтій наступила земская давность*. Такая же земская давность должна быть и для историческаго *государственнаго* права — иначе на міровыхъ конгрессахъ надо бы вернуть Балканы и двѣ трети Угріи Туркамъ, а востокъ и югъ бывшей Европейской Россіи Монголамъ.

Нѣтъ никакихъ не только слѣдовъ, но даже и намековъ на *единовременное массовое поселеніе* русскаго народа за Карпатами. Очевидно, этотъ процессъ протекалъ незамѣтно, въ теченіе вѣковъ просачивался сюда русскій элементъ изъ за карпатскаго хребта. Вопросъ только въ томъ — когда этотъ процессъ начался? Тутъ видимъ рѣзкое разногласіе двухъ направленій. По одному, начало поселенія Русскихъ слѣдуетъ отнести къ VII—VIII в., по другому, русская стихія могла проникнуть за Карпаты не ранѣе XII—XIII в. Причина разногласія, по моему, лежитъ только въ *формальномъ недоразумѣніи*. »Русское« имя и въ Кіевскомъ »русскомъ« государствѣ медленно и поздно распространилось въ народныхъ массахъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, раньше XII в., и то, скорѣе, его конца, »Русскихъ« не могло быть за Карпатами — кромѣ военныхъ поселеній въ разныхъ частяхъ Угріи, колоній изъ лицъ высшаго класса — княжескихъ дружинниковъ. Но »восточные Славяне« — подъ разными именами — несомнѣнно *могли проникать* и *проникали* за карпатскій хребетъ много ранѣе — возможно, что еще въ VII—VIII в. Позднѣе эти »восточные Славяне« или исчезли среди другихъ народовъ, или слились со своими соплеменниками, приходившими въ Угрію уже съ именемъ »Русскихъ«. Необходимо только помнить объ *исторической перспективѣ:* нельзя переносить населенность карпаторусской территоріи нынѣ и въ XIX, XVIII и XVII в. на нѣсколько сотъ лѣтъ ранѣе. »Восточнославянская« и »русская« колонизація была весьма рѣдкая, и на подгорьи, и въ долинахъ рѣкъ. Самыя же лѣсистыя горы долго, до XIII—XIV в., оставались почти незаселенными — кромѣ немногочисленнаго, главнымъ образомъ, пастушескаго кочеваго обывательства. Не слѣдуетъ забывать и о существованіи широкой незаселенной полосы между »засѣками« съ одной стороны Угріи, съ другой — Польши и Галичины.

Перейдемъ къ другому вопросу — *о началѣ христіанства у Карпаторуссовъ.*

И *внѣшній обликъ территоріи* Карпатъ[1]), и *постепенность* ея *колонизаціи* »восточно-славянскимъ« и »русскимъ« элементомъ, и *рѣдкость населенія* уже сами по себѣ *исключаютъ*

[1]) Даже въ XI в.

вопросъ о *началѣ христіанства на Карпатской Руси.* Что нельзя его связывать съ сомнительными Паннонскими епископствами, само собой ясно, но нельзя его относить и ко времени св. Меѳодія — не говоря уже объ отсутствіи какихъ либо на это доказательствъ. Такого, приблизительно *единовременнаго* обращенія въ христіанство русскаго народа въ Закарпатьи *не было.* »Восточные Славяне« приходили туда еще язычниками и понемногу поддавались вліянію своихъ сосѣдей христіанъ. »Русскіе« приносили съ собой изъ за Карпатъ »русскую«, православную вѣру, а, возможно, и русское духовенство. О какой нибудь *іерархіи, центръ* которой лежалъ бы *на территоріи Карпатской Руси,* нѣтъ никакихъ извѣстій до конца XV в.

Третій вопросъ — объ *исторіи карпаторусскаго народа.*

Чешскій терминъ »dějiny«, польскій »dzieje« = русскому слову »дѣянія«, обозначаетъ, собственно, *политическую исторію.* Изслѣдователи, не Карпаторуссы и Карпаторуссы, стремились *найти* такую *исторію, найти* и ея *героевъ.* Въ народныхъ массахъ подобного рода преданій не было и быть не могло, надо было, значитъ, исходить отъ дошедшихъ до насъ памятниковъ по исторіи Угріи вообще. Краеугольнымъ камнемъ такой, *будто бы политической исторіи,* послужила подложная грамота, составленная во второй половинѣ XVI в. отъ имени князя Ѳеодора Коріатовича и датированная 1360 г. Оффиціальная Угрія въ концѣ XVII в. торжественно признала ее за подлинную, и вѣра въ это держалась болѣе двухъ столѣтій, держится и теперь у значительной части карпаторусскаго общества. Уже съ начала XVIII в. имя Ѳеодора Коріатовича стало обростать легендами. Съ конца же XVIII в. изъ одиночныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга иногда на столѣтія извѣстій — по бóльшей части изъ малодостовѣрныхъ источниковъ, при помощи ученыхъ комбинацій, произвольныхъ толкованій, иногда тенденціозныхъ вымысловъ была создана эта политическая исторія: »у Русскихъ, поселившихся за Карпатами, если не ранѣе Мадьяръ, то, по крайней мѣрѣ, одновременно съ ними, еще въ началѣ XI в. существовала »Русскія Краина = Украина«; она имѣла своихъ воеводъ - герцоговъ, даже изъ королевскаго дома, пользо-

валась автономіей, и только съ конца XV в. Русскіе утратили свои привилегіи«. Нашлись и *герои* этой исторіи: »русскій воевода« 1299 г., »русскій воевода Петръ Петровичъ«, главное же, независимый или полунезависимый »Божіею милостію князь Мукачевскій Ѳеодоръ Коріатовичъ«.

У образованныхъ представителей народа угнетеннаго совершенно естественно и понятно желаніе найти хотя въ прошломъ утѣшеніе. Русскій народъ, однако, не долженъ бояться правды. *Политическая исторія* Карпаторуссовъ есть только *иллюзія*, только *миражъ*. *Для современности и для будущности* ни этотъ миражъ, ни просвѣчивающіе черезъ него силуэты героевъ *не могутъ принести пользы и не имѣютъ никакого значенія*. Ни на кого не подѣйствуютъ ссылки на прошлую, будто бы автономію Карпатской Руси. *Фактъ существованія нынѣ карпаторусскаго народа*, его *добровольное присоединеніе къ Чешскословенской Республикѣ*, *международные договоры* — вотъ, что̀ обезпечиваетъ право Карпатской Руси на автономію.

Но упомянутый миражъ не только лживъ и безполезенъ, но и *вреденъ*. Вреденъ онъ, во первыхъ, потому, что заставлялъ всѣхъ изслѣдователей влачить за собой заколдованную цѣпь »quasi-документарныхъ« извѣстій, тратить силы и время на разныя о нихъ предположенія и комбинаціи. Вреденъ миражъ, во вторыхъ — *и это самое главное* — потому, что *тѣни мнимыхъ героевъ старины заслоняли отъ изслѣдователей настоящаго карпаторусскаго героя* — карпаторусскій *народъ*.

Въ этомъ народѣ не было *магнатовъ* — немногіе магнаты, вродѣ Ростислава Михайловича, Льва Даніиловича, Ѳеодора Коріатовича, были кратковременные пришельцы, интересы которыхъ лежали внѣ Угріи. Въ этомъ народѣ не было вліятельнаго и богатаго *дворянства* — пробившіяся единицы утонули въ обще-угорскомъ дворянствѣ, а нисшее дворянство, военные люди, прежніе »jobbágyones castri, libertini« и т. п. и наслѣдственные »князья« - шолтысы все болѣе приближались къ крестьянству. Не было въ карпаторусскомъ народѣ *прелатовъ*, перваго сословія въ государствѣ — Мукачевскій епископъ-игуменъ былъ бѣднякъ, отданный на произволъ владѣльцамъ доминій. Не было въ карпато-

русскомъ народѣ обезпеченнаго привилегіями *городскаго сословія*, выросшаго изъ иноземныхъ гостей — Карпаторуссъ, пахарь или пастухъ, проживалъ въ селахъ, въ городахъ представлялъ лишь чернорабочую силу. Карпаторусскій народъ состоялъ изъ *двухъ*, одинаково порабощенныхъ, одинаково приниженныхъ, *элементовъ: крестьяне* и ихъ *духовныя лица*, или, какъ ихъ презрительно называютъ урбары, »*батьки*« (batykones).

Понятно, что такой народъ въ сословномъ феодальномъ государствѣ не могъ *творить* какія либо »дѣянія«[1]), могъ только на себѣ, на своей шкурѣ *терпѣть, испытывать, переносить* »дѣянія«, совершавшіяся въ Угріи. Думаю, что къ нему съ полнымъ правомъ могутъ быть приложены приведенныя въ началѣ строфы Тютчева. И этотъ *безвѣстный герой*, этотъ, какъ теперь говорится, »*невѣдомый воинъ*«, *черезъ вѣка угнетенія и страданія уберегъ до XX вѣка свою русскую душу, свои русскіе обычаи, свой русскій языкъ и свое русское имя!*

Было бы лишь справедливой отплатой этому герою со стороны его интеллигенціи не только теплая и одушевленная забота о немъ и работа на его пользу, но и стараніе изучить и объявить на свѣтъ Божій его прошлое — разумѣю изученіе *дѣйствительной* его исторіи: *исторіи соціально-экономическихъ отношеній*, отбросивъ ненужный хламъ старой книжной учености.

Точно также и относительно карпаторусской церкви. И здѣсь наибольшая заслуга принадлежитъ *не* Ѳеодору Коріатовичу, бывшему князю Подолья, угорскому магнату, королевскому наджупану, крупному помѣщику, основавшему или одарившему *свой частный* монастырь, но *не позаботившемуся* объ *обезпеченіи законнымъ путемъ* его правъ и имущества, а тѣмъ *безвѣстнымъ лицамъ* — будь то епископъ-игуменъ монастыря, или просто игуменъ, или какіе нибудь члены монашеской братіи — которыя охраняли монастырь

[1]) Кромѣ участія въ разныхъ массовыхъ движеніяхъ, въ родѣ куруцевъ 1514 г. или возстанія Франца II Ракоци — но ни одинъ карпаторусскій изслѣдователь этимъ и не думалъ заняться.

во время смутъ первой половины XVI в., которыя съумѣли возстановить его изъ развалинъ, вернуть туда разбѣжавшихся монаховъ или же привлечь туда новыхъ; тѣмъ *полубезвѣстнымъ лицамъ*, которыя потомъ постоянно хлопотали о пріобрѣтеніи средствъ для содержанія монастыря и братіи и сберегли монастырь до болѣе благопріятныхъ временъ. Руководила ими не только мысль о мірскихъ благахъ (!) — нельзя, впрочемъ, назвать мірскими благами скромныя средства, чтобы только не умереть съ голоду. Не могли же они не руководиться и *заботами о вѣрѣ и церкви, заботами, чтобы не угасъ тотъ очагъ, который былъ центромъ духовной жизни карпаторусскаго народа!*

Что̀ касается исторіи карпаторусской церкви и іерархіи, то изображеніе ея возможно только со второй половины, главное же съ конца XVII ст., когда, въ слѣдствіе интереса высшихъ сферъ къ дѣлу уніи, возникаетъ бо́льшее число матерьяловъ. Отъ предшествующаго періода, съ половины XVI и до половины XVII в., дошло до насъ лишь малое количество разрозненныхъ документовъ, которые могутъ освѣтить только нѣкоторые эпизоды изъ исторіи іерархіи. Съ 1498 г. до 1551 г. — полная тьма, нѣтъ никакихъ извѣстій. Изъ 10 грамотъ съ 1391 до 1498 г. извлечь можно очень немного. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ »русская« вѣра и »русская« церковь не только спасала души отдѣльныхъ людей, не только утѣшала народъ въ его горѣ и нуждѣ, но, *слившись воедино съ русской народностью, охранила ее отъ національной гибели*, то, поэтому, мы должны высоко цѣнить уцѣлѣвшіе до насъ обломки документовъ о ея прошломъ. Задачей историка карпаторусской церкви является освѣтить эти обломки путемъ широкаго примѣненія *аналогіи* съ исторіей православной церкви у Румынъ — главнымъ образомъ, въ Трансильваніи и Угріи, и у Русскихъ — въ Галичинѣ и, вообще, въ польско-литовскомъ государствѣ[1]), и постараться из-

[1]) Русь Московская меньше даетъ для аналогій. Тамъ православная церковь была *почти единственной* христіанской церковью. Христіанъ-иновѣрцевъ было очень мало, и тѣ были иностранцы (поэтому названіе православной церкви »господствующей« въ Московской Руси не является подходящимъ).

влечь изъ документовъ *все*, что̀ можно, остерегаясь, однако, давать волю фантазіи и извлекать изъ нихъ *болѣе* того, что̀ въ нихъ находится. Предлагаемая работа является опытомъ такого использованія десяти старѣйшихъ грамотъ.

Въ заключеніе, позволю себѣ вкратцѣ намѣтить задачи, стоящія передъ настоящими и будущими изслѣдователями исторіи Карпатской Руси.

До XVII. в. документарный матерьялъ является очень скуднымъ, но скуднымъ, можетъ быть, не столько самъ по себѣ, сколько потому, что мало заботились о его увеличеніи[1]).

1. Прежде всего, необходимо составить *регесты документовъ*[2]), уже напечатанныхъ въ разныхъ ихъ сборникахъ, вродѣ »codices diplomatici«[3]), какъ обще-угорскихъ, такъ и отдѣльныхъ сто́лицъ, діецезъ, городовъ, дворянскихъ фамилій и т. п., въ научно-составленныхъ ихъ монографіяхъ и т. п., *регесты* о *поселеніяхъ*, которыя или *всегда были и остались русскими*, или, съ теченіемъ времени, *сдѣлались русскими*, или, бывши *ранѣе* русскими, *утратили свою народность*[4]).

2. Изъ такого рода регестъ слѣдуетъ выбрать *точныя указанія на время основанія отдѣльныхъ церквей* или, хотя бы, на время *перваго упоминанія* о *нихъ*, а также о *ихъ причтѣ*. Указанія регестъ должны быть дополнены данными, сохранившимися въ *матрикахъ, протоколахъ и т. п. церквей*, а также *въ мѣстныхъ преданіяхъ*.

3. Пересмотрѣть *описанія Угріи*, какъ людей мѣстныхъ, такъ и чужеземныхъ путешественниковъ[5]), и исчерпать *все, касающееся карпаторусской территоріи*. Кромѣ данныхъ этно-

---

[1]) Для столѣтій XIII и предшествующихъ нельзя, конечно, объ этомъ и думать: »ex nihilo nil«.

[2]) Но, конечно, регесты, исчерпывающія *все существенное*.

[3]) Обращаю вниманіе на Acta diaetalia сеймовъ Угріи и Трансильваніи.

[4]) Въ такомъ направленіи работаетъ теперь почтенный труженикъ о. В. Гаджега въ »Науковомъ Зборникѣ« и »Подкарпатской Руси«. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ нужныя изданія имѣются въ Ужгородѣ. По слухамъ, такія регесты будто бы уже составлены А. Годинкой, но, правда ли это и увидятъ ли онѣ когда либо свѣтъ, неизвѣстно.

[5]) М. пр., даетъ перечисленіе путешествій Szamota I., Régi utazások Magyarországon, 1054—1717, Bst, 1891.

графическихъ, соціально-экономическихъ и т. п., надо попробовать — примѣняя, непремѣнно, *регрессивный* методъ, т. е., исходя отъ ближайшаго къ намъ времени къ болѣе и болѣе отдаленному — возстановить *внѣшній обликъ страны* въ разную пору, выяснить предѣлы полонинъ, залѣсненной и культивированной площади, состояніе горныхъ перевaловъ, проходовъ, дорогъ, бродовъ, глубину рѣкъ, ширину ихъ разливовъ, пространства, занятыя болотами и т. п., однимъ словомъ, дать *историческую географію*[1]) Карпатской Руси. Между прочимъ, было бы важно установить, *гдѣ когда проходила черта »засѣкъ«*, »indagines«.

4. Собрать *всѣ написанные кириллицей*[2]) мелкіе памятники отъ древнѣйшей поры до начала возрожденія Карпатской Руси, какъ уже опубликованные Петрушевичемъ, Кралицкимъ, Панькевичемъ и др. въ карпаторусскихъ, галицкихъ и иныхъ изданіяхъ, такъ и находящіеся въ частныхъ рукахъ[3]) или вообще гдѣ либо лежащіе подъ спудомъ[4]).

Конечно, указанныя задачи могутъ быть выполнены, преимущественно, лицами, находящимися въ крупныхъ центрахъ съ богатыми библіотеками.

Но этого мало. Несмотря на изумительное рвеніе мадьярскихъ ученыхъ учрежденій и отдѣльныхъ дѣятелей науки въ изученіи архивовъ, въ собираніи и опубликованіи доку-

---

[1]) Слѣдуетъ изучить и старыя *карты* Угріи или ея частей.

[2]) Иногда, впрочемъ, и *латинкой* на русскомъ или смѣшанномъ русско-словенскомъ языкѣ (особенно изъ словенско-русской территоріи, м. пр., хранящіеся въ городскомъ музеѣ въ Бардѣевѣ), въ томъ числѣ и »fassiones colonorum« въ урбаріальныхъ документахъ (о нихъ см. ниже).

[3]) Кое-что изъ своего собранія показывалъ мнѣ А. Годинка.

[4]) Большую пользу могутъ принести мѣстные любители науки, если займутся систематическимъ собираніемъ такихъ мелкихъ памятниковъ, легко подвергающихся утратѣ: церковныя матрики, протоколы церквей, иногда исторіи приходовъ, церковныя визитаціи, старые антиминсы, ставленническія грамоты, записи на церковныхъ книгахъ и т. п.; протоколы сельскихъ общинъ, »Memorabilia« мѣстныхъ дѣятелей, рукописныя исторіи отдѣльныхъ поселеній или округовъ и т. п. Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на хранящіяся во многихъ крестьянскихъ семьяхъ старыя »княжескія-шолтыскія« грамоты, грамоты мелкихъ дворянъ, либертиновъ и т. п.

ментовъ[1]), очень многое и очень важное для Карпатской Руси было оставлено въ сторонѣ. Научный интересъ упомянутыхъ учрежденій и лицъ сосредоточивался, главнымъ образомъ, на томъ, что̀ проливало свѣтъ на общую исторію Угріи, на исторію сто́лицъ, какъ »universitates nobilium«, на исторію и генеалогію дворянскихъ фамилій, на исторію католическихъ и протестантскихъ церковныхъ провинцій и институцій, на исторію городскаго сословія и т. п. »Misera contribuens plebs« — податное сословіе стало привлекать на себя нѣкоторое вниманіе только развѣ въ послѣднія десятилѣтія[2]). Поэтому необходимо предпринимать *систематическіе розыски* и *въ архивахъ*[3]).

[1]) Впрочемъ, преимущественно до 1526 г.

[2]) Особенно много работалъ въ этомъ направленіи †Acsády I., но труды его далеко не надежны (см. мои Матерьялы для исторіи Угор. Руси, VI, 297—301, и »Příspěvky k hist. dem. Slovenska, 58—59 и пр.); тѣмъ не менѣе, съ ними необходимо познакомиться. Укажемъ важнѣйшіе: Magyarország népessége a pragmatica sanctio korában, 1720—1721 (Населеніе Угріи во время Прагматической Санкціи, 1720—1721), Bst., 1896; A magyar jobbágyság története (Исторія крестьянства въ Угріи), Bst, 1906; болѣе мелкіе: Közgazdasági állapotaink a XVI és XVII sz., Bst, 1889; A magyar jobbágyság népessége száma a mohácsi vész után; A magyar nemesség és birtok viszonyai a mohácsi vész után; Régi magyar birtok viszonyai 1414—1518; A jobbágy adózás 1577—1597; A magyar adózás története 1598—1604 (послѣднія пять статей въ Ertekezések a tört. tud. köréből, XIV, №№ 3, 9, XVI, №№ 3, 8, XX, № 6, 1889—1906.).

[3]) Укажу, особенно, на два разряда документовъ, сообщающихъ, такъ сказать, попутно и между прочимъ, иногда очень интересныя бытовыя и историческія данныя: 1. Обходы границъ владѣній — »ambulationes, reambulationes posses ionum, metarum, metales« — вообще же они важны для изученія внѣшняго облика страны и исторіи межевыхъ названій; 2. Опросы обывателей (*не* на судебномъ разбирательствѣ, а для провѣрки того или иного факта) — »inquisitiones testium, deutrales« (т. е., допросъ обывателя »de eo, utrum« видѣлъ, слышалъ, зналъ?) »inquisitiones« (см., напр., Hodinka, Okmánytár, №№ 65, 74, 89 и т. д. Протоколы составлены, обыкновенно, по мадьярски).

Здѣсь не мѣсто перечислять архивы; отсылаю читателей къ моимъ Мат., VI, 274—284. Укажу еще на небольшой архивъ викаріатства въ Мараморошскомъ Сиготѣ, важный для второй половины XVIII в., преимущественно для времени епископа Андрея Бачинскаго. Для исторіи церкви слѣдовало бы вообще просмотрѣть архивы церковныхъ институцій въ Галичинѣ (особенно Перемышльской епархіи), Буковинѣ, Румыніи (преимущественно Сучавской митрополіи; теперь онъ, повидимому, въ Москвѣ) и Трансильваніи.

Все вышесказанное касается *вообще* исторіи Карпатской Руси. Перейду къ *исторіи* собственно *соціально-экономическихъ отношеній.*

Въ этой области, въ области, именно, *настоящей исторіи* карпаторусскаго *народа,* т. е. *крестьянства и сельскаго духовенства,* до сихъ поръ, можно сказать, *ничего не сдѣлано,* хотя документы имѣются *въ большомъ изобиліи — урбаріальные*[1]) *документы* Маріи Терезы и разнаго рода *переписи податнаго населенія Угріи*[2]). Документы эти, правда, начинаются лишь съ половины XVI в.[3]), но ихъ изученіе дастъ твердую опору для правильнаго пониманія и освѣщенія скудныхъ и разрозненныхъ извѣстій болѣе ранней поры. Съ половины XVI в. въ послѣдующія столѣтія до конца XVIII в. количество документовъ быстро возрастаетъ, и ужъ никакъ нельзя жаловаться на его недостаточность[4]).

Перечислю разные разряды такихъ документовъ[5]):

---

[1]) *Урбаръ*, мад. *úrbér*, лат. *urbarium* происходитъ отъ мадьярскихъ словъ: úr = господинъ и bér = плата, подать. Урбаръ — документъ о податяхъ и повинностяхъ крестьянъ помѣщику.

[2]) Три урбара Унгварской доминіи въ разныхъ мѣстахъ использовалъ Bidermann, Die ungarischen Ruthenen, I—II, 1862, 1867 (см. I, Quellensverzeichniss, XII). Lehoczky, Bereg vármegye monografiája, I—III, 1881, Bereg vármegye gör. kath. lelkészségek története, 1904, приводитъ много отдѣльныхъ данныхъ изъ доминій Мукачевской и Чинадѣевской (Sz. Miklós) Бережской ст. XVII в. Болѣе всего и изъ бóльшаго числа доминій стóлицъ Мараморошской, Бережской, Ужанской, Земплинской и Шаришской сообщаетъ матерьяла изъ урбаровъ Hodinka, A munkácsi püspökség története, 1910, 722—728, Adalékok az ungvári vár és tartománya és Ungvári város történetéhez, 1917, passim, и Утцюзнина, газдуство и прошлость Южно-Карпатськыхъ Русинувъ, послѣ 1918, 19—24 и 69—101. Все это, однако, такъ отрывочно, неполно, касается лишь небольшой части доминій карпаторусской территоріи, выхвачено такъ случайно изъ урбаровъ разныхъ годовъ, что изъ такого матерьяла нельзя сдѣлать какіе либо выводы.

[3]) Отъ предшествующаго времени уцѣлѣли только кое какіе обрывки.

[4]) Въ наибольшей полнотѣ они имѣются, конечно, въ Государственномъ архивѣ въ Будапештѣ (Országos levéltár), но дубликаты сохранились и въ архивахъ стóличныхъ, иногда городскихъ, а также доминіальныхъ (особенно урбары).

[5]) Я давно уже указывалъ на чрезвычайное важное значеніе ихъ. Я познакомился въ 1890 г. въ Ужгородѣ и Будапештѣ съ урбаріальными

1. Документы, связанные съ урбаріальной реформой Маріи Терезы. Изъ нихъ для нашей цѣли имѣютъ особое значеніе:

a) Tabellae, anteurbarialem statum ex conscriptionibus et ad 9 puncta interrogatoria elicitis colonorum fassionibus erutum exhibentes. Это — сводныя таблицы, какъ по каждой стóлицѣ, такъ и по ея округамъ и крупнымъ доминіямъ, свѣдѣній о платежахъ и повинностяхъ крестьянъ до урбаріальной реформы, таблицы, представляющія сводъ данныхъ изъ переписей, которыя производили правительственные агенты во время подготовки реформы, и изъ отвѣтовъ самихъ крестьянъ о ихъ податяхъ и повинностяхъ. Кромѣ того, въ таблицахъ перечислены разнаго рода »maleficia et beneficia» — о качествѣ почвы, о климатическихъ условіяхъ, о заработкахъ и побочныхъ занятіяхъ крестьянъ и т. п. Значеніе таблицъ увеличивается еще тѣмъ, что многія conscriptiones и fassiones не сохранились.

b) Ad novem puncta interrogatoria fassiones colonorum — отвѣты крестьянъ, иногда изложенные на народномъ языкѣ.

Эти документы — очень важный матерьялъ, знакомящій насъ съ основанными часто на обычаѣ, и иногда очень давнемъ, податями и повинностями крестьянъ. Такой матерьялъ

Терезіанскими документами и упомянулъ о нихъ въ первый разъ въ докладѣ въ Этнографическомъ отдѣленіи Спб. Географическаго Общества 19 ноября 1891 г., напечатанномъ въ Ж. М. Н. Пр., 1892, № 2, потомъ въ рецензіи на христоматію о. Сабова, ib., 1893, № 10. Въ 1907 г. я пріѣхалъ въ Будапештъ спеціально для изученія урбаріальной реформы Маріи Терезы. Съ 1907 по 1910 г. я, главнымъ образомъ, занимался въ Будапештѣ урбарами и другими разрядами конскрипцій. Собранный мною значительный матерьялъ былъ использованъ въ Мат., V, 1908 г. и Мат., VI, 1911 г. Но, пріѣзжая въ Угрію лишь на короткое время въ поискахъ разнаго рода матерьяловъ, я, само собой разумѣется, не могъ взять на себя систематическое изученіе *только* переписей. Это дѣло такихъ лицъ, какъ покойные Легоцкій и Михальи, которые долгіе годы, оставаясь спокойно у себя дома, работаютъ въ находящихся у нихъ подъ рукой архивахъ. Подробности о урбарахъ и конскрипціяхъ читатели найдутъ въ Мат., V, 1908, 8—21, VI, 1911, 16—19, 284—303 и Příspěvky, 1928, 36*—46*.

необходимо *цѣликомъ и должнымъ образомъ использовать. На него слѣдуетъ опираться и отъ него исходить при изученіи переписей предшествующаго времени.*

2. Общегосударственныя переписи 1715 и 1720 г. Кромѣ таблицъ, представляющихъ размѣры надѣловъ и платежей и повинностей разныхъ категорій крестьянъ, мы найдемъ въ нихъ и свѣдѣнія по исторіи поселеній, ихъ исчезновеніи или основаніи, »maleficia et beneficia« и т. п.

3. Conscriptiones dicales — переписи сто́лицъ, производившіяся органами самихъ сто́лицъ съ цѣлью раскладки королевской, принятой сеймомъ подати — dica, мад. rovás. На ряду съ дворянами не заносились въ эти переписи и нисшіе многочисленные слои мелкаго дворянства, недворяне, живущіе на дворянскихъ земляхъ, а также бѣднѣйшая, неимущая часть податнаго населенія.

4) Urbaria et conscriptiones отдѣльныхъ доминій или ихъ частей имѣютъ особенную важность. Они захватывали и тѣ элементы, которые не затрагивались общегосударственными переписями. Доминіальное управленіе заботилось, чтобы отъ него не ускользнулъ какой либо доходъ деньгами' натурой или работой каждаго, живущаго на помѣщичьей землѣ. Кромѣ того, въ этихъ переписяхъ, производившихся лицами, близкими къ народу, можно найти больше разнаго рода замѣчаній, характерныхъ для положенія послѣдняго.

Обработка такого обильнаго матерьяла представляетъ, несомнѣнно, большія трудности. Кромѣ знакомства съ общими сочиненіями по исторіи соціальной, экономической и хозяйственной, необходима освѣдомленность съ исторіей податнаго населенія въ Угріи вообще, съ системой податей, а также съ обычными въ Угріи въ разную пору и въ разныхъ мѣстахъ мѣрами, монетными единицами. О послѣднихъ важно знать не только ихъ отношеніе къ нынѣшней валютѣ, но ихъ покупную силу, ихъ отношеніе къ стоимости продуктовъ.

Въ концѣ концевъ, видно, что »*жатва многа*«. Должно надѣяться, что найдутся и »*дѣлатели*«!

Прага, $19\frac{6-19}{IV}30$.

Проф. д-ръ *А. Петровъ.*

Вмѣсто введенія:

О началѣ Карпатской Руси.

Благочестивое средневѣковье старалось связать исторію народовъ Европы съ библейскимъ сказаніемъ о Сеннаарѣ, а начало у нихъ христіанства — съ апостольскими временами. Такъ и у славянскихъ книжниковъ изъ того же Сеннаара вела Славянъ такъ наз. »автохтонная« теорія въ двухъ ея, по выраженію проф. Нидерле, видахъ, »иллиро-балканскомъ« и »сармато-вандальскомъ«.[1]) Такъ, въ древней Руси повѣствовалось о проповѣди Славянамъ апостоловъ Андроника и Павла,[2]) относительно же собственно Руси особой популярностью пользовалось сказаніе о путешествіи черезъ Русь — Кіевъ и Новгородъ — апостола Андрея.[3])

Въ закарпатскомъ уголкѣ русскаго народа только съ половины XVIII в. пробудился въ болѣе образованныхъ — почти исключительно духовныхъ — кругахъ интересъ къ прошлому этого уголка. Чуть не всѣ народы, упоминавшіеся въ угорскихъ и польскихъ хроникахъ, объявлялись Славянами, а многіе изъ нихъ — предками именно Русскихъ[4]), начало же христіанства связывалось со старыми епископствами Панноніи, во всякомъ же случаѣ, съ Меѳодіевскимъ

---

[1]) Niederle, SS., I., 35—55.

[2]) Повѣсть временныхъ лѣтъ: »Словеньску языку учитель есть Андроникъ апостолъ, въ Моравы бо ходилъ; и апостолъ Павелъ училъ ту, ту бо есть Илюрикъ — —, ту бо быша Словене первое; тѣмъ же и словеньску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есмо, Русь; тѣмъ и намъ, Руси, учитель есть Павелъ« (Голубинскій, Исторія рус. церкви, 2-е изд., I_1, 1901, 24—25).

[3]) Op. c., 19—34.

[4]) По слѣдамъ мадьярской книжной гунно-мадьярской теоріи появленіе Русскихъ за Карпатами относили, обыкновенно, ко времени Аттилы.

временемъ.[1]) Это стало на Карпатской Руси установившейся традиціей[2]) и перешло и въ XX в.[3]) Такъ, въ схематизмѣ Мукачевской епархіи 1908 г.[4]) — оффиціальномъ изданіи епархіи — была перепечатана »Brevis historica notitia dioecesis Munkácsensis«,[5]) вышедшая первоначально въ схематизмѣ 1878 г.[6]) Въ »Notitia« читаемъ: »Dioecesim Munkácsensem anti-

[1]) Еще въ меморіалѣ К о л л а р а 1749 г. »Humillimum Promemoria de ortu, progressu et in Hungaria incolatu gentis Ruthenicae«, поданномъ отъ имени Мукачевской діецезы въ Вѣну и Римъ (В. Г а д ж е г а, Перва спроба исторіѣ гр. кат. Мукачевскоѣ епархіѣ, Наук. Зб., Ужгородъ, III, 1924, 1-27), сообщается, что Русскіе приняли христіанство отъ ап. Андрея, въ IV в. уже имѣли епископа, а Кириллъ и Меѳодій въ 867 г. проповѣдывали на Руси и оттуда отправились въ Моравію. Б а з и л о в и ч ъ (Brevis notitia fundationis Th. Koriatovits, I—II., 1799, 1804) въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что Мукачевское епископство существовало до прихода Мадьяръ, въ другомъ же, что Карпатская Русь обращена въ христіанство въ 867 г. Кирилломъ и Меѳодіемъ, а епископство основано въ 1491 г. Л у ч к а и (Historia Carpatho-Ruthenorum, p-сь 40-хъ годовъ XIX. в.), М е с а р о ш ъ (Magyarországi oroszok története, 1850), Д у л и ш к о в и ч ъ (Историческія черты Угрорусскихъ, I—III., 1874—1877) обращеніе Карпатской Руси также приписываютъ Солунскимъ братьямъ. Въ такомъ же смыслѣ, но болѣе въ видѣ предположенія, высказывался въ Галичинѣ Ю. Ц(е л е в и ч ъ), Дещо за поселенне угор. Украіни Русинами (Правда, 1868, № 36). Даже проф. Г р у ш е в с к і й (Історія Украіни — Руси, II., 2-е изд., 1905), повидимому, держится того же мнѣнія; »съ значительной правдоподобностью можно допустить, что въ IX. в. эти края (Карп. Русь) были частью Моравской державы« (487). Раздѣляли мнѣніе о принятіи Карпатской Русью христіанства отъ Меѳодія и нѣкоторые русскіе ученые въ Россіи, но, за недостаткомъ книгъ, не можемъ дать точной справки. Укажемъ только на совершенно бездоказательное утвержденіе Г о л у б и н с к а г о, будто бы св. Владиміръ для проповѣди христіанства Кіевскимъ Русскимъ пригласилъ священниковъ изъ угорскихъ Русскихъ, »которые были обращены въ христіанство за цѣлое столѣтіе до насъ« (ор. с., 166—168).

[2]) H o d i n k a, A munkácsi gör. kath. püspökség története, Bst, 1910, 58—59.

[3]) Несмотря на то, что еще въ 60-хъ годахъ вышла научно-критическая работа Б и д е р м а н а, Die ungarischen Ruthenen, а въ схематизмѣ Мукач. епархіи 1899 г. напечатанъ краткій очеркъ исторіи епархіи А. Г о д и н к и, гдѣ авторъ высказалъ, что до XIII в. территорія Карпатской Руси была почти не заселена.

[4]) При епископѣ Юліи Фирцакѣ.

[5]) Повидимому, каноника I. Мондока.

[6]) По случаю столѣтія Мукачевскаго капитула.

quissimam in Pannonia esse eamque adventu iam Hungarorum extitisse nemo ut verosimillimum in historia versatus inficias ibit.« Какъ доказательство, приводится пресловутое сообщеніе извѣстнаго фальсификатора, архіепископа Пассаускаго[1]) Пилигрима, о семи древнихъ епископствахъ въ Панноніи[2]) — изъ этого, де, »summa cum probabilitate« можно заключить, что одно изъ нихъ было позднѣйшее Мукачевское. Еще болѣе, де, это доказываютъ чтенія (Lectiones) изъ житій святыхъ въ епархіяхъ Пражской и Гнѣзненской:[3]) »Archiepiscopus Velogradi Cyrillus (!) ordinatur, cui adduntur in Pannonia septem alii suffragani«, о которыхъ, де, упоминаетъ и папа Іоаннъ VIII въ письмѣ къ Меѳодію, »atque hinc vix dubie una colligitur: in numero illarum dioecesium — — Munkácsensem quoque dioecesim — sive hoc, sive alio nomine — — accensendam esse.« Если бы, де, это не было исторической правдой, то вѣковую древность Мукачевской епархіи не признали бы ни Леопольдъ I въ дипломѣ 1660 г., ни Марія Тереза въ меморіалѣ папѣ 1768 г. Только въ слѣдствіе бурной исторіи Угріи, »frequentissimae revolutiones, bella, incendia, depopulationes et archivorum direptiones, grassantibus praesertim Turcarum et rebellium incursionibus«, намъ неизвѣстны имена епископовъ до Іоанна I въ 1491 г.

Нѣтъ нужды, конечно, распространяться о томъ, что бездоказательное отождествленіе Мукачевскаго епископства[4]) съ однимъ изъ болѣе чѣмъ сомнительныхъ Паннонскихъ епископствъ Пилигрима совершенно произвольно.[5]) Точно также

---

[1]) Лорхскаго. О поддѣлкахъ Пилигрима см. Bresslau, Handbuch d. Urkundenlehre, 1889, 11.

[2]) Въ письмѣ Пилигрима къ папѣ Бенедикту VI.: »quondam Romanorum Gepidarumque tempore septem antistites orientalis Pannonia habuit et Mesia« (Friedrich, Cod. dipl. Boh., Pragae, 1904—07, 36).

[3]) Возникли не ранѣе второй половины XIV в. Кириллъ и Меѳодій были признаны мѣстными для Моравіи святыми въ 1349 г. Позже ихъ почитаніе распространилось въ Чехіи и Польшѣ.

[4]) Хотя бы и »alio nomine«.

[5]) Тѣмъ болѣе, что подъ Паннонією и въ римское время, и позже до X в. разумѣлась территорія по правому берегу Дуная (Гротъ, Моравія и Мадьяры, 1881, 14; Niederle, SS. II., 1906, 55 и сл. и карта къ стр. 32; Chaloupecký, Staré Slovensko, 1923, 291). Лишь позднѣе и до XVIII. в. классическій терминъ Pannonia отождествлялся съ Hungaria отъ восточныхъ отроговъ Альпъ до Карпатъ. Ср. термины

нѣтъ никакого основанія связывать просвѣщеніе Карпатской Руси христіанствомъ съ апостольской дѣятельностью Константина и Меѳодія въ Моравіи и Меѳодія въ Панноніи и Моравіи.

Прежде всего, дѣятельность эта была очень кратковременна.[1]) Константинъ и Меѳодій прибыли въ Моравію въ 863 г. и оставались тамъ мѣсяцевъ сорокъ. Не имѣя епископскаго сана, они не могли организовать іерархію и посвящали время продолженію перевода св. писанія, проповѣди христіанства и подготовленію юныхъ силъ — будущихъ пастырей церкви. Потомъ отправились въ Римъ, по дорогѣ задержались въ Панноніи у Коцела (866—867). Въ Римѣ Константинъ-Кириллъ умеръ 4. II. 869 г. Меѳодій вернулся къ Коцелу и въ 870 г. былъ посвященъ въ епископы Панноніи. Въ его діецезу входили Паннонія, Срѣмъ и Моравія съ частью Словенска.[2]) Вскорѣ Меѳодій былъ брошенъ въ заключеніе и оставался въ немъ $2^1/_2$ - 3 года. Освобожденный въ 873 или 874 г., Меѳодій перешелъ въ Моравію, болѣе же успѣшная его дѣятельность начинается съ 875 г. Скончался Меѳодій 6 апрѣля 885 г.

Такимъ образомъ, организаціи славянской церкви въ В. Моравіи Меѳодій могъ посвятить *только десять лѣт*, да и то не безъ перерывовъ: въ 879 г. онъ совершилъ вторичное путешествіе въ Римъ, между 882 и 885 г. былъ въ Константинополѣ. Къ тому же, и въ самой Моравіи онъ долженъ былъ преодолѣвать интриги Вихинга. По смерти Меѳодія, этотъ Вихингъ, ярый врагъ славянскаго богослуженія, сталъ преемникомъ Меѳодія. Ученики Меѳодія были изгнаны, и

XI—XII в.: Regnum Pannoniae, Pannoniorum rex и въ греческой грамотѣ для женскаго монастыря въ Веспримской долинѣ (Veszprémvölgy), приписываемой св. Стефану, но составленной, въ дѣйствительности, въ 1108—1109 гг.: »κρὰλ πάσης Οὐγγρίας, Παννονίας ἁπάσης« (Karácsonyi J., A görög katol. magyarok eredete, Kathol. Szemle, 1924, VII, 395-396).

[1]) О послѣдующемъ см. Jagić, Entstehungsgeschichte d. kirchenslavischen Sprache, 2-е изд., 1913, passim, гл. обр., 23—76 и 93—98.

[2]) Если бы, какъ думали нѣкоторые русскіе ученые (Регель, Учредит. грамота пражск. еп., Сборн. Лам., 1883, Будиловичъ, Общеслав. языкъ и др.), извѣстная подложная грамота о границахъ Пражскаго епископства 1086 г. (Pekař, Č. Č. H., 1904, 45—48) и основывалась на какой то традиціи о границахъ епархіи Меѳодія, то, всетаки, послѣдняя не захватывала территоріи Карпатской Руси: на югѣ Карпатъ, по этой грамотѣ, восточной границей являлись Татры и Вагъ.

бо́льшая часть ихъ удалилась черезъ Паннонію въ Болгарію. Скоро, между 902 и 907 г., Моравія была разгромлена Мадьярами.[1]) Дѣло Меѳодія въ Моравіи слабѣло и, наконецъ, исчезло; лишь, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ или въ отдаленныхъ уголкахъ уцѣлѣла славянская литургія, пережившн, возможно, и паденіе Моравіи. Только въ сосѣдней Чехіи гораздо дольше удержалась и славянская литургія, и вообще слѣды дѣятельности славянскихъ апостоловъ,[2]) а также, хотя и не въ такой степени, и въ сосѣднихъ польскихъ областяхъ.[3]) Нѣтъ, однако, никакихъ извѣстій, чтобы Меѳодіевская проповѣдь коснулась столь отдаленной территоріи, какъ позднѣйшая Карпатская Русь, а изъ всего вышеизложеннаго видно, что это является и вообще неправдоподобнымъ.[4])

Чтобы послѣднее еще болѣе уяснилось, попробуемъ изобразить вкратцѣ, какой видъ представляли склоны Карпатъ болѣе тысячи лѣтъ назадъ.[5])

---

[1]) Hóman B., A magyarok honfoglalása és elhelyezkedése — Занятіе Мадьярами родины и ихъ въ ней разселеніе, Bst, 1923, 16.

[2]) J. Vajs, Sborník starosl. liter. památek o sv. Václavě a sv. Lidmile, 1929, Úvod, 5—6.

[3]) Ср. Bielowski, Wstęp krytyczny do dzjejów Polski, Małecki, Kościelne stosunki w pierwotnéj Polsce (Przew. lit. nauk., 1875, 1877); Sokołowski, Ruiny na ostrowie jeziora Lednicy (Pam. Ak. um. w Krakowie, 1876, III.); Bartoszewicz, Arcybiskupstwo Krakowskie (Encykl. powszechna); Петрушевичъ, Крит. истор. извѣстіе о введеніи христіанства въ прикарпатскихъ странахъ св. К. и М., 1882.

Этому вопросу посвящена особая глава въ нашихъ литографированныхъ лекціяхъ по славяновѣдѣнію 1892—1893 г. Не на всемъ, однако, рѣшились бы мы теперь настаивать.

[4]) Совершенно бездоказательно, очевидно подъ вліяніемъ общераспространеннаго мнѣнія о проникновеніи христіанства на Карп. Русь при Меѳодіи, Ягичъ говоритъ о кирилловской части (конца XII в.) Реймскаго евангелія: (Das Denkmal) — — irgendwo *in den ruthenischen Gegenden Ungarns* geschrieben" (op. c., 105—106). О переписанныхъ же въ чешско-словенской области глаголическихъ Пражскихъ и Кіевскихъ листкахъ онъ выражается болѣе общо и осторожно: оригиналы ихъ »dürfen in der That aus westrussischen Gebieten stammen« (ib., 109), т. е. изъ Галичины, куда христіанство вмѣстѣ съ русской государственностью проникло, несомнѣнно, изъ Кіева. Въ той же Галичинѣ могла возникнуть и кирилловская часть Реймскаго евангелія.

[5]) Этотъ очеркъ поможетъ намъ далѣе разобраться и въ вопросѣ о поселеніи »восточныхъ Славянъ« и »Русскихъ« за Карпатами.

I.

»Ничья« территорія и засѣки по склонамъ Карпатъ.

Въ сужденіяхъ большинства лицъ, занимавшихся прошлымъ Карпатской Руси, проявляется одна и таже основная ошибка — *отсутствіе исторической перспективы*: современный видъ поверхности Угріи, размѣры культивированныхъ пространствъ, численность и взаимную близость поселеній, легкость и удобство сообщенія и т. д., все это безсознательно они переносятъ и въ Угрію конца перваго тысячелѣтія нашей эры, не подумавъ о томъ, что нынѣшній обликъ страны есть результатъ вѣковой борьбы человѣка съ природой.[1])

Восточную границу В. Моравіи на южномъ склонѣ Карпатъ въ IX в. и таковую же границу заселенной части западнаго Подкарпатья въ X в., за отсутствіемъ данныхъ, не-

---

[1]) Если сравнить карту Угріи начала XX в. съ нашей картой ея по Лексикону 1773 г. (A. Petrov, Národopisná mapa Uher podle úředního Lexikonu osad z r. 1773, Praha, 1924), на которой отмѣчены незаселенныя тогда пространства, сейчасъ же станетъ ясно, какъ за послѣднія только 130 лѣтъ расширилась населенная территорія. Большая заслуга В. Халоупецкаго въ Ч. Сл. Р. и Вл. Семковича и его школы, Потканьскаго, Захоровскаго и др. въ Польшѣ, что они стремятся возстановить тотъ внѣшній обликъ территоріи, который она имѣла въ прошлыя времена. Но въ этомъ направленіи сдѣланы только первые шаги.

Еще въ 1911 г. въ работѣ Предѣлы угорусской рѣчи въ 1773 г. (Мат. для исторіи Угор. Руси, Спб., VI) мы высказали, что изученіе *исторіи* Карпатской Руси слѣдуетъ вести въ *регрессивномъ* направленіи, восходить отъ времени къ намъ ближайшаго (эпоха Маріи Терезы) въ глубину столѣтій (Введеніе, 6). На томъ же методѣ относительно *исторической географіи* настаивали мы въ нашихъ Příspěvky k hist. demografii Slovenska, 1928, 32*, прим. 2. М. Кордуба также указываетъ, что только *регрессивный* (у него *ретроспективный*) методъ и можетъ привести историческую географію къ прочнымъ результатамъ (Західне пограниче Галицькои держави, Ювил. зб. 1873—1923 Тов. Шевч., З. Ш., 138—140 т., 161—162). Вл. Семковичъ утверждаетъ то же самое въ рефератѣ O potrzebie i metodzie badań nad krajobrazem pierwotnym (IV zjazd historyków polskich w Poznaniu, 1925), приходя къ заключенію, что »jedyną metodą prowadzącą do celu jest tu metoda *retrogressywna*« (6). *Желательно, чтобы эти указанія не остались »гласомъ вопіющаго въ пустыни«.*

возможно, конечно, опредѣлить, но для этой границы отъ XI в. и позже имѣются документальныя извѣстія.[1])

Эта заселенная часть, начиная отъ Тренчина, захватывала сѣверъ долинъ Нитры и Житавы и ограничивалась на востокѣ горами, покрытыми вѣковыми непроходимыми лѣсами.[2]) Прежде всего это былъ лѣсъ Зволенскій — подъ которымъ и въ XII в. разумѣлись М. и В. Фатра,[3]) Оравская Магура, Низкія Татры и Словенское Рудогорье.[4]) Къ этому Зволенскому лѣсу примыкали по нижнему Грону Птачникъ и Гонтскій лѣсъ, за ними южнѣе Берженскія горы, Матра и Буковыя горы. На востокъ отъ Зволенскаго лѣса простирались лѣсъ Высокія Татры и Спишскій лѣсъ, Гнилецкими горами доходившій до Абауйвара. За Спишскимъ лѣсомъ слѣдовали Мончелъ, Черговъ и сѣверъ Шариша, откуда на востокѣ на границѣ Шариша и Земплина шли на югъ Сланскіе верхи и Подгорье (Hegyalja) до Бодрога и Тисы. Далѣе простирались гористая часть Земплина, достигавшая Вигорлатомъ до Лаборца, горныя области Ужской ст. до Ужгорода, Бережской до Мукачева и, наконецъ, сплошь лѣсистый Мараморошъ до Тисы и за Тисой. Этотъ поясъ лѣсистыхъ горныхъ цѣпей отъ подгорья до вершинъ карпатскаго хребта достигалъ въ разныхъ мѣстахъ *ширины отъ 50 до 150 км.*[5])

При такомъ характерѣ страны, возможно ли вообще предположить, что территорія позднѣйшей Карпатской Руси могла составлять часть епархіи Меѳодія, или, хотя бы, что туда посылались Меѳодіемъ проповѣдники христіанства?[6])

---

[1]) Chaloupecký, op. c., 28. Въ его Staré Slovensko собранъ богатый матеріалъ, главное изъ грамотъ XI—XIV в., которымъ въ дальнѣйшемъ и пользуемся.

[2]) Op. c., 56—70 и далѣе passim. Ср. также Kadlec, Podkarp. Rus, 6.

[3]) Здѣсь и далѣе пользуемся современными терминами.

[4]) Изъ столь обширной Зволенской ст., по мѣрѣ заселенія территоріи, въ XIII—XIV в. возникаютъ стóлицы Оравская, Турчанская и Липтовская (Chaloupecký, op. c., 65).

[5]) Ib., 291.

[6]) *Прямой* дороги изъ Моравіи на востокъ, черезъ горы и густые лѣса, конечно, не было. Надо было отправляться обходомъ по издавна существовавшимъ путямъ сначала на юговостокъ черезъ Голичъ къ Остригому (позднѣйшая »via regni Bohemiae«, Chaloupecký, ib., 78—79), затѣмъ къ Пешту, оттуда по южному подножію Матры на востокъ

Но не только южные склоны Карпатъ были покрыты густыми лѣсами. И сѣверные ихъ склоны долго представляли глухую, безлюдную пущу, только болѣе узкую.[1]) По словамъ Вл. Семковича,[2]) »до начала XIV в. по склонамъ Карпатъ на 30—40 км. къ сѣверу отъ хребта простиралась еще глухая пуща, и только за нею начиналась заселенная часть страны. Для болѣе ранняго времени надо отодвинуть эту заселенную часть на 50-ую параллель,[3]) къ плодородному

(позднѣйшая »via publica, ampla via versus Pest«, ib., 59) дорогой изъ Угріи въ Польшу до впаденія Шайова (Sajó, Slaná) въ Тису (ib., 104—105). Далѣе прямой путь на востокъ преграждали разливы и болота Тисы и болотистое Прибодрожье (Bodrogköz). Необходимо было подниматься на сѣверо-востокъ по правому берегу Тисы и Бодрога, далѣе на юго-востокъ по тому же берегу Тисы до Мукачева. Длина этого пути отъ р. Моравы до Мукачева, приблизительно, 700 км. Не надо также забывать о трудности переправы черезъ болота и разливы сначала лѣвыхъ притоковъ Дуная, потомъ правыхъ Тисы, не говоря уже о иныхъ препятствіяхъ для путешествія въ столь отдаленныя времена. Если Меѳодію уже не оставалось, что̀ дѣлать въ Моравіи, то, пожалуй, ближе и удобнѣе было бы заняться проповѣдью христіанства въ Чехіи или даже у полабскихъ славянъ — отъ Велеграда до Будышина по воздушной линіи около 250 км.

[1]) Этотъ вопросъ болѣе всего разработанъ польскими учеными, именно относительно Краковской и Сандомирской земли — позже Малой Польши, на основаніи свидѣтельствъ документовъ. Такъ, напр., въ королевскихъ донаціяхъ не только XII, но и XIII в. говорится не о жалуемыхъ »villae«, но почти всегда о »silvae«. О томъ же свидѣтельствуетъ матерьялъ, собранный В. Халоупецкимъ. Ср. также Chron. pict. подъ 1113 г.: »Confinium Hungarie in Seő» (Sajó) »*silva* seiungit« отъ Польши; Оттонъ Фрейзингенскій пишетъ о Борисѣ Коломановичѣ подъ 1132 г.: »Ex vocatione quorundam Ungarorum comitum per *silvam*, que Polonos et Ungaros seiungit, Pannoniam ingreditur« и т. п. Относительно восточнаго, галицко-русскаго склона сдѣлано доселѣ очень мало, такъ что мы оставляемъ его въ сторонѣ. Нѣтъ, однако, основанія думать, чтобы на востокѣ была иная картина.

[2]) Wł. Semkowicz, Geograficzne podstawy Polski Chrobrego (Kwart. hist., XXXIX., 2, Lwów, 1925, 258—318); ср. также K. Potkański, Kraków przed Piastami (Rozp. Ak. um. Krak., 35, 1898, 107); Zachorowski, Węgierskie i polskie osadnictwo Spiżu (ib., 52, 1909); Arnold, Terytorja plemienne Polski Piastowskiej (Prace kom. dla atlasu hist. Polski, № 2, Kraków, 1927, 80). Передаемъ здѣсь и далѣе слова авторовъ въ сокращенномъ пересказѣ.

[3]) Т. е. на 60—70 км. отъ хребта.

поясу лёсовъ«.[1]) На то же указывалъ еще въ 1896 г. К. Потканьскій: »пуща шла подъ самый Краковъ, занимая послѣдніе отроги Бескидовъ«.[2])

Такимъ образомъ, въ первые вѣка существованія Угріи границу ея съ сосѣдними народами и государствами на западѣ, сѣверѣ и востокѣ представляла *не* какая либо *линія*, но широкая, иногда на много десятковъ километровъ, *полоса* горъ, покрытыхъ густыми дѣвственными лѣсами.[3]) Справедливо замѣчаетъ Захоровскій, что »въ средніе вѣка политической границей племенъ, а позднѣе и государствъ, была *фактическая граница заселенной территоріи*, за которой до границы таковой же территоріи сосѣдей простиралась безлюдная полоса, покрытая непроходимыми лѣсами. *Земля за границей заселенныхъ территорій была, въ сущности, ничья*,[4]) и, только по мѣрѣ ея заселенія, фактическая граница подвигалась далѣе.[5]) Поэтому и на средневѣковыхъ картахъ границы государствъ слѣдовало бы обозначать не линіей, а полосой«.[6])

[1]) Semkowicz, op. c., 286—87. Лёсъ, нѣм. Löss, чеш. spraš — дилювіальнаго происхожденія желтая (иногда инаго цвѣта), очень мелкая глина, возникшая изъ разрушенныхъ горныхъ породъ. При смѣси ея съ перегноемъ возникаетъ черноземъ. Лёсовая почва чрезвычайно плодородна (любезное сообщеніе д-ра Ю. Краля, профессора Братиславскаго университета).

[2]) Potkański, Mieszkańcy Podhala (Pam. Tow. Tatr., 18, 1897, 84—85).

[3]) Извѣстно, что и вообще въ раннее средневѣковье непроходимыя пространства — лѣса, болота и т. д. — образовывали естественную границу между племенами, а потомъ и государствами; см. Kadlec, Valaši a valašské právo, 1916: „Horské rayony, pokryté rozsáhlými lesy, byly velmi dlouho neutrálním pohraničným pásem mezi jednotlivými státy a tedy právě »res nullius« — — tam nezasahovala státní moc“ (135); ср. также его же, Podkarp. Rus, 1920, 6; Кордуба, op. c., 1923, 191—197 и сл.; Chaloupecký, op. c., 56 и сл., 235 и сл.; Semkowicz, Polska Chrobrego 278—279, 304; его же, O potrzebie a metodzie, 3; Zachorowski, op. c., 199—200; Grünhagen, D. Schlesische Grenzwald (Z. d. Ver. f. Gesch. u. Alterth. Schlesiens, XII., 1874, 1—18); Ключевскій, Курсъ рус. исторіи, 3 изд., I, 1923, 71.

[4]) Ср. Bidermann, Die ung. Ruthenen, I., 42, 56; Kadlec, l. c.

[5]) Zachorowski, op. c.: »Спишемъ овладѣла Угрія не оружіемъ, а болѣе успѣшной, чѣмъ Польша, колонизаціей« (253, 259—260).

[6]) Op. c., 199—200. Очень удачно Вл. Семковичъ объясняетъ пресловутое извѣстіе угорско-польской хроники (компиляція XIII в., м. б. сохранившая кое какія данныя XI. в.), что »termini Poloniae«

Сдѣлаемъ здѣсь небольшое отступленіе.

Насколько въ интересующее насъ время Карпаты были доступны для передвиженія? Отъ того или инаго заключенія зависитъ, отчасти, и разрѣшеніе вопроса о заселеніи южнаго ихъ склона.

Л. Нидерле въ 1906 г. высказалъ, что вообще карпатскіе перевалы и нынѣ не являются удобными для перехода, а тѣмъ менѣе были таковыми въ старое время, и что, поэтому, народы, переселявшіеся съ сѣвера на югъ, обходили Карпаты съ запада и востока.[1]) Позже, въ виду новѣйшихъ археологическихъ находокъ, Л. Нидерле призналъ свое мнѣніе ошибочнымъ. »Археологія, де, доказываетъ, что уже въ бронзовый періодъ, около 1000 лѣтъ до Р. Х., были живыя сношенія между Галичиной и Угріей проходами Ужскимъ и Яблоницкимъ, а что эти сношенія не прекратились и позднѣе, свидѣтельствуетъ кладъ въ Островянахъ отъ III—IV в. по Р. Х. и рядъ иныхъ въ Земплинской, Шаришской и Ужанской ст.«[2])

шли »usque ad Castrum salis« (подъ нимъ разумѣютъ, обыкновенно, Sóvár, Šomvar, Soľnohrad въ Шаришской ст. Bidermann считаетъ »Castrum salis« за »Szaláncz« въ Абауйской ст., op. c., II., 58., пр. 6) »ibique inter Ungaros, Ruthenos et Polonos finem dabant«; это, де, значитъ, что въ непроходимыхъ лѣсахъ (wielka puszcza karpacka), начинавшихся за »Castrum salis«, »granice poprostu się gubiły. — — Wiedziano więc w XI. st. tylko tyle, że gdzieś tam za Solnym grodem schodzą się granice trzech państw, Węgier, Polski i Rusi, ale naprawdę nie zdawano sobie sprawy z szczegółowego przebiegu tych granic, które zresztą w puszczy były płynne i ustalały się powoli dopiéro później w miarę posuwania się osadnictwa w głąb gór i lasów« (Polska Chrobrego 298). Совершенно подобное неопредѣленное обозначеніе »терявшихся въ лѣсахъ« границъ Угріи, Польши и Руси находимъ въ грамотѣ 1343 г., гдѣ упоминается, что такимъ то лицамъ Карлъ Робертъ пожаловалъ »possessionem Wyfalu, Lythene, Karakow et Keykmezew — — in comitatu de Sarus *in vicinitate et commetaneitate confiniorum Polonie et Ruthenie regnorum*« (Cod. Andeg., IV., 263). Гдѣ былъ Karakow (Krakó = Краковъ), неизвѣстно. Lythene (Litinye = L'ucina) лежитъ отдѣльно у подгорья Чергова, Keykmezew (Kükemező = Кокиња) и Wyfalu ((Sós Újfalu = Ruská N. Ves) — близко другъ къ другу, Sós Ujfalu почти рядомъ съ Šomvar (Castrum salis), и отстоятъ отъ вершинъ хребта — тогдашней воображаемой границы Угріи — по воздушной линіи L'ucina 40 км., Кокиња 45 км., Rus. N. Ves и Šomvar 65 км.

[1]) SS., II., 18.

[2]) Počátky Karpatské Rusi (Národop. Věstník Č. Sl., 1922, 27), повторено

Конечно, трудно возражать противъ данныхъ археологическихъ,[1]) но, вѣдь, если перевалы были легко проходимы въ III—IV в. по Р. Х., то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они были таковыми въ IX—X в. По словамъ Вл. Семковича, »трудность для перехода черезъ Западный и Низкій Бескидъ представляютъ не самыя горы, не превышающія 1000 метровъ въ наиболѣе высокой ихъ части и, къ тому же, имѣющія болѣе низкіе перевалы, но густой лѣсъ, »nigra silva«, покрывавшій въ раннее историческое время оба склона Карпатъ«.[2]) Захоровскій, говоря о лѣсахъ въ Спишѣ, замѣчаетъ: »были ли въ нихъ до колонизаціи ихъ государствомъ поселенія, на это могутъ дать отвѣтъ только археологія и этнографія. Раскопки показываютъ, что *когда то* люди здѣсь жили, но были то пастухи, земледѣльцы или рудокопы, трудно рѣшить, но *не было непрерывности въ жительствѣ тамъ людей*«.[3])

Такъ, и относительно путей черезъ Карпаты не только *нѣтъ* доказательства *непрерывности* въ пользованіи ими, но, повидимому, археологія свидѣтельствуетъ *противъ* этой непрерывности. Изъ изслѣдованія, вышедшаго изъ семинарія проф. Нидерле,[4]) видно, что »переселеніе народовъ въ V—VII в. сдѣлало въ Подкарпатьи конецъ всѣхъ культурныхъ связей съ римскимъ центромъ. Надежныхъ археологическихъ данныхъ о сношеніяхъ въ эту пору Подкарпатья съ Галичи-

---

въ SS., IV, 168. Далѣе слѣдуетъ: »эти находки служатъ также однимъ изъ доказательствъ противъ теоріи, что Карпатская Русь стала заселяться только съ XIII в.« (l. c.). »Dolina Hernadu nazývala se nenadarmo v XIII. st. »porta Russiae« (Počátky, 27). Послѣднее взято изъ Филевича, Исторія древн. Руси (268). Совершенно не понимаемъ, почему Филевичъ porta Russiae, т. е., »ворота« изъ Угріи въ Русь (Галичину), очевидно обозначающіе *перевалъ* на хребтѣ, пріурочилъ къ долинѣ Горнада? Эта долина лежитъ очень далеко отъ карпаторусской территоріи.

[1]) Хотя археологическія находки на *торговыхъ путяхъ* по рѣкамъ и черезъ перевалы *еще не* доказываютъ, чтобы на этихъ путяхъ были *поселенія*, а уже *совсѣмъ не* доказываютъ, чтобы существовали поселенія въ гористыхъ *междурѣчьяхъ*.

[2]) Polska Chrobrego, 286.

[3]) Op. c., 211.

[4]) Pasternak, Ruské Karpaty v archeologii (Práce vědec. ústavu Karl. univ., XVIII., Praha, 1928).

ной еще не имѣемъ«.[1]) Относительно послѣдующихъ вѣковъ, VIII—X, когда въ Подкарпатьи поселились Славяне, авторъ говоритъ: »безспорно-славянскихъ находокъ этого времени на Подкарпатской Руси очень мало, и на основаніи археологическихъ матерьяловъ нельзя ничего сказать ни о заселеніи ея, ни о культурѣ«.[2])

Такимъ образомъ, археологія почти на пять столѣтій не даетъ намъ матерьяла, доказывающаго непрерывность въ пользованіи путями черезъ Карпаты.[3]) Если на Руси Курскъ и его край, ранѣе густо населенный, но во время нашествія Батыя обращенный въ пустыню, за три вѣка къ половинѣ XVI в. покрылся непроходимыми лѣсами,[4]) то въ Карпатахъ, гдѣ самыя горы цѣлыя столѣтія были поросши лѣсомъ,[5]) этотъ лѣсъ еще скорѣе могъ спуститься въ долины рѣкъ и сдѣлать непроходимыми нѣкогда существовавшіе торговые пути.

Не слѣдуетъ, конечно, понимать непроходимость буквально. Трудно и, можетъ быть, невозможно было пройти переселявшимся *массамъ* народа, но *малыя группы* и *одиночки* всегда могли пробраться черезъ лѣса и перевалы.[6]) Кромѣ того, особенно при развитіи сосѣдящихъ съ Карпатами

---

[1]) Op. c., 75, 77.

[2]) Ib., 80, 82.

[3]) Проф. Нидерле лично сообщилъ намъ, что не только на Карпатахъ, но и вездѣ за VIII—X в. очень падаетъ число археологическихъ находокъ. Такимъ образомъ, за этотъ періодъ археологія *отказываетъ* въ своей помощи, но не *свидѣтельствуетъ* и *за* непрерывность пользованія карпатскими проходами.

[4]) Ключевскій, ор. с., 262.

[5]) И въ настоящее время, въ концѣ третьяго десятилѣтія XX в., лѣсъ занимаетъ бóльшую часть Карпатъ и ихъ предгорій. Приведемъ общія цифровыя данныя о собственно »Подкарпатской Руси«, т. е. о стóлицахъ Ужанской, Бережской и Мараморошской, любезно сообщенныя намъ изъ Госуд. Стат. Бюро д-ромъ А. Богачемъ въ таблицѣ, составленной г. Я. Пехлатомъ: въ *горной части* Карпатъ, изъ общей площади 391.084 гектаровъ, лѣса занимаютъ 248.712 гк., т. е. около $64^0/_0$., пахотныя же поля 27.131 гк., $6{\cdot}9^0/_0$; въ *предгорьяхъ* изъ всего 475.058 гк. лѣса 254.738 гк., т. е. $53{\cdot}6^0/_0$., поля 49.237 гк., т. е. $10{\cdot}3^0/_0$. Какъ же было 1000 л. назадъ?!

[6]) А для пастуховъ съ ихъ стадами овецъ не нужно было и переваловъ — они всегда пасли стада на обоихъ склонахъ (Kadlec, ор. с., 134).

государственныхъ организмовъ, должны были быть принимаемы мѣры къ облегченію, хотя бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, торговыхъ и иныхъ сношеній,[1]) должны были расчищаться нѣкоторые перевалы и устраиваться дороги.[2]) Съ ростомъ населенія, и оно само прокладывало дорожки и тропинки въ лѣсахъ, но какими именно путями пользовалось населеніе и отъ какого приблизительно времени, это далеко еще не выяснено.[3])

---

[1]) Такъ, на Руси при походахъ посылались впередъ особые отряды, чтобы »теребить«, расчищать лѣса для главной силы войскъ.

[2]) Любопытно извѣстіе грамоты 1214 г., которой Болеславъ, епископъ Вацовскій, даетъ Лелесскому конвенту, между прочимъ, »praedium Zoluntha, quod tempore regis Emerici« (1196—1205) »emerat totaliter cum habitatoribus et terra — — a quibusdam mercatoribus, de Russia venientibus« (Fejér, C. D., III. I., 153, 174). Это были, очевидно, угорскіе купцы, возвращавшіеся изъ Руси, судя по положенію Лелеса, черезъ одинъ изъ Сяноцкихъ переваловъ. Врядъ ли бы *русскіе* купцы имѣли земельную собственность въ Угріи.

[3]) Необходимо для того — при пользованіи *регрессивнымъ* методомъ — изучить нужные источники (м. пр. замѣтки путешественниковъ и разныя описанія Угріи) и дать, такъ сказать, *исторію* переваловъ и вообще путей черезъ Карпаты. Но, кромѣ того, каждый, принимающій на себя эту задачу исторической географіи, *обязательно* долженъ *лично* хорошо ознакомиться съ условіями мѣстности.

Приведемъ здѣсь только нѣкоторыя замѣчанія изслѣдователей. На западѣ самый удобный путь представляла, по Семковичу, »brama wpadowa« изъ Угріи въ Польшу долинами Дунайца и Попрада (Polska Chrobrego, 287, 289—290). Долина Попрада, какъ мы лично убѣдились, была, конечно, легко проходима, о долинѣ Дунайца мы бы того не сказали, особенно о части ея отъ Краснаго монастыря (Červený klášter) до польской Щавницы. Къ тому же, по Захоровскому, здѣсь пуща стала расчищаться лишь во второй половинѣ XIII в. (ор. с., 240). Далѣе на востокъ болѣе удобенъ былъ проходъ Дуклянскій (Дукля — Ниж. Свидникъ), затѣмъ »ворота угорскіе« — »magna porta Gallicie, que vocatur Ungarica«, по Семковичу, одинъ изъ Сяноцкихъ проходовъ, или Лупковскій (Радошица — Полата), или отъ долины Солинки къ долинѣ Цироки (ор. с., 299), далѣе проходъ у Верецкихъ въ долину Латорицы. О Трансильванскихъ проходахъ мы лично можемъ сказать, что перевалъ Борго-Прундскій (Дорна Ватра — Быстрица) дѣйствительно легко проходимъ. Съ другой стороны, перевалъ Яблунковскій (гдѣ желѣзная дорога Богуминъ-Кошицы) при Болеславѣ Храбромъ и позже былъ глухой пущей, гдѣ шла только горная тропинка (Семковичъ, ор. с., 287, пр. 9). Перевалъ Ужскій

Вернемся теперь къ прерванному изложенію.

Широкія незаселенныя пограничныя полосы служили даннымъ природой *средствомъ обороны* племенъ, потомъ государствъ.[1]) Въ болѣе старое время эти полосы поддерживались искусственно въ безлюдномъ видѣ путемъ ихъ преднамѣреннаго опустошенія.[2]) Въ пограничныхъ пущахъ запрещалось вырубать лѣсъ,[3]) запрещалось основывать поселенія.[4])

Оборонительное значеніе лѣсовъ увеличивалось тѣмъ, что на внутренней ихъ границѣ, границѣ заселенной территоріи,

---

(Сянки — Волосянка), по Пастернаку, доказанный уже въ доисторическое время (op. c., 90, 92), имѣетъ страшно крутой спускъ на югъ и, по Вонсачу (Wąsacz, Ruskie przełęcze, Prace histor. къ юбилею клуба историковъ во Львовѣ, 1929), еще въ половинѣ XIX в. былъ проходимъ съ большимъ трудомъ (325). О перевалѣ изъ Молдавіи въ Угрію черезъ Боршу пишетъ въ 1550 г. секретарь Фердинанда I., G. Reichersdorfer, въ Chorographia Moldaviae: Сначала дорога проходитъ »amoenos et spatiosos campos — —. Hinc tandem continuis et quidem altissimis montibus et alpibus per arctissimam et multo difficillimam viam, qua haud satis commode equus unicus lento quidem passu progredi queat, ad praescripta loca« (Мараморошъ, Мукачево) »pervenitur in Hungariam« (Bidermann, op. c., I., 67., пр. 2).

[1]) Ср. Ключевскій, op. c.: »Русское государство прикрывалось лѣсами отъ степи« (71).

[2]) Такъ поступали Авары (Czirbusz G., Ungarische u. Avarische Grenzbefestigungen — по мадьярски — Kelet Népe, XII, № 6—8); по Константину Багрянородному, Печенѣги опустошали на нѣсколько дней пути границы тѣхъ степей, въ которыхъ были ихъ кочевья; тоже дѣлали въ степяхъ кочевые Болгаре и Половцы (Hóman B., A honfoglaló törzsek megtelepedése — Поселеніе занимающихъ родину племенъ, Turul, 1912, 103.) Мадьяры, занявъ Панноніо, также на нѣсколько дней пути раззорили страну и уничтожили поселенія на западѣ до р. Эннса (Tagányi K., Gyepü és gyepüelve, Magyar Nyelv, 1913, 104).

[3]) Въ Gründungsbuch von Heinrichau въ Силезіи (1240 г.): „Duces antiqui nulli omnino in hac »preseca« (Grenzwald) »quicquam secare permiserunt« (Cod. dipl. Silesiae, XIV, 1889, Schulte, Einleitung, XXX, пр. 2). По Грюнгагену (Grünhagen, D. schles. Grenzwald — preseca, Z. f. Gesch. u. Alterth. Schlesiens, XII., 1874), эти »antiqui duces« были Болеславъ Длинный (1163—1201) и Генрихъ I (1201—1228) (5); въ Московскомъ государствѣ пограничные лѣса считались заповѣдными (Ключевскій, op. c., 195).

[4]) Герцогъ Силезскій въ 1284 г. считалъ свои права нарушенными тѣмъ, что Вратиславскій епископъ Ѳома основалъ въ пограничномъ лѣсу (preseca) рядъ селъ на нѣмецкомъ правѣ (Schulte, op. c., XXXII).

устраивались *засѣки*,[1]) гдѣ нужно, по условіямъ мѣстности, подкрѣпленныя или замѣненныя рвами и валами, усиленными съ помощью частоколовъ.[2])

Сообщеніе съ сосѣдними странами велось черезъ оставленные на главнѣйшихъ путяхъ въ засѣкахъ *ворота*,[3]) преимущественно въ долинахъ рѣкъ. Къ этимъ воротамъ сходились проложенныя по рѣкамъ и въ лѣсахъ дороги и тропинки и потомъ внутри страны опять расходились. Около воротъ были устроены земляныя или деревянныя укрѣпленія.[4]) Для охраны воротъ и для развѣдокъ »ultra indagines« были поселяемы особые отряды пограничной стражи,[5]) въ Угріи, главнымъ образомъ, изъ родственныхъ Мадьярамъ племенъ: Печенѣговъ, Кумановъ-Половцевъ, Ясовъ,[6]) а также, какъ увидимъ, и Русскихъ. Эти отряды имѣли военную организацію, состояли изъ людей свободныхъ, пользовавшихся и особыми привилегіями.

---

[1]) Рус. »засѣка«, чеш. »záseka« польск. »przesieka (preseca), granicies, osieka«, лат. »indago, indagines«, мад. »gyepü« (отъ »gyep« — собственно »дёрнъ«, т. обр., »gyepü« — первоначально, валъ, обложенный дерномъ, далѣе: »Hecke, Heckenzaum«.) Территорія за засѣками называлась по латыни »ultra indagines«, по мад. »gyepüel, gyepüelve« (ср. Трансильванія, мад. »Erdély« изъ »erdő-el«, Валахія = »Transalpina« т. е »terra« — »Havas-el, Havas-elve«). Засѣки примѣнялись и въ Чехіи, у македонскихъ Славянъ, въ древней Руси, у Аваровъ, Болгаръ, Хазаръ. Вопросъ объ »indagines« достаточно освѣщенъ въ соотвѣтствующихъ литературахъ (библіографію см. Chaloupecký, Staré Slovensko, 70-71; Niederle, S.S., Oddíl kulturní, III$_2$, 1925, 604-607; о засѣкахъ на Руси Сторожевъ, Засѣчныя книги, Спб., 1892, и Ключевскій, ор. с., 71, 193—199, 259—263).

[2]) По Tagányi, ор. с., засѣки окружали всю территорію первоначальной Угріи (99). Hóman B., ор. с., такъ излагаетъ послѣдніе выводы мадьярской науки объ этой территоріи: къ занятой Мадьярами территоріи еще во время св. Стефана *не* принадлежали: сѣверо-западныя, сѣверныя и сѣверо-восточныя области позднѣйшей Угріи, Трансильванія отъ долины Самоша на востокъ и югъ, Северинская область, западныя гористыя области между Савой и Дравой, западныя части столицъ Саладской, Желѣзной и Шопроньской (103).

[3]) Porta, kapu, brána, brona. »Porta«, »ворота«, употреблялось, конечно, и въ болѣе общемъ значеніи: горные проходы, перевалы, ср. »ворота угорскіе, porta Russiae«.

[4]) Stráže, stróża, warownia, gród, grodek, городъ, острогъ.

[5]) Speculatores, exploratores, иногда sagittarii, мад. határőrök.

[6]) Bessenyők, Kúnok, Jászok.

Съ теченіемъ времени, населеніе стало проникать и за засѣки,[1]) въ лѣса, выжигая ихъ и обращая въ поля, залагая поселенія и продвигаясь все выше по горнымъ долинамъ. По мѣрѣ упроченія государства, и оно само приглашаетъ поселенцевъ за засѣки, въ лѣса, особенно, когда въ горахъ обнаружились драгоцѣнныя руды. Такъ, въ Угрію, именно въ Спишъ, еще въ XII в. Гейза II (1142—1162) призвалъ нѣмецкихъ и валлонскихъ колонистовъ.[2]) Главнымъ же об-

[1]) Изъ выше приведенныхъ работъ польскихъ ученыхъ видно, что польское населеніе стало продвигаться въ Карпаты съ сѣвера на югъ *только съ XIII* в., да и то *медленно*, занимая сначала *долины рѣкъ въ болѣе широкой ихъ нижней части*. Такъ же шелъ процессъ проникновенія Словинцевъ въ Альпы и заселеніе Норвегіи (A. Dopsch, Die ältere Sozial- u. Wirtschaftsverfassung der Alpenslaven, 1909, 56—57). Въ болѣе узкія части рѣчныхъ долинъ, въ глубь горъ, проникали лишь *рѣдкіе мелкіе поселки*. Гористыя же, покрытыя лѣсами *междурѣчья*— преобладающая часть общей площади горъ — *долго оставались незаселенными* (Bidermann, op. c., II., 56, 58—59, Томашівський, Українська исторія, 1919, 66; Kadlec, Podkarp. Rus, 1920, 6; Bonkáló, Die ungarländ. Ruthenen, Ung. Jahrbüch., 1921, 225; Niederle, Počátky Karp. Rusi, 1922, 28 и S.S., IV, 1925, 168—169). Не было ли, однако, въ лѣсахъ какихъ либо людей? Бидерманъ, Кадлецъ, Бонкало упоминаютъ, что въ этихъ »foresta, loca venationis regum« находился персоналъ, охранявшій лѣса (custodes silvarum), обслуживавшій королевскую забаву: охотники (venatores), псари (caniferi), сокольники (draucarii, falconarii). Существованіе такихъ разрядовъ людей засвидѣтельствовано документами (Bidermann, op. c., II, 59, пр. 1; Chaloupecký, op. c., 65 пр. 259, 142 пр. 546, 147 пр. 564, 149 пр. 575, 157 пр. 614, см. также указатель). Кромѣ того, по обязанности службы, для наблюденія за движеніемъ возможнаго непріятеля должны были странствовать по лѣсамъ чины военной охраны (speculatores, exploratores). Всѣ такіе люди, конечно, *посѣщали* глубь лѣсовъ, но въ лѣсахъ *не жили*. И само собой разумѣется, и видно изъ документовъ, что поселенія такихъ разрядовъ людей были по главнымъ путямъ близъ »воротъ« въ засѣкахъ, близъ »остроговъ«, укрѣпленій (Kadlec, op. c., 7), чтобы ихъ всегда можно было найти, принять отъ нихъ донесенія и дать имъ нужныя указанія. Кромѣ того, Бидерманъ и Бонкало говорятъ — но уже въ видѣ предположенія — что въ лѣсахъ были кочующіе пастухи (по Бидерману, русскіе, словенскіе, мадьярскіе и болгарскіе). *Документы, однако, о такомъ элементѣ не упоминаютъ*. Основательно ли подобное предположеніе — объ этомъ поговоримъ ниже въ III главѣ.

[2]) Zachorowski, op. c., 212—216; Chaloupecký, op. c., 171.

разомъ, заселеніе лѣсной междуграничной полосы начинается съ половины XIII в. послѣ разгрома и опустошенія Угріи Татарами Батыя.[1]) Правительство усиленно вызывало колонистовъ со всей Европы, раздавало большіе комплексы лѣсовъ духовнымъ и свѣтскимъ магнатамъ и монастырямъ, обязывало новыхъ владѣльцевъ позаботиться о заселеніи безлюдныхъ пространствъ; того же требовали и личные интересы этихъ владѣльцевъ. При Анжуйцахъ еще болѣе развилась система донацій. По мѣрѣ заселенія территоріи »ultra indagines« черта засѣкъ переносилась въ глубь горъ.[2])

II.

Цѣпь »quasi-документарныхъ« извѣстій.

Послѣ выясненія характера поверхности сѣверной и сѣверо-восточной Угріи въ первые вѣка существованія угорскаго государства слѣдовало бы перейти къ соображеніямъ

[1]) Легкость, съ которой Татары опрокинули черту засѣкъ, сильно подорвала вѣру въ оборонительную силу лѣсного пояса, и ограды засѣкъ. Послѣ нашествія Татаръ стали примѣнять для обороны страны систему постройки на стратегическихъ пунктахъ, на трудно достижимыхъ вершинахъ замковъ. Для непріятеля было опасно оставлять въ тылу замки съ ихъ гарнизонами, приходилось эти замки добывать, чѣмъ замедлялось наступленіе, и давалась возможность собрать и подготовить силы для отпора.

[2]) Иногда старая черта засѣкъ сохранялась, какъ вторая оборонительная линія (Tagányi, op. c., 147). Для исторіи процесса заселенія южнаго склона Карпатъ было бы необходимо выяснить, хотя бы приблизительно, *гдѣ* проходила *въ разное время* черта засѣкъ. Указанія на это даютъ: a) *прямыя упоминанія* о засѣкахъ въ грамотахъ и др. историческихъ памятникахъ — до сихъ поръ они не собраны *систематически* и не распредѣлены *хронологически*; b) *названія поселеній* и *межевыя названія*, находящіяся въ связи съ засѣками: Őr, Gyepely, Stráža, Brána и т. д. хотя иногда такія названія могли возникнуть много позже, напр., во время Турокъ или междоусобныхъ войнъ; c) *предѣлы крупныхъ доминій*. Болѣе старыя помѣстья состояли изъ 1—3 селъ, въ крупныхъ же доминіяхъ, возникшихъ „ultra indagines“, бывало селъ 20, 30 и болѣе (что выяснилъ Karácsonyi J., Halavány vonások hazánk Sz. István korabeli határairól — О неясныхъ очертаніяхъ границъ Угріи при св. Стефанѣ, Századok, 1901, 1039—1058).

Такимъ образомъ, разрѣшеніе этого вопроса дѣло еще будущаго.

и замѣчаніямъ о поселеніи русскаго народа за Карпатами.[1]) Прежде, однако, надо попытаться устранить изъ обихода науки одну группу такъ называемыхъ »*документарныхъ*« свидѣтельствъ, которая переходила, какъ цѣпь каторжника, отъ одного изслѣдователя къ другому. Звенья этой цѣпи постепенно прибывали; послѣднее звено сковано проф. Халоупецкимъ.[2]) Эта цѣпь заставляла изслѣдователей колебаться и путаться въ попыткахъ примирить достовѣрныя извѣстія и вполнѣ основательныя предположенія съ выводами изъ означенной группы. По нашему мнѣнію, каждое отдѣльное звено цѣпи въ смыслѣ доказательности равняется *нулю*, но *сумма* этихъ *нулей* даетъ ,будто бы, *не* нуль, а *нѣчто вѣское и авторитетное*: »Русскіе, де, поселились за Карпатами, если не раньше Мадьяръ, то, по крайней мѣрѣ, одновременно съ ними; еще, де, въ началѣ XI в. существовала въ Угріи »Русская Краина — Украина«, имѣла своихъ воеводъ-герцоговъ, даже изъ королевскаго дома, свою автономію, и только съ конца XV в. Русскіе утратили свои привилегіи и постепенно обратились въ крѣпостную зависимость.«

Приведемъ примѣры того, какъ эта цѣпь связывала и серьезныхъ, критическихъ ученыхъ и вела ихъ къ непослѣдовательности и противорѣчіямъ. Возьмемъ выводы И. Бидермана[3]) и К. Кадлца.[4])

1. Южный склонъ Карпатъ »ultra indagines« былъ почти безлюдной горной областью:

Бидерманъ: »Лѣсистыя Карпатскія горы съ ихъ предгорьями — Высокими Татрами на западѣ и Мараморошскими

---

[1]) Мы совершенно согласны съ проф. Нидерле, что теорія о Карпатахъ и Закарпатьи, какъ прародинѣ русскаго племени, должна быть признана вполнѣ несостоятельной. Можетъ подлежать обсужденію только вопросъ, *когда именно* (хотя приблизительно) поселились Русскіе за Карпатами и, главное, *до* прихода Мадьяръ или же гораздо *позже*. Исторіи этого вопроса касаться не будемъ: она подробно изложена у Нидерле, SS. IV, 162—166. Думаемъ, что наши соображенія, которыя выскажемъ въ III главѣ, смогутъ сгладить радикальную противоположность обоихъ мнѣній.

[2]) »Русскій« епископъ въ Бихорѣ (Staré Slovensko, 123, 274).

[3]) Die ungarischen Ruthenen, II., 1867, 56—59.

[4]) Podkarpatská Rus, 1920, 6—7.

колоссами на востокѣ — долго, повидимому, оставались пустыней, доступной только пастухамъ и охотникамъ. И въ XII в. тамъ и здѣсь встрѣчались лишь рѣдкія поселенія, и то жили въ нихъ только пограничники, благочестивые монахи и королевскій охотничій персоналъ. Лѣса отъ Спиша и до Мараморoша были »foresta, loca venationis regum«. Мы имѣемъ болѣе достовѣрныя свѣдѣнія лишь о колоніяхъ охотниковъ — псарей, сокольничихъ, лѣсниковъ. Русскіе, словенскіе, мадьярскіе и болгарскіе пастухи находились постоянно въ этой области, но нигдѣ не усаживались прочно, чтобы не быть прикрѣпленными къ опредѣленнымъ пастбищамъ. Только *на краю* этого пояса лѣсовъ было нѣсколько церквей и монастырей, главнымъ образомъ, *по Тисѣ*, и королевскіе замки: Густъ, Киригаза, Мукачево, Земплинъ, Уйгель, Шарошпотокъ и др. *Позже* появляются иноземныя колоніи *по Тисѣ* и въ долинѣ Гернада. О другихъ постоянныхъ поселеніяхъ въ угорскихъ памятникахъ XII в. нѣтъ и рѣчи«.

Кадлецъ: »За »indagines« простирался широкій нейтральный поясъ лѣсной глуши (lesná divočina). Въ началѣ XII в. были въ ней только колоніи королевскихъ охотниковъ, псарей и сокольниковъ, да и то только у королевскихъ замковъ«.[1])

2. Но эта почти безлюдная »лѣсная глушь« является, *по общему признанію, по праву* принадлежащей Русскимъ областью, имѣющею и важное государственное значеніе:

Бидерманъ: »Эти лѣсистыя горы уже тогда (въ XII в.) *общественное мнѣніе* (!)[2]) считаетъ *по праву* принадлежащими Русскимъ,[3]) такъ какъ въ біографіи Конрада, архіепископа Зальцбургскаго, эта область въ 1127 г. называется Marchia Ruthenorum. Это есть позднѣйшая »Крайна«, »ruthenische Mark«, ранѣе, *вѣроятно*, стоявшая подъ особымъ *маркграфомъ-воеводой*. На то-же указываетъ у Кезы названіе Alpes Ruthenorum.«

[1]) Тутъ нѣкоторое недоразумѣніе: королевскіе замки, упомянутые Бидерманомъ, лежали *передъ* »indagines«.

[2]) Европы?!

[3]) „Dennoch von *der öffentlichen Meinung* den Ruthenen, als ihr *rechtmässiges Weohngbiet* zugesprochen ward“ (ib., 59).

Кадлецъ, въ сущности, почти повторяетъ сказанное Бидерманомъ: »Эта лѣсистая область[1]) называется въ источникахъ Marchia Ruthenorum, по словенски Krajina, т. е. Украина = марка. Уже въ началѣ XII в. есть упоминаніе объ этой »русской« (rusínské) »Краинѣ«.[2]) Часто эти сѣверныя окраины Угріи давались въ удѣлъ членамъ королевской семьи.[3]) По этой территоріи Эмерихъ, сынъ св. Стефана, назывался dux Ruizorum.«

Эти противорѣчія такъ ярко бросаются въ глаза, что о томъ излишне и распространяться.

М. Грушевскій въ »Исторіи Украины-Руси«[4]) отводитъ мало мѣста Закарпатской Руси и не касается спеціально колонизаціи »Украинскаго Закарпатья«, а въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ выражается очень уклончиво и противорѣчиво.

1. Восточная часть южнаго склона Карпатъ входила въ Кіевскую державу:

»Южно-карпатское подгорье[5]) присоединено къ Угріи врядъ ли ранѣе XI в. До этого оно, какъ и сѣверное, *могло* входить въ кругъ вліянія Кіева. У Кезы Карпаты зовутся »Alpes Ruthenorum« съ *этнографической* точки зрѣнія.[6]) Присоединеніе Галичины (къ Русской державѣ) влекло за собой и присоединеніе русскаго Закарпатья, *органически связаннаго съ Галичиной.*[7]) По нѣкоторымъ указаніямъ,[8]) верховье Топлы[9]) часто принадлежало къ Галичинѣ.«[10])

---

[1]) Четыре строки выше: »lesná divočina«.

[2]) Далѣе идетъ вышеприведенный passus, что тамъ жили *только охотники.*

[3]) Какая польза была принцамъ отъ безлюдной лѣсной глуши?! Дѣйствительно, на сѣверѣ Угріи эти принцы получали удѣлы, но только въ заселенной части *передъ* »indagines«.

[4]) Цитируемъ т. I по 3-му изданію 1913 г., т. II по 2-му 1905 г.

[5]) Слово »подгорье« Грушевскій иногда употребляетъ въ смыслѣ вообще склона горъ, иногда же въ смыслѣ равнины подъ горами, отчего получается неясность.

[6]) I, 224.

[7]) I, 494.

[8]) Какимъ?

[9]) На сѣверозападѣ Шариша, на *югъ* отъ хребта!

[10]) II, 459.

2. Этотъ южный склонъ *не* принадлежалъ къ Галичинѣ:

»Въ XI и въ началѣ XII в. Карпаты зовутся »Угорскія« горы, по политической принадлежности.« Сейчасъ же далѣе, къ своему замѣчанію, что у Кезы »Alpes Ruthenorum« сказано съ *этнографической* точки зрѣнія, Грушевскій прибавляетъ совершенно противоположное: »чи, може, з *огляду на Галицьку Русь*«.[1]) »Нѣтъ слѣдовъ, чтобы угорскія или галицкія границы переходили за хребетъ.«[2])

1. Южное подгорье Карпатъ было *густо* заселено:

»Русины и позже Мадьяръ оставались въ Карпатахъ *господами*.[3]) Между порѣчьемъ Тисы и хребтомъ можемъ со всей правдоподобностью допустить въ XI—XIII в. *преобладаніе русскаго народа надъ иными*.[4]) Въ горахъ въ XI—XIII в. *масса* была русская.[5]) Переселеніе въ Угрію Русиновъ отъ Альма до Ѳеодора Коріатовича — это или ненадежные, или незначительные факты и не могутъ объяснить *массовой* колонизаціи.«[6])

2. Южное подгорье Карпатъ было *мало* заселено:

»Могла ли быть во время св. Владимира какая нибудь *прочная* и *скристализованная* украинская колонизація, этого, собственно, *нельзя сказать съ увѣренностью*«.[7]) Въ Угріи въ Карпатахъ Русины *въ теченіе вѣковъ* »зміцнили ся й залюднили сі краї *збитою масою*«[8]) — значитъ, *раньше* русское населеніе было *рѣдкое*. »Горы въ XIII и XIV в. были еще *глухи* и *неприступны*, съ преобладаніемъ скотоводства и звѣроловства надъ земледѣліемъ«.[9])

Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ отдѣльныхъ свѣдѣній.

---

[1]) I, 224.
[2]) II, 459.
[3]) I, 224.
[4]) II, 487.
[5]) II, 501.
[6]) I, 223.
[7]) I, 494.
[8]) I, 226.
[9]) II, 491.

1. Два мѣста »Gesta Hungarorum« Анонимнаго нотара короля Белы.

Съ того времени, какъ Швандтнеръ въ 1746 г.[1]) издалъ впервые Gesta Hungarorum, они долгое время пользовались полнымъ довѣріемъ, хотя уже Шлёцеръ въ своемъ »Несторѣ« отнесся къ нимъ весьма отрицательно,[2]) и въ томъ же смыслѣ высказались многіе серьезные, преимущественно нѣмецкіе ученые[3].) Особенно подорвали авторитетъ Анонима Рёсслеръ[4]) и, главнымъ образомъ, Марцали,[5]) и ихъ мнѣніе стало общепринятымъ: Gesta Hungarorum есть тенденціозное, полное фантастическихъ выдумокъ произведеніе, извѣстія котораго могутъ быть принимаемы только для того времени, когда Gesta Hungarorum возникли. По Марцали, Анонимъ былъ нотаръ короля Белы IV († въ 1270 г.) и написалъ свои Gesta по смерти Белы IV въ третьей четверти XIII в.

Съ конца XIX в. мадьярская наука особенно интересовалась вопросомъ объ Анонимѣ.[6]) По разнымъ соображеніямъ, главнымъ же образомъ, на основаніи языковой и орѳографической формы мадьярскихъ собственныхъ именъ и мѣстныхъ названій, пришли къ заключенію, что Анонимъ былъ нотаръ не Белы IV, а *Белы III* († въ 1196 г.), и его Gesta составлены на розграньи XII и XIII в.[7]) Это является теперь установившимся мнѣніемъ.[8]) Кромѣ того, можно считать до-

[1]) Schwandtner, Scriptores rerum Hungaricarum, Vindobonae, I.

[2]) Исторію вопроса объ Анонимѣ до 1879 г. см. Гротъ, Моравія и Мадьяры, 1881, 181 пр.

[3]) Изъ мадьярскихъ Hunfalvy, Ethnografie v. Ungarn. Гунфальви былъ, собственно, Спишскій нѣмецъ.

[4]) Rössler, Zur Kritik älterer ung. Geschichtsquellen, 1860, и Romän. Studien, 1871, 192—230.

[5]) Marczali, Über die Gesta Hungarorum d. Anonymus B. r. Not. (Forsch. z. deutsch. Geschichte, XVII., 1877).

[6]) Литературу см. Hóman B., A magyarok honfoglalása és elhelyezkedése — Занятіе Мадьярами родины и ихъ разселеніе, A m. nyelvtudomány kézikönyve, I$_7$, 1923, 13—14.

[7]) Древнѣйшая рукопись относится къ концу XIII или началу XIV в. (Hóman, op. c., 2).

[8]) Hóman, l. c.; Chaloupecký, Staré Slovensko, 332. Dr. Jakubovich, Ki volt Anonymus és Márkus krónikás, 1924, доказываетъ, что

казаннымъ, что у Анонима, кромѣ заимствованій изъ предшествующей ему литературы, собственныхъ выдумокъ и произвольныхъ этимологизацій, сохранились, какъ и въ другихъ хроникахъ, и устныя традиціи мадьярскихъ родовъ,[1]) у Анонима именно изъ области верхней Тисы.[2]) Но, кромѣ того, мадьярскіе ученые[3]) пришли къ совершенно противоположному выводу, чѣмъ Рёсслеръ и Марцали, и признаютъ Gesta вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ не только для его времени, т. е. второй половины XII в., но и для времени предшествующаго, даже для времени передъ приходомъ Мадьяръ до Тисско-Дунайской низменности въ IX в. Противъ этого были сдѣланы, однако, вѣскія возраженія Шюнеманомъ[4]) и Мооромъ[5]) въ 1923 и 1926 г.

Мы теперь нарочно еще разъ перечитали Gesta Hungarorum и не можемъ не раздѣлить высказаннаго кѣмъ то мнѣнія, что это не есть достовѣрный для времени передъ XII в. историческій источникъ, а, своего рода, фантастическій романъ, написанный съ цѣлью апоѳеоза геройства Мадьяръ и ихъ вождей, одно появленіе которыхъ наводило ужасъ на другіе народы, спѣшившіе признать ихъ власть и заслужить ихъ милость. Что же касается родовыхъ традицій, передававшихся 200—300 лѣтъ *устно*, то возможно, что эти традиціи могли бережно сохранять въ памяти то, что интересовало представителей этихъ родовъ: имена родоначальниковъ, раздѣленіе родовъ на вѣтви, названія ихъ родовыхъ владѣній, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы за такой долгій періодъ уцѣлѣли въ этихъ родахъ свѣдѣнія о проходѣ Мадьяръ черезъ

Анонимъ былъ нотаромъ *Белы II* († въ 1141 г.), но, повидимому, его мнѣніе осталось одинокимъ.

[1]) »Nem«, позднѣе »nemzetség, generatio, progenies, *γένη*« (Hóman, op. c., 15).

[2]) Ib., 39.

[3]) М. пр. и Melich J., A honfoglaláskori Magyarország — Угрія во время занятія ея Мадьярами, Am. nyelvtudomány kézikőnyve, I_6, 1925—29, 1—434. Объ этой работѣ проф. Мелиха см. ниже.

[4]) Schünemann, рецензія на вышеупомянутую книжку Гомана, Ungar. Jahrbücher, 1923, 280—283, и »Die Römer« d. anon. Notär, ib., 1926, 448—457.

[5]) Moór, Ungarische Flussnamen, ib., 1926, 434—447.

Суздаль(!), Кіевъ, Владимиръ, Галичъ(!), о русскихъ князьяхъ этихъ городовъ, о Болгаро-тюркахъ Кеанѣ, Саланѣ, Лоборцѣ и т. д.

Интересующія насъ извѣстія Анонима находятся въ гл. 10 и 57.

Гл. 10: »Когда Альмошъ благосклонно принялъ отъ князей Суздаля и Кіева заложниковъ и подарки, то куманскіе князья просили Альмоша взять ихъ съ собой и со множествомъ семей Кумановъ отправились вмѣстѣ съ Мадьярами въ Паннонію. Точно также и многіе изъ Русскихъ, присоединившись къ князю Альмошу, пришли съ нимъ въ Паннонію и ихъ потомство до нынѣшняго дня живетъ *въ разныхъ мѣстахъ Угріи*.«[1])

Гл. 57: »Сынъ и преемникъ Арпада, князь Zulta[2]), утвердилъ границы Угріи противъ Нѣмцевъ и въ нихъ далъ построить замокъ Русскимъ, *которые пришли въ Паннонію съ его дѣдомъ Альмошемъ*.«[3])

Приведемъ сужденія Грушевскаго и Нидерле объ этомъ извѣстіи Анонима:

Грушевскій[4]:) »Сообщеніе Анонима есть только отголосокъ *общаго* (XII—XIII в.) *мнѣнія*, что Русскіе такіе же старые обыватели Угріи, какъ и Мадьяры, и жили въ Карпатахъ(!) съ незапамятнаго часа.«

Нидерле[5]:) »Извѣстіе Анонима (почерпнутое изъ мадьярской традиціи[6]) безспорно указываетъ на то, что во время нотара существовало въ Угріи *представленіе*, что Русскіе, тамъ живущіе — это *старые* поселенцы, а не пришедшіе только въ XII или XIII в.«

---

[1]) „Similiter et multi de *Ruthenis*, *Almo duci* adherentes, *secum in Pannoniam venerunt*, quorum posteritas in hodiernam diem *per diversa loca* Hungarie habitat.“

[2]) По Мелиху, »Zulta = Szoltán Zoltán« изъ араб. »sultān« (op. c., 42—43).

[3]) »Dux Zulta fixit metas Hungarie ex parte Theuthonicorum — — et in iisdem dedit castrum construere *Ruthenis*, qui *cum Almo duce*, avo suo, *in Pannoniam venerunt*.«

[4]) Op. c., I, 223.

[5]) SS., IV, 169.

[6]) Откуда это извѣстно?

На это замѣтимъ слѣдующее:

a) Неужели въ Угріи, скажемъ въ XII в., интересовались тѣмъ, когда какой то чуждый Мадьярамъ народъ (*не* родственные Печенѣги или Половцы), Русскіе, пришли въ Угрію, такъ живо, что составилось объ этомъ *общественное мнѣніе?*![1])

b) На какомъ основаніи высказанное *мимоходомъ* сообщеніе *одного только* автора можетъ быть провозглашаемо за »*общее*« въ Угріи мнѣніе? *Менѣе всего это допустимо именно относительно Анонима.* Его Gesta слишкомъ *индивидуальны* и, вѣроятно, поэтому *вовсе не пользовались популярностью въ Угріи.* За все средневѣковье они были *совершенно неизвѣстны*[2]) — съ нихъ не было много списковъ, изъ нихъ не было цитатъ, на нихъ не было ссылокъ. Кромѣ того, авторъ, если и не былъ иностранный монахъ,[3]) то, во всякомъ случаѣ, былъ человѣкъ, получившій свое образованіе за границей, именно во Франціи, вѣроятно, въ Парижскомъ университетѣ,[4]) такимъ образомъ, отошедшій отъ общаго уровня.

c) Наконецъ, Анонимъ не говоритъ *вообще* о поселеніи Русскихъ въ Угріи, *тѣмъ менѣе* о поселеніи *въ Карпатахъ*, а только о *разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ Угріи русскихъ колоніяхъ.* Объ одной изъ такихъ колоній (Oroszvár на Дунаѣ, недалеко отъ Братиславы) онъ и упоминаетъ въ гл. 57, повторяя буквально часть текста изъ гл. 10.

Изъ словъ Анонима логически можно вывести только:

a) Въ концѣ XII в. въ *разныхъ мѣстахъ Угріи* были *отдѣльныя поселенія*, жители которыхъ называли себя и были называемы »*Русскіе, Rutheni*«.

b) Эти поселенія возникли *не* во время жизни Анонима и *не* въ ближайшую къ нему эпоху, а въ началѣ XII в. или даже въ XI в. И то, и другое, какъ увидимъ ниже, подтверждается.

Но, если оставить Анонима въ покоѣ, то, *само по себѣ*, нѣтъ

---

[1]) Средневѣковое общественное мнѣніе того времени интересовалось болѣе всего религіозно-церковными вопросами, папствомъ и имперіей, а у болѣе ученыхъ— номинализмомъ и реализмомъ.

[2]) Jakubovich, op. c., 13.

[3]) Fejérpataky, Magyar honfoglalás kútfői, 390, np. 1.

[4]) Jakubovich, op. c., 7.

ничего невѣроятнаго въ томъ, что нѣкоторая часть — не »Русскихъ«, конечно, а »восточныхъ Славянъ« — *могла* придти съ Мадьярами за Карпаты, или какъ примкнувшіе къ кочевникамъ отряды искателей приключеній и добычи,[1]) или какъ плѣнные, захваченные Мадьярами.[2])

Перейдемъ теперь къ самымъ большимъ и тяжелымъ звеньямъ цѣпи, звеньямъ, непосредственно прилегающимъ одно къ другому. Это: Эмерихъ, сынъ св. Стефана, »dux Ruizorum« — 1031 г., »Marchia Ruthenorum« — 1131 г., «Русская Краина = Украина« — половины XIV в.

Замѣтимъ, прежде всего, что если бы всѣ эти извѣстія и имѣли, дѣйствительно, тотъ смыслъ, который имъ обыкновенно приписываютъ, то, какимъ образомъ изъ *одиночныхъ извѣстій*, такъ *далекихъ по времени* одно отъ другаго — при полномъ отсутствіи за три съ половиной столѣтія подтверждающихъ ихъ свѣдѣній — какимъ образомъ изъ нихъ можно дѣлать столь важные выводы?! Къ тому же, первое и второе извѣстіе принадлежатъ *иностранцамъ*, изъ которыхъ одинъ *совсѣмъ не былъ въ Угріи*, а другой попалъ туда *случайно, на короткое время*.

2. Эмерихъ, »dux Ruizorum«.

Гильдесгеймскія анналы:[3])

1030 г.: »Императоръ Конрадъ съ войскомъ былъ въ Угріи.«

1031 г.: »— —. Въ этомъ же году король Генрихъ, сынъ императора, и самъ герцогъ Баваріи, и угорскій король Стефанъ подтвердили взаимной клятвой заключенный миръ.

---

[1]) Какъ во время битвы на Калкѣ вождь русскихъ »бродниковъ«, Плоскиня, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Татарами.

[2]) Ср. извѣстіе Рожера (Rogerius), Carmen miserabile, гл. 37, о нашествіи Батыя: »Tandem post totius terrae illius« (между В. Варадиномъ и Арадомъ) »desolationem *Ruthenorum*, Comanorum, Hungarorum captivorum, paucorum etiam Tartarorum multitudine adunata, villam magnam (Perg) — — circumdantes, ad pugnam captivos (Tartari) — — premiserunt.“ Не можемъ никакъ согласиться съ предположеніемъ Халоупецкаго, чтобы эти плѣнные „Rutheni“ были съ верхняго Потисья — тамъ тогда не могло быть сколько нибудь значительнаго русскаго населенія.

[3]) Annales Hildesheimenses, Pertz, M. G., SS., III

И Генрихъ, сынъ короля Стефана, »dux Ruizorum«, на охотѣ растерзанный вепремъ, погибъ горестной смертью.«[1])

Грушевскій[2]): »Присоединеніе позднѣйшей угрорусской территоріи къ Угріи должно допустить въ половинѣ XI в. Но »*першу авторітетнійшу* (!) *звістку*« про власть Угріи надъ этой территоріей имѣемъ съ 1031 г.« (далѣе — цитата изъ анналъ). »Значеніе титула dux Ruizorum не ясно, но, очевидно, онъ стоитъ въ связи съ зависимостью Угорской Руси отъ короля Угріи.«

Халоупецкій[3]): »Marchia Ruthenorum« — здѣсь, очевидно, властвовалъ, какъ удѣльный князь, Эмерихъ, сынъ св. Стефана«.

Гильдесгеймъ, къ юговостоку отъ Ганновера, принадлежавшій прежде къ Нижней Саксоніи, былъ каѳедрой основаннаго Карломъ Великимъ епископства. Въ концѣ X и началѣ XI в. — при епископѣ Бернвардѣ, воспитателѣ, потомъ канцлерѣ Оттона III, и его преемникѣ Годегардѣ — былъ важнымъ культурнымъ центромъ. Въ монастырѣ процвѣтала школа и велись анналы. 1-ая часть — оригиналъ — до 994 г., 2-ая часть отъ 994 до 1040 г. есть довольно небрежное извлеченіе изъ недошедшихъ анналъ.[4]) Въ первой части записано довольно много извѣстій о набѣгахъ Мадьяръ (Ungarii) на разныя страны, во второй части есть отдѣльныя сообщенія о балтійскихъ Славянахъ, два-три упоминанія о Чехахъ и Полякахъ[5]), о Угріи же, кромѣ вышеприведенной выписки, больше ни разу не говорится. Очевидно, *Угрія не входила въ кругъ тамошнихъ интересовъ*, только походъ въ

---

[1]) A. 1030. »Cuonradus imperator cum exercitu fuit in Hungaria.« A. 1031 »— — Eodem anno imperatoris filius Heinricus rex, et ipse dux Baioarie, et Stephanus, rex Ungaricus, cum iuramento invicem firmaverunt pacem. Et Heinricus, Stephani regis filius, dux Ruizorum, in venatione ab apro discissus flebiliter mortuus« (98).

[2]) Op. c., II., 487—88.

[3]) Staré Slovensko, 40, 122—123.

[4]) Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, I., 1893, 349—350; II., 1894, 24—25.

[5]) Такъ, въ 1032 и въ 1034 г. упоминается Miseko, Misacho, Polianorum dux, въ 1035 г. filia Bolezlavonis, Polianorum ducis, въ 1034 г. — Oudalricus, Boemiorum dux.

Угрію императора Конрада и затѣмъ заключенный миръ привлекли вниманіе анналиста, а также трагическая смерть наслѣдника престола Угріи.

Генрихъ, у Мадьяръ Imre, Emericus, родился въ 1011 г., воспитывался съ 10-ти лѣтъ венеціанцемъ Герардомъ (Gellert), потомъ епископомъ Чанадскимъ, позже признаннымъ святымъ. Герардъ готовилъ изъ него не наслѣдника престола, а набожнаго монаха: молитва, постъ, самоотреченіе — вотъ что вдохновляло Генриха. Когда въ 1026 г. онъ женился, остался цѣломудреннымъ. Въ 1031 г. Стефанъ хотѣлъ отказаться отъ престола и передать его сыну. На 8-е сентября 1031 г. назначена была коронація Генриха, но 2-го сентября Генрихъ, а, повидимому, и его жена неожиданно умерли.[1])

Обратимся теперь къ самому сообщенію анналъ:

a) У Катоны[2]) собраны извѣстія изъ другихъ источниковъ о скоропостижной смерти Генриха — *нигдѣ* не говорится, что онъ былъ растерзанъ вепремъ на охотѣ. Fessler, принимая во вниманіе душевное настроеніе Генриха, не считаетъ вѣроятнымъ, чтобы передъ коронаціей принцъ посвящалъ время не молитвѣ и посту, а охотѣ.[3])

b) Извѣстіе анналъ о смерти Генриха взято анналистомъ *не* изъ какого нибудь *письменнаго* источника, а изъ *слуховъ*, распространившихся среди *Нѣмцевъ* о трагическомъ случаѣ. Это видно изъ даннаго ему титула »dux *Riuzorum*« — таково должно быть чтеніе оригинала. Форма »Ruizorum« возникла подъ вліяніемъ формы »Ruzorum = Russorum«. Издатель принялъ три параллельныхъ черточки[4]) за буквой »r« за »*ui*«, тогда какъ онѣ обозначали »*iu*«. »Riûze« — это обычная діалектическая средне-нѣмецкая форма для »Russe«, которая только въ XIV в. сплывается съ „riuze“ (рѣка — отъ »riozan, rinnen«) въ форму »Reuss«[5]). Если бы извѣстіе основывалось на какомъ либо *письменномъ* свидѣтельствѣ, то титулъ

---

[1]) Fessler-Klein, Geschichte v. Ungarn, I., 1867, 116, 119.

[2]) Catona, Historia critica regum Hungariae, I., 350—351.

[3]) Op. c., 115, пр. 1.

[4]) Конечно, безъ точекъ.

[5]) Bachmann, Die deutschen Ortsnamen in Siebenbürgen, 1881, 83.

Эмериха былъ бы »dux Russorum, Ruthenorum«. Этотъ мутный источникъ — *народные слухи* — дѣлаетъ еще болѣе ненадежнымъ сообщеніе Гильдесгеймскихъ анналъ.

c) До коронаціи св. Стефана въ 1000 г. государи Угріи носили титулъ »dux«, послѣ »rex«, остальнымъ членамъ королевскаго дома давался титулъ »dux«. Иногда они получали удѣлы, »ducatus«. Такъ, въ 1046 г. Бела, младшій братъ короля Андрея I., получилъ треть королевства.) Король Соломонъ по договору съ Гейзой уступилъ ему тотъ же »ducatus«.[1]) Когда въ 1074 г. Гейза сталъ королемъ, онъ передалъ »ducatus« брату Ладиславу[1]). Но до конца XI в. въ угорскихъ памятникахъ »duces« *никогда не носятъ прозванія по ихъ* »ducatus«,[2]) какъ, напр., во Франціи »дофинъ« — по провинціи Dophiné, въ Англіи принцъ »Уэльскій«. Только по присоединеніи св. Ладиславомъ Хорватіи и Славоніи эти земли давались обыкновенно (но не всегда) наслѣднику престола съ титуломъ »dux[3]) Croacie et Slavonie«.[4]) Такимъ образомъ, Генрихъ, очевидно, носилъ *только* титулъ »dux« *безъ дальнѣйшаго опредѣленія.*[5]) Опредѣленіе »Riuzorum« возникло уже на *нѣмецкой* почвѣ и *для Угріи не имѣетъ никакой силы доказательности.*[6])

Такимъ образомъ, это звено цѣпи, »dux Ruizorum«, является вовсе *не авторитетнѣйшимъ* извѣстіемъ, а *нулемъ.*

---

[1]) Chaloupecký, op. c., 42 и пр. 151.

[2]) Какъ и въ бывшей Россіи, въ ея императорскій періодъ, члены царской фамиліи назывались только »Великими князьями«.

[3]) Иногда »rex«, т. е. »junior«.

[4]) Chaloupecký, op. c., 42 пр. 153, 47 пр. 182 и 184.

[5]) И въ Admonitio Стефана сыну, De morum institutione, и въ Chron. pict., и у I. de Twrócz Эмерихъ называется *просто* »dux«.

[6]) Отмѣтимъ еще одну странность: опредѣленіе къ титулу »dux« дано въ анналахъ *не* по *области*, а по *народу*. Это могло быть только тогда, если бы Русскіе были организованы по военному — какъ, напр., dux Comanorum, но о такой военной организаціи Русскихъ *въ Карпатахъ*, гдѣ помѣщаютъ эту »marchia Ruthenorum«, нѣтъ нигдѣ и слѣда. Поэтому наиболѣе логичное — хотя и вполнѣ и бездоказательное — предположеніе высказалъ гр. Телеки, Hunyadiák kora Magyarországon, 1863, VI_2: »русское герцогство Эмериха надо искать въ Мошоньской ст., гдѣ была въ Оросварѣ русская военная колонія — отъ нея онъ и назывался »dux Ruizorum« (27).

Какимъ же, однако, образомъ возникло въ *нѣмецкой* средѣ представленіе, что Эмерихъ титуловался »dux Riuzorum«? На это можемъ отвѣтить только предположеніемъ.

По Катонѣ[1]): »въ житіи Эмериха сказано, что жена Эмериха была orta de regali prosapia; Ioannes Tomcas Marnavits: uxorem s. Emerici filiam Crescimiri, regis Dalmatiae, fuisse dalmatica monumenta testantur; по Праю она была сестра Крешимира«. Позднѣйшая угорско-польская хроника называетъ Эмериха« dux Slavonie.«[2]) Карачоньи[3]) доказываетъ, что Эмерихъ былъ обрученъ съ дочерью Болеслава Храбраго.

Не можемъ здѣсь въ этомъ разбираться, но, очевидно, бракъ Эмериха былъ заключенъ съ какой либо *славянской* принцессой, и объ этомъ въ Германіи слышали. Въ Гильдесгеймѣ, имѣя больше свѣдѣній о Славянахъ балтійскихъ, Чехіи и Польшѣ, могли знать, что это не была принцесса изъ этихъ земель. Оставались Хорваты, Сербы, Болгаре и Русскіе. Если въ XX в. многіе западно-европейцы не очень то освѣдомлены о славянскихъ народахъ, то еще болѣе это было въ началѣ XI в. Автору слуха объ Эмерихѣ вполнѣ было естественно поставить его бракъ въ связь съ наибольшимъ славянскимъ государствомъ — именно *съ Русью Ярослава Мудраго*, бывшей тогда въ оживленныхъ сношеніяхъ съ западной Европой. Авторъ слуха, вѣроятно, думалъ, что невѣста принесла Эмериху въ приданое какой либо *удѣлъ на Руси* — поэтому онъ и далъ Эмериху титулъ »dux Riuzorum«.

Это, впрочемъ, не имѣетъ особаго значенія.

3. »Marchia Ruthenorum, Alpes Ruthenorum.«

»Marchia Ruthenorum« упомянута въ біографіи Конрада, архіепископа Зальцбургскаго.[4])

Конрадъ, архіепископъ Зальцбургскій (1106—1147), игралъ большую роль въ тогдашней политикѣ римско-германской

---

[1]) Op. c., 323, 326, 331.

[2]) Chaloupecký, op. c., 40 пр. 143.

[3]) Karácsonyi J., Sz. István király élete, Századok, 1902, 107—110.

[4]) Vita Chunradi, archiepiscopi Salisburgensis (Pertz, M. G., SS., XI., 62—67).

имперіи, какъ сторонникъ папы. Своей твердостью и личнымъ обаяніемъ ему удалось, между прочимъ, добиться долговременнаго и прочнаго мира съ Угріей. Біографія Конрада составлена какимъ то монахомъ, лично знавшимъ Конрада, но составлена довольно поздно, между 1170 и 1177 г., чѣмъ объясняются многія неточности въ отдѣльныхъ свѣдѣніяхъ. Біографія обрывается на 1138 г., конецъ потерянъ.[1]) Объ Угріи авторъ говоритъ только въ главѣ 18, больше же всего мѣста отводитъ дѣятельности Конрада въ его епархіи.

Гл. 18: »Архіепископъ, видя опустошенія марки[2]) Мадьярами, заключилъ миръ съ ихъ королемъ.[3]) Что произошло послѣ мира, врядъ ли кто нибудь можетъ повѣдать, но я помню объ этомъ, такъ какъ послѣ одного обычнаго набѣга Мадьяръ я, будучи отправленъ по этому дѣлу посломъ въ Угрію, съ помощью Фелиціана, архіепископа Остригомскаго, достигъ такаго успѣха, что по приказу короля всѣ плѣнные были возвращены. Не мало помогъ этому страхъ передъ архіепископомъ, который тогда былъ въ маркѣ съ нѣсколькими епископами и другими князьями. По всей Угріи распространился слухъ, и, какъ знатныхъ людей, такъ и весь народъ объялъ великій страхъ, что архіепископъ вошелъ съ безчисленнымъ войскомъ въ марку для того, чтобы напасть на всю угорскую землю и до Остригома — столицы того королевства — не оставить ничего живаго, въ отмщеніе

---

[1]) Wattenbach, op. c., 229—230.

[2]) Т. е. Восточной, Австрійской.

[3]) Разсказъ автора біографіи здѣсь не вполнѣ ясенъ, и, именно, относительно хронологіи. Ваттенбахъ (op. c.) и Бернгарди (у Перца) относятъ миръ къ 1127 г., набѣгъ же Мадьяръ (очевидно, *не* новая война, начатая королемъ, а предпріятіе частныхъ лицъ) къ 1131 г., когда тотчасъ же за набѣгомъ послѣдовало и посольство Конрада. Неназваннымъ по имени королемъ Угріи былъ тогда Бела II. Гротъ, Изъ исторіи Угріи и Славянства, соглашаясь съ первымъ, относитъ набѣгъ и посольство къ тому же 1127 г., когда Стефанъ II могъ быть въ Галичинѣ, принимая участіе въ борьбѣ между сыновьями Володаря Ростиславомъ и Владимиркомъ (13—14, 23—24). Подъ marchia Ruthenorum, повидимому, Гротъ понимаетъ Галичину, какъ »окраину Руси«(24, пр. 2). Намъ это кажется натянутымъ; къ тому же, по разсказу автора, набѣгъ былъ произведенъ значительно позже заключенія мира.

своего народа, уведеннаго въ плѣнъ. Когда я прибылъ въ вышерѣченный городъ, нашелъ архіепископа и весь народъ въ безпокойствѣ. И сказали мнѣ, какъ я рѣшился войти въ землю, для опустошенія которой пришелъ мой господинъ. Я не хотѣлъ ихъ вполнѣ успокоить и совершенно отрицать пугавшее ихъ намѣреніе моего господина и отвѣтилъ: Теперь еще мой господинъ не пришелъ и рѣшилъ лучше обождать, желаютъ ли они, вернувъ плѣнныхъ, сохранить заключенный миръ. Когда они услышали такой отвѣтъ, *былъ отправленъ посолъ къ королю, который тогда пребывалъ въ маркѣ Русскихъ* (marchia Ruthenorum), и всѣ плѣнные съ цѣлой добычей были возвращены въ свою землю.«[1])

Это посольство всѣ относятъ къ 1131 г. Изъ подлиннаго текста видно, что авторъ біографіи, отправленный Конрадомъ въ Угрію, какъ посолъ, *Угріи вообще не зналъ*,[2]) *у короля въ marchia Ruthenorum не былъ*, а доѣхалъ только *до Остригома*.

Какъ мы привели выше, Бидерманъ[3]) считаетъ это извѣстіе доказательствомъ того, что тогдашнее общественное мнѣніе признавало лѣсистую область Карпатъ по праву при-

---

[1]) „Quod post hanc pacem evenisse unquam vix quisquam docere poterit. Semel namque eruptione solita Ungarorum id contigisse inde recordor, quia pro hac re nuntius in Hungariam factus, auxilio archiepiscopi Strigoniensis Feliciani in tantum profeci, ut iubente rege — — captivi omnes redderentur — —. Sciendum autem huic rei non minimum opitulatum fuisse timorem archiepiscopi, quia, cum in marchia eo tempore positus esset cum episcopis (talibus) aliisque principibus, fama cucurrerat per totam Ungariam et tam principes, quam universum populum in timore maximo posuerat, eo quod cum exercitu infinito marchiam intrasse diceretur, ut totam terram Ungarorum invaderet et usque Strigonium, quae metropolis regni est illius, nihil vivens relinqueret in ultionem populi sui, in captivitatem abducti — —. Cum enim ad memoratam civitatem venissem et tam archiepiscopum, quam universum populum in tali anxietate invenissem mihique diceretur, quomodo ausus fuissem intrare terram, quam spoliaturus venisset dominus meus, nec illos omnino securos facere volens, nec dominum meum hoc, quod timebant, facturum omnino negans, respondi: „Non sic venit hoc tempore dominus meus“, sed potius adhuc exspectare eum disposuisse, si redditis captivis foedus initum servare vellent. Hoc responso audito *nuntius ad regem dirigitur, qui tunc in marchia Ruthenorum morabatur*, et sub festinatione captivi omnes cum universa praeda terrae suae restituuntur — —“ (74).

[2]) Столицей ея считаетъ Остригомъ.

[3]) См. выше, стр. 19.

надлежащей Русскимъ. Грушевскій[1]) и Халоупецкій[2]) утверждаютъ, что отъ этой »marchia Ruthenorum« Эмерихъ и получилъ титулъ »dux Ruizorum«.

Если относительно Анонима мы указали на нелогичность придавать извѣстію *одного угорскаго* автора значеніе *общественнаго мнѣнія Угріи*, то уже совершенно невозможно въ *мимоходомъ употребленномъ выраженіи Нѣмца, случайно посѣтившаго Остригомъ, совершенно не знавшаго Угрію*, видѣть выраженіе »*общественнаго мнѣнія*« — если не Европы, то, по крайней мѣрѣ, римско-германской имперіи — о томъ, какому именно народу *по праву* принадлежатъ Карпаты или ихъ часть!

Обратимся къ словамъ автора біографіи.

Въ какой формѣ было сообщено ему въ Остригомѣ, гдѣ именно пребывалъ король, мы, конечно, не знаемъ, но авторъ, какъ Нѣмецъ, употребилъ привычный тогдашній нѣмецкій терминъ: marchia, марка.

Марка, die Mark, marchia — учрежденіе франкской монархіи, потомъ римско-германской имперіи. Марка — пограничный округъ, организованный по военному. Во главѣ его стоялъ маркграфъ съ военной и гражданской властью, въ маркѣ сосредотачивалось подчиненное маркграфу войско, опиравшееся на крѣпкіе бурги, въ маркѣ проводилась нѣмецкая колонизація. Марка имѣла не только оборонительное, но и наступательное значеніе. Ея задачей было расширять на области сосѣдей власть римско-германскаго императора, христіанство и власть римскаго престола, власть намѣстника Христа, а также и германскую національность. По мѣрѣ продвиженія этихъ элементовъ, сосѣднія области включались въ границы марки, а иногда образовывались изъ нихъ новыя марки.

Марки носили *оффиціальныя* названія или по своему *географическому* положенію: марка Сѣверная, марка Восточная (Marchia in Oriente, orientalis); или по *времени* основанія: die Altmark, Neumark; или же, *чаще*, по *народамъ*. Но по *какимъ* народамъ? Несомнѣнно, въ маркахъ, особенно на отвоеванной отъ сосѣдей территоріи, жило и *не*-нѣмецкое населеніе, или порабощенное, или сохранившее въ той или иной мѣрѣ

[1]) Op. c., II., 487—488.

[2]) Op. c., 40, 122—123.

свободу. Но ни для нѣмецкой общественности, ни для нѣмецкаго государства вовсе не было важно и интересно, какіе именно народы, кромѣ Нѣмцевъ[1]), жили въ какой маркѣ, и было бы *совершенно безсмысленно называть марки по этимъ народамъ.* Слѣдовательно, марки назывались по *народамъ* или *государствамъ сосѣднимъ, противъ* которыхъ эти марки были устроены. Еще при Карлѣ В. въ 805 г. была организована »limes« (= марка) »sorabicus«, въ 808 г. »limes saxonicus«[2]) — названы они такъ *не* потому, что въ этихъ маркахъ *жили* Сербы или Саксы,[3]) а потому, что марки были устроены *противъ* Сербовъ и Саксовъ. Совершенно такой же смыслъ имѣютъ названія Аварская марка, на территоріи Словинцевъ »Marca Wenedorum«, область около Блатна »Slougenzin marcha«. Ясно это подтверждаетъ относящееся къ 865 г. выраженіе: »marchia *contra* Slavos.«[4]) Въ такомъ же смыслѣ понимаетъ Пекаржъ[5]) терминъ въ 1043 г. »marchia boemica« у Morisburk'a (Mailsberg) — марка *противъ* Чехіи.

Такимъ образомъ, »marchia Ruthenorum« у нѣмецкаго автора вовсе не значитъ »марка Русскихъ«, а »марка *противъ* Русскихъ«, или, точнѣе, такъ какъ Русскіе имѣли государственную организацію, »марка *противъ Руси*«, т. е. Галицко-Владимирскаго княжества.

Почему король Угріи въ 1131 г. могъ пребывать въ пограничной съ Галичиной полосѣ и, вѣроятно, съ войскомъ, можно догадаться изъ того, что какъ разъ въ это время Борисъ Коломановичъ[6]) выступилъ противъ Белы II и дѣлалъ попытки добиться трона Угріи.[7])

Въ Угріи такой системы организованныхъ марокъ не было[8])

---

[1]) Или, ранѣе, Франковъ.

[2]) Niederle, SS., III., 606.

[3]) Хотя таковые и могли жить тамъ.

[4]) Francorum reg. hist. (Niederle, SS., II., 307).

[5]) Č. Č. H. 1904.

[6]) Сынъ Евфиміи, второй жены Коломана, дочери Владимира Мономаха. Коломанъ не призналъ Бориса своимъ сыномъ.

[7]) Fessler-Klein, Geschichte v. Ungarn, 1867, I., 237—38; Гротъ, op. c., 6; Krones, Grundriss d. österr. Geschichte, 249.

[8]) Да если бы и была, то марки устраивались бы на *фактической границѣ* Угріи, на границѣ заселенной территоріи передъ засѣками, а не въ незаселенной полосѣ »ultra indagines«, куда всѣ изслѣдователи помѣщали »marchia Ruthenorum«.

— о способѣ охраны границъ мы уже говорили выше[1]) — но терминъ »marchia«, подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, былъ въ употребленіи,[2]) хотя гораздо чаще пользовались терминомъ »confinium«, мн. ч. »confinia«; иногда это было синонимомъ »fines«, иногда обозначало »пограничную область«; часто опредѣлялось, съ чѣмъ или съ кѣмъ эта область граничитъ: »confinium Poloniae, Austriae, Moraviae, Polonorum, Ruthenorum« и т. п.[3])

Выраженіе С. Кезаи,[4]) Gesta Ungarorum: »Alpes Ruthenorum« — восточные Карпаты, и грамоты 1285 г.: »Alpes Ruthenie« — Карпаты на сѣверѣ Шариша,[5]) далѣе »porta Ruscie« у *Рожера,* »Carmen miserabile«[6]) и т. п., обозначаютъ то же самое, что въ русской лѣтописи »горы угорскія, ворота угорскія«, или въ грамотѣ 1248 г. »porta Gallicie, que vocatur Ungarica«, т. е. *»горы на границѣ Угріи, ворота въ Угрію«* и, слѣдовательно, »Alpes Ruthenorum, Alpes Ruthenie, porta

[1]) Стр. 14—15.

[2]) Такъ, въ »Decreta Colomani«, lib. I., cap. 36: »Si magna fama« (что rex или dux собираются навѣстить) »marchiam intraverit, comes nuncios duos equis exercitualibus quatuor ad regem dirigat.« Раззоренное крестоносцами перваго похода околье Землина (на Савѣ) зовется »marchia« (Chaloupecký, op. c., 47 пр. 185). Иногда, повидимому, »marchia« называлось отдѣльное помѣстье въ пограничьи: »Scyrnik marchia, marchia Chartybak (Гаджега, Наук. Зб., IV, 157, пр. 5) — по неполнотѣ цитатъ мы не могли выяснить.

[3]) Chaloupecký, Staré Slovensko, 1923, указатель подъ словомъ confinium и ссылки на страницы. Въ этой книгѣ авторъ понималъ marchia Ruthenorum, какъ марку, населенную Русскими, бывшую раньше удѣломъ Эмериха. Въ появившихся же въ 1925 г. Dvě studie k dějinám Podkarpatské Rusi, хотя на стр. 35 и повторяетъ тоже самое, но въ пр. 85 тутъ же признаетъ возможность и другаго объясненія, по нашему мнѣнію *единственно правильнаго*: »Пограничныя краины часто получали названія *по своимъ сосѣдямъ*: »confinium Poloniae, confinium Bohemorum, marchia Bolgar« и т. д. Въ »Historia Salonitana« Ѳомы Сплѣтскаго, XIII в., confinium Pannoniae et Rutheniae значитъ просто *граница между Угріей и Русью«.* На слѣдующей страницѣ въ пр. 88 по поводу выраженій Анонима »confinium Ruthenorum et Polonorum, confinium Ruthenorum« говоритъ: »эти названія можно также понимать *просто какъ границу, а не* только территорію, лежащую при границѣ«.

[4]) Не *Кеза.* Kézai значитъ »de« (помѣстья) »Kéza«, нынѣ »пуста« Kinza въ Бѣлоградской ст. (Jakubovich, op. c., 13).

[5]) Chaloupecký, op. c., 275.

[6]) L. c.

Ruscie« = *»горы на границѣ Русскихъ* или *Руси, ворота въ Русь,«* а вовсе *не* »горы, населенныя Русскими«, »ворота, у которыхъ живутъ Русскіе«.[1])

Послѣ »marchia Ruthenorum« 1131 г. проходитъ столѣтіе XII, проходитъ столѣтіе XIII и половина XIV. Множатся письменные памятники: грамоты, хроники и т. п., но *нигдѣ никакого помину о »русской маркѣ«*. Вдругъ, черезъ два съ половиной столѣтія, появляется опять »русская марка« во образѣ *»Русской краины, Русской Украины«*.

4. Русская Краина.

»Русская краина = марка = украина« создана, собственно, Бидерманомъ,[2]) остальные ученые только по-

[1]) Гораздо болѣе должно было бы привлечь вниманіе изслѣдователей извѣстіе грамоты Белы IV 1243 г. о »Russia, que vocatur Hungarica«, но оно приведено у Халоупецкаго только въ примѣчаніи (op. c., 275 пр. 1086), у Нидерле дважды, притомъ одинъ разъ тоже только въ примѣчаніи (Počátky Karp. Rusi, 29 пр. 1., SS., IV, 170 и пр. 2) и безъ всякихъ поясненій. Между тѣмъ, здѣсь не какой либо неосвѣдомленный иностранецъ, а *самъ король Угріи* въ *оффиціальномъ* документѣ свидѣтельствуетъ о существованіи *»Угорской Руси«*. *Къ счастью*, однако, никто не обратилъ на это извѣстіе вниманія. Халоупецкій взялъ его изъ Нидерле, а тотъ изъ статьи А. И. Д(обрянскаго), О западныхъ границахъ Подкарп. Руси со времени св. Владимира (Ж. М. Н. Пр., ч. 208, 1880, 158—159). А. И. Добрянскій былъ введенъ въ заблужденіе неправильной цитатой изъ грамоты у Bardossy, Supplem. Analect. Scepusiensium, 150: »vice quadam in Russia« (sub magna porta Galiciae) »quae vocatur Hungarica (cf. Not. 19) nobis nostrisque baronibus in expeditione praesentibus laudabiliter dimicavit, dehinc et super fluvium Donetz (minorem Tanaim; Don enim Tanais major vocatur) viriliter coram nobis (contra Danielem) perstitit in conflictu.« Эта грамота *не* 1243, а 1248 г., и вотъ ея подлинный текстъ: »— — animo revolventes — — comitis Herbordi, filii Osl comitis, — — obsequia — — et ut quedam de multis — — eius obsequiis — — exprimamus, vice quadam *in Ruscia sub magna porta Gallicie, que vocatur Ungarica*, — — laudabiliter dimicando, dehinc eciam super fluvium Denisztur viriliter coram nobis prestitit in conflictu — —.« (Cod. Arp. cont., VII., № 183, 263). Ясно, что »Ungarica« названа *не* »Ruscia«, а »magna porta Gallicie«, т. е. »ворота угорскія«. Очевидно, А. И. Д. счелъ слова въ скобкахъ (sub magna porta Galiciae) такимъ же *добавленіемъ* и поясненіемъ Бардоши, какъ и остальныя, заключенныя въ скобки.

[2]) Бидерманъ, трудолюбивый ученый, собравшій множество новыхъ данныхъ для исторіи Карпатской Руси, проявлявшій вообще

вторяли его мнѣніе: »Marchia Ruthenorum« 1127 г.[1]) = »ruthenische Mark«[1]), »это *только и можетъ быть пограничная область* Верхней Угріи, извѣстная и до настоящаго времени подъ *вполнѣ тождественнымъ* названіемъ »Крайна«. Крайна, правда, нынѣ именуется по сто́лицамъ, черезъ которыя проходитъ, Шаришской, Бережской, Ужанской и Земплинской Крайной, ранѣе же, *вѣроятно,* образовывала *одно цѣлое* подъ властью *особаго маркграфа-воеводы.*«[2])

Никто доселѣ не далъ себѣ труда уяснить обстоятельно, какія могли быть приблизительныя *границы* этой »Крайны«. По Бидерману, въ нее *не* входили съ запада Спишъ, съ востока Мараморошъ. *Сѣверной* границей, очевидно, считали позднѣйшую сѣверную пограничную линію Угріи — *карпатскій хребетъ.*[3]) О приблизительной *южной* границѣ никто не высказывался, но, въ виду того, что Бережская Крайна лежала на *югѣ этнографической карпаторусской области,* то всѣ, вѣроятно, мысленно предполагали, что и *западнѣе* южная граница Крайны *совпадала* съ южной границей этой области.

Разберемъ предположеніе Бидермана.

1. Отъ Бережской до Шаришской ст. никакой »Крайны«, какъ *территоріально непрерывной области,* никогда не существовало.

большую критичную осторожность (хотя его трудъ построенъ довольно хаотически), въ данномъ случаѣ соблазнился сходствомъ значенія »die Mark« и »Краина«, понявъ послѣднее въ смыслѣ »украйны«. Увидимъ далѣе, что такое пониманіе неправильно.

[1]) Собственно 1131 г. (см. выше, стр. 32).

[2]) Diese »ruthenische Mark« *kann* wohl nur die bis in die neueste Zeit herauf unter dem dasselbe ausdrückenden Namen »Krajna« bekannte Grenzgegend in Oberungarn sein, welche zwar dermalen nach den Komitaten, deren Grenzen sie jetzt durchschneidet, als Sároser, Beregher, Ungher und Zempliner Krajna unterschieden wird, vor Zeiten aber *wahrscheinlich* unter einem besonderen Markgrafen (Woiwoden) ein Ganzes bildete« (op. c., II., 59.). Какъ видно изъ напечатанныхъ *курсивомъ* словъ Бидермана, онъ высказывалъ только *предположеніе,* слѣдовавшіе же за нимъ ученые сочли его *предположеніе* за *доказанный фактъ.*

[3]) Но, вѣдь, какъ разъ *сѣверная* полоса у хребта *позже всего* была *заселена,* такъ что не только въ XII—XIII в., но и въ XIV она не могла входить въ Крайну.

И въ XIX. в. *въ народѣ* такого понятія нѣтъ — болѣе гористая часть Карпатской Руси называлась и называется »*Верховиной*«. Въ Бережской ст., насколько намъ извѣстно, нынѣ *нѣтъ* названія »Крайна«, въ Ужанской ст., по словамъ проф. И. Панькевича — *тоже*. Относительно Шаришской ст. мы лично ничего не знаемъ. Только въ Земплинской ст., по сообщенію знатока своего края и мѣстнаго историка, о. И. Кондратовича, пароха въ Хоньковцахъ,[1]) сѣверо-восточный уголокъ сто́лицы на границѣ ея съ Ужанской называется въ народѣ »Крайня«, а ея обыватели »Крайняне«.[2]) Здѣсь »Крайня« — прилагательное жен. рода — значитъ, несомнѣнно, »крайняя« = окраинная часть сто́лицы, и есть народное осмысленіе не совсѣмъ яснаго народу термина »Крайна«.

О прошломъ же этой, по Бидерману, »Русской Крайны«, или, какъ увидимъ ниже, этихъ »Крайнъ«, извѣстно болѣе всего о Крайнѣ въ Бережской ст., объ остальныхъ же сто́лицахъ даже не собранъ и матеріалъ, который даютъ грамоты, конскрипціи, главное же урбары. Опубликованы только отрывочныя данныя, да и то больше отъ позднѣйшаго времени — кое что отъ XVI, главное же отъ XVII в. Постараемся использовать и этотъ скудный матерьялъ.

а) Бережская ст.[3]) Здѣшняя Крайна упоминается первый разъ въ грамотѣ 1364 г.[4]) Она состояла въ XIV—XV в.

---

[1]) Около Собранецъ.

[2]) По указанію о. Кондратовича, границу ея составляютъ слѣд. села: Ниж. Яблонька (у хребта), Гостовица, Нехваль-Полянка, Пчолине, Ялова, Стащинъ (или Стакчинъ), Колоница, Ладомирово, Стрьовцы, Грабова Ростока, Быстрое, Подгородье (въ Ужанской ст.), Рус. Грабовецъ, Убля, Березовецъ, Уличъ, Кривое Уличъ, Колбасово, Новоселица (у хребта). Эта »Крайня« почти вполнѣ соотвѣтствуетъ одному округу (járás) Гуменянской »Крайны« XVII в. (см. о ней ниже).

[3]) Изданія грамотъ о ней: Mészáros K., Magyarországi oroszok története, Pest, 1850; Lehoczky T., Adalékok a kenézek intézményéhez (Történelmi Tár, 1890, 155—173, 744—792); его же, Adalékok az oláh vajdák, oláh és orosz kenézek vagy soltészok és szabadosok intézményéhez hazánkban (ib., 1894). Позднѣйшія данныя изъ урбаровъ въ его же Beregvármegye monografiája, I—III, 1881 г.

[4]) Kadlec, op. c., 475—476.

только *изъ 9 селъ* на *югъ* отъ Мукачева.[1]) Эти села были основаны Румынами. Села называются »villae valachales, olahales«, обыватели — »Wolaci«; села составляли особую единицу: »pertinencie Krajna, waywodatus de Krajna«; во главѣ ея стоялъ избираемый Крайной (tota communitas de Krajna) и »князьями« (kenezii) селъ »waywoda Wolacorum«, что̀ указываетъ на военный характеръ »Крайны« и подтверждается тѣмъ, что о »крайникѣ«, гражданскомъ правителѣ Крайны, нигдѣ не упоминается. Когда поселились здѣсь Румыны,[2]) неизвѣстно, но, судя по Ужанской ст.,[3]) уже въ началѣ XIV в. *Остальныя села Бережской ст. на югъ, востокъ, сѣверъ и западъ не входили въ Крайну.* Крайна сама не составляла территоріальнаго цѣлаго, а являлась въ видѣ *двухъ островковъ*[4]) *почти на югъ* этнографической карпаторусской территоріи, а вовсе *не на пограничьи* Угріи.[5]) Между тѣмъ, именно ея названіе и натолкнуло Бидермана на мысль отождествить »Крайну« съ »marchia Ruthenorum«.

b) Ужанская ст.[6]) Приведемъ сначала данныя грамотъ: Gepel[7]): 1337 г.: »provincia Gepel« (I., 146); 1413 г.:

---

[1]) Между 1506 и 1523 г. прибавилось еще десятое поселеніе — Кендерешово, на востокъ отъ Мукачева, очевидно, недавно основанное (ib., 245, 477—478).

[2]) Что это были Румыны, видно также изъ названій нѣкоторыхъ селъ и изъ упомянутыхъ въ грамотахъ личныхъ именъ.

[3]) См. ниже.

[4]) Начиная съ юга: первая группа: Мѣдяница, Арданово, Доробратово, Завидово, Колодное, Загатье; вторая группа: Лалово, Становo, Керепецъ (позже: Ober Schönborn).

[5]) Въ XVII в., когда Крайна уже утратила свои привилегіи (по Легоцкому, ор. с., I, 118, послѣ возстанія куруцевъ 1514 г.), сохранилась о ней память въ названіи одного изъ округовъ Мукачевской доминіи: »Krainai kerület, Krajnaság«. Тогда это была только административно-хозяйственная единица доминіи. Въ »Krainai kerület«, кромѣ 10 селъ прежней Крайны, включено было еще 23 сосѣднихъ.

[6]) Нѣкоторыя данныя о ея селахъ въ XIV в. и въ началѣ XV в. сообщены В. Гаджегой, ор. с., Наук. Зб., III, 1924, 230—234, изъ I и II т. Cod. dipl. com. Sztáray. Изъ урбара Унгварской доминіи 1631 г. А. Годинкой: Adalékok az ungvári vár és tartománya és Ungvár város történetéhez, Ungvár, 1917, 7—21. Вотъ и весь матерьялъ.

[7]) Т. е. »Gyepely = gyepü-el, ultra indagines«. Это была »provincia, districtus« около Выш. Нѣмецкаго, гдѣ существовали ранѣе поселенія

»— — quomodo populi — — Wolahi — — Nicolai et Johannis, filiorum Drugeth de Homonna, in districtu Gepel commorantes, — — ex voluntate et permissione dominorum ipsorum ad silvam possessionis — — plebani Remethe — — veniendo, — — quadringentas et quadraginta duas oves iobagionum ipsius (plebani) — — furtive et clandestine depulissent et abduxissent; et dum homines — — Petri plebani eosdem fures insequendo — — repertos captivassent et captos pena debita applicandos adducere voluissent, tum Stephanus es Sthan vaivode, per — — filios Drugeth in dicto districtu Gepel constituti, super eosdem irruendo, simul cum ipsis ovibus deducere non permisissent; et quod unum iobagionem — — plebani captivassent captumque nunc in vinculis eorum conservarent — —« (II., 125—126).

Корумля: 1337 г.: »— — quod in quodam territorio Koromla — — magister Gwd, — — castellanus — — Villermi fpalatini (Drugeth), Olahos descendere fecisset« (I., 121); 1365 г.: »— — Johannes, dictus Stroya, Dragomer, filius Romani de Korumle, cum Kaliman, Buna et Kalym Olahis« (I., 345).

Хоньковцы (Hunkolch): 1409 г.: »— — ad possessionem Hunkolch — —; Nyeg kenezius et Laurencius Berchen; Benedictus, Andreas et Stanizlaus, filii Baalk« (II., 58.).

Подгородье: 1414 г: »— — cum complicibus Neg et Iwan, iliis Sandrini, — — in villa Varalia commorantibus« (II., 142.).

Есеновъ: 1348 г.: »iobagio Olahalis Nicolaus« (I, 209).

Доманинцы: 1378 г.: »Dragus Olahus — — ac Mathe, filius Blasii, in possessione Damanya residens, ac famuli Kuchulad kenezii« (I., 441.).

Кострины: 1409 г.: »— — ex parte quorundam iobagionum et Volahorum, videlicet Vanch, kenezii de Kozterna« (II., 76.).

Убля[1]): 1414 г.: »— — iobagiones Volahales — —, Paulus videlicet, Desko et Kozmas, filii Ihnat, in possessione — — Oblyaa — — residentes« (II., 142).

Такимъ образомъ, съ 1337 г. по 1414 г. въ одномъ ди-

пограничной стражи. Не былъ ли этотъ »districtus, provincia Gyepel« въ началѣ XIV в. чѣмъ то въ родѣ Бережской Крайны?

[1]) Позже въ Земплинской ст.

стриктѣ и въ 7 поселеніяхъ[1]) упомянуты »Valachi«. Что это были дѣйствительно Румыны,[2]) видно также изъ многихъ чисто румынскихъ именъ. Во главѣ округа »Gyepely« стояли два румынскіе »воеводы«, назначенные владѣльцами доминіи и имѣвшіе извѣстную власть надъ населеніемъ.[3]) Упомянуты и »kenezii« — »князья«, обычные въ селахъ на »волошскомъ правѣ«. *Были ли эти села организованы въ »Крайну«, неизвѣстно,*[4]) но ни о Крайнѣ, ни о крайникахъ нигдѣ ничего не сказано. Такимъ образомъ, *существованіе въ XIV и началѣ XV в. Ужанской Крайны ничѣмъ не подтверждено.*[5])

Какъ было дальше, въ XV и въ XVI в., доселѣ неизвѣстно. Только въ урбарѣ Унгварской доминіи гр. Другетовъ 1631 г. мы находимъ терминъ »Крайна«[6]), какъ *синонимъ доминіи, и*

---

[1]) Изъ нихъ дистриктъ и 4 первыхъ села лежатъ на холмистой равнинѣ на западъ отъ Ужгорода, Доманинцы немногимъ выше его, лишь Кострины и Убля въ горахъ.

[2]) Конечно, мы не утверждаемъ, чтобы въ этихъ поселеніяхъ жили *только* Румыны.

Надо сказать, что Румыны были довольно безпокойнымъ элементомъ. Въ просмотрѣнныхъ нами грамотахъ постоянно говорится объ ихъ грабежахъ, угонѣ скота, поджогахъ, нанесеніи ранъ и т. д. Часто указывается, что такія безчинства они творили съ вѣдома и по наущенію господъ.

[3]) Въ грамотѣ 1371 г. упомянутъ еще »Stanislaus, quondam vojvoda de Ungh«, сыновья котораго получили »keneziatus« въ Верхн. Нересницѣ (Новоселицѣ) въ Мараморошѣ (Mihályi, Máramorosi diplomák, 64). Этотъ Станиславъ въ грамотѣ 1389 г. названъ »woywoda de Laaz in comitatu de Ungh« (ib., 94); »Laaz« = Лазы.

[4]) Ивъ Бережской ст. существовали села на волошскомъ правѣ, *не* входившія въ Крайну: Иршава, Бѣлки, Керецки, Кушница (оба села позже въ Мараморошской ст.), Макарьево, Выш. Вызницы, Грибовецъ, Обава, Копиновцы (F. Mogyorós; у Кадлца ошибочно: Monyorós; Kadlec, op. c., 242, 248, 254, 261, 263). Въ Cod. dipl. com. Sztáray упомянуты еще »possessiones reginales, Bereg et Almas« т. е. Bereg Újfalu и Яблуновъ »cum iobagionibus Olahis« (I., 522—23).

[5]) »Stationes vojvodales« 1701 г. — пункты, куда крестьяне должны были поставлять подати натурой (Biedermann, op. c., II, 60), вовсе не свидѣтельствуютъ ни о »воеводахъ«, ни о »Крайнѣ« въ то время. Это былъ сохранившійся старинный терминъ »волошскаго права«.

[6]) Hodinka, op. c., 11. Точно также, въ фундаціонной грамотѣ гр. I. Другета 1640 г. для іезуитской коллегіи въ Унгварѣ упомянута »unghvári Krajna« (Blanár, Az ungvári főgymnázium háromszázados története, Ungvár, 1913, 39.)

»крайниковъ«, завѣдывавшихъ округами (járás) доминіи. Всѣ села доминіи или Крайны были раздѣлены на двѣ части: »Oroszság« (Русь, Русскіе) съ 43 селами: въ ней было два округа: крайника Antalóczy и крайника Zteczik — и »Magyarság - Tótság« (Мадьяры - Словаки) съ 23 селами. Неизвѣстно, однако, когда эта Крайна была основана. Возможно, что это была *новая* административно-хозяйственная организація, возникшая, какъ это было и въ Галичинѣ, при увеличеніи количества селъ на »волошскомъ правѣ« и удержавшая сросшійся съ этимъ правомъ старинный терминъ. Ужанская Крайна охватывала бóльшую часть стóлицы; только юговостокъ не входилъ въ доминію Другетовъ. Врядъ ли, однако, ее можно было бы назвать »окраиной — украйной«. Крайна занимала только 15—20 км. границы Угріи и шла на югъ до Тисы — село Salamon въ мадьярской части стóлицы.

c) Земплинская ст. Съ Унгварской доминіей Другетовъ сосѣдила на западѣ ихъ же Гуменянская доминія или Гуменянская[1]) Крайна въ Земплинской ст. Въ Cod. dipl. c. Sztáray нигдѣ въ Гуменянской доминіи въ XIV и въ началѣ XV в. не упомянуты »Valachi«, какъ это было въ Унгварской доминіи.

О Гуменянской Крайнѣ первыя извѣстія мы находимъ съ 1557 г. до 1611 г. у Бальцера.[2]) Терминъ Крайна здѣсь не встрѣчается, но два крайника упомянуты: »Sowa krajnik z Niagowa«[3]) и »Krajnik z Uliczu«.[4]) Значитъ, въ этой Крайнѣ, какъ и въ Ужанской, было нѣсколько округовъ, управляемыхъ крайниками. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ селахъ упомянуты »князья« (»kniaź«, рѣже »sołtys«.[5]) Всѣ эти села входили въ Гуменянскую доминію Другетовъ, о которой сейчасъ будетъ рѣчь.

---

[1]) Названія *Земплинской* Крайны мы не встрѣчали.

[2]) Balzer, Regesta złoczyńców grodu Sanockiego, Lwów, 1891.

[3]) Ib., № 29, 1563 г.

[4]) Ib., № 96, 1567 г.

[5]) Вилаги (№№ 6, 60), Полата (№№ 27, 105), Вирава (№ 27, 55, 105), Ростока (№ 29), Штерковцы (№ 60), Ольшинково (№ 136). Кромѣ того, одинъ »князь« Смерекова, Ужанской ст. (№ 118.).

О Гуменянской доминіи сообщаетъ вышеупомянутая грамота 1640 г. и приблизительно современный ей документъ »Specificatio bonorum, ad dominium Homonna spectantium«.[1])

»Homonnai Krajna« — доминія Другетовъ — захватывала узкимъ поясомъ, начиная отъ Чертежнаго, все сѣверное пограничье Земплина и болѣе широкой полосой по Лаборцу и его притокамъ спускалась на югъ немного ниже Гуменнаго, не переходя на западъ Ондавы.[2]) Бо́льшая часть Земплина отъ с. Дричны на границѣ Шариша на югъ по Ондавѣ и Топлѣ *не* входила въ Крайну. Такимъ образомъ, кромѣ Чертежнаго, Гуменянская Крайна была значительно отдалена отъ Шаришской ст. Сѣверный узкій поясъ доминіи можно, конечно, назвать »окраиной«, но главная масса селъ была *вовсе не на границѣ* Угріи.

d) Шаришская ст. Относительно ея совершенно никакихъ извѣстій не собрано.[3]) Но такъ какъ Румыны-Волохи и поселенія на »волошскомъ« правѣ были на Спишѣ,[4]) въ Оравской, Турчанской, Тренчанской ст. и далѣе,[5]) то, очевидно, были они и въ Шаришской ст. На то же указываетъ упоминаніе въ 1359 г. о волошскомъ воеводѣ въ этой сто́лицѣ.[6])

И на сѣверномъ склонѣ Карпатъ *не было* никогда *территоріально-непрерывной* области *на границѣ* Галичины, которая бы называлась *отъ своего положенія* Крайной, но, по мѣрѣ основанія селъ на волошскомъ правѣ Румынами-Во-

[1]) Országos levéltár въ Будапештѣ, Urbaria et conscriptiones, безъ года, половины XVII в., fasc. 31, № 15 (A. Petrov, Kdy vznikly, 22—23). Современность обоихъ документовъ видна изъ того, что въ одномъ изъ округовъ имя крайника тождественно (Specificatio: Zaiachko, грамота 1640 г.: Zajecsko).

[2]) Крайна раздѣлялась на »Oroszság« и »Tótság«; въ первомъ было 3 округа, во второмъ — 2.

[3]) Мы знаемъ только о »*districtus Krajna* in bonis arcis Makovicza« съ 17 русскими селами въ урбарѣ 1648 г. (Orsz. lev., fasc. 39, № 2) и о Маковицкой Крайнѣ въ 1652 и 1666 г., но какъ *синонимъ доминіи* (см. ниже о значеніи термина Крайна).

[4]) См. А. Петровъ, Древнѣйшая на Карпатской Руси шолтысская грамота 1329 г.

[5]) Kadlec, op. c.

[6]) Ib., 240.

лохами или самими, или вмѣстѣ съ Русскими — въ XV, а, главное, въ XVI в.[1]) — возникали въ разныхъ мѣстахъ, на королевскихъ и частныхъ земляхъ, Крайны, какъ группы селъ, единицы доминіальнаго управленія. Такъ, въ Сяноцкой королевщинѣ была одна Крайна, въ Перемышльской три: Брилинская, Коростенская и Устрицкая, въ Самборщинѣ — двѣ: Стрыйская и Днѣстровская, въ помѣстьяхъ Кмиты двѣ: Собенская и Ольшеницкая.[2]) Онѣ *не составляли одного территоріальнаго цѣлаго* и *не занимали, непремѣнно, пограничную полосу*.

Точно также, и въ Угріи въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ жили Румыны, упоминаются отдѣльныя области, Крайны, и вовсе *не на границѣ государства*. По Кадлцу[3]), была »Krajina« на юговостокѣ Баната на сѣверо-западѣ отъ Мегадіи, въ Солноцко-Добоцкой ст. одинъ уголокъ доселѣ зовется Румынами »Craina«, восточная часть Бихорской ст. у Беленьеша въ XV в. называлась »Krajina«, а начальникъ тамошнихъ Румынъ »krajnik«; подобная же »Krajina« была и въ Гунядской ст.

Такимъ образомъ, думаемъ, ясно, что созданное Бидерманомъ представленіе Крайны не только совершенно ни на чемъ не основано, но и противорѣчитъ вышеприведеннымъ извѣстіямъ. *Крайны возникали въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, не составляли территоріальнаго цѣлаго и не были, непремѣнно, пограничными областями*.

2. Какъ уже видно изъ предъидущаго, Крайна была *не* русскимъ учрежденіемъ, а учрежденіемъ *румынскимъ*.

Термины, связанные съ Крайной, »крайникъ, воевода, князь«, всѣ, правда, славянскаго происхожденія, но они возникли *не* въ Угріи среди Русскихъ или иныхъ Славянъ, а принесены въ Угрію *Румынами*[4]), которые ихъ заимство-

---

[1]) Грушевскій, op. c., V, 376.

[2]) Ib., 378.

[3]) Op. c., 246—247, 473.

[4]) По Кадлцу, op. c., уже въ началѣ XIII в. засвидѣтельствовано присутствіе Румынъ въ Трансильваніи (175). Мараморошской, Бережской (прибавимъ: и Ужанской) ст. они достигли врядъ ли ранѣе

вали отъ *южныхъ Славянъ*, все равно, Сербовъ или Болгаръ.[1]) Но самый *институтъ*, »Крайна«, есть институтъ *»волошскаго«* права, образовавшагося въ Угріи отъ соприкосновенія образа жизни, занятій и обычаевъ Румынъ съ проникшимъ туда черезъ нѣмецкихъ колонистовъ нѣмецкимъ правомъ, являясь модификаціей послѣдняго.[2])

Румынскійтерминъ»Craina«, у Мадьяръ»Kraina, Krajnaság«, взятъ, такимъ образомъ, отъ Сербовъ или отъ Болгаръ. Въ сербскомъ языкѣ »кра̏јина« значитъ: *a*) regio, provincia; *b*) часть государства на границѣ = нѣм. марка.[3]) Въ болгарскомъ »крайна, кра́йна«: *a*) страна, область; *b*) окраина.[4]) Изъ всего вышеприведеннаго видно, что румынскій терминъ волошскаго права »Craina« вовсе *не* значилъ »окраина, украйна«, а перешелъ и на Карпатскую Русь со смысломъ *»области, округа«*.[5]) Крайна обозначала территорію, занятую селами на волошскомъ правѣ, сначала пользовавшимися самоуправленіемъ и обязанными, между прочимъ, военной службой. Въ послѣдствіи, по мѣрѣ перехода земель въ частныя руки и усиленія власти помѣщиковъ, Крайна потеряла при-

---

начала XIV в. (228), а потомъ дальше на Карпаты и за Карпаты дошли не ранѣе второй половины XIV в. (291). Когда же, собственно, и какимъ путемъ Румыны проникли въ Трансильванію, неизвѣстно. По Karácsonyi (Századok, 1912), они были тамъ уже въ 1182 г. (171). По Мелиху (A honfoglaláskori Magyarország), Румыны находились въ Угріи въ небольшомъ числѣ еще въ X в. (вліяніе Анонима?), въ бо́льшей же массѣ являются со второй половины XIII в. (314). Возможно, что на болѣе раннее, чѣмъ XIII в., проникновеніе Румынъ въ Трансильванію указываетъ и то, что уже въ 1176 г. назначенный королемъ правитель Трансильваніи носитъ титулъ »воеводы« (славянскій терминъ, принесенный Румынами въ Угрію), позже »vajda« — сокращеніе изъ »voyvoda, vayvoda, voiavoda« — и т. п. (цитаты изъ грамотъ см. Кочубинскій, Дунайское залѣсье, Труды VII археолог. съѣзда, II, 1891, 37). Въ началѣ же XII в. позднѣйшій »vajda« титулуется просто »princeps« (въ грамотахъ 1103 и 1113 г: »Mercurius, princeps Ultrasilvanus«, l. c.)

[1]) Kadlec, op. c., 208, 257, 446-47.

[2]) Ib., 261; Грушевскій, op. c., V., 373—374.

[3]) Академическій Rječnik hrvatskog jezika.

[4]) Дювернуа, Словарь болгарскаго языка.

[5]) Исключеніе: современное народное названіе »Крайня« — первоначально прилагательное — въ Земплинѣ (см. выше, стр. 38).

вилегіи и стала единицей хозяйственнаго, судебнаго и полицейскаго управленія доминіей.[1]) По отношенію къ селамъ, возникшимъ на волошскомъ правѣ позже — въ XV и особенно въ XVI в. — Крайна имѣла *только это послѣднее значеніе*, сдѣлавшись *синонимомъ территоріи доминіи.*[2]) Этимъ еще болѣе подтверждается то, что Крайна всегда понималась въ смыслѣ »*области*« вообще, а *не* »*пограничья*«.

Остальные термины: »воевода, крайникъ, князь«, въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время имѣли весьма различный смыслъ.[3])

Терминъ »воевода«, рум. »voivod«, мад. »vajda«, лат. »vojvoda«[4]) былъ мало распространенъ на карпаторусской территоріи, примѣнялся только къ Румынамъ и рано исчезъ — мы встрѣчаемъ его только въ XIV в. и въ началѣ XV в.[5])

---

[1]) Kadlec, op. c., 380—381.

[2]) Такъ, въ анналахъ Societatis Jesu provinciae Austriae a. 1652: »Petrus Parthenius — — gerit titulum episcopi Munkacsiensis, sub quo censentur *districtus*, quos illi (Rutheni) Krainas vocant, omnino 4, Munkacsiensis, Ungvariensis, Homonnensis et Makoviczensis« (Hodinka, Okmánytár, 1911, 167). Еще яснѣе это видно изъ »Brevis informatio« Остригомскаго архіепископа Вѣнскому нунцію 1666 г.: »Sunt in regno Hungariae diversi *districtus* seu, ut illi (Rutheni) nominant, *Krajnae dominiorum*; est enim Krajna Makoviczensis, Krajna Sztropkoviensis, Krajna Homonnensis, Krajna Vinnensis, Krajna Ungvariensis, Krajna Szeredniensis et Krajna Munkacziensis, in quibus Krajnis omnes incolae sunt Rutheni Graeci ritus" (ib., 215).

[3]) Такъ же, какъ въ старой Сербіи термины »кнез, примикюрь, челник« (Kadlec, op. c., 147). »Воевода« то обозначалъ дѣйствительно начальника округа Румынъ - воиновъ, то равнялся »крайнику«, иногда же былъ только простымъ титуломъ сельскихъ »князей«. »Крайникомъ« иногда назывался гражданскій управитель военнаго округа, иногда выборный представитель Крайны волошскихъ селъ, позже — назначаемый управляющимъ доминіей сборщикъ податей и начальникъ сельской полиціи въ округѣ (járás), части доминіи; въ современномъ румынскомъ языкѣ «crainic« спустился до значенія: »Dorfrufer, Herold, crieur publique; crainicesc — publier, proclamer« (словари Cihac и Tiktin). »Князь« иногда былъ дѣйствительно княземъ, въ бóльшей или меньшей степени независимымъ, иногда равнялся воеводѣ или крайнику, обыкновенно же обозначалъ сельскаго старосту, очень часто вмѣстѣ съ тѣмъ »локатора« (подробнѣе см. Kadlec, op. c., 85—86, 148, 167, 239, 248, 253—259 и т. д.).

[4]) Насколько намъ извѣстно, этотъ терминъ употреблялся на Карпатской Руси только въ латинскихъ и мадьярскихъ текстахъ.

[5]) Ib., 259.

Терминъ »крайникъ«, рум. »crainic«, мад. »krainik«, встрѣчается въ документахъ[1]) лишь съ XVI в., и то только въ Гуменянской Крайнѣ, какъ органъ доминіальной власти; въ такомъ же положеніи въ Унгварской Крайнѣ въ XVII в.

»Князь«, рум. »cneaz«, мад. »kenéz«, лат. »kenezius«, обозначало сельскаго старосту, иногда выбраннаго населеніемъ, позже съ утвержденія доминіальной власти, очень же часто наслѣдственнаго, особенно, когда проводилась усиленная колонизація путемъ приглашенія поселенцевъ »локаторомъ«, которому, въ случаѣ успѣха, обезпечивалась должность наслѣдственнаго »князя«, иногда неограниченно, иногда на извѣстное число поколѣній,[2]) съ дарованіемъ и разныхъ иныхъ привилегій.[3]) Въ Галичинѣ этотъ терминъ былъ очень распространенъ,[4]) на Карпатской же Руси, вслѣдствіе сближенія волошскаго права съ нѣмецкимъ, онъ былъ рано, повидимому, вытѣсненъ нѣмецкимъ терминомъ »Schulze«, мад. »soltész«, лат. »scultetus«, рус. »шолтысъ«. Мы встрѣчали терминъ »князь« только въ XVI в. у Бальцера, а въ 1668 г. въ записи на четвероевангеліи села Тростяницы Бережской ст.[5])

Такимъ образомъ, въ виду приведенныхъ нами фактовъ и соображеній, и »Русская Краина, Украйна« въ смыслѣ доказательности также равняется *нулю*, какъ и остальныя, ранѣе разсмотрѣнныя звенья цѣпи.

Теперь остаются менѣе важныя звенья: неправильная интерпретація текста документовъ, невѣрное освѣщеніе историческихъ личностей.

---

[1]) Напомнимъ еще разъ, что доселѣ изучена лишь очень небольшая часть относящихся къ Крайнѣ документовъ.

[2]) Въ грамотѣ гр. Другета 1329 г.: »scultetiam — — jure perpetuo *in filios suorum filiorum* possidendam« (А. Петровъ, Шолтысская грамота 1329 г., отд. от., 6).

[3]) Первыя »litterae keneziatus« въ Мараморошѣ 1317 и 1326 гг. (Kadlec, op. c., 232), шолтысскія грамоты на Спишѣ 1322 (Bidermann, op. c., II, 63) и 1329 гг. (А. Петровъ, op. c.).

[4]) У Бальцера »kniaź«, въ Akta zem. i grod., по Кадлцу (ib., 334), »knyaz, knez«, иногда въ опольщенной формѣ: »ksancz, ksądz, knedz«.

[5]) »Князкымъ сыномъ Лукачомъ« (Панькевич, Покрайні записи на цер. книгах, Наук. зб., 1929, 164).

5. »Русскій« епископъ въ Бихорѣ.

При королѣ Белѣ III (1172—1196) велись переговоры о бракѣ съ одной изъ французскихъ принцессъ. Угорское посольство привезло во Францію составленный въ 1184 г. списокъ доходовъ короля и епископовъ[1]) Угріи. Документъ дошелъ до насъ въ копіи въ одной изъ парижскихъ рукописей XV в.[2]) Тамъ, между прочимъ, читаемъ: »Suffraganei Colocensis[3]) sunt: episcopus Sunadiensis[4]) vel a fluvio preterlabente Morisensis, habens duo milia marcarum; *episcopus Biarch, cuius sedes dicitur Orosiensis*, habens mille marcarum; episcopus Ultrasylvanensis« и т. д.

Такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшей копіей,[5]) то, несомнѣнно, возможно допустить въ ней ошибки, особенно въ названіи мѣстностей, неизвѣстныхъ переписчику. Подъ »episcopus Biarch« вполнѣ правдоподобно разумѣютъ »episcopus Bichariensis«[6]). Слова же отъ »Biarch« до »Orosiensis« Халоупецкій понимаетъ въ смыслѣ »русскаго епископства въ Бихарѣ«.[7]) Въ своей статьѣ »Dvě studie k dějinám Podkarp. Rusi«, 1925, онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что »ошибочно было бы придавать этому извѣстію смыслъ церковный — *епископства православнаго*. »Епископъ русскій«, значитъ то же самое, что »marchia Ruthenorum« въ извѣстіи почти того же времени.[8]) Это значитъ только то, что въ Бихарской епархіи уже въ XII в. *было довольно распространено населеніе русскаго языка.*«)

Здѣсь простое недоразумѣніе. »Episcopus de Biarch,

---

[1]) Само собой, римско-католическихъ.

[2]) Напечаталъ сначала Fejér, Cod. dipl., II, потомъ, болѣе исправно, Marczali, Enchiridion fontium historiae Hungarorum, Bst, 1901, 129.

[3]) Т. е. »archiepiscopi«.

[4]) Т. е. »Csanádiensis«.

[5]) А можетъ быть и перекопіей.

[6]) Еще при Андреѣ I (1046—1061) упоминается »Leudinus, episcopus Bihariensis« (Melich, op. c., 221.).

[7]) Staré Slovensko, 274.

[8]) Собственно на 53 года раньше.

[9]) 34, пр. 81; въ Staré Slovensko Халоупецкій приводитъ только два поселенія и то отъ XIIIв.: русская колонія въ 1214 г. и »villa Ruzka« въ 1221 (l. c.).

cuius *sedes*[1]) dicitur Orosiensis« значитъ только: епископъ, *каѳедра* котораго называется »*Orosiensis*«, т. е. находится въ *поселеніи* »*Oroszi*«. Это поселеніе могло быть основано Русскими,[2]) но могло получить также имя отъ какого нибудь владѣльца изъ дворянской фамиліи »Orosz«, какъ это было у нѣкоторыхъ поселеній въ разныхъ сто́лицахъ.[3]) Но въ Бихорской ст., по Чанки,[4]) было только *два* поселенія »Oroszi«, позже »пусты«, т. е., очевидно, мелкія поселенія. Въ ближайшихъ сто́лицахъ не было также ни одного *замка* или *города* »Oroszi« — не могла же каѳедра епископа быть основана въ какой нибудь деревушкѣ! Центромъ »confinii Bychar« издавна былъ *В. Варадинъ*[5]) (N. Várad), поэтому Марцали предложилъ вполнѣ вѣроятную конъектуру: »Orosi« въ копіи написано ошибочно вмѣсто »Olaszi«. (*Várad*) *Olaszi* лежитъ, именно, у *самаго В. Варадина*, какъ бы его предмѣстье.

6. Письмо папы Евгенія IV.

»R. 1446 bylo podle listu papeže Eugenia v Uhrách a Transilvanii už mnoho národu ruského«.[6])

Несомнѣнно, въ половинѣ XV в. въ Угріи могло быть уже значительное (сравнительно) русское населеніе, но только изъ самаго письма папы Евгенія IV вытекаетъ *совершенно противоположное*: »Percepimus, quod in regno Hungariae illiusque confiniis et Transylvanis partibus *nonnulli Rutheni* nuncupati, gens quidem satis populosa et grandis numero, *existant*«, т. е.: »Rutheni« — это народъ *вообще* многочисленный, но въ Угріи и въ Трансильваніи было ихъ *немного* — »*nonnulli*«.

---

[1]) Не понялъ ли Халоупецкій »sedes« въ смыслѣ »szék« у Секелей = »districtus«?

[2]) Которые могли тамъ жить, сами ли, или съ другими народностями, но могли уже и выселиться. Во всякомъ случаѣ, 2—3 русскихъ поселенія въ обширномъ (особенно у Халоупецкаго) »confinium Bychar« вовсе не свидѣтельствуютъ о многочисленности тамъ Русскихъ.

[3]) См. Csánki, Magyarország földrajza, passim.

[4]) Op. c., I.

[5]) Chaloupecký, op. c., 14.

[6]) Niederle, SS., IV, 170.

7. »Dux Ruthenorum« 1299 г.

Бидерманъ, говоря о маркграфахъ-воеводахъ »Русской Крайны«, считаетъ однимъ изъ такихъ неназваннаго по имени »dux Ruthenorum«, чиновникомъ котораго былъ въ концѣ XIII в. Григорій, наджупанъ Бережской ст.[1]) Бидерманъ дѣлаетъ ссылку на Katona, Historia critica, VII, 1200, гдѣ текстъ грамоты приведенъ съ ошибочнымъ чтеніемъ: »Gregorius officialis *seu* ducis Ruthenorum«. Бидерманъ просто пропустилъ довольно безсмысленное »*seu*«. Другіе исправляли еще болѣе неудачно: »Gregorius — — *officialis dux* Ruthenorum[2])«.

Правильный текстъ грамоты 1299 г.[3]) такой: »Nos, Gregorius, comes de Beregh, officialis *Lew*, ducis Ruthenorum, et quatuor iudices nobilium — — damus pro memoria«. Этотъ Левъ есть, очевидно, Галицкій князь *Левъ Даниловичъ*. Основываясь на грамотѣ 1299 г., Грушевскій осторожно высказываетъ предположеніе, что Левъ Даниловичъ, бывшій въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Угріи, присоединилъ къ Галичинѣ »эту часть«[4]) Угріи по соглашенію съ угорскимъ королемъ. Долго ли онъ ею владѣлъ, неизвѣстно. Въ грамотѣ 1307 г. выступаетъ тотъ же Григорій, но уже безъ титула »officialis Lew, ducis Ruthenorum«.[5]) Мы къ этому добавимъ: о соглашеніи Льва съ угорскимъ королемъ свидѣтельствуетъ и то, что высшій органъ власти стóлицы, наджупанъ, назначаемый королемъ Угріи, является, въ то же время, чиновникомъ (officialis) Льва и издаетъ грамоту при участіи представителей стóлицы, четырехъ »judices nobilium«.[6])

---

[1]) Op. c., II, 59.

[2]) Такъ, Lehoczky, Bereg v. m. monografiája, 1881, I., говоритъ о Крайнѣ, что здѣсь были поселены, какъ пограничная стража, Кіевскіе Русскіе; во главѣ Крайны стоялъ »officialis dux Ruthenorum« (116—117), что̀ повторяетъ онъ и въ »B. v. m. lelkészségek története,« 1904, 4. Того же загадочнаго »officialis dux Ruthenorum« находимъ и у другихъ авторовъ, только не можемъ теперь дать точныя ссылки. Относительно Легоцкаго странно только то, что на стр. 125 монографіи онъ приводитъ совершенно правильно титулъ Григорія, не замѣчая своего противорѣчія.

[3]) Fejér, Cod. dipl. VI. 2, 216—217.

[4]) Не опредѣляя точно, *какую* именно.

[5]) Op. c., III, 99—100.

[6]) Judex nobilium = judlium, солгабировъ, szolgabiró, služný.

Выскажемъ догадку, что Льву, мужу Констанціи, дочери Белы IV, была пожалована именно *Мукачевская доминія*,[1]) какъ она же ранѣе была пожалована другому зятю Белы, князю Ростиславу Михайловичу, въ концѣ XIV в. бывшему Подольскому князю Ѳеодору Коріатовичу, а въ 1427—28 г. сербскому »деспоту« Юрію Бранковичу. Понятно, что Левъ Даниловичъ, будучи владѣтельнымъ Галицкимъ княземъ, не могъ лично управлять доминіей и поручилъ это наджупану сто́лицы. Левъ, по Грушевскому, умеръ въ 1301 г., и, естественно, въ грамотѣ 1307 г. Григорій уже не могъ именовать себя чиновникомъ князя Льва.[2])

Коснемся теперь неправильнаго освѣщенія нѣкоторыхъ историческихъ личностей.

---

[1]) Грушевскій (l. c.) думаетъ, что передъ 1281 г. отношенія Галичины къ Угріи испортились, но потомъ опять наладились. Онъ заключаетъ объ ухудшеніи отношеній изъ грамоты Ладислава IV 1281 г., гдѣ упоминается, что жители города Вышкова (Visk) просили выдать имъ новую грамоту объ ихъ привилегіяхъ, такъ какъ грамота объ этомъ Стефана V пропала: »ipsum privilegium receptum fuit per Ruthenos ducis Leonis, qui tunc comitatum de Ugocha hostiliter devastarunt«. Мы видимъ, однако, здѣсь *не* какую либо *военную экспедицію Льва Даниловича* изъ Галичины, какъ полагаетъ Грушевскій, а просто обычный тогда разбойничій набѣгъ *людей* Льва, бывшихъ въ сосѣдней съ Угочей Мукачевской доминіи (ср. ниже такія же дѣйствія князя Ѳеодора Коріатовича и его людей).

[2]) Ст. Томашівський, Українська історія, 1919, хотя и признаетъ, что періодъ 1290—1340, по почти полному отсутствію источниковъ, есть самый темный и неразъясненный въ исторіи Галичины, всетаки находитъ возможнымъ, на основаніи скудныхъ свѣдѣній угорскихъ источниковъ, утверждать, что въ 1290 г. Левъ Даниловичъ пріобрѣлъ *закарпатское подгорье съ Мукачевомъ*, и что эти пріобрѣтенныя земли оставались за Галичиной до 1321 г. (107—108, 110). М. Василенко, Принадлежала ли Подкарп. Русь къ галицко-волод. державѣ съ 1281 г. по 1321 г.? (газета »Русинъ«, Ужгородъ, 1923, № 155, 56, 58, 59), основываясь, главное, на матерьялахъ, собранныхъ Легоцкимъ, совершенно правильно указываетъ: а) до 1299 и послѣ 1307 г. въ Бережской ст. распоряжались наджупаны угорскаго короля; б) сосѣднія сто́лицы Мараморошская, Угочская и Ужанская все время оставались за Угріей; с) странно, что 40-лѣтнее обладаніе Бережской ст. Галицкими князьями совсѣмъ не было нигдѣ въ Угріи отмѣчено. Поэтому онъ считаетъ гипотезу Томашівськаго вполнѣ необоснованной. Полагаемъ, что доводы г. Василенка совершенно убѣдительны.

8. »Петръ Петровичъ, русскій воевода«.

»Карпаторусскій воевода, Петръ Петровичъ, сынъ русскаго же вельможи Петра, иначе Петеньки(!)[1]), наджупанъ Земплинской и Ужанской ст., стоялъ во главѣ возстанія другихъ карпаторусскихъ вельможъ и порабощеннаго православнаго (греческаго обряда) народа противъ Карла Роберта и его латинизаторской политики. Ради защиты своей »старой вѣры«, Русскіе вняли призыву Петра Петровича, и возстаніе приняло широкіе размѣры. Какъ Русскій греческаго обряда, Петръ Петровичъ обратился на Русь (Галичину), пригласилъ на угорскій престолъ тамошняго государя, но не получилъ достаточной помощи и былъ побѣжденъ«.

Эта легенда создана К. Месарошемъ въ вышедшей въ 1850 г. его книгѣ »Исторія угорскихъ Русскихъ[2])«. Месарошъ, по Жатковичу,[3]) былъ греко-католикъ, но кровный Мадьяръ, родомъ изъ Дебрецена. Его книга, написанная подъ впечатлѣніемъ неудачи мадьярской революціи 1848—49 г., отражаетъ тогдашнее настроеніе Мадьяръ, стремившихся привлечь на свою сторону немадьярскія народности. Посвящена книга А. И. Добрянскому, и черезъ всю книгу проходитъ красная нить: *Мадьяры, сами всегда стремясь къ свободѣ, никогда не угнетали другихъ. Особенно Русскіе постоянно стояли на сторонѣ Мадьяръ* такъ же преданно, какъ при Францѣ II Ракоци, назвавшемъ Карпаторуссовъ »natio fidelissima«. Въ отношеніи религіозномъ Месарошъ оставался греко-католикомъ, враждебно относился къ »схизмѣ«, но еще враждебнѣе къ латинизаціи.

Бидерманъ признаетъ, но осторожно, что приглашеніе одного изъ русскихъ князей на престолъ вмѣсто Карла

---

[1]) Я. Стрипскій, О межевыхъ названіяхъ, 1924, 16, изъ формы имени будто бы »Petunico« (такой формы мы нигдѣ не встрѣчали) сдѣлалъ ласкательное имя »Петенька«, очень обычное въ бывшей Россіи, но только *не* въ народныхъ массахъ.

[2]) K. Mészáros, Magyarországi oroszok története, Pest, 1850, 76—77.

[3]) Zsatkovics K., A magyarországi oroszok történetírásának történelme — Исторія угорусской исторіографіи (Századok, 1890, 653). Характеристика взглядовъ Месароша у Жатковича очень поверхностна и неправильна.

Роберта находится въ связи съ присутствіемъ русскаго элемента въ Угріи,[1]) въ карпаторусской же литературѣ легенда Месароша прочно пустила корни.[2]) Поэтому считаемъ небезполезнымъ подольше на ней остановиться.

Единственное, что̀ дало поводъ къ созданію легенды, это только то, что Петръ былъ наджупаномъ Земплинской и Ужанской ст., въ которыхъ жило *и русское* населеніе »старой вѣры«, греческаго обряда, которое *могло быть*[3]) привлечено къ участію въ возстаніи, какъ это дѣлали Тёкёли и Францъ II Ракоци въ тѣхъ округахъ, на которые простиралась ихъ власть.[4]) Все остальное — чистый вымыселъ.

а) Самъ Петръ, конечно, *вовсе не былъ Русскимъ*. У Сирмаи, вообще добросовѣстно приводящаго документы, упоминается его отецъ подъ 1255 г.: »magister Petrus, dictus Petheuncz *de genere Aba*«,[5]) подъ 1263 г.: »magister Petrus, dictus Petina[6])«.

---

[1]) Op. c., II, 45: »Und ist es lediglich ein Zufall, dass in 1492. von der Burg Porosztianko« (владѣніе Петра), »wo solche« (ruthenische) »Grenzhüter auf der Lauer lagen« (на что̀ нѣтъ *никакихъ* указаній) »an einen ruthenischen Prinzen die Einladung, den Thron Ungarns zu besteigen, erging?«

[2]) Дулишковичъ, Историческія черты Угрорусскихъ, II, 1876, 16, 23; Szulincsák, Когда поселились подкарпатскіе Русины въ нашей родинѣ (по мадьярски), 1918, 20; Шкирпанъ, Записки по исторіи Подкарп. Руси, изд. какъ рукопись передъ 1922 г., 15; Я. Стрипскій, О межевыхъ названіяхъ, 1924, 16; И. Кондратович, Исторія Подкарпатскоѣ Руси для народа, 1925, 32.

[3]) Но *было-ли*, на это никакихъ данныхъ нѣтъ.

[4]) Точно неизвѣстно, какія были *непосредственныя* владѣнія Петра. Нѣкоторыя упомянуты въ Cod. Andeg. (I, №№ 107, 237, 372; II, стр. 38): замокъ »Purusthyan = Borostyánkő« (центръ доминіи) былъ около Бачкова и Даргова, городъ Сѣчовцы, Вишнёвъ (около Сѣчовецъ), Оградзаны - В. М. Домаша - Брековъ (около Гуменнаго), Строчинъ или Сорочинъ (у Стропковыхъ), »Szög« въ Прибодрожьи, Кокиня въ Шаришской ст. и Pihuhe (= ?). Изъ нихъ, по Лексикону 1773 г., »Szög« былъ мадьярскій, Кокиня — русская, Строчинъ — словенско-русскій. Было ли въ остальныхъ селахъ въ началѣ XIV в. русское населеніе, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, это не была такая сплошная русская территорія, какъ Мукачевско-С. Миклошская и Маковицкая доминіи Франца II Ракоци.

[5]) Szirmay, Notitia topographica politica c. Zempléniensis, § 274.

[6]) Szirmay, Notitia historica c. Zempléniensis, § 26. Имя или прозвище отца Петра передается въ грамотахъ въ разной формѣ: »Petune,

b) Петръ, само собой разумѣется, былъ *не* православнымъ, а *католикомъ*. Въ грамотѣ Карла Роберта 1312 г. упомянуто, что одинъ изъ сыновей палатина Омодея, возставшихъ противъ Карла, въ Сѣчовцахъ (Gálszécs) разрушилъ и ограбилъ »ecclesiam magistri Petri)«; значитъ, у него была своя домашняя церковь или каплица, но, конечно, *не* православная; иначе бы это было особенно отмѣчено.

c) Карлъ Робертъ, въ годы возстаній еще не утвердившійся прочно на престолѣ, врядъ ли имѣлъ возможность проявить католическую ревность Анжуйской династіи, любимой дщери папскаго престола. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ данныхъ о преслѣдованіи въ 1315—1321 г. православія.[2])

d) Призывъ 1320 г., будто бы приглашавшій Русскихъ къ возстанію, на самомъ дѣлѣ есть обращеніе Петра къ подобнымъ ему угорскимъ магнатамъ.[3])

e) Возстаніе Петра былъ такой же эпизодъ борьбы угорскихъ магнатовъ противъ Карла Роберта, какъ и возстаніе Матвѣя Чака Тренчанскаго и сыновей палатина Омодея. Во главѣ возстанія стоялъ *вовсе не Петръ*, а бывшій *палатинъ Копасъ* (»Koroz«, т. е. »Kopasz = Calvus«).

f) Призывъ на угорскій престолъ ближайшаго къ сѣверо-восточной Угріи сосѣда, князя Андрея или Льва Юрьевича, былъ обычнымъ дѣломъ взаимнаго вмѣшательства во внутреннія смуты государей Угріи и Галичины, и вполнѣ невозможно усматривать тутъ (въ XIV в.!) какую либо національную или религіозную подкладку.

Petheune, Pethunya, Pethen, Pethene, Peteuncz, Petina, Petenye и т. п. Это есть мадьярское уменьшительное отъ имени »Péter« (другая уменьшительная форма: »Petheő, Pethő«). Оно было очень обычно у Мадьяръ; часто отъ него получали названія поселенія, а отъ нихъ предикаты ихъ владѣльцы. Такіе »Pethen« и т. д. упомянуты въ Cod. Andeg. въ сто́лицахъ Краснянской, Бихорской, Боршодской и др.

[1]) Cod. And., I. № 237.

[2]) Ср. Kadlec, op. c., 120: »о преслѣдованіи православной вѣры у Русскихъ въ XIV в. вообще ничего не извѣстно«.

[3]) Вотъ выдержка изъ него: »Nobilibus viris Ladislao, filio Thome, Nicolao, filio Boxa, Nicolao, filio Detrici, Donch et Franchik, amicis suis reverendis, magister Petrus, comes de Zemlyn et de Ungh — —. Sciatis etc. Vos, magister Ladislaë, compater noster, adversus Robertum in villa vestra commoveatis, quia quotidie in pertinentiis nostris nocere vult et nocet« (Szirmay, Notitia historica, § 36).

Исторія возстанія извѣстна.[1]) Добавимъ только нѣкоторыя подробности.

Копасъ упоминается, еще какъ палатинъ, въ грамотѣ 20 іюля 1314 г.[2]) Возстаніе его, Петра, Мойса и другихъ вспыхнуло, слѣдовательно, въ концѣ 1314 или въ 1315 г. Ко времени отъ начала возстанія и до конца 1316 г. относится обращеніе возставшихъ къ Льву или Андрею Галицкимъ, но тѣ, или не могли оказать имъ достаточную помощь, или не хотѣли вмѣшиваться въ дѣло.[3]) Въ 1316 г. возставшіе потерпѣли пораженіе. Въ грамотѣ отъ 2-го января 1317 г. Карлъ Робертъ объявляетъ о конфискаціи владѣній Петра.[4]) Борьба, однако, не была еще окончена. Къ 1320 г. относится новый призывъ Петра, приглашавшій его друзей къ возстанію. Рѣшительный ударъ былъ нанесенъ Копасу Трансильванскимъ воеводой, Дожей, около Дебрецена передъ 17 ноября 1320 г.[5]) Копасъ заперся въ замкѣ »Sólyomkő«,[6]) но былъ принужденъ къ сдачѣ голодомъ. Окончательно ликвидировано было возстаніе въ концѣ 1320 или въ началѣ 1321 г.[7])

9. »Theodorus Keriatovich, Dei gracia dux de Munkach.«

Историческій литовско-русскій князь Ѳеодоръ, младшій сынъ Коріата Гедиминовича, по смерти старшихъ братьевъ занялъ Подолію. Когда Витовтъ сталъ уничтожать въ В. Кн. Литовскомъ удѣлы, Ѳеодоръ Коріатовичъ, несмотря на помощь короля Угріи, Сигизмунда, принужденъ былъ осенью 1393 г. покинуть Подолье и нашелъ убѣжище въ Угріи. Сигизмундъ охотно его принялъ и пожаловалъ ему Мукачевскую доминію. Ею Ѳеодоръ владѣлъ до своей смерти въ 1414 г.;

---

[1]) Грушевскій, ор. с., III, 119—120.

[2]) Cod. And., I, 351.

[3]) Въ грамотѣ отъ февраля мѣсяца 1321 г. Карлъ Робертъ сообщаетъ, что Петръ пригласилъ на угорскій престолъ »ducem Ruthenorum«, который »minime« — далѣе, по изданію Фейера (VIII, 293), »valuerit«, по тексту у Катоны, Historia critica (VIII, 431), »voluerit«.

[4]) Cod. And., I., № 372.

[5]) Cod. And., I., 584.

[6]) »Соколій камень«; гдѣ находился, намъ неизвѣстно.

[7]) См. выше грамоту въ февралѣ 1321 г.

кромѣ того, былъ наджупаномъ Бережскимъ и, одно время, Сатмарскимъ.[1])

Ѳеодоръ титуловалъ себя »Божіею милостію князь Подоліи«, на которую онъ сохранилъ притязанія. Въ Угріи онъ былъ только »dominus de Munkach«, т. е. крупный помѣщикъ. Съ другой стороны, ему была дана королемъ должность высокаго мѣстнаго чиновника, наджупана. О дѣятельности его во второмъ качествѣ мы ничего не знаемъ, но, какъ помѣщикъ, онъ является въ грамотахъ такимъ же, какъ и остальные магнаты Угріи. Онъ и его люди нападаютъ и грабятъ сосѣдей, тѣ платятъ имъ тѣмъ же, отсюда возникаютъ судебные процессы. Понятно, что, при условіяхъ тогдашняго времени, онъ ничего не сдѣлалъ и не могъ ничего сдѣлать для широкихъ народныхъ массъ. Понятно, что и о немъ, какъ и о Ростиславѣ Михайловичѣ, Львѣ Даниловичѣ, въ народѣ не могло остаться какихъ либо воспоминаній. Не до этихъ помѣщиковъ было крѣпостному крестьянству и столь же угнетенному сельскому духовенству!

Какъ православный князь, онъ долженъ былъ подумать объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей своихъ и своей семьи, и вполнѣ правдоподобно, что Ѳеодоръ, если и не основалъ Мукачевскій монастырь, то позаботился о матерьяльномъ обезпеченіи монастыря, уже существовавшаго. Поэтому именно среди монаховъ Мукачевскаго монастыря и могла сохраниться память объ ихъ благодѣтелѣ. Это видно изъ того, что въ послѣдствіи стали создаваться грамоты отъ его имени и о пожертвованіяхъ его на монастырь, и даже объ основаніи имъ послѣдняго. Но все это было лишь *въ тѣсномъ монашескомъ кругу*. Вообще же, о князѣ Ѳеодорѣ было скоро забыто.[2])

---

[1]) Подробнѣе см. ниже Приложеніе.

[2]) Упоминается о немъ, его вдовѣ »Walha« и дочеряхъ »Annuska et Maria« въ грамотахъ 1414—1418 г. Далѣе, Матвѣй Корвинъ въ грамотѣ 9 марта 1458 г. подтверждаетъ грамоту 1451 г. Іоанна Гуняди, въ которой послѣдній приказываетъ кастеляну Мукачевскаго замка охранять права Мукачевскихъ горожанъ на пользованіе лѣсами, права, которыя они имѣли »temporibus quondam antiqui Despoti ac Mathus« (т. е. Pálóczy) palatini et *ducis Fedor*« (Шашъ, Архивъ города Мукачева, Мукачево, 1928, 92, 122). Наконецъ, о грамотѣ князя Ѳеодора для госпиталя въ Берегсасѣ идетъ рѣчь въ грамотѣ Іоанна Корвина 1493 г.

Только съ конца XVII в. имя Ѳеодора, но уже *не* »Theodori, Dei gratia ducis Podolie«, но »Theodori Keriatovich, Dei gracia ducis de Munkach« возстаетъ изъ праха вѣковъ.

Примасъ Угріи, кардиналъ Леопольдъ Колоничъ, для фактическаго осуществленія бывшей до него лишь номинальной уніи православныхъ Карпаторуссовъ съ Римомъ, призвалъ на Мукачевскую каѳедру Грека Іосифа де-Камелисъ и позаботился о матерьяльномъ его обезпеченіи. Въ 1690 г. Прешпоркскій капитулъ выдалъ де-Камелису засвидѣтельствованную копію грамоты Ѳеодора Коріатовича 1360 г.[1]) и нѣкоторыхъ другихъ. На основаніи ея, Колоничъ, бывшій въ то же время опекуномъ малолѣтнихъ Франца (II) и Юліаны Ракоци, приказалъ администратору Ракоціевскихъ имѣній,[2]) Клобушицкому, передать де-Камелису упомянутыя въ грамотѣ села и другіе доходы. Для придапія этому акту бо́льшаго значенія Леопольдъ I въ 1693 г. своимъ декретомъ подтвердилъ грамоту 1360 г. и нѣкоторыя иныя.[3])

Съ этихъ поръ грамота 1360 г. пріобрѣтаетъ незыблемый авторитетъ, а имя Ѳеодора Коріатовича — ореолъ славы, сначала въ болѣе узкомъ кругу принявшихъ унію епископовъ, монаховъ монастыря и представителей высшаго духовенства, потомъ — по мѣрѣ распространенія среди духовенства просвѣщенія и, особенно, послѣ появленія труда Базиловича »Brevis notitia Fundationis Th. Koriatovits«, I, 1799, II, 1804 — и вообще въ образованномъ — почти исключительно духовномъ — обществѣ. Такъ было въ XIX в., такъ продолжается и въ XX в. Все важное въ прошломъ карпаторусскаго народа стали приписывать Ѳеодору Коріатовичу, сочинялись и, яко бы, »народныя« преданія.[4])

---

[1]) О ея подложности см. Приложеніе.

[2]) Въ томъ числѣ и Мукачевской доминіи.

[3]) А. Петровъ, Мат., III, 8—9.

[4]) Возникали они въ средѣ образованной. Корабинскій, Сирмаи, Месарошъ, Бидерманъ изъ этой среды, именно отъ духовенства, освѣдомлялись о карпаторусскомъ народѣ (возможно, что изъ интеллигентскихъ круговъ преданія въ XIX. в. могли переходить и въ народъ.) Такое »народное« преданіе сообщаетъ, напримѣръ, Бидерманъ: »среди Русскихъ Ужанской и Бережской ст. ходитъ »die Sage«, что король Андрей I. (! 1046—1061) во время опас-

Обратимся теперь къ этому *легендарному* Ѳеодору Коріатовичу.

Онъ изображается, какъ бы полунезависимый, »Dei gratia«, князь (dux) Мукачева, преемникъ воеводъ »Русской Крайны«. Онъ въ 1360 г. выстроилъ и укрѣпилъ Мукачевскій замокъ и обнесъ стѣнами городъ.[1]) Онъ основалъ въ томъ же году и богато одарилъ монастырь св. Николая на горѣ Чернецкой.[2]) Его жена Доминика, или, по гречески, Кириака, около Мукачева на Сорочьей горѣ (Szarkahegy)

ности нашелъ радушный пріемъ у ихъ предковъ и при пребываніи здѣсь лишился двухъ малолѣтнихъ сыновей, которые были погребены на мѣстѣ, называемомъ и нынѣ народомъ »čárski hribki — fürstliche Gräberchen« (op. c., I, 7). Возможно, что гдѣ либо существовало межевое названіе »царскіе гробики«, но преданіе, очевидно, придумано книжнымъ человѣкомъ, желавшимъ показать свое знаніе исторіи Угріи. Такая же цѣна и остальнымъ подобнымъ »народнымъ« преданіямъ. Такія, выдуманныя книжниками, »народныя« преданія попадаются и въ другихъ литературахъ. Такъ, Гостинскій (Hostinský, Letopis Matice Slov., V, 77—80) сообщаетъ: »у Земплинскихъ Сотаковъ есть народное преданіе, что они происходятъ отъ старыхъ Славянъ, т. е. отъ тѣхъ Славянъ, которыхъ окрестили св. Кириллъ и Меѳодій, и что они суть потомки тѣхъ предковъ, надъ которыми когда то властвовалъ Саланъ, по народному преданію, Моравскій«. Цамбель, отличный знатокъ восточно-словенской области, замѣчаетъ: »Podaní u Sotákov niet ani národných — — ani politických — —. Této podania sú výplodom fantásie Hostinského« (Slov. reč, 14).

Приводимъ любезно сообщенныя по нашей просьбѣ замѣчанія проф. д-ра И. Панькевича о легендѣ, держащейся въ народѣ околья Мукачева. Изъ замѣчаній Панькевича видно, что легенда перешла въ народъ изъ монашескихъ круговъ, а въ нихъ возникла книжнымъ путемъ: »Князь Федір Корятович став в устній народній традиції, яка держиться коло Мукачева, леґендарною особою. Він за поміч, яку одержав від св. Николая при поборенні змія підчас ловів коло нинішньої Чернечої гори, построів монастырь св. Николая, котрый в культурно-реліґійнім житті Підкарп. Русинів відгравав довгі віки важну ролю. Ця устна народня традиція мусить мати свое жерело в *леґендах монастырських*, відомих нам із монастырских літописань. Головний мотив цеї леґенды перенятий, як я це виказав в окремій статті (Подкарпатська Русь, VI_3), із апокрифа про св. Юрія і змія, так дуже поширеного в Карпатських околицях«.

[1]) Istvánffy, Regni Hungariae historiae, 1622; L. Thuróczy, Hungaria suis cum regibus, 1729, 153—154.

[2]) Грамота 1360 г.

создала женскій монастырь, развалины котораго были еще видны въ XVIII в.[1]) Ѳеодоръ построилъ въ Берегсасѣ костелъ и госпиталь для католиковъ,[2]) а въ Шаторалья Уйгель русскую церковь.[3])

Ѳеодору принадлежалъ не только »ducatus Munkácsiensis«, но и »ducatus Makovicza«, гдѣ онъ позаботился о надѣленіи русскихъ парохій землей.[4]) Онъ же построилъ замокъ въ Шаторалья-Уйгель.[5])

Наконецъ, Коріатовичу приписываются особыя заслуги относительно *русской колонизаціи* Закарпатья.

По »народному« преданію, Ѳеодоръ заселилъ русскими долину рѣки Теребли.[6]) Иные сообщаютъ еще болѣе замѣчательное »народное« преданіе: »когда воевода Богданъ увелъ Румынъ изъ Мараморошa въ бывшую Куманію и основалъ тамъ Молдавское воеводство, то опустѣвшія 300(!) селъ[7]) населилъ Русскими Ѳеодоръ Коріатовичъ, приведшій съ собой изъ Подоліи 40.000 человѣкъ«.[8]) Онъ же основалъ

---

[1]) Thuróczy L., Hungaria suis cum regibus, 1729.

[2]) Basilovits, op. c., Praefatio, и II., 65. Основаніемъ для такого мнѣнія послужило, вѣроятно, то, что въ грамотѣ Іоанна Корвина 1493 г. есть упоминаніе о какой то грамотѣ Ѳеодора, »ducis Podoliae«, представленной »per rectorem hospitalis in Szász«, т. е. въ Берегсасѣ (см. ниже).

[3]) Korabinsky, Geogr. Lexikon, 1786, 794.

[4]) Дулишковичъ, op. c., II, 9—14. Выводъ сдѣланъ: а) изъ того, что въ XVII и въ началѣ XVIII в. »duces« Ракоци владѣли обѣими доминіями, которыя отъ ихъ титула »dux« назывались въ грамотахъ »ducatus«; б) изъ того, что въ письмѣ гр. Аспермонта къ епископу Мануилу 1762 г. говорится, что »in dominio Makovicza« на основаніи »transactio Quiriatkovicsiana« нарѣзаны парохамъ земли (Дулишковичъ, op. c., III., 164—165). Гр. Аспермонтъ, мужъ Юліаны Ракоци, владѣлъ обѣими доминіями и въ нихъ провелъ земельную реформу о церквахъ.

[5]) Mészáros, op. c., 182, со ссылкой на Szirmay, Notitia c. Zempléniensis.

[6]) Bidermann, op. c., I., 8.

[7]) По Csánki, M. O. földrajza, I., и въ XV в. было въ Мараморошѣ *всего 128 поселеній*.

[8]) Бидерманъ совершенно справедливо указываетъ на полную неправдоподобность этого »преданія« — съ такимъ множествомъ народа Ѳеодоръ могъ бы удержаться въ Подоліи (l. c.). Возникло

много селъ въ стóлицахъ Земплинской, Абауйской и Шаришской.[1])

Полагаемъ, что съ признаніемъ подложности грамоты 1360 г. *должны исчезнуть изъ карпаторусской исторіографіи и всѣ эти »народныя« преданія и фантастическія измышленія.*

Въ слѣдующей главѣ приступимъ къ очерку русской колонизаціи Закарпатья, *оставивъ въ сторонѣ только что разобранную группу* »quasi« *документарныхъ извѣстій.*

III.

„Русскіе“ и „восточные Славяне“ въ Угріи.

Главная причина разногласій между изслѣдователями о томъ, когда Русскіе поселились за Карпатами, была, по нашему мнѣнію, чисто формальная — *неправильная постановка самого вопроса.*

Вопросъ этотъ долженъ быть раздѣленъ на два вопроса:

1. *Когда* и *гдѣ* именно[2]) появляются за Карпатами посе-

такое »народное« преданіе на основаніи сообщенія L. Thuróczi Societatis Jesu, Ungaria suis cum regibus, Tyrnaviae, 1729: »C. Beregiensis — — habet ditionem Munkacsiensem ad 300 pagos numerantem« (153). Далѣе, по Туроци, построилъ въ 1360 г. Мукачевскій замокъ, въ 1350 г. возвелъ стѣны города »Theodorus Keriatovichius, Theodorus Querentianus, princeps Ruthenus, dux Munkacsiensis« (153—154). Изъ этого »snadno a rychle« вывели: значитъ, и 300 селъ доминіи были заселены тѣмъ же Ѳеодоромъ; считая по сотнѣ съ небольшимъ человѣкъ на село, получили 40.000, приведенныхъ Коріатовичемъ изъ Подоліи. Пріурочили эти 300 селъ къ Мараморошу потому, что въ XVIII в. не знали, что и западнѣе Мараморошa жили ранѣе также Румыны.

[1]) Bidermann, l. c.

[2]) Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ различать:

A. *Старыя* (съ половины XI в. и позже), потомъ изчезнувшія колоніи, *разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ* Угріи и Трансильваніи: a) колоніи, въ которыхъ, по опредѣленнымъ свидѣтельствамъ, жили »Rutheni«; b) колоніи, о пребываніи въ которыхъ Русскихъ можно заключить только по названіямъ отъ »Orosz, Rus, Reuss« и т. д.

B. *Новыя* русскія колоніи тоже въ *различныхъ мѣстахъ*, возникшія, преимущественно, съ конца XVII и въ XVIII в. Позднѣйшее ихъ происхожденіе, думаемъ, было нами достаточно доказано (Мат., VI, 1911, 150—180, и »Kdy vznikly ruské osady« и т. д., 1923). Наше мнѣніе,

ленія людей, которые себя называли »*Русскими*«, а сосѣдями были называемы »Orosz, Rus, Reuss, Russi, Rutheni« и т. п.?

2. *Когда* поселились или, скорѣе, *могли* поселиться[1]) за Карпатами »*восточные Славяне*«?

Общеизвѣстно, что имя »Русинъ, Русь«[2]) распространилось между восточными Славянами и было усвоено ими довольно поздно,[3]) лишь по мѣрѣ включенія племенъ восточныхъ Славянъ въ Кіевскую русскую державу, а, главное, по мѣрѣ распространенія между ними христіанства въ формѣ православія, которое потомъ неразрывно слилось съ »русскимъ« именемъ.[4])

Приведемъ объ этомъ выводы Ключевскаго[5]): »въ X в. »Русь« обозначала только высшій классъ — *княжескую дружину* (по бо́льшей части варяжскую, хотя въ нее также вхо-

---

полагаемъ, было еще болѣе подтверждено матерьяломъ, собраннымъ нами о словенскихъ такого же рода поселеніяхъ (Příspěvky k histor. demografii Slovenska, 1928). Бо́льшая часть такихъ русскихъ поселеній въ XIX в. утратила свою народность.

С. Русскія поселенія на *позднѣйшей Карпаторусской территоріи*: а) *на подгорьи*; в) *въ самыхъ горахъ*.

[1]) *Могли поселиться* — потому что прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ объ ихъ поселеніи нѣтъ и быть не могло (см. ниже).

[2]) Все равно, возникло ли оно отъ »Варяговъ-Руси« или же, какъ думаетъ Грушевскій, отъ исконнаго названія Полянъ »Русью« (Грушевскій, Кіевская Русь, I, 227, цитата изъ Niederle, SS., IV, 115, пр. 4).

[3]) То же самое видимъ и у Поляковъ. По словамъ Потканьскаго, »Pierwsi mieszkańcy Podhala«, »поселенцевъ Подгаля въ XII в. было бы анахронизмомъ называть Поляками. Тогдашняя »Polska« было только В. Польша. Поселенцы принадлежали къ племени, родственному Слезакамъ и Мазовшанамъ, и дѣлились на Краковянъ и Сандомѣржанъ. Можно ихъ назвать также Вислянами« (Pam. Tow. Tatr., 1897, 92—93). Изъ иностранныхъ писателей, напр., арабскихъ, ближе знакомые съ областью восточныхъ Славянъ въ X в. различаютъ Русь отъ Славянъ, болѣе же отдаленные, знавшіе только по наслышкѣ о существованіи »русскаго« государства, всѣхъ его обитателей въ томъ же вѣкѣ называли »Русскими« (Niederle, SS., IV, 105—106).

[4]) Въ Угріи, напр., »Orosz, Ruthenus« значило и »Русскій«, и »православный«, позже »уніатъ«; точно также въ областяхъ, гдѣ преимущественно жили православные Румыны, у Мадьяръ »Oláh« значило и »Румынъ«, и »православный«.

[5]) Op. c., I, 125—126, 150, 199—201, 213, 295, 366.

дили и туземцы - Славяне) и *городское купечество* (которое до половины X в. далеко еще не было славянорусскимъ). Съ другой стороны, »Русь« обозначало *Кіевскую* область. Потомъ разныя племена вошли въ составъ Кіевскаго или Русскаго *государства*, но это русское *государство* не было еще государствомъ русскаго *народа*, ибо *не было еще русскаго народа*. Къ половинѣ XI в. были готовы только этнографическіе элементы, изъ которыхъ потомъ долгимъ процессомъ выработалась русская народность. Эти элементы были связаны *механически* князьями и администраціей, связь *нравственная* — христіанство — распространялось медленно. Во второй половинѣ XI в. въ Ростовской области вмѣстѣ съ Чудью принимали участіе въ борьбѣ съ христіанствомъ и Славяне, Вятичи же и въ половинѣ XII в. были еще язычниками. Даже въ В. Новгородѣ въ 1074—1078 г. большинство горожанъ стало на сторону волхва противъ епископа«.

Несомнѣнно, что не только въ XI, но и въ XII в. »Русскими« себя называли только болѣе культурные слои населенія, въ народныхъ же массахъ это имя распространилось гораздо позже.[1]) Такимъ образомъ, Куникъ и его послѣдователи совершенно справедливо заявляли, что »русская« стихія могла проникнуть за Карпаты не раньше XII—XIII в.[2]) Только къ этому надо внести частичную поправку.

Возможно, что *отдѣльныя группы*[3]) и, именно, изъ высшаго класса — изъ *княжеской дружины*, уже съ именемъ »Русскихъ«, могли попадать — не скажемъ въ Карпаты, а вообще въ Угрію — и *ранѣе, въ XI в.* Эти дружинники могли переходить — добровольно или недобровольно — на службу угорскихъ королей, которые ихъ помѣщали на границахъ государства, при замкахъ и т. п. въ качествѣ воиновъ. Такъ, всѣми признается вполнѣ достовѣрнымъ извѣстіе Н. Иштванфи (1538—1615 г.[4]) о возникновеніи *русскаго* отряда ко-

[1]) Полагаемъ, что столь рано исчезнувшіе съ горизонта исторіи Уличи, Тиверцы, Дулѣбы никогда и не называли себя »Русскими«.

[2]) Niederle, op. c., IV, 164.

[3]) Или даже единицы.

[4]) N. Istvánffy, Historiarum Regni Hungariae libri XXXIV, Viennae, 1758, lib. 16, 168. Первое изданіе: Coloniae Agrippinae, 1622. Написанъ трудъ между 1608 и 1615 г. (Szinnyei, Magyar irók).

ролевскихъ тѣлохранителей — »Rutheni Regiae Majestatis«: »предковъ ихъ поселилъ въ »oppidum Ruthenorum« или »Oroszvár«[1]) Коломанъ (1095—1116), выведя ихъ изъ Владимирскаго и Галицкаго княжествъ, чтобы они, оставаясь свободными людьми, охраняли входы и ворота королевской резиденціи, что́, прибавляетъ Иштванфи, »они исполняли и на нашей памяти«.[2]) Объ этихъ »Rutheni, janitores Regis et Reginae« вспоминаетъ и извѣстный архіепископъ Остригомскій Николай Олахъ (Oláh) въ своей Hungaria 1536 г.: »Populus fidus, nunquam proditio eorum ministeriis facta fuisse cognita est, quamvis libere ingrediuntur Regis et Reginae cubiculum.« Потомъ въ эту лейбгвардію принимались вѣрные люди и изъ другихъ народностей[3]) съ титуломъ »Rutheni Regiae Majestatis«, такъ что »Rutheni« получило тотъ же смыслъ, какъ на западѣ »Швейцарцы«, а въ Россіи »швейцаръ« (= чеш. vrátný). Поэтому всегда должно быть очень осторожнымъ: *многіе* »Rutheni«, *упомянутые въ источникахъ, не были »Русскіе« по національности, а только »Rutheni Regiae Majestatis«*.[4])

Потомки *настоящихъ* »Русскихъ« въ »N. Oroszi« сохраняли до начала XVI в., если не православную вѣру, то, по крайней мѣрѣ, »восточный обрядъ«.[5]) Еще въ постановленіяхъ сейма

[1]) Позже »N. Oroszi« въ Новоградской ст. Chaloupecký, Dvě studie, замѣчаетъ, что, какъ пограничную стражу, ихъ поселили здѣсь при »zemské bráně« на дорогѣ изъ Словенска въ Угрію (35, пр. 86).

[2]) »Colomannus — — deductis e Ladomeria et Galicia, Russorum provincia, coloniis condiderat lege lata, ut caetero liberi essent, portas duntaxat et januas regum custodirent, quod nostra quoque aetate observatum esse meminimus.«

[3]) На это указываютъ отрывки денежныхъ отчетовъ королевскаго двора съ 1494 г. до 1526 г. (изданы Белемъ въ его »Adparatus«). Такъ, 14 ноября 1494 г. было выдано жалованье »Ruthenis Rascis«, т. е. »Русскимъ« (въ смыслѣ лейбгвардейцевъ) »Сербамъ«; во многихъ мѣстахъ въ нихъ упоминаются »Rutheni Regiae Majestatis« съ необычными у Русскихъ именами: Franciscus, Gallus, Oswaldus (A. Petrov, Kdy vznikly, Č. Č. H., 1923, 32).

[4]) Такъ, напр., »Thyza, Théza Ruthenus« — предполагаемый предокъ графовъ Тиса, упомянутый въ грамотѣ 1312 г. (Cod. Andeg., I, 281), былъ именно такой »Ruthenus Regiae Majestatis«, что̀ видно изъ дальнѣйшихъ словъ: »*serviens* noster, *aule nostre* iuvenis«, и, значитъ, *не непремѣнно русской народности*.

[5]) Въ Остригомѣ, въ архивѣ примаса (archivum vetus, N. 64, a. 1505) находится связка документовъ: »Acta graeco-catholicos seu Ruthenos

1715 г. упоминается о »Rutheni« въ »N. Oroszi«, какъ объ имѣющихъ особыя привилегіи.[1])

Другая русская военная колонія была поселена, *повидимому*, еще ранѣе на западныхъ границахъ Угріи. Анонимный нотаръ короля Белы въ 57 гл. своихъ »Gesta Hungarorum«[2]) сообщаетъ, что »князь Зулта, сынъ и наслѣдникъ Арпада, на границахъ съ Нѣмцами велѣлъ построить замокъ Русскимъ, которые пришли въ Паннонію съ его дѣдомъ Альмошемъ«. Этотъ замокъ — »Oroszvár, Oroszfalva«, позднѣе »Karlburg«,[3]) на правомъ берегу Дуная немного ниже Братиславы въ Мошоньской ст. Само названіе указываетъ, что въ немъ когда то жили Русскіе. Съ XVI в. здѣсь поселились Хорваты, спасавшіеся отъ Турокъ.[4])

Какъ мы указали выше,[5]) изъ этого разсказа Анонима видно: 1. что въ концѣ XII в. въ Оросварѣ жили Русскіе; 2. что они поселились *не* при жизни Анонима и, вѣроятно, *не* при предшествующемъ ему поколѣніи, т. е. не въ XII в., а ранѣе. Выскажемъ *предположеніе*, не относится ли ихъ поселеніе къ половинѣ XI в? Связи Угріи съ Русью засвидѣтельствованы за время св. Владимира[6]) и Ярослава Мудраго. Андрей I (1046—1061) былъ женатъ на Анастасіи Ярославнѣ. *Возможно*, что, въ связи съ этимъ бракомъ, часть русскихъ дружинниковъ перешла на службу угорскаго короля.

Oroszienses latinos factos concernentia“ (Hodinka, A munkácsi püspökség története, 21, пр. 2). Бидерманъ сообщаетъ, что въ 1651 г. Вацовскій епископъ Tarnóczy назначилъ Парѳенія Петровича (т. е. Петра Парѳенія, Мукачевскаго епископа) викаріемъ-суффраганомъ для »Rutheni« въ »N. Oroszi« (op., I, 7, пр. 1, со ссылкой на Прая, Specimen hier. Hung.). Мы не могли это провѣрить.

[1]) Bidermann, l. c.

[2]) О нихъ см. выше, стр. 22—24.

[3]) »Oroszvár« первый разъ упоминается въ 1208 г. (изданіе мад. Академіи наукъ, A magyar honfoglalás kútfői — Источники для времени занятія Мадьярами родины, 461, пр. 4). Въ формахъ »Vruzwar, villa Vruzwár, oppidum Orozwar, Orozfalw« въ 1240, 1262, 1410—1481, 1439, 1474 г.г.; въ иныхъ формахъ: »Kerchenburg« въ 1416 г., »Karolburg« въ 1423 г., »Kerhenburg alias Orozwar« въ 1449 г. (Csánki, op. c., III.).

[4]) Bidermann, op. c., II, 44.

[5]) Стр. 25.

[6]) Грушевскій, op. c., III, 495.

Позднѣе, съ конца XI в. и до прекращенія въ началѣ XIV в. туземной династіи, Угрія была въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Русью. Заключались браки между Арпадовичами и Рюриковичами, русскіе князья и угорскіе короли, то какъ союзники, то какъ враги, вмѣшивались во взаимныя распри, русскіе князья получали земли въ Угріи,[1]) велась обоюдная торговля.[2]) Совершенно естественно, что въ разныхъ частяхъ Угріи, то какъ свободные воины, то какъ военноплѣнные,[3]) могли поселяться или быть поселяемы Русскіе. Это могло быть и въ XII в., но первое извѣстіе о такихъ *свободныхъ Русскихъ* встрѣчаемъ только въ 1217 г. въ В. Варадинскомъ реестрѣ[4]): »castrenses« — приписанные къ замку несвободные обыватели, снабжавшіе замокъ провіантомъ и исполнявшіе для замка разныя ра-

[1]) Зятья Белы IV, Ростиславъ Михайловичъ и Левъ Даниловичъ (о послѣднемъ см. выше, ст. 50—51). На службѣ угорскихъ королей (въ XIII в. и позже) упоминаются отдѣльныя лица — Русскіе (Грушевскій, II, 501—502), неизвѣстно только, были ли это пришельцы изъ Руси, или же Русскіе, предки которыхъ уже ранѣе поселились въ Угріи. Не всѣхъ, однако, упомянутыхъ Грушевскимъ Русскихъ можно считать дѣйствительно Русскими. Особенно неубѣдительны заключенія Грушевскаго на основаніи личныхъ именъ: почему, напримѣръ, »Zobosló, Vladar« (собственно: »Aladarius, magister tavernicorum!«) *русскія* имена? Почему »Germanus, qui in deferendis legacionibus« (угорскаго короля) »ad Rusciam fidele servicium exhibuerat«, долженъ быть признанъ Русскимъ? См. также выше о »Théza Ruthenus«.

[2]) См. выше стр. 13 пр. 2. Въ грамотѣ 1288 г. — таможенный тарифъ Остригома — упоминаются »mercatores de Ruscia« (Chaloupecký, op. c., 112 пр. 443).

[3]) Въ свою очередь, такія поселенія Угровъ (неизвѣстно, были ли то именно Мадьяры) упоминаются и на Руси. Такъ, у Ключевскаго: »Юрій Долгорукій († 1157) заселялъ Суздальскую область, собирая людей отовсюду. Сюда приходили не только Русскіе, но и Болгаре, Мордва и Венгры. Послѣдніе, вѣроятно, были плѣнные, захваченные Юріемъ въ борьбѣ его съ волынскимъ племянникомъ, союзникомъ котораго былъ венгерскій король« (I, 358—359).

[4]) »Ritus explorandae veritatis« или »Registrum Varadiense examinum ferri candentis« — протоколъ о случаяхъ »Божьяго Суда« (judicium Dei) — доказательства правоты раскаленнымъ желѣзомъ въ В. Варадинѣ 1208—1235 г. Реестръ дошелъ до насъ только въ печатномъ изданіи 1550 г. Новѣйшее изданіе Karácsonyi és Borovszky, Bst, 1903, 1—237.

боты[1]) — »изъ села »Ban« около замка »Kraszna« (Краснянской ст.) заявили, что — такіе то — суть ихъ »concives«, очевидно, желая привлечь и ихъ къ работамъ. Тѣ, съ своей стороны, возражали, что они свободные люди и родомъ Русскіе — т. е., что они, какъ »Rutheni«, принадлежатъ къ разряду свободныхъ »jobbágyones castri«[2]) и сослались, какъ на свидѣтеля, на нѣкоего своего родственника »Chedur«, и тотъ, пронеся въ рукахъ раскаленное желѣзо, доказалъ ихъ свободное состояніе[3])«.

Такія военныя колоніи свободныхъ Русскихъ, у себя на родинѣ тоже принадлежавшихъ, вѣроятно, къ военному сословію, къ дружинникамъ, существовали въ XII—XIII в. и позже не только въ трехъ вышеупомянутыхъ мѣстахъ,[4]) но *могли быть* и въ другихъ частяхъ Угріи на границахъ и около замковъ. На это указываетъ упоминаніе Русскихъ (Rutheni) въ королевскихъ декретахъ *наравнѣ* съ такими же, по военному организованными, пользовавшимися привилегіями Куманами и Ясами (Philisthaei).[5])

Въ XII, а тѣмъ болѣе въ XIII в. на Руси »русское« имя

---

[1]) Bidermann, op. c., II, 51; Chaloupecký, op. c., 223—34 и далѣе passim; Kadlec, Valaši, 211.

[2]) Ср. »Váradi registrum« около 1219 г.: Такіе то »e contra dixere se non castrenses esse, sed castri joubagiones« (Chaloupecký, op. c., 224 пр. 877). По хроникѣ S. Kézai (1282—1285), »jobágiones castri sunt pauperes nobiles, quibus ad regem venientibus terram is tribuit de terris castri, ut pheuda castri et castrum guerrae tempore custodirent« (Bidermann, l. c.).

[3]) »Castrenses de Carasna de villa Ban (такіе-то) impetierunt quendam, scilicet Jecur, filium Redea, Sol et Botun, filios Sacicu, Syteci, filium Babuci, dicentes, quod concives eorum essent. Illi autem dixerunt se esse liberos et genere Ruthenos et adduxerunt defensorem libertatis sue, nomine Chedur, gente Ruthenum — — qui, dicens illos cognatos suos esse, tenuit libertatem eorum — —. Chedur — — portato ferro iustificatus est, probavit illos liberos esse" (Karácsonyi, № 74). Любопытно, что изъ всѣхъ этихъ »Rutheni« только одинъ имѣетъ, повидимому, русское имя и, именно, въ южнорусской формѣ »Chedur« (Хведоръ). Какъ это объяснить — не знаемъ.

[4]) N. Oroszi, Oroszvár, Kraszna.

[5]) Напримѣръ, въ декретѣ Владислава II, 1428 г., art. 47: »Comani, Philistaei et Rutheni« (Bidermann, op. c., II, 46, пр. 5). Въ его же декретѣ 1514 г., art. 29, »Rutheni» прямо не названы, но они подразумѣваются подъ »caeteri jobagiones Regiae Majestatis« (ib. 47) — ср. Rutheni Regiae Majestatis. *Совершенно неправильно нѣкоторые авторы изъ этого дѣлали выводъ о свободномъ состояніи и привилегіяхъ всѣхъ Русскихъ.*

могло уже распространиться и въ болѣе широкихъ массахъ, и, значитъ, могли проникать въ Угрію и основывать тамъ поселенія и »Русскіе« — крестьяне. Въ документахъ, однако, разбросанныя въ разныхъ краяхъ Угріи и Трансильваніи поселенія съ названіями отъ »Orosz, Rus, Reuss, Ruthenus« упоминаются только съ XIII в.[1]) и то, преимущественно, со второй его половины[2]) и въ послѣдующія столѣтія.[3])

Но это все касается русскихъ поселеній »*per diversa loca*« Угріи и Трансильваніи. Перейдемъ теперь *къ подгорью* въ Земплинской, Ужанской и Бережской ст.[4])

Въ этой мѣстности до половины XIII в. упоминается вообще очень мало поселеній[5]) (считая не только villae, но и praedia), да и далеко не всегда можно опредѣлить ихъ положеніе, еще менѣе народность обывателей.[6]) Грушев-

[1]) 1-е упоминаніе въ 1220 г. въ Vár. reg.: »villa Uruz«, позже »пуста« въ Бихорской ст. (Melich, op. c., 156) и въ 1221 г. тамъ же »villa Ruzka« въ Абауйской ст. = »Göncz« или »Regete Ruszka« (Chaloupecký, op. c., 223, 274). Самое названіе поселеній по народности »Orosz« доказываетъ, что это были *пришельцы* въ *инородческую* среду.

[2]) Любопытно поселеніе Русскихъ у Дравы: въ грамотѣ 1267 г. (Cod. patrius, VI, 150) при описаніи границъ одного поселенія сказано: »meta separat *Ruthenis* existentibus iuxta aquam Ozna« (Hodinka, M. püspökség története, 22, пр. 1.)

[3]) Въ чрезмѣрномъ изобиліи (и все еще не полно) собралъ такія названія поселеній и межевыя (и изъ грамотъ, и изъ позднѣйшихъ картъ; и тамъ и здѣсь названія сильно искажены) Филевичъ, Исторія древней Руси, 1896. Чрезмѣрномъ потому, что онъ, безъ всякой критики, къ числу русскихъ названій отнесъ и румынскія отъ »ros = rosenrot, roşa, roşiu = rot« (напр. въ грамотѣ 1228 г., 172, пр. 4; »meta — — progreditur ad alpes Clementis et inde *in Rusciam*; »alpes Clementis = Keliman«; за нимъ »Ruscia« грамоты, это, по картѣ Липскаго, »Piatra le ros« = Красный камень); село Rosia, по мадьярски Veresegyháza = Красная церковь; Rusu munti, по мадьярски Vereshegyek = Красныя горы (ср. также A. Petrov, Kdy vznikly, 31). Справедиво замѣчаетъ Нидерле, что Филевичъ собралъ большой матерьялъ о распространеніи славянскаго и русскаго элемента за Карпатами, но не доказалъ его старобылости (SS., IV, 166).

[4]) Мараморошъ заселялся позднѣе.

[5]) См. регесты у Грушевскаго, III т., 1-е изд., 510—521.

[6]) Изъ болѣе обильнаго матерьяла позднѣйшаго времени видно, что въ Земплинской, Ужанской и Бережской столицахъ русское населеніе *далеко не доходило до Тисы*. Мадьярскій элементъ занималъ не

скій[1]) отмѣчаетъ, что чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ позднѣе и въ меньшей степени проникали привилегированная собственность и вліяніе правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ меньше появлялось и грамотъ.[2]) Татары Батыя, хлынувшіе въ Угрію главной массой какъ разъ долиной Латорицы, смели съ лица земли поселенія, жители были истреблены или разбѣжались; многія села потомъ и не возстановились. Со второй половины XIII в., когда правительство усиленно старалось о колонизаціи опустошеннаго государства, имѣются данныя о абсолютно, правда, маломъ, но относительно первой половины вѣка бо́льшемъ количествѣ поселеній.

Первое извѣстіе, гдѣ упоминаются на подгорьи »Rutheni«, даютъ грамоты 1254 и 1266 г.[3]) объ одномъ помѣстьи въ Земплинской ст. на сѣверо-западъ отъ Михалёвцевъ между Лаборцемъ и Ондавой.[4])

Упоминаемыя въ грамотѣ 1254 г. »sepultura Ruthenorum« и въ грамотѣ 1266 г. »sepulchrum Ruthenorum, quod vulgo dicitur mogula« находились *не* гдѣ нибудь *въ селѣ*, но *внѣ* границъ территоріи селъ, значитъ, это было не обыкновенное кладбище[5]), а, какъ видно изъ грамоты 1266 г., *общая* (*брат-*

только лѣвый берегъ Тисы, но переходилъ и за болота, тянущіяся по правому ея берегу. Только въ Угочѣ и, особенно, въ Мараморошѣ русскія поселенія были и за Тисой.

[1]) Op. c., II, 495.

[2]) Отъ XIII в. о Шаришской, Земплинской и Ужанской ст. дошло до насъ нѣсколько десятковъ грамотъ, о Бережской около десяти, о Мараморошской — ни одной (l. c.).

[3]) Грамота 1254 г. въ Cod. Arp. cont., VII, 366—367, Cod. dipl. patrius, VI, 79; 1266 г. въ Cod. dipl. com. Sztáray, I, 1887, 10—12. О нихъ см. Hodinka, M. püspökség története, 1910, 22, 75; его же, Утцюзнина, газдуство и прошлость ю. к. Русинувъ, безъ года (1919—1920), 28, 32—33; Стрипскій, О межевыхъ названіяхъ, 1924, 21, 34—35; Яцко, Руськѣ могилы из поганскоѣ добы, Подкарп. Русь, II, 1925, № 7, и III, 1926, № 1; Кондратович, К вопросу »Русских могил« в Земплинщинѣ, Подкарп. Русь, III, 1926, № 1.

[4]) Въ грамотѣ 1254 г. упомянуты »terre Lezna et Chemerna, vacue omnino et habitatoribus carentes, villa Peotry« (отождествляютъ ее съ Петровцами). Въ грамотѣ 1266 г.: »terre Lezna et Mikuta, terra Perecha, terra Zucha et Perecha, villa Perecha, Rakouch« (= Раковецъ).

[5]) Тѣмъ болѣе, что нигдѣ не говорится о церкви или священникѣ.

ская) могила, курганъ,[1]) и, конечно, не отъ стародавнихъ временъ, а отъ того времени, когда *въ какомъ либо сраженіи* погибли люди, называвшіе себя »Русскими«[2]), и были похоронены въ общей могилѣ.[3]) Поэтому, эти грамоты *еще не доказываютъ*, что *передъ* 1254 г. въ Земплинскомъ подгорьи *уже было русское населеніе.*[4])

Вообще, достовѣрный документарный матерьялъ о поселеніи »Русскихъ« *на позднѣйшей территоріи Карпатской Руси* до конца XIII в. очень скуденъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ Грушевскій[5]): »про угорскую Русь русскіе источники не говорятъ ничего, угорскіе хронографы почти ничего, кромѣ мелкихъ »згадок і натяків«,[6]) такъ что единственнымъ источникомъ являются угорскія грамоты. Но и тѣхъ для XI—XII в. очень мало, прибываетъ ихъ число лишь въ XIII в., главное съ его половины. Къ тому же, грамоты даютъ, правда, важныя свѣдѣнія объ исторіи колонизаціи, объ экономическомъ, общественномъ, политическомъ устройствѣ — но, по преимуществу, привилегированныхъ классовъ: угорскихъ пановъ, латинскихъ монастырей, нѣмецкихъ

---

[1]) Такіе часто попадаются на Карпатской Руси (Lehoczky, B. v. monogr., I, 106).

[2]) Иначе не была бы могила названа »sepulchrum *Ruthenorum*«.

[3]) Здѣсь не мѣсто разбираться въ полемикѣ между г. П. Яцкомъ и о. И. Кондратовичемъ, гдѣ именно находился курганъ или курганы, уцѣлѣли ли они донынѣ, возникли ли въ языческія времена или при нашествіи Батыя. Болѣе тщательные поиски на мѣстѣ, а, главное, раскопки, можетъ быть, дадутъ опредѣленныя указанія.

[4]) Hodinka, op. c., самъ себѣ противорѣчитъ: на стр. 32 говоритъ, что поселеніе въ этой мѣстности Русскихъ начинается *именно съ* 1254 г., а на стр. 75 утверждаетъ: грамота 1254 г. свидѣтельствуетъ, что *уже за одно поколѣніе* раньше здѣсь жили Русскіе и имѣли священника (послѣднее — безъ всякихъ доказательствъ).

[5]) Op. c., II, 1905, 485—486.

[6]) Это и понятно. Лѣтописи, хронографы и т. п. памятники среднихъ вѣковъ у всѣхъ народовъ только въ исключительныхъ случаяхъ упоминаютъ о народныхъ массахъ: передвиженія этихъ массъ, повальныя болѣзни, народныя возмущенія и т. п. Заносились для памяти потомства политическія событія, дѣятельность государей и привилегированныхъ классовъ и т. п. Болѣе можно найти въ позднѣе начинающихся описаніяхъ путешествій, географическихъ трудахъ и т. п.

колонистовъ. Этимъ, конечно, обрисовываются условія, въ которыхъ приходилось жить и русскому народу, но *о немъ* собственно грамоты ничего не говорятъ. Въ именахъ лицъ и въ названіяхъ мѣстъ можно узнать *славянскій* элементъ, но выдѣлить изъ славянскаго именно *русскій* очень не легко, особенно при искаженіи именъ и названій мадьярско-латинской ихъ транскрипціей[1])«.

Съ XIV в. и далѣе количество грамотъ возрастаетъ, но матерьялъ о Карпатской Руси и этого послѣдующаго времени, и предшествующаго, заключенный въ многотомныхъ »Codices diplomatici«, въ отдѣльныхъ монографіяхъ[2]) и повременныхъ изданіяхъ въ Угріи, *не собранъ, не провѣренъ*,[3]) нечего уже говорить объ его *использованіи*. Первый томъ монументальнаго труда Чанки,[4]) обнимающій именно русскія и сосѣднія съ ними стóлицы, вышелъ еще въ 1890 г., такимъ образомъ, въ немъ не использована громадная масса матерьяла, опубликованнаго за послѣднія сорокъ (!) лѣтъ.[5]) »Регесты« въ III томѣ 1-го изданія[6]) »Исторіи Украины-Руси« Грушевскаго очень скудны и извлечены лишь изъ немногихъ кодексовъ. Списокъ »русскихъ«[7]) поселеній, основанныхъ въ XIII—XV в., у Е. Перфецкаго, Sociálně-

[1]) Еще одна причина, почему русскія села могли и не попадать въ документы о земельныхъ владѣніяхъ: русское населеніе долго было очень подвижно, часто мѣняло мѣста жительства (о томъ см. ниже).

[2]) М. пр., существуютъ цѣнныя монографіи нѣкоторыхъ стóлицъ и дворянскихъ родовъ, приносящія новые архивные документы.

[3]) М. пр., относительно подлинности отдѣльныхъ грамотъ.

[4]) Csánki D., Magyarország történelmi földrajza a Hunyadiák korában (Историческая географія Угріи во время Гунядовцевъ, т. е. XV в.), Bst, I, 1890, II, 1890, II, 1894, III, 1897, V, 1913. IV томъ, кажется, недавно тоже вышелъ.

[5]) Кромѣ того, Чанки сообщаетъ только названія поселеній (въ формѣ, въ какой записаны въ документахъ), годы, когда упоминаются, мѣсто, гдѣ лежали или лежатъ, и имена владѣльцевъ, но не передаетъ, хотя бы въ видѣ регестъ, содержанія грамотъ. Между тѣмъ, послѣднее совершенно необходимо для правильной оцѣнки показанія грамоты.

[6]) 1900, 510—512. Во второмъ изданіи регесты опущены.

[7]) Подъ именемъ »русскихъ« приведены и поселенія словенскія, мадьярскія и неизвѣстно какой народности.

hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve st. XIII—XV., Bratislava, 1924, 84—114, не заслуживаетъ никакого довѣрія.[1]) Кое какія дополненія къ труду Чанки внесъ въ послѣдніе годы неутомимый научный работникъ по исторіи карпаторусской церкви, о. каноникъ В. Гаджега, въ своихъ »Додаткахъ къ исторіи Русиновъ и руськихъ церквей«.[2])

Такимъ образомъ, при настоящемъ положеніи, *совершенно невозможно* составить *на основаніи документовъ исторію »русской« колонизаціи* позднѣйшей карпаторусской территоріи. Видно только, что, какъ и въ другихъ горныхъ странахъ,[3]) первоначально въ XIII—XIV в. было колонизовано русскимъ элементомъ лишь подгорье и нижнія, болѣе широкія долины рѣкъ; только позже населеніе стало проникать въ глубь горъ, лѣсистыя же междурѣчья заселены еще позже, главное въ XVI—XVIII и даже въ XIX в., преимущественно путемъ приведенія колонистовъ »князьями«, »шолтысами«. Не допустимо, однако, представлять заселеніе въ XV—XVII в. такъ сплошнымъ, какъ это было въ XVIII—XX в.[4]) Не слѣдуетъ также забывать объ опустошительномъ вліяніи турецкихъ набѣговъ и господства, междоусобныхъ войнъ и т. п. въ XVI—XVII в.

Вотъ, вкратцѣ, то, что̀ даютъ *письменные* источники о поселеніи »*Русскихъ*« въ Угріи.

О поселеніи же тамъ »*восточныхъ Славянъ*«, еще не усвоившихъ себѣ имя »Русскихъ«, и, вѣроятно, бывшихъ еще язы-

---

[1]) См. нашу рецензію въ Č. Č. H., 1925, и Кадлца въ изданіи юридическаго факультета въ томъ же году.

[2]) »Мараморошъ«, Наук. Зб., Ужгородъ, I, 1922, 140—256; »жупа Ужанская«, ib., II, 1923, 1—64, III, 1924, 155—239; »жупа Угочская«, ib., IV, 1926, 117—176, и V, 1927, I—62. Мы хотѣли съ 1926 г. заняться составленіемъ такихъ регестъ, но это можно исполнить только въ Будапештѣ, гдѣ имѣются всѣ нужныя изданія, намъ, однако, съ того же года, къ нашему величайшему сожалѣнію, былъ прекращенъ туда доступъ. Мы слышали, что д-ръ Годинка, долгіе годы работавшій надъ исторіей Карпаторуссовъ, собралъ *о каждомъ поселеніи* всѣ документарныя данныя, но доконченъ ли этотъ трудъ и появится ли когда, не знаемъ.

[3]) См. выше, стр. 16, пр. 1.

[4]) См. ниже.

никами, *документарныхъ извѣстій не имѣется.* Переселеніе части »восточныхъ Славянъ« на другую сторону Карпатъ и *не могло быть отмѣчено въ письменныхъ памятникахъ.* Это не было вторженіе воинственныхъ германскихъ племенъ въ культурную Римскую имперію. Это не былъ опустошительный набѣгъ восточныхъ кочевниковъ, слухи о которомъ разносились далеко и широко и въ отдаленные уголки Европы, гдѣ трепетали при мысли, что и туда могутъ явиться »Божьи бичи, выходцы изъ ада, потомки Гога и Магога«. Проникновеніе »восточныхъ Славянъ«[1]) за Карпаты — это было постепенное, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, переселеніе разрозненныхъ частей племенъ — мирныхъ земледѣльцевъ и пастуховъ — въ далекія отъ культурныхъ центровъ, мало населенныя горы, ихъ долины и предгорья. Врядъ ли и у себя на родинѣ эти племена были многочисленны.[2]) Къ тому же,

[1]) Они могли называть себя или общимъ именемъ »Словѣне«, или же своимъ племеннымъ именемъ, вѣрнѣе же всего, назывались по именамъ начальниковъ родовъ, старѣйшинъ, или по именамъ лицъ, подъ руководствомъ которыхъ они пришли на новыя мѣста и поселились тамъ (о послѣднемъ случаѣ у Влаховъ въ Сербіи см. Кадлецъ, op. c., 140).

[2]) Вопросъ о численности народовъ и племенъ 1000 и болѣе лѣтъ тому назадъ врядъ ли можетъ быть разрѣшенъ даже съ приблизительной достовѣрностью. »Безчисленные, какъ звѣзды, неизчисленные« — у старыхъ авторовъ — это или риторика, или »у страха глаза велики«. О Карпаторуссахъ, напримѣръ, не имѣемъ вовсе данныхъ, сколько приблизительно ихъ было въ XV—XVI в. Изъ угорскихъ конскрипцій и урбаровъ съ половины XVI в., главное въ XVII в., видно, что, хотя поселеній на карпаторусской территоріи было тогда не мало, но многія изъ нихъ, особенно въ горахъ, были очень малолюдны (въ этомъ мы убѣдились изъ нашихъ выписокъ изъ 24-хъ томовъ конскрипцій и урбаровъ съ 1532 по 1707 г. Государственнаго угорскаго архива — всего 284 документа — см. наши Мат., VI, 285; то же подтверждаетъ и Легоцкій въ III т. B. v. monografiája — свѣдѣнія о поселеніяхъ столицы въ алфавитномъ порядкѣ). Примасъ Угріи въ докладѣ папѣ въ 1651 г. и конгрегаціи пропаганды въ 1652 г. (Hodinka, Oktánytár, 161, 166) опредѣляетъ число »схизматиковъ Русскихъ« (вмѣстѣ съ Румынами) Мукачевской епархіи въ 100.000 душъ (очевидно, это информація кого либо изъ рядовъ принявшаго унію русскаго духовенства). Тотъ же примасъ въ 1654 г. въ информаціи той же конгрегаціи возвышаетъ число ихъ до 300.000. Возможно предполагать здѣсь и преувеличеніе, чтобы болѣе заинтересовать уніей

часть того или инаго племени была истреблена восточными кочевниками, часть могла остаться на мѣстѣ, какъ рабы или пахари для потребностей кочевниковъ, и только части удалось или хватило рѣшимости укрыться въ лѣсистыхъ горахъ.[1])

Итакъ, за неимѣніемъ письменныхъ источниковъ о поселеніи за Карпатами »восточныхъ Славянъ«, можно исходить только изъ общеисторическихъ соображеній и предположеній, изъ аналогій; можно, пожалуй, ожидать какихъ либо результатовъ отъ лингвистическаго изслѣдованія »языка земли«[2]) и отъ археологіи.[3])

Результаты историческихъ соображеній и предположеній обстоятельно изложены Нидерле[4]): »первые Славяне, появившіеся за Карпатами, были Югославяне,[5]) и часть ихъ осталась въ позднѣйшей Угріи и Трансильваніи«.

Извѣстный Будапештскій славистъ, проф. І. Мелихъ, въ

Римскую курію. Въ 1761 г. наджупанъ Марамароша, гр. Barkóczy, исчисляетъ Русскихъ (съ Румынами) въ 70.000 (А. Петровъ, Мат., I, 45). Врядъ ли за 100 лѣтъ могло такъ уменьшиться русское населеніе, особенно при усиленномъ приливѣ изъ Галичины съ начала XVIII в. Сколько же могло быть въ Угріи »Русскихъ« въ XII—XIII в., а »восточныхъ Славянъ« въ IX—XI в.? Въ послѣднемъ случаѣ, врядъ ли можно думать о десяткахъ тысячъ, а, скорѣе, о тысячахъ.

[1]) Откуда могли приходить »восточные Славяне«, потомъ и »Русскіе«, опять таки неизвѣстно. Прежде всего, конечно, изъ сосѣднихъ территорій — позднѣйшихъ Галичины, Буковины, Молдавіи — прежней Куманіи, но могли быть и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Карпаторусская діалектологія не выяснила еще, съ какими южно-русскими нарѣчіями можно связать разные карпаторусскіе діалекты. Сходство нѣкоторыхъ карпаторусскихъ особенностей съ особенностями сѣверо-малорусскихъ діалектовъ есть, повидимому, мнимое (Ганцовъ, Діалектолог. класификація укр. говорів, Київ, 1923), архаизмы же въ тѣхъ и другихъ діалектахъ могли одинаково сохраниться и въ горахъ, и въ болотистыхъ лѣсахъ.

[2]) Т. е. мѣстныхъ названій, хотя это почва очень скользкая (см. A. Petrov, Kdy vznikly, 29—31). Къ тому же, на территоріи, гдѣ поселялись и Румыны, многія названія могли быть даны Румынами изъ ихъ запаса славянскихъ корней и словъ.

[3]) Трудно, однако, выдѣлить именно *восточно-славянскій* элементъ.

[4]) SS., IV, 164—169.

[5]) Все равно, пришли ли они черезъ карпатскіе перевалы (по Нидерле) или съ юга отъ Дуная (по Мелиху).

трудѣ »Угрія во время занятія ея Мадьярами«,[1]) блещущемъ, какъ и всѣ его работы, громадной эрудиціей, обиліемъ разнообразнаго матерьяла и остроумными догадками, на основаніи *разбора мѣстныхъ названій*, главнымъ образомъ, *названій рѣкъ*, приходитъ также къ заключенію, что Мадьяры при »занятіи родины« нашли въ ней отъ Срѣма до восточныхъ Карпатъ *Югославянъ*, языкъ которыхъ былъ ближе всего къ западноболгарскому и восточно-сербскому нарѣчію; только въ Трансильваніи Югославяне занимали лишь нѣкоторыя мѣста[2]), вообще же Трансильванія была мало заселена.[3])

»Восточные Славяне«, продолжаетъ Нидерле, »колыбель которыхъ находилась далѣе, чѣмъ колыбель южныхъ, именно на среднемъ Днѣпрѣ, пришли за Карпаты позже. Принудили ихъ къ этому постоянныя нападенія кочевниковъ: Аваровъ, Болгаръ, Мадьяръ, Печенѣговъ, Куманъ-Половцевъ и Узовъ.[4]) Этимъ давленіемъ съ востока объясняется раннее исчезновеніе съ горизонта исторіи Угличей, Тиверцевъ, Дулѣбовъ[5])«.

---

[1]) A honfoglaláskori Magyarország, A m. nyelvtudomány kézikönyve, I$_6$, 1925—1929, 1—439. Первоначально выводы Мелиха были изложены въ докладѣ М. Ак. наукъ въ 1920 г. (Magyar Nyelv, 1921).

[2]) Op. c., 142, 144, 271—272.

[3]) Ib., 272, 329. Среди Секелей (Székély, Sékler) Славянъ во время прихода Мадьяръ не было (272).

[4]) Нашествіе Татаръ въ XIII в. также могло привести восточныхъ Славянъ за Карпаты, но уже съ »русскимъ« именемъ.

[5]) Загадочные Хорваты, жившіе гдѣ то въ восточной Галичинѣ, при верховьяхъ Днѣстра и Прута, упоминаются въ русской лѣтописи въ послѣдній разъ въ 992 г. Хорваты въ Чехіи и Польшѣ, у Крконошъ, по Вислѣ и Сяну, тоже послѣ X в. исчезаютъ, вѣроятно, слившись съ окружавшими ихъ Русскими, Чехами и Поляками (Niederle, op. c., 155). Мелихъ, однако, — безъ всякихъ, впрочемъ, доказательствъ — утверждаетъ, что »villa Huruat« (первый разъ упоминается въ 1213 г.) = »Kraszna-Horvát« и »villa Chroat« (въ 1220 г.) = »Oláh-Horvát«, обѣ въ Силадьской ст., были заселены *русскими* Хорватами, а »Bán Horvát« и »Disznós-Horvát« (1220 г.) въ Боршодской ст. — Хорватами *изъ Чехіи*. Гораздо правдоподобнѣе, что эти названія находятся въ связи съ Хорватіей и Славоніей, уже съ конца XI в. соединенныхъ съ Угріей. Вѣрнѣе, однако, что это не были *хорватскія колоніи*, а названы были *по владѣльцамъ, хорватскимъ дворянамъ*, получавшимъ отъ королей донаціи въ разныхъ частяхъ Угріи (ср. A. Pet-

По мнѣнію же Мелиха, Мадьяры при »занятіи родины« *не нашли* въ ней *восточныхъ Славянъ* или, какъ онъ ихъ постоянно называетъ, »Oroszok«, Русскихъ. »Oroszok« поселились въ Угріи только въ XI—XII в., главнымъ же образомъ въ XIII в.,[1]) на позднѣйшемъ же карпаторусскомъ подгорьи жили во время прихода Мадьяръ *южные Славяне* (позднѣйшіе Болгаре) и Болгаро-тюрки.

Въ виду авторитетности Мелиха, считаемъ нужнымъ подробнѣе остановиться на этомъ его выводѣ.

Изъ названій, разобранныхъ Мелихомъ, онъ признаетъ за взятыя изъ русскаго языка: a) »Kraszna« — рѣка, начинающаяся въ Силадьской ст. и впадающая въ Самошъ у Сатмара, а также одноименные замокъ, село, сто́лица[2]); b) »Sztrigy, изъ »стрѣль« (быстрая) »вода« — притокъ Мароша въ Гунядской ст.[3]); оба эти названія возникли, де, между X и XIII в.; c) названія отъ мад. »orosz«, рум. »roș«(!)[4]) = русскій — они появляются лишь съ 1220 г.[5])

Относительно сравнительно поздняго возникновенія этихъ вышеуказанныхъ поселеній мы вполнѣ можемъ согласиться съ Мелихомъ.

Что же касается *отрицанія* Мелихомъ присутствія *восточныхъ Славянъ* — у него »Oroszok« — на *предгорьи* Бережскомъ, Ужанскомъ и Земплинскомъ, то, собственно, *единственнымъ аргументомъ Мелиха является сообщеніе Анонима* въ гл. 11—13: »Спустившись съ Карпатъ у Мукачева, Мадьяры нашли здѣсь Славянъ и Болгаръ, надъ которыми властвовалъ Саланъ. Его дѣдъ, Кеанъ, великій князь Болгаріи, поселилъ здѣсь, на границѣ Русскихъ и Поляковъ, этихъ Славянъ и Болгаръ. Славяне разсказывали, какъ Кеанъ, князь Болгаріи, прадѣдъ

---

rov, Příspěvky 99, 229, и Sbornik Pestyho jako pramen hist. dem. údajů, 45; ср. также въ архивѣ Лелесскаго конвента грамота Андрея II 1223 г. — донація для »Brebiri család«, Докладъ истор. комиссіи о Лелесѣ, Századok, 1871, 592—623).

[1]) Op. c., 62, 151—152, 156—163, 165, 272.

[2]) Ib., 157, 160.

[3]) Ib., 160—163. Первый разъ упоминается въ 1267 г.

[4]) По румынски: »Rus = d. Russe, rusesc = russisch; roș, roșia = rot« (G. Pop, Rum. deutsch. Taschenwörterbuch).

[5]) Op. c., 156—157.

князя Салана, выйдя изъ Болгаріи, занялъ эту землю, и Славяне изъ болгарской земли были приведены къ границамъ Русскихъ. Альмошъ съ Мадьярами поѣхали далѣе къ замку »Hung«. Начальникъ замка, Лоборци, называвшійся на языкѣ Славянъ »duca«, бѣжалъ къ замку Землумъ,[1]) былъ пойманъ Мадьярами на рѣкѣ, повѣшенъ, и по его имени отъ того времени рѣка стала называться »Loborcy«.[2])

Мелихъ вполнѣ довѣряетъ этому разсказу Анонима.[3])

---

[1]) »Terram — — inter Thisciam et Danubium preoccupavisset sibi Keanus, magnus dux Bulgarie, avus Salani ducis, usque ad confinium Ruthenorum et Polonorum et fecisset ibi habitare Sclavos et Bulgaros — —. Sclavi — — narrabant, quomodo — — Keanus, proavus ducis Salani, dux de Bulgaria egressus, — — preoccupavisset terram illam, qualiter etiam ipsi Sclavi de terra Bulgarie conducti fuerant ad confinium Ruthenorum. — — Dux Almus et sui primates — — ad castrum Hung equitaverunt. — — Comes eiusdem castri, nomine Loborcy, qui lingua eorum »duca« vocabatur, — — ad castrum Zemlum properabat« и т. д. (по Мелиху).

[2]) Melich, Loborc (Magyar Nyelv, 1929, № 5—7) признаетъ имя этого »дуки« болгаро-тюркскимъ и очень остроумно объясняетъ его изъ тюркскихъ языковъ: »Alp-Bars > Albars« = храбрый барсъ, тигръ. »Albars« въ устахъ Славянъ приняло форму »Labors« или »Lobors« и отъ нихъ перешло къ Мадьярамъ въ формѣ »Loborcy« (Погодинъ и Шахматовъ объясняли это имя изъ кельтскаго языка). Бѣда только въ томъ, что самое *существованіе* такого »дуки« *сомнительно*. Скорѣе, не рѣка Лаборецъ получила названіе отъ »дуки« Лаборца, а отъ рѣки Лаборца созданъ былъ Анонимомъ »дука« Лаборцъ, такъ же, какъ отъ горы Зобора (Zubur) надъ Нитрой онъ создалъ славянскаго князя Нитры Зубура (ср. Melich, op. c., 347).

[3]) Любопытно, что Мелихъ, *здѣсь* основывающійся *только* на Анонимѣ, какъ вполнѣ надежномъ источникѣ, въ находящемся *рядомъ* сообщеніи *того же* Анонима (въ гл. 10, повторено въ гл. 57) о приходѣ съ Мадьярами *многихъ Русскихъ* находитъ *только* »зерно исторіи« (»történeti mag«, ib., 156) и относитъ первое поселеніе Русскихъ *къ XI—XIII* в. (ib.) Moór (op. c.), считаетъ, что мнѣніе Мелиха о присутствіи въ Угріи Болгаро-тюрковъ очень преувеличено. Во первыхъ, Moór оспариваетъ многія тюркскія этимологіи Мелиха (438—446), во вторыхъ, указываетъ на то, что и въ самой Болгаріи Болгаро-тюрки составляли очень тонкій господствующій слой, къ тому же скоро ославянившійся. Выраженіе Анонима: »Sclavi et Bulgari« Moór считаетъ подражаніемъ библейскому параллелизму, вообще очень обычнымъ у Анонима: »Sclavorum et Pannoniorum, cives Bulgarorum et Macedonum, Sclavi et Bohemi, Blachi et pastores Romanorum«. Такимъ образомъ, »Sclavi et Bulgari« значило, де, болгарскіе Славяне, Болгаро-

Другихъ доказательствъ, что на указанной территоріи жили изъ Славянъ *только* Славяне южные, у Мелиха *нѣтъ. Мѣстныхъ названій* онъ *не разбираетъ,* кромѣ одного лишь Земплина[1]) = Земльнъ (т. е. городъ). Мелихъ признаетъ, что »Земльнъ« могло перейти къ Мадьярамъ и изъ югославянскаго — болгарскаго языка, и изъ русскаго — восточно-славянскаго, но послѣднюю возможность отвергаетъ, и то *только потому,* что другія названія, *одновременно* заимствованныя Мадьярами отъ Славянъ: »Csongrád« (изъ Čorngrad«), »Zagyva«[2]) и (»Hejő«) Tapolcza«, *взяты именно отъ Югославянъ.*[3]) Это вѣрно, но названные такъ объекты *не* находятся *на подгорьи* Земплинской, Ужанской и Бережской ст. О Чонградѣ и говорить нечего — онъ лежитъ очень далеко. Другіе лежатъ ближе[4]) къ подгорью, но отдѣлены отъ него болотами по обѣ стороны Тисы[5]) и болотистымъ же Прибодрожьемъ. 1000 лѣтъ назадъ эта мѣстность была, конечно, еще болѣе трудно проходима, и естественно, что разселеніе Югославянъ должно было остановиться передъ этой преградой,[6]) а подгорье могло быть занято спускавшимися черезъ Карпаты съ востока и юго-востока восточными Сла-

---

тюрковъ же Анонимъ называетъ»Bulaг«. По Иречку и Гунфальви, болгарскому царству за Дунаемъ передъ приходомъ Мадьяръ принадлежали Валахія и, можетъ быть, лишь часть Угріи и Трансильваніи (436). Что̀ касается титула »дука«, усвоеннаго болгарскимъ царствомъ изъ Византіи, то Анонимъ, зная объ его употребленіи въ Болгаріи, перенесъ его и къ тѣмъ Болгарамъ, которыхъ онъ помѣстилъ въ Угріи.

[1]) Въ мадьярскомъ языкѣ: »Zemlum > Zemlün, Zemlin, Zemplén«. Въ послѣдней формѣ »Земплинъ« перешло отъ Мадьяръ къ Карпаторуссамъ и Словакамъ.

[2]) Изъ »Sadjava — Sadžava«, ср. чеш. Sázava (op. c., 99).

[3]) Ib., 88.

[4]) Hejő Tapolcza на югозападъ отъ Мишковца; одна Zagyva начинается въ Новоградской ст., проходитъ черезъ Гевешскую и впадаетъ въ Тису у Сольнока, другая Zagyva (теперь это названіе изчезло) протекала около Шапа (Sáp) въ Абауйской ст., впадала въ Баршонёшъ (Bársonyos), тотъ въ Шайовъ ((Sajó, Slaná), Шайовъ у Онода въ Горнадъ (ib., 99).

[5]) Такъ, по лѣвому берегу тянется Nyírség, ранѣе Confinium Nyir.

[6]) То же мнѣніе высказано и Кадлцемъ въ рецензіи на Халоупецкаго, Staré Slovensko (Prúdy, Bratislava, 1925, 83—84).

вянами, которые и дали имя насыпанному ими земляному городу.[1])

По нашему мнѣнію, кромѣ названія »Землянъ«, еще два названія свидѣтельствуютъ о раннемъ — съ конца IX и въ X в. — появленіи здѣсь восточныхъ Славянъ и о раннемъ соприкосновеніи ихъ съ Мадьярами. Какъ не спеціалистъ, выскажемъ это лишь какъ *предположеніе*.

По вполнѣ правдоподобному объясненію Мелиха, »Munkács« (т. е. vár) = »замокъ Мункача«, происходитъ *отъ мадьярскаго собственнаго имени* »Munkács«, образованнаго мадьярскимъ суффиксомъ *cs* отъ заимствованнаго у Славянъ слова »munka« (labor, negotium — мжка). Въ славянскихъ языкахъ суффиксъ *ачь* обозначаетъ »nomen agentis, nomen instrumenti«. Отъ »мжка« такого *производнаго* у Славянъ *нѣтъ*,[2]) у Мадьяръ же въ XII—XIII в. существовали *собственныя имена* отъ »munka« или прямо въ этой формѣ: »Munka > Monka«,[3]) или съ суффиксами *d* и *cs*: »Munkád > Monkád, Munkács > Monkács«.[4])

»Ung« въ »Ung-vár«, по Мелиху, слово не мадьярское, а тюркское, и встрѣчается у разныхъ тюркскихъ народовъ въ формѣ »Ong« (= recht, dexter, salus) и какъ личное имя »Ong, Onk«. Мадьяры могли заимствовать его или отъ Болгаръ, или отъ Печенѣговъ, или отъ Половцевъ.[5])

Городъ »Munkács« у карпаторусскаго народа и нынѣ обычно называется притяжательнымъ прилагательнымъ отъ

---

[1]) Затрудненіе представляло бы южно-славянское названіе рѣки Топли (Topl'a), протекающей по Шаришской и Земплинской ст. и въ послѣдней сливающейся съ Ондавой. Однако, по Мелиху, названіе Topl'a заимствовано Словаками и Русскими отъ Мадьяръ, тѣ же, въ свою очередь, приняли его въ свой языкъ отъ Югославянъ въ формѣ Toplu > Topl и давали его рѣкамъ и потокамъ въ разныхъ мѣстахъ (ib., 112). Такимъ образомъ, по Мелиху же, имя Топли *не* свидѣтельствуетъ, чтобы Югославяне жили въ порѣчьи Топли.

[2]) Прибавимъ: »мжкачь« не имѣло бы вообще никакого смысла.

[3]) Преимущественно у рабовъ, слугъ.

[4]) Ib., 124, 125, гдѣ приведены и примѣры; ср. еще въ грамотѣ 1262 г.: Munkács, сынъ Неда (Komáromy, Ugocsa m. keletkezése, у В. Гаджеги, Наук. Зб., IV, 162).

[5]) Melich, op. c., 126—127, здѣсь и примѣры.

имени »Мукачь« — Мукачевъ, Мукачево = городъ, поселеніе Мукача, и эта форма встрѣчается уже въ XVII в.[1])

»Ung«, какъ названіе *рѣки*, въ народѣ *никогда* не употреблялось: рѣку »Ung« Карпаторуссы называли и называютъ просто »Рѣка«,[2]) но \Уг = »Ung« виденъ въ названіяхъ »Ужокъ«, род. пад. »Ужка«, »Ужанська вармедя«, иногда »Ужанська рѣка«.

Это *у* вмѣсто *ж* въ »Мукачевъ« и »\Уг« доказываетъ, что *оба мадьярскія названія были усвоены восточными Славянами тогда, когда въ ихъ языкѣ существовали еще носовыя гласныя*, т. е. въ IX—X в.[3])

Вернемся теперь къ прерванному изложенію.

Итакъ, какъ сказано раньше, еще до прихода Мадьяръ, и, можетъ быть, задолго, постепенно, въ теченіе столѣтій, восточные Славяне, *по всей вѣроятности*, могли переселяться въ Карпаты и за Карпаты.

Какая судьба ихъ здѣсь постигла, опять таки не знаемъ. Приходя небольшими группами, не имѣя государственной или какой либо иной болѣе обширной организаціи, они и заняли, вѣроятно, не какую либо сплошную территорію, а селились —

---

[1]) Андрелла, Іерея Михаила »Оброна« (А. Петровъ, Мат. VII; ср. »Старая вѣра«, Мат., II., 25, пр. 3, 28, пр. 2.). »Мункачовъ, Мункачовскій« — формы позднѣйшія, возникшія подъ вліяніемъ оффиціальнаго мадьярскаго названія.

[2]) У Карпаторуссовъ очень часто называются рѣки и рѣчки, протекающія по ихъ поселеніямъ, просто »рѣками«, безъ дальнѣйшаго опредѣленія (ср. въ Мараморошѣ мад. »Nagy Ág«, у Карпаторуссовъ: »Рѣка«, рѣже »Велика рѣка«; см. также А. Петровъ, Карпаторусскія межевыя названія, 1929, указатели, 131, 201—202). Названіе Ужанской »рѣки« *Ужъ* — совершенно новое, искусственно созданное послѣ переворота на основаніи названія р. »Ужка« и города »Ужгорода«, и никогда не существовало въ устахъ народа.

[3]) Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, I, 1905, 114—115; м. пр., ср. тамъ же: »Угринъ, Угре«. Munkács — Monkács, Ung — Ong были усвоены восточными Славянами въ формахъ: Мжкачь, жг; позже, когда во всѣхъ словахъ носовой гласный ж перешелъ въ чистый гласный *у*, такому же измѣненію подвергся ж и въ данныхъ именахъ. Унгваръ — изъ мад. Ungvár — названіе, обычное въ народѣ — есть позднѣйшее, чѣмъ \Уг, заимствованіе съ мадьярскаго, происшедшее тогда, когда у восточныхъ Славянъ уже *исчезли носовыя гласныя*. Ужгородъ — названіе *искусственно сочиненное* въ половинѣ XIX в. и, послѣ переворота, ставшее оффиціальнымъ.

особенно въ виду горнаго характера края — въ разбродъ, по долинамъ рѣкъ или въ междурѣчьяхъ. Кромѣ того, до нихъ или, по крайней мѣрѣ, до большинства ихъ еще не дошло изъ Кіевской области христіанство, какъ не дошло и »русское« имя. Какъ язычники, они могли быть обращены въ христіанство наравнѣ съ Мадьярами и Секелями проповѣдниками латинской церкви[1]) и тѣмъ скорѣе могли слиться съ этими народами, какъ еще ранѣе могли слиться съ остававшимися въ Трансильваніи Югославянами, а позже съ Нѣмцами-Саксами, а также со своими единоплеменниками, приходившими уже съ именемъ »Русскихъ«.

Часть »восточныхъ Славянъ« — а позже и »Русскихъ« — могла поселиться на лѣсистыхъ горахъ, часть же могла осѣсть на болѣе ровномъ подгорьи, въ болѣе широкихъ долинахъ восточной Угріи и Трансильваніи.

Остановимся сначала на первыхъ.

И до своего прихода въ новую родину восточные Славяне были земледѣльцами, но не были вполнѣ осѣдлыми. По словамъ Ключевскаго[2]), »пріемы обработки земли въ древней Руси[3]) сообщали подвижной, кочевой характеръ хлѣбопашеству. Крестьяне выжигали лѣсъ и засѣвали выжженное мѣсто. Когда черезъ шесть-семь лѣтъ почва истощалась, переносили свои дворы на другое мѣсто, иногда отдаленное, и тамъ повторялось то же самое. Такъ постепенно подвигалась русская колонизація на сѣверъ и востокъ«. Это, такъ называемое, »подсѣчное«, »переложное«, на сѣверѣ »лядинное« хозяйство, ст. чеш. »žďařeni«, нѣм. »Brandwirtschaft«.[4])

[1]) Ср. любопытную статью Karácsonyi J., Orosz-szláv lakosok Erdélyben — Русско-славянскіе поселенцы въ Трансильваніи, въ журналѣ Magyar kisebbség — Мадьярское меньшинство, N. Várad, 1925. О ней см. наши Příspěvky, *59, пр.

[2]) Op. c., I, 383—384.

[3]) Въ бо́льшей ея лѣсистой части, кромѣ степной полосы.

[4]) Такое полукочевое хлѣбопашество держалось долгое время, напр., у Поляковъ (Potkański, Pisma pośmiertne, I, Kraków, 1922, Studja osadnicze, 343, 349, 351, 353—54. Надъ этой работой (91—388) авторъ трудился съ 1887 г. до смерти, особенно въ 1904—08 г. — ib., 95), въ Индіи и, по Тациту, у Германцевъ (ib., 351). Связано это было и съ низкимъ уровнемъ земледѣльческой техники: пней не выкапывали, сѣяли между ними, разрыхляли землю мотыкой или деревянной сохой, и верхній слой почвы скоро истощался (ib., 355—56).

Попавши съ равнины въ горы съ малоплодородной почвой, съ болѣе суровымъ климатомъ, восточные Славяне должны были приспособляться къ новымъ условіямъ.[1]) Они отвыкали отъ трехполья; нельзя было сѣять озимые, пшеница не удавалась, рожь удавалась не всегда, оставались овесъ, яровая рожь, потомъ просо. Поэтому земледѣліе отходитъ на второй планъ. Населеніе занимается охотой, рыболовствомъ, добываніемъ меду изъ бортей дикихъ пчелъ, *главнымъ же образомъ, возрастаетъ скотоводство.*[2]) Покрытыя альпійскими лугами полонины Карпатъ, возвышающіяся надъ полосой лѣсовъ, особенно способствовали тому, что »восточные Славяне«, а потомъ и »Русскіе«, изъ полукочевыхъ земледѣльцевъ становились полукочевымъ и даже кочевымъ пастушескимъ населеніемъ.[3]) Постепенный приходъ съ Балканъ въ Трансильванію и далѣе по Карпатамъ пастуховъ[4]) Румынъ-Волоховъ[5]) еще болѣе повліялъ на измѣненіе

[1]) »Всякій разъ, когда повторяются извѣстныя природныя условія, повторяются съ ними и формы общественной жизни« (ib., 335).

[2]) Ib., 346—47.

[3]) Жившіе въ подобныхъ же условіяхъ въ горахъ Трансильваніи Секели до XIII в. были номадами (Hóman, Der Ursprung d. Siebenbürg. Székler, Ungar. Jahrbücher, 1922, 20).

[4]) О пастушескомъ образѣ жизни Румынъ-Влаховъ на Балканахъ см. Kadlec, Valaši, 123—169.

[5]) Еще на Балканахъ у Сербовъ и Болгаръ »Влахъ« стало обозначать не только »Румына«, но и вообще »пастуха«. Въ Угріи это двойное значеніе удержалось. »Валахами« (Valachus, Volachus, Olahus, мад. Valáh > Voláh > Oláh, Melich, op. c., 310—311) стали называть и Русскихъ, ведшихъ тоже пастушескій образъ жизни (Kadlec, op. c., 268), поэтому оба термина приводятся рядомъ: »Valachi et Rutheni« или даже отождествляются: »Rutheni alio nomine Valachi« (даже въ половинѣ XVI в. въ Оравской, Турчанской и Тренчанской ст., ib., 431). Общая вѣра Румынъ и Русскихъ еще болѣе способствовала отождествленію терминовъ (также и въ Галичинѣ). Въ Оравской ст., въ началѣ XV в., т. наз.»Valachi« состояли преимущественно изъ Словаковъ и Русскихъ съ небольшой примѣсью Румынъ, а въ Тѣшинѣ и пастухи Поляки назывались »Valachi« (ib., 434—35). Поэтому и упоминаемыя въ документахъ »villae valachales, olahales« въ Угріи и въ Галичинѣ нельзя считать *непремѣнно* селами румынскими: это можетъ значить и села на »волошскомъ правѣ«, »jure valachico« — села русскія, хотя очень часто первоначальными поселенцами были Румыны, распустившіеся въ русскомъ населеніи. На румынскій характеръ

въ образѣ жизни и занятій Русскихъ. Но русское пастушеское населеніе, живя, главнымъ образомъ, отъ скота, питаясь и одѣваясь его продуктами, *не оставляло и своего первобытнаго земледѣлія,* жгло лѣса и сѣяло для личнаго потребленія хлѣбъ тамъ, гдѣ оставалось со своими стадами болѣе продолжительное время.[1])

О такомъ *кочевомъ* или *полукочевомъ* населеніи въ лѣсистыхъ горахъ и на полонинахъ Угріи съ X и до половины XVI в. мы *не имѣемъ письменныхъ извѣстій.*[2]) Если въ бывшей Россіи, на Уралѣ и въ сибирской тайгѣ, не только въ XIX, но и въ XX в.[3]), *случайно* открывались многолюдныя *поселенія,* существовавшія десятки лѣтъ, остававшіяся неизвѣстными мѣстнымъ властямъ, необложенныя податями, если въ XVIII в. королевская камера узнавала лишь спустя много лѣтъ о *поселкахъ* въ лѣсахъ Мараморошa бѣглецовъ изъ Галичины,[4]) то нѣтъ ничего удивительнаго, если въ первыя столѣтія существованія Угріи въ широкой до многихъ десятковъ километровъ пограничной полосѣ лѣсистыхъ горъ, на »ничьей« землѣ, могло *невѣдомо ни для кого изъ властей,* существовать *рѣдкое*[5]) *кочевое пастушеское населеніе.*

первоначальнаго населенія могутъ указывать румынскія названія селъ и румынскія личныя имена (ср. таблицу рум. именъ, ор. с., 451—468), хотя часто и Румыны носятъ славянскія имена; къ тому же, въ документахъ многія имена записаны въ календарной формѣ.

[1]) Potkánski, ор. с., 344, 346, 350. В. Гнатюкъ въ рецензіи на Bonkáló, Die Ungarländischen Ruthenen, »Чи закарпатські Українці автохтони?« (Літер. наук. вістник, 1922, 269—276), очень странно и наивно представляетъ жизнь этихъ »Українців«, какъ будто какихъ то вполнѣ независимыхъ обывателей: »Українці« поселились за Карпатами не въ XIII и XII в., но много раньше. Они занимались только скотоводствомъ и рыболовствомъ, а за хлѣбомъ ходили въ подгорные города (откуда только авторъ это узналъ?): Сиготъ, Густъ, Мукачевъ, Ужгородъ, Пряшевъ и др., и, не имѣя промышленности и торговли, не появлялись на мадьярской низинѣ. Вотъ и причина, почему такъ рѣдки о нихъ извѣстія« (271).

[2]) Мы лично, по крайней мѣрѣ, не встрѣчали таковыхъ нигдѣ. Можетъ быть, нашлось бы нѣчто въ описаніяхъ Угріи и въ свѣдѣніяхъ путешественниковъ.

[3]) Судя по газетамъ, даже сравнительно недавно.

[4]) Bidermann, ор. с., II, 65 и пр. 3.

[5]) Уже по самому образу жизни.

По мѣрѣ колонизаціи этой полосы съ юга и съ сѣвера, площадь свободной для кочеванья земли стала уменьшаться. Продолжая заниматься, преимущественно, скотоводствомъ, часть кочевниковъ осѣдала въ поселеніяхъ на волошскомъ правѣ, стала пасти стада не повсюду, а на отведенныхъ селамъ полонинахъ и въ опредѣленныхъ лѣсахъ.[1]) Съ XIV в. начинаются грамоты о такихъ селахъ, упоминаются наложенныя на обывателей подати и натуральныя повинности. Часть, однако, продолжала вести кочующую жизнь[2]), но земля переставала быть »ничьей«, переходила въ прямую собственность то государства (короля), то частныхъ лицъ. Кочевники были болѣе или менѣе регистрованы и обложены податями. Это происходило постепенно, частными распоряженіями владѣльцевъ, и *не оставляло письменныхъ слѣдовъ*. Только въ половинѣ XVI в., при новой нѣмецкой династіи Габсбурговъ, короли и сеймъ начинаютъ регулировать фактическое положеніе *законодательнымъ путемъ*.[3]) Такъ, въ утвержденныхъ сеймомъ декретахъ королей 1554—1574 г. различаются: *a*) »Valachi et Rutheni, qui sessionati coloni sunt et census praestant dominis eorum«; »Rutheni et Valachi, qui in villis in medio colonorum domos et alias haereditates habent« и *b*) »Rutheni et Valachi, qui, licet domos non habent, in tuguriis« (= шалашъ) »tamen habitantes, non contemnendam pecorum summam alunt«; »Valachi pecorarii et Rutheni«; »Rutheni et Valachi, qui, domo carentes, in alpibus et sylvis pecora alunt[4])«. Первые, т. е. »sessionati«, платили полную сумму одобренной сеймомъ подати (dica), вторые только половину (mediam dicam). Такіе кочующіе пастухи существовали и въ XVII в. Такъ, въ декретѣ Фердинанда III 1647 г., art.

[1]) О такомъ же процессѣ въ Сербіи см. Kadlec, op. c., 137—138.

[2]) Такъ, и въ старой Сербіи существовали Влахи кочующіе и Влахи, осѣвшіе въ поселеніяхъ (ib., 137).

[3]) Но еще въ 1628 г. и 1630 г. упоминается, что въ Трансильваніи есть много Русскихъ, Валаховъ и Молдаванъ (т. е. выходцевъ изъ этихъ государствъ), никакому владѣльцу не принадлежавшихъ и переходившихъ съ мѣста на мѣсто (ib., 287).

[4]) Corpus juris hung., Budae, 1822: Фердинанда II decr. a. 1554, art. 12, его же decr. a. 1563, art. 4, Максимиліана II decr. a. 1567, art. 12., его же a. 1574, art. 4 (469, 479, 506, 528).

26, упоминаются »Rutheni, portas non habentes«.[1]) Трансильванскіе румынскіе пастухи, какъ видно изъ договоровъ 1638 и 1685 г., кочевали со своими стадами и въ Валахіи и всю свою жизнь проводили въ горахъ.[2]) Но и позже, даже до половины XIX в., имѣются извѣстія о такихъ кочующихъ пастыряхъ.[3])

Такимъ образомъ, *предположеніе о существованіи пастушескаго кочеваго населенія въ столѣтіяхъ XV и ранѣе можно считать вполнѣ оправданнымъ.*

Другая часть »восточныхъ Славянъ« осѣла на подгорьи и въ болѣе широкихъ долинахъ и осталась хлѣбопашцами. Когда позже они слились съ вновь прибывшими »Русскими«, всетаки, какъ и на родинѣ, они не были прочно привязаны къ землѣ. У русскаго земледѣльческаго населенія очень долго оставалась привычка къ передвиженію, подкрѣпляемая и его интересами экономическими и соціальными.

Въ Московской Руси прикрѣпленіе къ землѣ завершилось отъ конца XVI в. до 1649 г., въ Угріи окончательно установилось послѣ 1514 г.[4]), но Русскіе съумѣли долгое время уклоняться отъ этого прикрѣпленія.

---

[1]) Bidermann, op. c., II, 68, пр. 2.

[2]) Kadlec, op. c., 132.

[3]) Ib., 131—133.

[4]) Возстаніе »куруцевъ« подъ руководствомъ Юрія Дожи (Dózsa György, изъ мелкаго секельскаго дворянства). Закономъ были тогда лишены права перехода участники возстанія, но постепенно дворянству удалось распространить это и вообще на все крестьянство. Когда въ XVI в. Угрія распалась на три части: королевскую, Трансильванскихъ князей (съ прилегающими стóлицами Угріи, м. пр. и Мараморошской) и турецкую, Габсбурги (какъ Фердинандъ I, а также его соперникъ король-князь Трансильванскій Янъ Заполья) дѣлали попытки хотя бы отчасти возстановить свободу перехода, сеймъ же или отвергалъ предложенія, или обставлялъ ихъ условіями, лишавшими законъ практическаго значенія (согласіе владѣльца и стóлицы). Къ тому же, слабое правительство не могло ничего сдѣлать съ дворянствомъ. Въ XVII в. этотъ вопросъ перешелъ въ вѣдѣніе стóлицъ, т. е. дворянства (Acsády, A magyar jobbágyság története — Исторія угорскаго крестьянства, 1906, 214—237). Въ Трансильваніи, по смерти Яна Запольи, и попытокъ такихъ не дѣлалось (ib., 290—300). Съ начала XVIII в. въ Угріи очень распространилось, взятое, очевидно, изъ Германіи, двустишіе: »Rusticus est quasi Rind, Nisi quod

Занимаясь ранѣе конскрипціями и урбарами съ половины XVI до начала XVIII в., мы очень часто видѣли, какъ поселенія, въ которыхъ въ одной конскрипціи перечислено значительное количество крестьянъ, въ послѣдующихъ конскрипціяхъ черезъ нѣсколько лѣтъ названы опустѣвшими (desertae) или только съ однимъ »княземъ, шолтысомъ« (kenezius, scultetus) и однимъ крестьяниномъ (jobbágy). Иногда имена крестьянъ въ одной конскрипціи по бо́льшей части иныя, чѣмъ въ другой. За то, вмѣсто опустѣвшихъ селъ возникаютъ новыя — часто, чтобы потомъ, въ свою очередь, исчезнуть.[1]) Иногда крестьяне уходили только на время переписи, часто съ согласія помѣщика, даже въ другія государства,[2]) иногда же совсѣмъ покидали свои села.

Особенно характерно рисуетъ подвижность русскаго населенія донесеніе 1570 г.

Въ этомъ году Максимиліанъ II послалъ четырехчленную комиссію на сѣверовостокъ Угріи для разслѣдованія положенія тамошнихъ королевскихъ доминій, для изысканія новыхъ источниковъ доходовъ и для упорядоченія управленія доминіями. Комиссія должна была дать указанія основанной въ 1567 г. Спишской королевской камерѣ. Въ томъ числѣ, были обслѣдованы С. Миклошская и Мукачевская доминіи въ Бережской ст. Докладъ императору на нѣмецкомъ языкѣ былъ подписанъ 4 августа 1570 г. въ Кошицахъ.[3]) Въ докладѣ,

---

sibi cornua desint.« Въ турецкой Угріи, несмотря на произволъ Турокъ, положеніе крестьянъ, по замѣчанію Ачади, было лучше, чѣмъ въ королевской и Трансильванской, такъ что иногда туда убѣгали крестьяне цѣлыми селами (ib., 306, 312—13), не говоря уже о томъ, что акатолики (лютеране, кальвинисты и унитаріи) и православные не испытывали въ XVII в. такихъ гоненій за вѣру, какъ въ королевской Угріи (А. Петровъ, Отзвукъ реформаціи въ русскомъ Закарпатьи, Мат., VIII, Прага, 1923, 73—74).

[1]) То же самое замѣчаетъ и Годинка, также изучавшій конскрипціи (M. püspökség története, 78).

[2]) Декретъ Фердинанда I a. 1563, art. 4.: »Si istorum (Valachorum et Ruthenorum) quispiam scienter et volente domino suo ad tempus saltem, donec scilicet dicatio peragatur, in vicina regna seu provincias aufugerit et hoc manifeste constiterit, dominus ipse pro eo duplum solvat« (Corp. jur. hung., 479).

[3]) Hodinka, op. c., 38. Оригиналъ въ архивѣ министерства финансовъ въ Вѣнѣ. Годинка въ Munkácsi püspökség okmánytára, I, 1911,

между прочимъ, сообщается: »есть много селъ, основанныхъ еще недавно и получившихъ свободу (отъ податей) на двѣнадцать лѣтъ. Русскіе этимъ очень злоупотребляютъ. Когда пройдутъ двѣнадцать лѣтъ, они опять уходятъ далѣе и садятся на землю гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, чтобы быть, такимъ образомъ, постоянно свободными«.[1])

Это »бродяжничество« — вѣрнѣе, самозащита отъ прикрѣпленія къ землѣ и затѣмъ рабства — было тѣмъ легче, что русское населеніе, особенно въ горахъ, жило, да и теперь живетъ, въ бѣдной, примитивной обстановкѣ.[2]) Маленькія деревянныя хатки легко можно было разобрать и перевезти въ другое мѣсто[3]) или даже просто бросить и въ короткое время построить новыя на новомъ мѣстѣ — лѣсу вездѣ было довольно. Убогую же домашнюю обстановку можно было не только перевезти на возу или во вьюкѣ на конѣ,

---

напечаталъ, къ сожалѣнію, только отрывокъ о Бережскихъ доминіяхъ (№ 23, 28—30). Докладъ чрезвычайно интересенъ для ознакомленія съ тогдашнимъ положеніемъ населенія; въ немъ очень много свѣдѣній о русскомъ народѣ и духовенствѣ. Къ Русскимъ авторы доклада относятся съ крайнимъ презрѣніемъ и не щадятъ черныхъ красокъ для обрисовки этихъ »Raissen, Reissen«: »grubes, unvernunfftigs Volk, velches sich aus Reissen neulich ins Land gegeben; ain untreu uncristlich Volkh«, который имѣетъ: »vill erschroklicher Abgöttereien und Irrthumbs«; его духовные пастыри: »aigne Priester ires Moschkoviterischen Glauben, die sy Callugeros haissen«.

[1]) „Es sein auch vill Dorffer — — auch noch bei wenig Jaren gestift, denen auf zwolf Jar Fräyheiten geben werden. —— Es wollen aber die Reyssen solche Fräihait so gar misbrauchen ——. Also auch wan die zwolf Jar aus sein, so lauffen sy etwan weiter vnnd nemen andrerswo auch Grundt auf, damit sy also stets frei sein sollen“ (op. c., 29—30).

[2]) Достаточно прочитать любое описаніе русской Верховины XIX—XX в. или лично посѣтить ее. Ср. также изображеніе русскихъ деревень и хатъ въ первой половинѣ XVIII в. у Беля, De re rustica Hungarorum: villa russica (A. Petrov, M. Bél, De re rustica Hungarorum, 1924, 39—40), и въ концѣ того же вѣка у Фейервари: § 5. De domibus per Ruthenos habitari solitis (А. Петровъ, K. Fejérváry, Do moribus et ritibus Ruthenorum, и аналогичныя свѣдѣнія М. Беля и А. Сирмаи, Жовква, 1929, Analecta S. Bas. M., 22—23, 9—10),

[3]) Кажется Герберштейнъ удивлялся тому, что въ Москвѣ на базарахъ продаются готовые деревянные дома, которые покупщики увозили, разобравши, домой, а потомъ тамъ вновь собирали.

но даже перенести на плечахъ. Объ этомъ очень ярко говоритъ Ужанская стóлица въ докладѣ сейму въ 1729 г. относительно русской Верховины: »такъ какъ мѣстность не допускаетъ (основанія) правильныхъ поселеній, бродячій русскій народъ строитъ разбросанно домишки. — — Русскіе часто терпятъ отъ набѣговъ и грабежей Поляковъ, отъ голоду, отъ мора скота. Поэтому неудивительно, что Русскіе массами опускаютъ цѣлыя селенія, тѣмъ болѣе, что свою домашнюю утварь легко могутъ унести съ собой въ узлу за плечами«.[1])

Подвижность русскаго населенія отмѣчена и позже, во второй половинѣ XVIII в. Когда было приступлено къ составленію оффиціальнаго списка греко-католическихъ парохій Мукачевской епархіи, иногда весьма трудно было установить, въ какомъ именно селѣ церковь должна быть признана парохіальной, такъ какъ Русскіе часто покидали свои села и переходили на новыя мѣста. На то же указываетъ и епископъ Мукачевскій, Андрей Бачинскій, въ донесеніи

---

[1]) Позволимъ себѣ привести этотъ чрезвычайно интересный документъ цѣликомъ, какъ онъ напечатанъ у Бидермана (op. c., II, 73, пр. 3) по оригиналу въ стóличномъ Ужанскомъ архивѣ (Acta politica, № 5, a. 1729). Къ сожалѣнію, текстъ не переданъ полностью. »— — Et quia ad rite incolendum non est aptum (sc. solum), vaga gens Ruthenica tam rara fixit domicilia, ut maxima pars, horrida videlicet saxa, culturae incapacia, bonis oculis indigna, feris duntaxat bestiis et volucribus deserviat. . . . Beneficia caeteroquin ibidem nulla, inde nulla nobilium habitatio; dispersi hinc inde Rutheni, avena, fungo et faba victitantes, fluminibus ac montibus circumdati, coelum, minaces item rupes intuentur, fame supplent annonae defectum; saepius vero tantam subeunt egestatem, ut gemmas arborum, pecoribus gratas, glandes praeterea, tam quercinas, tam faginarias ac non minus frutices quoque Turcici tritici farinae loco commolire, furfuri commiscere hocque modo miserandos et mortiferos in panes convertere necessantur . . . Hos adeo afflictos Polonorum excursio et rapina affligit uberius. Propter salis praeterea Polonici furtivam eductionem, quam non tam malitiose, quam paupertate coacti exercent, etiam dum centeni deprahenduntur, obequitatorum manu occiduntur aut, si fugere possint, pecoribus privantur. Sic, qui heri parum habebant, hodie habent nihil... Cui jam videbitur mirum, cum et circumquaque aut frequens penuria frumenti (eos) affligit, aut pecorum lues devastat — quae duo instar vigiliarum sese permutare solent — turmatim integras fugere possessiones, potissimum cum hoc modo tam facile semet expediant, ut omnem domesticam supellectilem collectam una sarcina facile humeris bajulent.«

королевскому угорскому Губерніальному Совѣту 5-го сентября 1786 г.[1])

Этимъ кончаемъ изложенныя нами вкратцѣ замѣчанія и соображенія о поселеніи »восточныхъ Славянъ« и »Русскихъ« за Карпатами. Изъ представленнаго очерка территоріи и населенія слѣдуетъ исходить и при обсужденіи вопроса о началѣ православной церкви и іерархіи на Карпатской Руси.

---

[1]) В. Гаджега, Додатки к исторіи Русинов, со ссылкой на документы Мукачевскаго епархіальнаго архива въ Ужгородѣ, Наук. Зб., Ужгородъ, I, 1922, 146.

Историко-критическій разборъ грамотъ.

Исторія карпаторусской церкви и іерархіи можетъ быть изображена лишь съ 30-хъ годовъ XVII в., когда и правительство, и высшіе католическіе круги Угріи заинтересовались православнымъ карпаторусскимъ народомъ и его церковью съ цѣлью привести православныхъ къ уніи съ Римомъ. Только съ этого времени начинается рядъ документовъ, освѣщающихъ положеніе карпаторусской церкви, да и то имѣется много пробѣловъ. Болѣе полный матерьялъ поступаетъ въ наше распоряженіе лишь съ 1690 г., со времени болѣе прочнаго утвержденія уніи съ назначеніемъ, по стараніямъ примаса, кардинала Леопольда Колонича, Мукачевскимъ епископомъ Грека, Іосифа де Камелисъ.[1])

---

[1]) Болѣе всего — послѣ Базиловича — собрано и опубликовано документовъ А. Годинкой въ его A munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára, I, 1458—1715, 1911, LVI + 668.

Отъ перваго выступленія въ документахъ принявшаго унію епископа Василія Тарасовича въ 1633 г. и до перваго упоминанія имени І. де Камелиса въ 1686 г., т. е. за 53 года, у Годинки имѣется 172 № документовъ на 206 стр., отъ 1686 до 1715 г., т. е. за 26 лѣтъ — 304 № на 393 стр. Надо, однако, замѣтить, что собранный Годинкой матерьялъ исходитъ, по бо́льшей части, только отъ одной стороны, стороны католической. Со стороны православной извѣстно доселѣ очень мало: два полемическихъ трактата противъ уніи и католичества Михаила Андреллы Росвиговскаго (А. Петровъ, Мат., VII.; И. Панькевич, Михаил Оросвеґувский, Наук. Зб., IV, 1925) и затѣмъ мелкіе документы въ родѣ антиминсовъ, ставленническихъ грамотъ, записей въ метрикахъ и церковныхъ книгахъ, »княжескихъ« грамотъ итд., но все это не собрано въ должной полнотѣ и не изучено. Оставались доселѣ совершенно въ сторонѣ архивы церковныхъ институцій православныхъ или бывшихъ нѣкогда православными: Сучавской митрополіи (въ нашу бытность въ Черновцахъ въ 1925 г. мы узнали, что передъ вступленіемъ Румыніи въ войну онъ былъ пере-

Отъ предшествующаго періода — 1551—1630 г. — до насъ дошли только »membra disjecta«, отдѣльные, случайно сохранившіеся, съ промежутками иногда во много лѣтъ, документы, на основаніи которыхъ совершенно невозможно составить какую либо исторію церкви или, хотя бы, іерархіи.[1])

Передъ 1551 г. находится перерывъ въ 53 года (1498—1551 г.), когда *нѣтъ ни одного документа.*

До этого перерыва имѣется *десять грамотъ*: 1391 г., 1404 г., 1458 г., 1488 г., 1491 г. (2 грамоты), 1493 г., 1494 г. и 1498 г.[2]) Изъ нихъ сохранились донынѣ въ оригиналахъ *семь*, которыя мы транскрибируемъ по фотографическимъ ихъ факсимиле: 1404 г., 1458 г., 1479 г., 1488 г., 1491 г. (2) и 1498 г.[3]); остальныя *три:* 1391 г., 1493 г. и 1494 г. печатаемъ по одному изъ прежнихъ ихъ изданій.

Въ послѣдующихъ нашихъ замѣчаніяхъ объ этихъ десяти старѣйшихъ грамотахъ мы разсматриваемъ ихъ не въ порядкѣ хронологическомъ, а группируемъ грамоты по ихъ содержанію — такъ получается болѣе ясная картина.

Прежде всего, остановимся на грамотѣ Іоанна Корвина 1493 г., которою въ XIX в. избѣгали пользоваться, такъ какъ, со времени Базиловича Brevis notitia Fundationis Th. Koriatovits, она считалась, если не несомнѣнно подложной, то весьма подозрительной. Между тѣмъ, грамота бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на карпаторусскія церковныя отношенія въ XV в.

везенъ въ Москву, гдѣ, повидимому, и остался), Перемышльскаго епископства и другіе подобные архивы Галичины, Буковины и Румыніи.

[1]) За эти 80 лѣтъ у Годинки 44 № на 52 стр., а именно: 1551 г. (2 документа), 1552 г. (2), 1556 г. (1), 1558 г. (1), 1561 г. (1), 1567 г. (1), 1568 г. (1), 1569 г. (6), 1570 г. (1), 1597 г. (10), 1601 г. (4), 1604 г. (1), 1606 г. (3), 1607 г. (1), 1608 г. (1), 1616 г. (1), 1618 г. (1), 1623 г. (2), 1624 г. (2), 1627 г. (1), 1630 г. (1).

[2]) У Годинки напечатаны на 10 страницахъ только 7. Почему то онъ выпустилъ грамоту патріарха Антонія 1391 г. и конфирмацію ея Владиславомъ II 1494 г.

[3]) Точно по оригиналу, исправляя явныя ошибки; чтеніе подлинника помѣщаемъ въ примѣчаніяхъ.

I.

Грамота герцога Іоанна Корвина Гуняди, Мукачево, 6 февраля 1493 г.

Въ 1725 г. Мукачевскій римско-католическій плебанъ Ф. Левъ представилъ оригиналъ этой грамоты, хранившейся, очевидно, при плебаніи, Ягерскому капитулу, прося выдать засвидѣтельствованный ея транссумпть[1]), что̀ капитулъ и исполнилъ съ замѣткой: висячей печати у грамоты нѣтъ, хотя видно, что таковая была прикрѣплена[2]). Въ 1768 г. издалъ грамоту Н. Шмиттъ[3]) съ произвольными измѣненіями.[4]) Оригиналъ грамоты остался, повидимому, въ архивѣ капитула, гдѣ позже списалъ его Трансильванскій епископъ, гр. И. Баттьяни,[5]) и издалъ въ 1785 г. въ Leges ecclesiasticae Regni Hungariae.[6]) Въ 1799 г. Базиловичъ въ Brevis notitia Fundationis Koriatovits напечаталъ текстъ грамоты и по изданію Баттьяни,[7]) и по Ягерскому транссумпту.[8]) Оригиналъ, по словамъ Баттьяни,[5]) былъ или плохо написанъ, или плохо сохранился, такъ какъ оба текста не вполнѣ тождественны, хотя Баттьяни, какъ онъ заявляетъ, списывалъ »summa integritate«, а капитулъ »de verbo ad verbum, diminutione et augmento absque omni«.

---

[1]) »Nos Capitulum Ecclesiae Agriensis« и т. д., »quod —— Ferdinandus Lew plebanus Munkacsiensis —— exhibuerit —— nobis —— quasdam literas —— Ioannis Corvini de Hunyad —— confirmationales seu collationales ratione certarum decimarum, ad plebaniam Munkacsiensem spectantium, petens nos —— transcribi« и т. д. (Basilovits, op. c., II, 49—50).

[2]) »Literas, licet quidem absque sigillo pendente, nihilominus sigilli loco(!) apparentes« (l. c.).

[3]) Episcopi Agrienses, I. Самой книги мы не имѣли въ рукахъ и не знаемъ, изданъ текстъ по оригиналу или по какой либо копіи (Годинка увѣряетъ, что по оригиналу).

[4]) Наиболѣе важно: вм. »Theodorici, ducis Podoliae« имѣемъ у Шмитта »Theodori, ducis Munkácsiensis«. Нѣкоторыя измѣненія Шмитта указаны у Баттьяни.

[5]) Слова Баттьяни: »Sententia Johannis Corvini —— *ex ipso originali*, verum *mendose exarato*, summa integritate *per nos ipsos* descripta« — передъ текстомъ грамоты.

[6]) Albae Carolinae, I, 514, пр. 6 — подъ строкой на стр. 514-16.

[7]) Op. c., II, 44—48.

[8]) Ib., 50—54.

Іоаннъ Корвинъ въ грамотѣ 1493 г. объявилъ *подложной* какую то грамоту »condam Theodorici, ducis Podoliae«[1]), которою тотъ даровалъ монастырю св. Николая надъ Мукачевомъ »quasdam decimas vinorum de promontorio Levathka, item frugum et bladorum[2]) de medio jobagionum nostrorum, in Oroszwég et oppido Munkáth commorantium, provenientes.«[3])

Такъ какъ въ XVIII в. извѣстна была *только одна* грамота *князя* (*dux*) *Ѳеодора* и именно *для Мукачевскаго монастыря — грамота князя Ѳеодора Коріатовича 1360 г.*, то, естественно, Баттьяни былъ убѣжденъ, что *эту то* грамоту и призналъ Іоаннъ Корвинъ подложной.[4]) Непосредственно за текстомъ грамоты Іоанна Корвина, Баттьяни помѣстилъ съ заглавіемъ »Kiriatovicsiana fundatio episcopatus Munkácsiensis exploditur« шесть пунктовъ съ рѣзкими замѣчаніями противъ Мукачевскаго греко-католическаго епископства: »такъ какъ грамота 1360 г. была признана

---

[1]) Объ этой »x« грамотѣ скажемъ ниже.

[2]) *Bladis* sive *bladum* = ager frumentarius, frumentum (Du Cange, Glossarium, I, 695).

[3]) Іоаннъ, епископъ Мукачевскій, представившій Іоанну Корвину эту грамоту Ѳеодора съ подтверждавшими ее другими грамотами и ходатайствовавшій объ ихъ утвержденіи и о возвращеніи монастырю упомянутой десятины вина и хлѣбовъ, просилъ еще о возвращеніи отнятой у монастыря ежегодной подати »septem porcorum de incolis Oroszwég«. Мы думаемъ, что въ грамотѣ князя Ѳеодора *не было упомянуто* о подати свиньями, и что она давалась *только по обычаю*, а *не* по *письменному* документу. Это видно: a) изъ выраженія грамоты »ratione septem porcorum — — claustro s. Nicolai *ante tempora* dare *solitorum*«; b) изъ того, что епископъ, когда узналъ, что грамота Ѳеодора подложна, тотчасъ »ultro et sponte« отказался въ пользу плебана Діонисія отъ десятины съ вина и хлѣбовъ; относительно же семи свиней плебанъ вступилъ съ епископомъ въ *добровольное соглашеніе* о ихъ раздѣлѣ. Если бы подать свиньями была установлена подложной грамотой, то врядъ ли бы плебанъ пошелъ на соглашеніе. Что такъ же понималъ дѣло и Ягерскій капитулъ, видно изъ того, какъ онъ озаглавилъ транссумптъ: »confirmationales seu collationales *decimarum*«.

[4]) А за Баттьяни и Базиловичъ, и всѣ, занимавшіеся исторіей Карпаторуссовъ въ XIX в., включая и Годинку (въ 1910 г.).

I. Корвиномъ подложной, то, значитъ, никакого »ducatus Munkácsiensis« не было, Ѳеодоръ не былъ »dux Munkácsiensis«, а »dux Podoliae«. Этотъ Ѳеодоръ былъ римо-католикъ (latinus), ибо основалъ госпиталь въ Берегсасѣ. Не было никакой фундаціи для монастыря св. Николая, не было греко-католическаго Мукачевскаго епископства: »Joannes primus fuerit episcopus et is neque catholicus, neque Munkácsiensis, verum Ruthenus et schismaticus.« Такіе же епископы схизматики были и всѣ преемники Іоанна до Парѳенія, принявшаго въ 1646 г. унію. Послѣ этого, здѣшніе епископы были лишь »vicarii episcopi Agriensis«. Только папа Климентъ XIV викаріатъ возвелъ въ самостоятельное епископство.«

Выпадъ Баттьяни и его тонъ объясняются острымъ недовольствомъ высшихъ римско-католическихъ круговъ Угріи канонизаціей въ 1771 г. папой Мукачевскаго греко-католическаго епископства, какъ епископства самостоятельнаго. Съ самаго начала уніи, особенно же со времени болѣе успѣшнаго ея проведенія епископомъ Іосифомъ де Камелисъ, Ягерскіе епископы, на томъ основаніи, что территорія Мукачевской епархіи лежала въ Ягерской діецезѣ, смотрѣли на Мукачевскихъ греко-католическихъ епископовъ, какъ на своихъ викаріевъ, и de facto обращались съ ними, какъ со своими подчиненными.[1])

Выступленіе Баттьяни противъ Мукачевскаго епископства было однимъ изъ главныхъ побужденій, заставившихъ Базиловича приняться за свой трудъ[2]). Базиловичъ, протоигуменъ Мукачевскій, много лѣтъ собиралъ для него матерьялы, опубликовалъ въ 1799 и потомъ въ 1804 г. множество разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ, а также и совершенно новыхъ документовъ и, въ этомъ отношеніи, заслуживаетъ полной признательности потомства. Не имѣя, однако, никакой научной подготовки, Базиловичъ не могъ справиться съ матерьяломъ, и его собственные выводы и соображенія не стоятъ на научномъ уровнѣ даже и того времени.

---

[1]) А. Петровъ, »Старая вѣра« и унія, Мат., II., 50—52.

[2]) Op. c., Praefatio.

Базиловичъ, въ отвѣтъ Баттьяни, признавшему грамоту 1360 г. подложной, со своей стороны объявляетъ *подложной грамоту I. Корвина 1493 г.* Базиловичъ приводитъ и аргументы противъ подлинности послѣдней[1]), но аргументы эти весьма слабы и часто наивны[2]):

1. »Почему съ 1493 до 1725 г., т. е. 232 г., грамота Іоанна Корвина не появлялась на свѣтъ?«

Но это, *само по себѣ*, не доказываетъ ея подложности. Годинка[3]) весьма правильно объясняетъ, почему только въ 1725 г. Мукачевскій плебанъ нашелъ нужнымъ выступить съ грамотой I. Корвина. Десятину съ вина и хлѣбовъ, переданную Корвиномъ плебаніи, собирали плебаны безпрепятственно еще въ 1722 г.[4]) Игуменъ Годермарскій въ 1714 г. и епископъ Бизанцій въ 1721 г. стали требовать осуществленія грамоты 1360 г., между прочимъ, и относительно упомянутой десятины, что̀ и вызвало появленіе на свѣтъ грамоты Корвина.[5])

---

[1]) Op. c., II, 55—72.

[2]) Извѣстный угорскій дипломатикъ, Швартнеръ, Introductio in rem diplomaticam — — praecipue hungaricam, Budae, 1802, отнесся вообще скептически и къ грамотѣ 1360 г., и къ аргументаціи Базиловича: »praeluserunt illi (quarto bello diplomatico) jamjam comes I. Batthyány et I. Basilovits; ille explodendo diploma, *quod defensoribus omnino opus habet*, hic tuendo illud, *dubiis attamen criticorum etiam post haec adhuc obnoxium*« (Basilovits, op. c., V, 21).

[3]) A munkácsi gör. kath. püspökség története, Bst., 1910, VIII + 856. Такъ какъ этотъ большой трудъ д-ра А. Годинки даетъ очень много новаго, собраннаго неимовѣрно трудолюбивымъ авторомъ матерьяла, такъ какъ авторъ стремится подробно разрѣшить всѣ возникающіе историческіе вопросы, такъ какъ трудъ Годинки есть не только новѣйшее, но и единственное изложеніе исторіи Мукачевской епархіи до конца XVIII в., такъ какъ этотъ трудъ пользуется большимъ авторитетомъ въ карпаторусскихъ, преимущественно, духовныхъ образованныхъ кругахъ, то намъ часто придется на него ссылаться. Очень вредятъ »Исторіи епархіи« хаотичность изложенія, многократное повтореніе одного и того же, частая путаница и противорѣчія въ выводахъ, злоупотребленіе невѣроятными и ненужными предположеніями. Въ виду авторитетности труда Годинки, мы принуждены были останавливаться иногда болѣе, чѣмъ слѣдовало, надъ изложеніемъ его сужденій и полемики съ нимъ.

[4]) Op. c., 119, пр. 2.

[5]) Ib., 119—120.

2. »У грамоты Іоанна Корвина нѣтъ печати.«

Но слѣды ея прежняго существованія видны, и нѣтъ ничего удивительнаго, что за 230 лѣтъ печать могла утратиться, особенно, если грамота хранилась въ плебаніи, а не въ какомъ нибудь »locus credibilis«. У грамоты 1360 г. печати теперь также нѣтъ, хотя она была еще въ 1635 г.[1]), а потомъ, съ половины XVII в., грамота хранилась въ Прешпорскомъ капитулѣ.

3. »Объявленная Іоанномъ Корвиномъ подложной грамота начинается, согласно грамотѣ 1493 г.: »Nos Theodoricus, dux Podoliae«. »Quid opus fingere fuit quemdam Theodoricum, ducem Podoliae? inauditum, discutiantur Archiva Regni, Prothocola, Historici, nullibi tamen Theodorici, ducis Podoliae, nullibi ejusdem memoriam aut vestigium reperire quisquam poterit«. »*Ѳеодоръ Коріатовичъ, вотъ кто основатель монастыря!*«

Но именно *всѣ подлинныя грамоты* только и знаютъ »Theodorum,[2]) ducem Podolie«.[3])

4. »Если грамота, которую представилъ епископъ Іоаннъ, была признана подлогомъ, почему же Іоаннъ Корвинъ не наказалъ обманщика, не лишилъ его монастыря, не отнялъ селъ Бобовищи и Лавки и другихъ доходовъ?«

Но, во первыхъ, епископъ Іоаннъ вовсе и не былъ обвиненъ въ подлогѣ. Онъ выступилъ съ грамотой, составленной задолго до него, вмѣстѣ съ пятью подлинными грамотами, ее подтверждавшими, и могъ быть bona fide увѣренъ въ подлинности первой. Когда же она была объявлена подложной, Іоаннъ, »ultro et sponte«, отказался отъ своихъ притязаній. За что же его было наказывать? Во вторыхъ, о Бобовищахъ и Лавкахъ не было и рѣчи въ грамотѣ.

Дулишковичъ,[4]) ссылаясь на какія то руко-

[1]) „Antiquas quasdam literas Theodori olim Keriatovics, alias ducis de Munkach —— in pergameno —— a. D. 1360 sub pendenti sigillo (въ транссумптѣ Лелесскаго конвента, Hodinka, Okmánytár, No. 56).

[2]) »Theodoricus«, вѣроятно, просто невѣрно прочтено вмѣсто »Theodorius, Theodorus«.

[3]) О томъ см. Приложеніе, регесты.

[4]) Историческія черты Угро-Русскихъ, II, 12. Свѣдѣнія взяты Дулишковичемъ изъ Лучкаи, Historia Carpatho-Ruthenorum (рукопись епархіальной библіотеки).

писи,[1]) указываетъ и предполагаемыхъ виновниковъ поддѣлки грамоты I. Корвина: 1. монахъ августинскаго ордена, М. Роснякъ, продавшій поддѣльную грамоту графу Баттьяни за 600 фл.; 2) Берегсаскій органистъ; 3) самъ Ф. Левъ, Мукачевскій плебанъ. Эти, неизвѣстно какія, кѣмъ и когда составленныя рукописи передаютъ, очевидно, ходившіе тогда между карпаторусскимъ духовенствомъ противорѣчивые слухи и не имѣютъ никакой доказательности. Первый варіантъ даже прямо обвиняетъ гр. Баттьяни во лжи.

Какъ бы то ни было, дилемма: если грамота 1360 г. подлинна, то грамота 1493 г. подложна и наоборотъ, разрѣшалась въ XIX в., въ слѣдствіе полной и всеобщей увѣренности въ подлинности грамоты 1360 г., въ смыслѣ *подложности грамоты 1493 г.*

На самомъ же дѣлѣ, все доказываетъ, что грамота 1493 г. *вовсе не поддѣлка* — менѣе всего поддѣлка XVIII в., а есть именно *подлинная грамота*.[2])

Къ сожалѣнію, мы лишены важнаго критерія — наличности оригинала. Въ XVIII в., судя по словамъ Баттьяни, оригиналъ хранился въ архивѣ Ягерскаго капитула, т. е. въ архивѣ »loci credibilis«, а не въ архивѣ епископскомъ. Тамъ ли онъ теперь, не знаемъ. Дръ Годинка, мадьярскій ученый, которому покровительствовалъ извѣстный мадьярскій историкъ, епископъ Фракнои, и другіе мадьярскіе ученые, который писалъ на премію мадьярской Академіи наукъ, не былъ допущенъ въ Ягерскій архивъ.[3]) Мы въ 1924 или 1925 г., при посредствѣ Національнаго Музея въ Будапештѣ, старались получить изъ Ягра фотографическое факсимиле грамоты, но безуспѣшно.

Остается исходить только изъ анализа самаго текста грамоты:

1. Концептъ, стиль, юридическія формулы и обороты вполнѣ соотвѣтствуютъ тому времени, которымъ датирована грамота.[4])

---

[1]) »Рукопись »Archiepiscopi« подъ словомъ »Munkács«; »иная рукопись« (l. c.).

[2]) Объ этомъ мы высказались еще въ 1906 г. (Мат., III, 20—22).

[3]) Hodinka, op. c., предисловіе, V.

[4]) См. объ этомъ Hodinka, ib., 124—125.

2. То же слѣдуетъ сказать и о процессѣ, путемъ котораго Іоаннъ Корвинъ и его совѣтники пришли къ убѣжденію въ подложности грамоты »Theodorici, ducis Podoliae«. Этотъ процессъ изложенъ весьма обстоятельно[1]) и свидѣтельствуетъ объ осторожности, съ какой велось дѣло.

»Когда мы«, говоритъ въ грамотѣ Іоаннъ Корвинъ, »были прошлымъ лѣтомъ въ замкѣ Шоклошъ (Soklós[2]), явился къ намъ епископъ Іоаннъ и представилъ грамоту Ѳеодора, князя Подоліи, съ пятью другими грамотами, ее подтверждавшими, съ просьбой вернуть монастырю доходы, упомянутые въ грамотѣ. Мы съ секретаремъ и нашими совѣтниками стали разсматривать грамоты, и »visum nobis fuit originales litteras — — Theodorici ducis *false et inique fuisse confectas*« — такимъ образомъ, грамота Ѳеодора сразу показалась подозрительной. »Поэтому мы отложили рѣшеніе до посѣщенія нами Мукачева. Въ Мукачевѣ пришелъ к ънамъ опять епископъ Іоаннъ и повторилъ просьбу, однако Діонисій, плебанъ Мукачевскій, заявилъ, что епископъ Іоаннъ и ранѣе »*falsis litteris mediantibus*« пробовалъ нарушить права плебаніи, а его предшественникъ, пресвитеръ Лука, испросилъ отъ нашего дѣда и отца »*falsе et inique* litteras«, т. е. опять таки на основаніи подложной грамоты. »Въ виду этихъ противорѣчивыхъ заявленій, мы рѣшили съ окружавшими насъ учеными мужами »diligentissima cum cura et studio perspicere« представленныя епископомъ грамоты »et pro evidentiori causa« поручили разыскать »veteres litteras ducis Theodorici« для изслѣдованія, »si his (episcopi Iohannis) litteris — — responderent«. Одну такую грамоту Ѳеодора принесъ ректоръ госпиталя въ Берегсасѣ. Разсмотрѣвъ ее, »cognovimus *nulla ex parte* litteris his (episcopi) respondere, et titulum[3]), et sigillum

[1]) Въ виду рѣдкости такихъ случаевъ въ средневѣковыхъ грамотахъ, излагаемъ подробно соотвѣтствующую часть грамоты.

[2]) Гдѣ былъ этотъ замокъ, не знаемъ; мы не нашли его въ Реперторіи Липскаго.

[3]) Какая разница была въ *титулѣ*, на это нѣтъ никакихъ указаній, но совершенно невозможно, чтобы въ грамотѣ, представленной Іоанномъ, стояло, какъ безъ всякихъ доказательствъ утверждаетъ Годинка (134), »Theodorus Keriatovich«. При строгомъ соблюденіи въ средніе вѣка титулатуры, немыслимо, чтобы конципистъ или пи-

longe diversum fore«. Сверхъ того, *изъ разныхъ другихъ многихъ доказательствъ* — »per alia plurima *documenta*[1]) — cognovimus eas ipsas litteras, nomine Theodorici ducis — — confectas et per Ioannem episcopum exhibitas, *falsas, iniquas et viribus carituras* esse« — далѣе указывается одно, очевидно, считавшееся самымъ важнымъ, доказательство: »cognovimus *apertissime pergamenum pollitum et priorem scripturam de eo deletam esse*«. Такимъ образомъ, явно обнаружилась подложность грамоты Ѳеодора, представленной епископомъ Іоанномъ, и, въ слѣдствіе этого — »et per consequens« — и остальныя, подтверждавшія ее грамоты »*cassavimus cassamusque et viribus destitutas esse censemus*[2])«.

3. Какъ мы уже указали, въ подлинныхъ грамотахъ князь Ѳеодоръ вездѣ титулуется только такъ, какъ въ грамотѣ 1493 г.: »Theodorus, dux Podolie«.

4. Лица, выдавшія грамоты, подтверждавшія грамоту князя Ѳеодора, названы совершенно *правильно* и въ должномъ

сецъ грамоты I. Корвина вмѣсто этого титула поставилъ »Theodorus, dux Podoliae«. Наоборотъ, необычный титулъ »Keriatovich« сразу бы обнаружилъ подложность грамоты.

[1]) Здѣсь »documentum« значитъ, очевидно, *не* »документъ« въ современномъ смыслѣ слова — какъ полагаетъ Годинка, говоря о *многихъ* грамотахъ Ѳеодора, привлеченныхъ Корвиномъ для сравненія (op. c., 115, 167) — для »документа« въ смыслѣ »грамоты« употребленъ вездѣ только терминъ »litterae« — а »documentum« въ *первоначальномъ*, общемъ значеніи *доказательства*. Да и врядъ ли въ концѣ XV в. много сохранилось грамотъ, выданныхъ отъ *имени* князя Ѳеодора. Вѣдь мы, собственно, не имѣемъ *ни одной такой грамоты*, кромѣ расписки князя Ѳеодора 1404 г. (наши регесты, №. 5). Въ остальныхъ сохранившихся доселѣ подлинныхъ грамотахъ о »Theodorus, dux Podolie« упоминаютъ *другія лица*, отъ имени которыхъ выданы грамоты. Только въ какихъ то регестахъ XVI в. отмѣчена грамота Ѳеодора, князя Подоліи, 1403 г., да Кромеръ сообщаетъ о двухъ грамотахъ »Theodori ducis Podoliae ac domini de Munkatio« (см. ниже регесты).

[2]) До насъ не дошли двѣ кассированныя грамоты короля Матвѣя (о томъ см. далѣе), но, по его грамотамъ 1458 и 1488 г. для пресвитера Луки, понятно, почему *герцогъ* I. Корвинъ могъ рѣшиться кассировать грамоты *короля*. Въ обѣихъ грамотахъ 1458 и 1488 г. есть клаузула: »*если дѣйствительно вѣрно то, что сообщилъ намъ Лука*« (1458 г.: »premissis sic, ut prefertur, stantibus et se habentibus«; 1488 г.: »si premissa eo modo, prout et quemadmodum maiestati nostre exposita sunt, fuisse et esse compereris«. Эта клаузула, такимъ образомъ, предусматривала *возможность неисполненія или кассированія* королевской грамоты.

историческомъ порядкѣ: Великій деспотъ, губернаторъ Іоаннъ Гуняди, король Матвѣй Корвинъ. Точно также, совершенно на мѣстѣ упоминаніе о бабушкѣ Іоанна, Елизаветѣ. Особенно свидѣтельствуетъ въ пользу нашей грамоты указаніе на Великаго деспота. Это могъ быть или Стефанъ Лазаревичъ, получившій по договору съ Сигизмундомъ въ Татѣ въ сентябрѣ 1426 г. земли въ Угріи, или — скорѣе всего — его племянникъ Юрій Бранковичъ, къ которому перешли эти земли, въ томъ числѣ и Мукачево, по смерти Стефана 19 іюня 1427 г.[1]) Юрій Бранковичъ владѣлъ Мукачевомъ до 1439 г.[2]) Врядъ ли могло долго остаться въ памяти кратковременное пребываніе сербскихъ »деспотовъ« въ Угріи.

5. Еще ярче доказываетъ подлинность грамоты 1493 г. замѣчаніе, что »litterae Magni despoti« были »*Rascianorum idiomate* confectae«. Это могъ написать только тотъ, кто *дѣйствительно видѣлъ* передъ собой сербскую грамоту. Каждый другой предположилъ бы, что и грамота »деспота« была писана, какъ обычно писались другія, т. е. по латыни.

6. Поддѣлка очень часто изобличается мелочами: неправильнымъ указаніемъ, *когда* и *гдѣ* совершались событія, *когда* и *гдѣ* были выданы грамоты. И въ этомъ отношеніи наша грамота *безупречна*:

a) I. Корвинъ заявляетъ, что къ нему »aestate proxima«, т. е. лѣтомъ 1492 г., явился въ Шоклошѣ епископъ Іоаннъ. Дѣйствительно, одна грамота I. Корвина датирована 11 іюля 1492 г. въ Шоклошѣ.[3])

b) Грамота 1493 г. датирована »in castro Munkács in festo b. Dorotheae«, т. е. 6 февраля. Дѣйствительно, въ это время I. Корвинъ былъ въ Мукачевѣ: »feria tercia ante festum b. Dorotheae«, т. е. 4 февраля, онъ выдалъ въ Мукачевѣ грамоту »князьямъ« Бережской Крайны[4]), а 7 февраля подтвердилъ тамъ же три грамоты иныхъ лицъ[5]).

---

[1]) Fessler-Klein, Geschichte v. Ungarn, 372, 374.

[2]) Hodinka, op. c., 188.

[3]) Ib., 134.

[4]) Kadlec, Valaši, 482.

[5]) Шашъ, Архивъ города Мукачева, 1928, 123. Оригиналъ на пергаментѣ, съ висячей печатью.

7. Пять грамотъ, подтверждавшихъ грамоту князя Ѳеодора, были, судя по контексту, кассированы *не* потому, чтобы и онѣ были подложны, но потому, что *подтверждали подложную*. Кассированныя грамоты были, конечно, *перечеркнуты* или *уничтожены* и, во всякомъ случаѣ, *изъяты изъ рукъ епископа Іоанна* — чтобы не повторился случай злоупотребленія ими. И дѣйствительно, изъ дошедшихъ до насъ грамотъ *нѣтъ ни одной, которая бы подтверждала какую либо грамоту Ѳеодора, князя Подолья*[1]).

Въ 1906 г. мы не рѣшились категорически высказаться о грамотѣ 1493 г., хотя и заявили, что она производитъ *впечатлѣніе* скорѣе *подлинной* грамоты, чѣмъ поддѣлки[2]). Нынѣ же, по болѣе тщательномъ ея разсмотрѣніи и въ виду нѣкоторыхъ новыхъ соображеній Годинки, мы окончательно признаемъ грамоту 1493 г. *подлинной*. Къ такому же выводу пришелъ и Годинка[3]).

Какъ мы указали выше[4]), всѣ авторы, отъ Баттьяни въ 1785 г. и до Годинки въ 1910 г., были убѣждены, что обяъвленная грамотой 1493 г. подложной грамота князя Ѳеодора есть дошедшая до насъ грамота князя Ѳеодора Коріатовича 1360 г.[5]) Въ 1906 г. мы пришли къ заключенію, что передъ Іоанномъ Корвиномъ была *вовсе не эта грамота 1360 г., а какая то другая, до насъ не дошедшая*[6]). Изложимъ здѣсь подробнѣе наши доказательства:

1. »X« грамота была *палимпсестъ*, чего совсѣмъ нельзя сказать о грамотѣ 1360 г. — это видно даже на снимкѣ.

---

[1]) Какъ можно заключить изъ разныхъ мѣстъ труда Годинки, онъ считаетъ упомянутыя въ грамотѣ 1493 г. двѣ грамоты короля Матвѣя за дошедшія до насъ въ оригиналѣ его грамоты пресвитеру Лукѣ *1458 и 1488* г. *Это совершенно ошибочно.* Обѣ грамоты 1458 и 1488 г. *вовсе не говорятъ о »Theodorus, dux Podoliae« и не подтверждаютъ какую либо его грамоту.* Ни въ одной изъ нихъ *нѣтъ ни слова* о »decimae *vinorum de Levathka, frugum et bladorum* de medio jobagionum in *Oroswég* et *oppido Munkács*« (о содержаніи грамотъ 1458 а 1488 г. см. ниже).

[2]) А. Петровъ, О подложности грамоты кн. Ѳеодора Коріатовича 1360 г., Мат., III, Спб., 1906, 22.

[3]) Op. c., 130—131, 133 и passim.

[4]) Стр. 92 и пр. 4.

[5]) Даже Легоцкій, который зналъ 10 подлинныхъ грамотъ, упоминавшихъ о »Theodorus, dux Podolie«, остался вѣренъ общему убѣжденію (op. c., III, 357).

[6]) Будемъ, для краткости, называть эту неизвѣстную грамоту »x«.

2. Въ »x« грамотѣ Ѳеодоръ титуловался »Theodor ic>us, dux Podoliae«, какъ и во всѣхъ подлинныхъ грамотахъ, а не »Teodorus Keriatovich«.

3. Въ »x«, очевидно, *не было и намека на то, что князь Ѳеодоръ основалъ Мукачевскій монастырь* — такой важный фактъ врядъ ли могъ быть не отмѣченъ грамотой Іоанна Корвина.

4. Грамотой 1360 г. князь Ѳеодоръ Коріатовичъ будто бы пожаловалъ монастырю: 1. села Бобовищи и Лавки со всѣми доходами, десятиной[1]), мельницей и правомъ ловли рыбы въ рѣкѣ; 2. десятину вина изъ виноградника на »Iványhegy«; 3. такую же десятину изъ Лелечовки и другихъ виноградниковъ; 4. десятину хлѣбовъ и семь свиней изъ Росвигова; *изъ доходовъ Мукачевскаго замка*: 5. десятину хлѣбовъ; 6. 4 бочки вина; 7. сто кубовъ каменной соли; 8. сто »длинныхъ« флориновъ. Въ »x« идетъ рѣчь *только* о § 3 — *десятина вина изъ виноградниковъ на Леваткѣ* (*Лелечовкѣ*) и § 4. — *десятина хлѣбовъ изъ Росвигова*; кромѣ того, добавлена такая же *десятина изъ города Мукачева*[2]).

---

[1]) Въ южной Руси въ это время и позже, подъ вліяніемъ и старорусской традиціи, и порядковъ латинской церкви, доходы, шедшіе съ народа въ пользу духовенства, назывались десятиной, но, на самомъ дѣлѣ, это вовсе не была одна десятая, а опредѣленная обычаемъ или условіемъ часть продуктовъ или денегъ (Грушевскій, ор. с., V, 278).

[2]) Годинка, посвятившій цѣлую III главу (ор. с., 90—175) разбору грамотъ 1493 и 1360 г., присоединяется къ нашему мнѣнію о подлинности первой и подложности второй; въ доказательство послѣдняго приводитъ еще и свои аргументы. Но этого ему мало. Ему — безъ всякой необходимости — хочется подкрѣпить свою аргументацію еще и авторитетомъ Іоанна Корвина. »Если примемъ мнѣніе Петрова о *двухъ разныхъ* грамотахъ Ѳеодора Коріатовича, тогда приговоръ Іоанна Корвина не можетъ относиться къ грамотѣ 1360 г. Поэтому *наша обязанность* (!) *доказать*, что признанная Корвиномъ подложной грамота Коріатовича *не можетъ быть иной грамотой, какъ грамотой 1360 г.*« (134). Годинка, правда, признаетъ, что *экземпляръ* грамоты 1360 г., существующій нынѣ, *не есть тотъ самый экземпляръ*, который былъ представленъ Корвину — послѣдній былъ *палимпсестъ*, дошедшій до насъ — *не* палимпсестъ, но совершенно безъ доказательствъ и весьма забавно утверждаетъ, что между 1569 и 1597 г. была сдѣлана съ палимпсеста »*точная копія*, воспроизводившая не только *текстъ* грамоты, но, *несомнѣнно* (!), и *самый характеръ письма, самые* »ductus« *каждой буквы первоначальнаго оригинала*« (! 169).

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ совершенно никакихъ основаній отождествлять грамоту »х« съ грамотой 1360 г., а, напротивъ, все свидѣтельствуетъ, что это *двѣ разныя подложныя грамоты.*

Когда была составлена »х« грамота?[1])

При жизни князя Ѳеодора, т. е. до 1414 г., не къ чему было ее составлять, да и было бы это черезчуръ рискованно. Думаемъ, что также было рискованно и при жизни его вдовы, т. е. до 1418 г. Такимъ образомъ, »terminus a quo« есть 1418 г. Первая грамота, подтверждавшая »х« грамоту, была сербская грамота »Великаго деспота«, вѣрнѣе всего не Стефана Лазаревича, скоро умершаго, а Юрія Бранковича, владѣвшаго Мукачевомъ до 1439 г. Такимъ образомъ, »х« грамота должна была возникнуть *не позже* 1439 г., *въ промежутокъ* 1418—1439 г.

II.

Грамоты о монастырѣ св. архангела Михаила въ Мараморошѣ[2]).

Грушевскій монастырь былъ основанъ *Румынами,* но это не значитъ, чтобы онъ былъ *румынскимъ* монастыремъ. Это былъ просто монастырь *православный,* монастырь людей *»греческой вѣры«,* людей *»восточнаго православія*[3])«.

Противъ нашего указанія, что содержаніе »х« гораздо уже, чѣмъ содержаніе грамоты 1360 г., Годинка возражаетъ, что это не такъ, *въ »х« было все тоже,* что въ грамотѣ 1360 г. (откуда ему это извѣстно?), но только монахи, зная, что грамота подложна, пробовали добиться ея утвержденія *по частямъ*: въ 1458 г. Лука просилъ подтвердить право на два села, въ 1493 г. епископъ Іоаннъ десятину съ вина и хлѣбовъ (135, 162) — умалчивая, слѣдовательно, о другихъ доходахъ монастыря (а изслѣдовавшіе грамоту этого не видѣли?!). Способъ, дѣйствительно, весьма хитроумный! Въ результатѣ, Іоаннъ Корвинъ кассировалъ грамоту Ѳеодора (со *всѣми пунктами 1360 г.*), и монахи, тонкіе дипломаты, изъ за чечевичной похлебки лишились *всякаго,* хотя бы и сомнительнаго, *юридическаго основанія своихъ притязаній*!

[1]) Это выяснено Годинкой.

[2]) 1391 г. (I), 1404 г. (II), 1479 г. (IV), 1494 г. (IX), 1498 г. (X), 1491 г. (VII).

[3]) Ср. ставленническую грамоту уже принявшаго унію епископа Парѳенія Петровича 1663 г.: »Партеній Петровичъ, епископъ Мукачевскій, Раковецкій, Спискій и всея державы царскаго и королевскаго православія« (Дулишковичъ, ор. с., II, 121).

Какъ на западѣ, въ римско-католической церкви, церковный *латинскій* языкъ объединялъ всѣхъ католиковъ какой бы то ни было народности и, ставши языкомъ литературы, былъ общимъ для всѣхъ образованныхъ людей во всѣхъ государствахъ, такъ на востокѣ, въ православной церкви у Славянъ и Румынъ, ту же объединительную роль игралъ языкъ *церковнославянскій* или, какъ его обыкновенно называли, *»словенскій«*. Этотъ »словенскій« языкъ былъ и языкомъ письменности. Каждый православный, стремившійся къ »книжному ученію«, въ той или иной степени усваивалъ его себѣ. Особенности разныхъ народныхъ языковъ, постепенно просачивавшіяся въ языкъ литературный, не нарушали замѣтно литературнаго единства. Проявляясь болѣе въ фонетическомъ, отчасти въ морфологическомъ отношеніи, эти особенности меньше затрагивали лексическую и фразеологическую сторону. Страны, въ которыхъ господствовалъ »словенскій« языкъ, обмѣнивались между собой рукописями, а потомъ и печатными книгами. »Добрые Терновскіе изводы« высоко цѣнились на Руси, русскія рукописи переходили на Балканы. Карпатская Русь получала рукописи и печатныя книги изъ Галичины и вообще южной Руси, позже и изъ Москвы, но также отъ Румынъ, Сербовъ, Болгаръ. Въ библіотекахъ Карпатской Руси и при церквахъ доселѣ хранятся старопечатныя книги изъ Кракова, южной Руси, Москвы, но также изъ Трансильваніи, Молдавіи, монастыря Мркшиной церкви, Милешевской обители, Скадра, Венеціи[1]).

Эта объединительная роль »словенскаго« языка ясно сознавалась въ православномъ обществѣ. Такъ, въ знаменитой Острожской библіи 1581 г. сказано, что книга предназначается »о Христѣ избраннымъ въ народѣ Русскомъ сыномъ церкве восточныя и всѣмъ согласующимся языку словенскому и соединяющимся тояжде церкве православію христоименитымъ людемъ.« То же буквально повторено въ Московской библіи 1663 г. Въ Постной тріоди 1627 г., въ Кіевѣ, стоитъ, что она издана »для всѣхъ Великороссовъ, Болгаръ и Сербовъ и прочихъ подобныхъ намъ въ православіи«. »Книга о вѣрѣ единой«, Москва, 1648 г., назначается для всѣхъ, у кого отправляется богослуженіе »богоугоднымъ

[1]) А. Петровъ, Мат., IV, 65—71, V, 1—2.

языкомъ словенскимъ въ Великой и Малой Россіи, въ Сербѣхъ и Болгарѣхъ« и т. п.[1])

Тотъ же »словенскій« языкъ былъ до половины XVII в. языкомъ церкви и у Румынъ. Но этого мало. »Славянщина не была въ Валахіи и Молдавіи языкомъ мертвымъ, лишь искусственно поддерживаемымъ, но очень долго живымъ языкомъ большой части дворянства, а также княжескаго двора. Тамошнее боярство, въ значительной степени, было элементомъ не румынскимъ, а славянскимъ, переселившимся сюда изъ Болгаріи, а при Туркахъ и изъ Сербіи. Славянскій — болгарскій языкъ былъ языкомъ и литературы, между прочимъ, и юридической[2])«.

Такимъ образомъ, въ церковной жизни, о которой теперь только и идетъ рѣчь, *народность не играла никакой роли.* Епископъ *православный* былъ епископомъ одинаково и для *Русскихъ,* и для *Румынъ,* и для *Сербовъ, православный сербскій* митрополитъ могъ имѣть въ своей паствѣ и *Сербовъ,* и *Румынъ,* и *Русскихъ*[3]) и т. д. Священники и села *русскіе* признавали юрисдикцію патріаршаго экзарха-игумена Грушевскаго монастыря одинаково со священниками и селами *румынскими*[4]).

Мы сочли нужнымъ заранѣе отмѣтить этотъ фактъ, чтобы въ дальнѣйшемъ избѣжать какихъ либо недоразумѣній[5]).

---

[1]) Цитаты у Лаппо, Идея единства русскаго народа, Прага, 1929, 21—22.

[2]) Kadlec, Valaši, 91—92, 446—447; Iorga, Geschichte d. rum. Volkes, I, 1905, 252—53.

[3]) Ср. также Schaguna, Geschichte d. griech. oriental. Kirche in Oesterreich, Herrmanstadt, 1862 г.: нѣмецкій переводъ титула митрополита Саввы Бранковича въ дипломахъ кн. Апафи 1675 г.: »Der zu Alba Julia über die Romanen, Serben u. Griechen bestellte Bischof« и 1679 г.: »Romanischer Bischof über alle Serben, Romanen, Griechen und Russen« (42—43).

[4]) Hodinka, op. c., совершенно неправильно утверждаетъ, что исторіи православныхъ церквей русской, румынской и сербской въ Угріи не находятся между собой въ связи, а должны быть изучаемы *отдѣльно* (Введеніе, IV, и 30). Судьба Сербовъ, была, конечно, нѣсколько иная, но Русскіе и Румыны издавна жили рядомъ и смѣшанно, ихъ духовенство и крестьянство находилось въ одинаковомъ положеніи (А. Петровъ, Отзвукъ реформаціи въ Русскомъ Закарпатьи, 83—94). Изученіе исторіи румынской церкви даетъ возможность путемъ аналогіи освѣтить многое и въ исторіи церкви карпаторусской.

[5]) Если иновѣрцы въ разнаго рода письменныхъ памятникахъ говорятъ о »episcopus Ruthenorum, plebania Ruthenicalis, monasterium ritu

На Руси князья, бояре и вообще богатые люди основывали *свои* наслѣдственные монастыри. Основатели монастырей дѣлались ихъ »ктиторами[1])«, они одаривали монастыри селами и другими доходами и въ монастыряхъ хозяйничали[2]). Такъ же поступали подобныя лица въ Валахіи, Молдавіи[3]) и Угріи. Въ Мараморошѣ *извѣстно*[4]) нѣсколько такихъ монастырей:

a) Въ грамотѣ объ обходѣ границъ села Barczánfalva[5]) 21 іюля 1390 г.: »una via ducit ad M o n o s t o r, secunda ad Barzanfalva — — et in eadem via, que ducit ad M o n o s t o r, pergendo, venissent ad rivulum M o n o s t o r p a t a k[6])«.

b) Въ грамотѣ объ обходѣ границъ нѣсколькихъ селъ 27 іюля 1411 г.: »venissent ad unum m o n a s t e r i u m, K o h n y a m o n o s t r a vocatum[7])«.

c) Въ »Списаніи обителей Мараморыскыхъ« упоминается монастырь въ Бѣлой Церкви[8]): »Обитель Бѣлоцерковска отъ давна созданна е отъ нѣкоего Драгомира и сестры его

Ruthenorum, episcopus Rascianorum, episcopus Valachorum, oláh püspök, oláh vladika, oláh klastrom«, то этимъ они обозначаютъ только то, съ какимъ именно народомъ приходилось *болѣе всего* имѣть дѣло означенному такъ лицу. Для римо-католиковъ всѣ одинаково были только »схизматики«.

[1]) Латинскій терминъ »fundator«.

[2]) Г о л у б и н с к і й, Исторія русской церкви, I, 561—562; Г р у ш е в с к і й, ор. с., V, 264.

[3]) І о р г а, ор. с., I, 278, 295; II, 62, 102; ср. также перечень бывшихъ въ Трансильваніи румынскихъ монастырей у Ш а г у н ы, ор. с., 52—56.

[4]) На самомъ дѣлѣ было ихъ, конечно, гораздо больше. Вѣроятно, монастыри были малолюдны, какъ это видимъ и въ южной Руси (Г р у ш е в с к і й, ор. с., V, 268).

[5]) Рум. Bârsana на р. Изѣ.

[6]) M i h á l y i, Máramorosi diplomák, 1900, № 61. Потомъ объ этомъ монастырѣ нѣтъ и помину. Въ началѣ XVIII в. былъ около Барсаны основанъ новый монастырь: »обитель Барсановска почася р. ѧѰѯі (1711). — — Во первыхъ святилъ той монастырь епископъ Серафимъ, который не былъ правымъ епископомъ« (Списаніе обителей Марам. 1749 г., А. П е т р о в ъ, Мат., I, 17). Въ немъ жилъ послѣдній православный епископъ Мараморошa: въ архивѣ Мараморошскаго викаріата есть замѣтка: »Episcopus Gabriel de Barczanfalva scribit de non ordinando quendam juvenem, a. 1739« (M i h á l y i, op. c., 108).

[7]) M i h á l y i, op. c., № 99. Kohnya = K o n y h a, рум. C u h e a, выше Розавли на р. Изѣ. О немъ также нѣтъ больше упоминанія (op. c., 178).

[8]) Мад. F e j é r e g y h á z a, рум. B i s e r i c a A l b a, немного выше Сигота.

Уйци (они и Грушевску фундовали). Листы жадныхъ не есть фундацѣи[1])«. Въ визитаціи церквей епископа Михаила Мануила Ольшавскаго 1751 г.: »Парохія Фейередьгаза. — — Друга церков е мурована передъ 700 (!) роками отъ якоѣсь княгинѣ Драгомы, нынѣ уже до половины отъ Тиссы зничена[2])«. Сообщенія имени Драгомира (= Драгъ), основателя Грушевскаго монастыря — у Ольшавскаго обратившагося въ княгиню Драгому — даетъ основаніе довѣрять этому мѣстному преданію[3]).

a) и *e*) Въ двухъ грамотахъ Ладислава V, 10 іюня 1456 и 12 февраля 1457 г.[4]), почти тождественныхъ по тексту, говорится о какихъ то двухъ »monasteria seu ecclesie« на территоріи селъ Сопунка[5]) и Сарвасово[6]): »Ladislaus« — — (по просьбѣ) »Simonis sacerdotis kalugery[7]), in claustro b. Michaelis archangeli prope possessionem Absa degentis[8])« (и другихъ лицъ изъ Сопунки и Сарвасова, судя по именамъ, Румынъ), »quod licet ipsi in pacifico dominio quorundam *duorum monasteriorum* seu *ecclesiarum* — — tam intra metas possessionum Zarvaszo, quam Zaponcza — — existencium et adiacencium, *semper* et *ab antiquo*[9]) extiterint«, приказываетъ стóличнымъ властямъ отобрать отъ горожанъ Долгополя[10]) захваченныя ими монастырскія земли. Любопытно, что однимъ изъ совладѣльцевъ этихъ монастырей является Грушевскій игуменъ.

f) Въ вышеупомянутомъ Списаніи находимъ — со ссылкой на документы — сообщеніе, что въ XV в. существовалъ монастырь Угольскій или Заневскій: »Обитель Угольска, иначей Занево, когда ся почала, знати не можъ; кажутъ

[1]) Analecta ord. s. Basil. M., Жовква, 1926, II_{1-2}, 115.

[2]) Гаджега, Додатки, Наук. Зб., I, 1922, 177. Оригиналъ по латыни, переводъ о. В. Гаджеги.

[3]) По Csánky, Fejéregyháza упоминается 1-й разъ въ 1373 г.

[4]) Mihályi, op. c., №№ 230, 231.

[5]) Рум. Săpânța.

[6]) Рум. Sarasău.

[7]) Т. е. іеромонаха, игумена.

[8]) Разумѣется здѣсь, очевидно, монастырь Грушевскій. Ниж. Апша (Apșa de jos) — ближайшее на востокъ отъ Грушева село.

[9]) Монастыри эти, значитъ, были основаны гораздо раньше половины XV в.

[10]) Мад. Hosszúmező, рум. Cîmpolung.

люди, ижъ разомъ изъ селомъ созданъ(!) есть[1]). — — Зде Угляне забили Стойку, вицешпана[2]) Марамарыского, за тое, ижъ монастырь хотѣлъ отобрати на часть свою. Отъ того протекло роковъ $\bar{c}\bar{\xi}$ (260)[3]), якъ *въ листахъ* своихъ Угляне маютъ[4])«. Монастырь Зановъ, въ горахъ, упоминается также въ докладѣ одного изъ членовъ Московскаго посольства 1558 г., попавшаго, почему то, въ Мараморошъ. По этому докладу, Зановъ былъ большой монастырь съ 330 монахами, державшими 1000 и болѣе овецъ. Далѣе описываются природныя богатства и разныя диковинки окрестностей монастыря[5]).

Итакъ, въ одномъ Мараморошѣ имѣются отъ XIV—XV в. свѣдѣнія о *шести* монастыряхъ[6]). Седьмой — монастырь св. архангела Михаила около села Грушева[7]).

Обыкновенно полагаютъ, что Грушевскій монастырь былъ основанъ воеводой Балицей и магистромъ Драгомъ (Balk vayvoda, magister[8]) Drag). Это были сыновья Мараморошскаго румынскаго воеводы Саса, оказывали важныя военныя услуги угорскимъ королямъ, были щедро одарены

---

[1]) Первый разъ Угля упоминается въ 1402 г. (Mihályi, op. c., 124).

[2]) Alispán, поджупанъ.

[3]) »Списаніе« составлено между 1735 и 1749. Убійство Стойки относится, слѣдовательно, къ 1475—1489 гг.

[4]) А. Петровъ, Мат., I, 16.

[5]) А. Петровъ, Мат., II, 83—87. Любопытно, что ознакомившійся съ изданнымъ нами въ Republika Č. Sl., 1924, № 63, докладомъ д-ръ Ю. Краль, профессоръ Братиславскаго университета, нашелъ въ горахъ 12 км. къ сѣверу отъ Угли слѣды какихъ то большихъ построекъ, минеральныя богатства, минеральныя воды, глубокую пропасть, скалу со сталактитами — совершенно согласно съ докладомъ (J. Král, Sborn. č. sl. společnosti zeměpisné, 1924).

[6]) Въ Бережской ст. нѣкогда существовали двѣ »греческія«, т. е. православныя архимандріи: »S. Crucis de Bilke« на горѣ Городище и »de Komorócz« въ урочищѣ Телятникъ, обѣ около села Бѣлокъ (Lehoczky, B. m. g. k. lelkészségek története, 1904, 89). Источникъ не указанъ, но Легоцкій, обыкновенно, основывается на документахъ. Интересно было бы разъискать какія либо свѣдѣнія объ этихъ архимандріяхъ.

[7]) Мад. Körtvélyes, рум. Peri.

[8]) По Іоргѣ, »magister« — почетный титулъ, дававшійся въ Угріи знатнымъ Румынамъ (op. c., I, 262). Добавимъ — не только Румынамъ.

земельными владѣніями и занимали въ разное время высокіе посты наджупановъ Мараморошскихъ, иногда Сатмарскихъ и графовъ Секельскихъ[1]).

Что монастырь былъ именно ими основанъ, заключали изъ *латинскаго перевода* греческой грамоты патріарха Антонія 1391 г.: »Vajvoda Balicza et Drag mester, qui habent — — monasterium *perpetuum* in Maromaros.« *Perpetuus, perpetualis* въ средневѣковой угорской латыни значило *наслѣдственный*; *perpetuitas* — ius *haereditarium*; comes *perpetuus* — *наслѣдственный* наджупанъ[2]). Далѣе въ грамотѣ монастырь называется »haereditas«. Но »*perpetuus, haereditas*« имѣетъ двойное значеніе: *a*) *полученный* отъ отца или, вообще, отъ предковъ; *b*) *переданный въ наслѣдство* сыновьямъ или, вообще, потомкамъ. »Perpetuus, haereditas« понимали обыкновенно во *второмъ* смыслѣ. Оригинальный *греческій* текстъ указываетъ, однако, не на второе, а на *первое* значеніе: »*μοναστήριον ἀπὸ γονικότητος*«; »*γονικός*« = die Vorfahren betreffend, von ihnen herrührend; »*ἀπὸ γονικότητος*« = (полученный) *изъ рода, унаслѣдованный*. Такимъ образомъ, Грушевскій монастырь основанъ *не* Балицей и Драгомъ, а ихъ *родными по восходящей линіи*[3]), т. е., или отцомъ, воеводой Сасомъ[4]), или дѣдомъ, а, если не держаться строго буквы, то, можетъ быть,

[1]) Оба они называются въ грамотахъ воеводами Мараморошскими (Mihályi, op. c.,: 1365 г., стр. 56, 1373 г., 69, 1387 г., 87, 1397 г., 117, 1402 г., 126, 1405 г., 132); оба именуются »magistri« (ib., 1373 г., 65 и 68; 1399 г., 99, 101—104); Balk называется »comes Maramarosiensis« въ 1373 г. (69); оба — »comites Maramorosienses« (1390 г., 99, 1397 г., 117); Drag — »comes Siculorum« въ 1389 г. (89); оба — »comites Siculorum« въ 1387 г. (87); въ 1378 г. Balk былъ, повидимому, наджупаномъ Мараморошскимъ, Drag — Сатмарскимъ (»Balk voyvodae et Drag, comitibus Maramorosiensi et Zatthmariensi, 73).

[2]) Bartal, Glossarium mediae et infimae latinitatis R. Hungariae, Bst, 1901.

[3]) *Возможно* (хотя мы въ этомъ *не увѣрены*), что на то же указываютъ не вполнѣ ясныя слова грамоты сыновей Балицы 1404 г.: »Балица и Драгъ создали *церковь*« (*не*: монастырь) »во имя св. архангела Михаила«, а далѣе: »дали *монастырю* три села«. Значитъ, монастырь существовалъ и ранѣе, Балица же и Драгъ построили *новую* церковь (не могъ же быть монастырь безъ церкви!) и, можетъ быть, на *новомъ* мѣстѣ — въ грамотѣ не сказано, что церковь построена въ монастырѣ, а на »землѣ Тересовской«, т. е. села Тересвы.

[4]) † въ 1364 г. (Mihályi, op. c., 40, пр. 1).

и ранѣе[1]), Балица же и Драгъ, съ одной стороны, выхлопотали монастырю высокое положеніе патріаршей ставропигіи, съ другой — позаботились о матерьяльномъ обезпеченіи монастыря. О первомъ сообщаетъ грамота патріарха Антонія IV 1391 г., о второмъ — сыновей Балицы 1404 г.

1. Греческая грамота патріарха Антонія, Константинополь, августъ 6899 (1391) г.

Приведемъ сначала русскій переводъ[2]):

+»Антоній, Божіею милостію архіепископъ Константина града, Новаго Рима, и вселенскій патріархъ. +

Такъ какъ благороднѣйшіе братья, во св. Духѣ возлюбленные сыны нашего смиренія, воеводы Балица и Драгъ, имѣютъ въ *краѣ Мараморешъ*[3]) (доставшійся) отъ предковъ

---

[1]) Надо замѣтить, однако, что передъ 1391 г. *нигдѣ нѣтъ никакого извѣстія* о монастырѣ св. архангела Михаила въ Мараморошѣ. Въ грамотѣ отъ 2 февраля 1389 г. — обходъ границъ нѣсколькихъ селъ, принадлежавшихъ въ Мараморошѣ магистру Драгу (Mihályi, op. c., № 53, 89—94) — упоминается, правда, »ripra Kewzakadas, ubi unum stagnum habetur a superiori parte eiusdem *loci, Monostar* vocati“ (91), но это вовсе *не* монастырь *у села Грушева*. Мы прослѣдили по картѣ приблизительно путь, которымъ шли лица, провѣрявшія »metas possessionum«. »Locus, Monostar vocatus« лежалъ *между селами Кривый и Тересва и нижнимъ теченіемъ р. Тересвы*, тогда какъ монастырь св. архангела Михаила находился *близъ* села Грушева и именно къ востоку, между Грушевомъ и Ниж. Апшей (см. выше стр. 106, пр. 8). Кромѣ того, выраженіе »locus, Monostar vocatus« вовсе не тождественно съ »monasterium«, а обозначаетъ какое либо *урочище*, такъ или иначе *связанное съ монастыремъ*. Напримѣръ, около села Угли, недалеко отъ котораго былъ Заневскій монастырь, часть лѣса или луга (точно не помнимъ) и нынѣ зовется »*Монастырецъ*«. Въ мадьярскомъ языкѣ одна и та же форма можетъ быть и существительнымъ, и прилагательнымъ; magyar значитъ Мадьяръ и мадьярскій, monostor — монастырь и монастырскій. Такимъ образомъ, эта грамота *лишь косвенно* указываетъ на существованіе *гдѣ то* по близости *какого то* монастыря.

[2]) Въ скобкахъ помѣщаемъ слова и выраженія, не находящіяся въ оригиналѣ, но необходимыя для разъясненія иногда тяжелаго и запутаннаго византійскаго канцелярскаго языка.

[3]) »*Περὶ τὸν τόπον, παρὰ τὸν τόπον Μαραμόρεσσ*« — собственно: »у мѣста Мараморешъ«.

монастырь въ честное имя досточтимаго архистратига горнихъ силъ, Михаила, то ради его (монастыря) и обратился къ нашему смиренію пришедшій сюда и явившійся въ царствующій градъ для поклоненія здѣшнимъ святынямъ благороднѣйшій Драгъ, принятый нашимъ смиреніемъ съ любовью, почетомъ и подобающимъ дружелюбіемъ, и просилъ, чтобы упомянутый монастырь получилъ отнынѣ и до вѣка патріаршій надзоръ и защиту, будучи и называясь патріаршимъ.

Найдя его просьбу справедливой и разумной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтствующей (достоинству) великой церкви Господа и вселенскаго патріарха, (а, именно, просьбу о томъ), чтобы не только (монастырь) сталъ патріаршей ставропигіей, а святые храмы освящались именемъ патріарха, но чтобы и храмы, освященные мѣстными архіереями, получили патріаршую защиту и надзоръ и (связанные) съ этимъ почетъ и величіе, наше смиреніе издаетъ настоящую грамоту съ печатью, чтобы священный и почитаемый монастырь *въ краю Мараморешъ*[1]) въ честное имя досточтимаго архистратига горнихъ силъ, Михаила, получилъ отнынѣ и до вѣка патріаршій надзоръ и защиту и (связанные) съ этимъ почетъ и величіе, будучи и называясь патріаршимъ.

Назначаетъ же наше смиреніе и досточтимаго игумена этого святаго монастыря, іеромонаха Пахомія, экзархомъ надъ подлежащими монастырю *мѣстностями*[2]), а именно: Селацъ, Артунтъ, Онгоча, Юмперекъ, Чичовъ, Болванецъ и Бистра[3]). Поэтому упомянутый досточтимый игуменъ и экзархъ нашего смиренія долженъ надзирать надъ находящимися въ упомянутыхъ мѣстностяхъ іереями и народомъ, наставлять и поучать душеполезному и спасительному, разрѣшать (кромѣ того) и разслѣдовать возникающія между іереями церковныя дѣла, давать нужныя распоряженія согласно законамъ и канонамъ и имѣть право освящать возникающіе въ указанныхъ мѣстностяхъ божественные и святые храмы на основаніи (права) патріаршей ставропигіи, при

---

[1]) См. стр. 109, пр. 3.

[2]) Здѣсь и далѣе: »*χώραι*«.

[3]) „*Σελατζίον, Ἀρτούντιν, Ὄγγοτζα, Ἰουμπερέκιν, Τζιτζόβιν, Παλβανέτζιν, Πίστραν*“ — „*ν, ιν, ιον*“ суть греческія окончанія винительнаго падежа.

чемъ поминовеніе патріарха и его имя должны произноситься при всѣхъ священнодѣйствіяхъ, какъ въ упомянутомъ почитаемомъ монастырѣ, такъ и во всѣхъ возникающихъ божественныхъ и святыхъ храмахъ.

Еще же повелѣваетъ наше смиреніе настоящей грамотой съ печатью, чтобы, когда умретъ сей игуменъ, благороднѣйшіе братья, воевода Балица и Драгъ, имѣли право съ совѣтомъ монаховъ сего монастыря избрать другаго игумена и поставить его на мѣсто того, такъ, чтобы и онъ имѣлъ право и власть надъ упомянутыми мѣстностями, какъ нашъ экзархъ, надзиралъ надъ іереями и освящалъ возникающіе святые храмы на основаніи (права) патріаршей ставропигіи.

Ради сего имъ для крѣпости дана настоящая грамота съ печатью нашего смиренія въ мѣсяцѣ августѣ 14 индикта 6899 года. +

+Получилъ сіе изъ честной патріаршей руки.

Антоній, Божіею милостію архіепископъ Константина града, Новаго Рима, и вселенскій патріархъ«. +

Какъ видно изъ грамоты, въ 1391 г. пріѣхалъ въ Константинополь Драгъ и отъ имени Балицы и своего просилъ патріарха принять подъ надзоръ и защиту патріаршаго престола полученный братьями отъ предковъ монастырь св. архангела Михаила въ Мараморошѣ.

Въ то время въ Трансильваніи еще не было православной митрополіи или епископства[1]). Митрополія Валахіи съ 1389

[1]) Не было еще и въ половинѣ XV в. Трансильванскій »вайда«, Іоаннъ Pongrácz, въ 1469 г. поручаетъ В. Сибинскому (Hermannstadt) рихтару и городскому совѣту помогать Галицкому митрополиту Макарію при собираніи или имъ лично, или черезъ посредство уполномоченныхъ полагающихся митрополиту доходовъ отъ румынскихъ священниковъ (Hodinka, M. püspökség története, 28). По Голубинскому, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, 1871, первый извѣстный въ исторіи Трансильванскій православный митрополитъ Варлаамъ упоминается только въ 1537 г. (400). Что во второй половинѣ XV в. не было въ Трансильваніи православнаго епископства, подтверждаетъ извѣстный румынскій историкъ, проф. Н. Іорга, въ частномъ письмѣ къ намъ отъ 23/IV 1930 г.

по 1394 г. состояла въ іерархической зависимости отъ Охриды[1]). Съ Молдавіей при патріархѣ Антоніи отношенія Константинополя были непріязненныя. Митрополитъ Мелетій, посвященный въ Сербіи, не былъ признанъ Антоніемъ, а посланные послѣднимъ митрополиты Θеодосій, а потомъ Іеремія, не были приняты ни воеводой Петромъ I, ни боярами, за что Іеремія предалъ отлученію всю страну[2]).

При такихъ обстоятельствахъ, просьба Балицы и Драга была чрезвычайно на руку патріаршему престолу. Не нарушая интересовъ подчиненныхъ ему іерарховъ, патріархъ могъ распространить непосредственную власть Константинополя на отдаленный край, населенный, главное, Румынами.

Антоній IV охотно удовлетворилъ просьбѣ братьевъ воеводъ и возвелъ монастырь св. архангела Михаила въ достоинство *патріаршей ставропигіи* — церковной институціи, *подчиненной непосредственно патріарху и изъятой изъ подъ мѣстной епархіальной власти*[3]), а игумена Пахомія

---

[1]) Голубинскій, ор. с., 363.

[2]) Iorga, ор. с., I, 296. Къ тому же, въ обоихъ румынскихъ воеводствахъ въ концѣ XIV в. особенно усилилась католическая и уніатская пропаганда ((Hurmuzaki, Fragmente zur Geschichte d. Rumänen, I, 1878, 205—208, 243—244).

[3]) Собственно, *Ставропигія*, »ὁ Σταροπήγιον«, значитъ: »Jus figendi Crucis seu Crucis defixio in loco sacro, quum aedificatur et consecratur. Posterioribus seculis jus, quod patriarchae competebat, in quacunque dioecesi episcopali ecclesiam dedicandi et consecrandi, defixa in ea Cruce" (Stephanus, Thesaurus graecae linguae). Каноническому положенію Ставропигіи на востокѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ на западѣ въ римской церкви институція: »*Abbatia* seu *Praelatura nullius*«, см. P. Petr Vidal, Jus canonicum auctore P. Fr. X. Wernz ad codicis normam exactum, II, De personis, Romae, 1923: § 566. »*Abbates* seu *praelati nullius* — — praelati exempti ab ordinaria iurisdictione episcoporum« (594). »Not. Praelati, qui praesunt territorio proprio, separato ab omni dioecesi cum clero et populo, dicuntur *Abbates* seu *Praelati nullius* i. e. habentes iurisdictionem in territorio ad nullam dioecesim pertinente« (595); § 397: »Ex natura rei nomine episcopi non intelliguntur Praelati et Abbates nullius in iis, quae requiruntur characterem episcopalem« (384).

Любопытно, что среди православныхъ въ Мараморошѣ еще въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. сохранялась память о бывшей здѣсь нѣкогда патріаршей ставропигіи; см. титулъ православнаго епископа, Іосифа Стойки, въ его ставленническихъ грамотахъ: 1693 г.:

назначилъ *патріаршимъ намѣстникомъ, экзархомъ,* съ передачей сана экзарха и преемникамъ Пахомія. Игуменъ-экзархъ получилъ право освященія именемъ патріарха храмовъ[1]) и церковную юрисдикцію надъ духовенствомъ и народомъ въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ монастырю.

Особо отмѣчены въ грамотѣ права »ктиторовъ« Балицы и Драга при выборѣ, по смерти Пахомія, новаго игумена. Они производятъ выборъ, но не по личному только усмотрѣнію, а съ участіемъ совѣта монастырской братіи.

Заслуживаетъ еще въ грамотѣ вниманія перечисленіе »подчиненныхъ монастырю мѣстностей« (*χώραι*), въ латинскомъ текстѣ »pertinentiae monasterii«. Михальи[2]) совершенно справедливо замѣчаетъ, что эти »pertinentiae« вовсе не были землями, дарованными въ собственность монастырю, какъ раньше думали многіе, а были *владѣніями Балицы и Драга,* на которыя распространялась *церковная юрисдикція* ставропигіи.

Не беремъ на себя опредѣлить положеніе всѣхъ семи мѣстностей. Онгоча есть, несомнѣнно, существовавшее раньше поселеніе Угоча въ Угочской ст.[3]) Болванецъ = Bálványos váralja, поселеніе подъ замкомъ Bálványos въ Солнокъ-Добоцкой ст. Трансильваніи, рум. Unguraş. Селацъ — это, конечно, *не* Szilágyság латинскаго перевода[4]); скорѣе всего, это Ziláh = Zillenmarkt, рум. Zilahu, въ Средне-Солноцкой ст. Чичовъ — мад. Csicsó и Бистра — мад. Bisztra — поселенія съ этими названіями находятся въ разныхъ мѣстахъ Угріи и Трансильваніи. Относительно

»Іосифъ Стойка, православный епископъ Мараморошскій, Ексарха Ставропигіи патріаршеской, администраторъ митрополіи Белградской Седмиграда«; 1704 г.: »— — Ексарха Ставропигіи патріаршеской, Константина града, Новаго Рима« (А. Петровъ, Мат., II., 33, пр. 2).

[1]) О клаузулѣ: »чтобы и храмы, освященные мѣстными архіереями, получили патріаршую защиту и надзоръ и (связанные) съ этимъ почетъ и величіе« — см. ниже при разборѣ грамоты 1494 г.

[2]) Op. c., 111.

[3]) По Csánky, op. c., »plebanus de Hugacha« упоминается въ 1332 г. Позже это названіе осталось за частью территоріи села Сасфалово (Szászfalu).

[4]) О томъ см. ниже.

Артунта можемъ только высказать предположеніе, не есть ли это Erdőd съ румынскимъ произношеніемъ начальнаго *a* вм. мадьярскаго *e*[1]); городокъ Erdőd есть и теперь въ Сатмарской ст. Юмперекъ для насъ вполнѣ загадочно. Это могло возникнуть изъ Zsumberek, или Zsámberek, или Somberek, но что̀ это за поселеніе, и гдѣ лежало, не рѣшаемся даже и на догадку. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти мѣстности[2]) находились *не* въ Мараморошѣ.

Считаемъ, однако, несомнѣннымъ, что церковная юрисдикція игумена-экзарха распространялась и на *села въ Мараморошъ*, принадлежавшія Балицѣ и Драгу и ихъ потомкамъ. У Михальи съ 1365 по 1402 г. и въ грамотѣ 1404 г. названо такихъ всего 34 села — на дѣлѣ ихъ было, конечно, больше.[3]) Бóльшая часть ихъ расположена въ румынской части стóлицы и донынѣ населена Румынами. По Лексикону 1773 г., изъ 34 селъ — 13 русскихъ: Вышн. Руна, М. В. Бычковъ, Грушево, Кривый, Тересва, Ганичи, Теребля, Угля, Драгово, Войнійово, Буштино, Иза. Нѣкоторыя изъ нихъ въ XIV в. имѣли, навѣрное, румынское обывательство.

О матерьяльномъ обезпеченіи Балицей и Драгомъ монастыря свидѣтельствуетъ

2. Церковно-славянская грамота Димитрія и Александра, сыновей Балицы, Мараморошскій Сиготъ, 1 мая 6912 (1404) г.

Хотя грамота написана почеркомъ начала XV в., *нельзя*, однако, считать ее *оригиналомъ*. Передъ датировкой читаемъ: »писано подъ нашими печатами«, между тѣмъ, не только *печатей* или *слѣдовъ печатей нѣтъ*, но *нѣтъ* и *прорѣзей* для нитей висячихъ печатей. Вѣроятно, наша грамота есть копія — можетъ быть, изготовленная одновременно съ оригиналомъ — для памяти или жертвователей, или свидѣтелей, отъ имени которыхъ выдана грамота. Оригиналъ, конечно, долженъ былъ быть переданъ монастырю.

---

[1]) Ср. Erdély и Ardeal, Erdőszada и Ardusat.

[2]) Кромѣ, можетъ быть, Бистры.

[3]) Ср. Kadlec, Valaši, 253.

Грамота выдана отъ имени *Румынъ*[1]) и писана, вѣроятно, *Румыномъ*. На послѣднее указываютъ колеблющаяся орѳографія[2]) и нетвердость въ церковно-славянскомъ языкѣ[3]), а также румынскія формы собственныхъ именъ и мѣстныхъ названій[4]).

Но этотъ Румынъ былъ освоенъ съ мѣстнымъ карпаторусскимъ говоромъ, а, можетъ быть, принадлежалъ къ тѣмъ bilingues, которые такъ обычны въ смѣшанныхъ переходныхъ полосахъ[5]). Слѣды карпаторусскаго говора видны въ грамотѣ: сесь, млинъ (трижды), що[6]) (дважды), у Сигѣту[7]), м. б., и: Тодѣрь.

Кромѣ того, находятся въ текстѣ и мадьярскіе элементы[8]).

---

[1]) Всѣ упомянутыя въ грамотѣ лица — румынскіе »немиши« (дворяне). Возможно, что въ этой смѣшанной полосѣ Мараморошa часть дворянъ была и изъ Русскихъ. Судя по именамъ, такими могли быть: Иванчукъ, Косте Поповъ.

[2]) Здѣсь смѣшана обычная румыно-болгарская орѳографія (Съпѫкы, Съпѫнца, Длъгополскои, въсѣкому, прѣд) съ орѳографіей памятниковъ сербской редакціи (употребленіе, по бо́льшей части, ѣ вм. ѣ, съзидаше, дадоше — трижды, име, служет).

[3]) »Печатами«; »съзидаше« — аористъ отъ глагола несовершеннаго вида; должно было быть или »съзидаху«, или »създаше«.

[4]) Радуль, Шандрь, Думитру, Съпънца.

[5]) Если бы писецъ былъ православный *Русскій*, то въ церковнославянскомъ текстѣ отразилось бы, вѣроятно, вліяніе памятниковъ русской редакціи.

[6]) Подъ *щ*, думаемъ, скрывается не *шч*, а *шт*, какъ обыкновенно въ памятникахъ румынскихъ и церковнославянскихъ на румынской почвѣ. На такое произношеніе указываетъ и титулъ Драга »мещерь« — въ латинскихъ документахъ »Dragh mester«, т. е., по мадьярски, »Драг мештер« = magister.

[7]) Здѣсь *ѣ*, конечно, обозначаетъ южно-русское *і*. Не думаемъ, однако, чтобы писецъ произносилъ: »у Сигіту«. Это, скорѣе, такъ сказать, *зрительная* ошибка. Пиша »у Сигѣту«, онъ машинально перенесъ форму именительнаго падежа »Сигѣтъ« въ падежъ мѣстный. Одно можно возразить: нынѣ *і* изъ *о́* является въ тѣхъ карпаторусскихъ говорахъ, гдѣ *что* = *шо* или *шчо*, гдѣ же *что* = *што*, тамъ вмѣсто *о́* является *у* или *ю*. Такъ Сиготъ теперь Сигутъ, род. пад. Сиготу. Тодѣрь = Тодір?

[8]) а) »Отъ своего урика«; урикъ = мад. örök = ewig, die Erbschaft; по рукописному словарю мадьярскихъ словъ проф. А. Бонкало, въ карпаторусскихъ говорахъ Спиша, Шариша и Земплина обычно

До сихъ поръ не было извѣстно, что̀ именно было пожертвовано Грушевскому монастырю Балицей и Драгомъ[1]). Наша грамота даетъ на это точный отвѣтъ[2]), сообщаетъ также и старинныя названія трехъ карпаторусскихъ селъ[3]).

По своему содержанію, грамота не есть donatio, а лишь confirmatio, которой сыновья Балицы, Димитрій и Александръ, подтверждаютъ за монастыремъ три села, пожертвованныя ихъ отцомъ и дядей, съ *добавленіемъ*[4]), что право монастыря распространяется и на всю территорію селъ: »съ полемъ, съ лѣсомъ, съ водою и со всѣмъ прижиткомъ«.

Почему donatio Балицы и Драга подтверждаютъ сыновья *только* Балицы, на это мы можемъ отвѣтить *лишь предположительно*. Повидимому, Драгъ умеръ *раньше* Балицы[5]),

---

въ формахъ »орек, оречний«; b) »на столномъ мѣстѣ« — буквальный переводъ мадьярскаго székhely: szék = d. Sessel, d. Stuhl; hely = d. Platz; székhely = d. Sitz, напр., bíró székhely = d. Gerichtstuhl и т. д., что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ первоначальному значенію слов. »stolica«, рус. »столица«; c) »немиши« = мад. nemes = дворянинъ, у Карпаторуссовъ »нямешъ«; d) »вицашпань« = vicecomes, vice-или alispán, у Словаковъ podžupan.

[1]) Михальи, правда, утверждаетъ, что монастырю принадлежало село Грушево, и ссылается (111) на грамоту отъ 2 февраля 1389 г. — обходъ границъ владѣній Драга въ Мараморошѣ (89—94). Но въ этой грамотѣ *ничего подобнаго* нѣтъ, даже и *село* Körtvélyes (Грушево) не упомянуто; говорится только объ одноименной *рѣчкѣ:* »ad caput cuiusdam *rivuli*, Kurtvelyes pataka nuncupati« (92).

[2]) И подтверждаетъ вышеприведенное мнѣніе Михальи о »pertinentiae« грамоты 1391 г.

[3]) Тересъ — Тарасъ, Кривчичъ, Крушево. Тересъ — позднѣе и нынѣ Тересва, Кривчичъ — Кривый, Крушево — Грушево. По этимологическому словарю Бернекера, корень »груша« имѣетъ двѣ параллельныя формы: *груш* и *круш*. Послѣдняя форма существуетъ въ языкахъ болгарскомъ, сербо-хорватскомъ, верхне- и нижне-лужицкомъ, кашубскомъ и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ языка польскаго. Наша грамота свидѣтельствуетъ, что она встрѣчалась и въ карпаторусскихъ говорахъ. Румынское названіе Peri и мадьярскій переводъ Körtvélyes (körte = d. Birne) вполнѣ тождественны съ карпаторусскимъ Крушево = Грушево.

[4]) Возможно, впрочемъ, что это добавленіе находилось и въ первоначальной donatio.

[5]) Оба они были еще живы 7 ноября 1397 г. (dicunt nobis Balk et Drag, Mihályi, op. c., 117) и 2 апрѣля 1402 г. (Demetrius et Alexander, filii Balk vayvodae, Sandrinus et Georgius, filii magistri Drag, ib., 123) —

и, вѣроятно, по смерти Драга монастырскія власти исходатайствовали у его сыновей грамоту, подобную той, которую въ 1404 г. выдали сыновья Балицы, только грамота сыновей Драга, какъ и масса иныхъ на Карпатской Руси, погибла, и до насъ *лишь случайно* дошла копія грамоты сыновей Балицы.

Какъ извѣстно, въ строго католической Угріи православная вѣра и церковь не были законно признаны, а были только терпимы. Права ихъ іерархіи и церковныхъ институцій не были установлены королемъ и сеймомъ, и, такимъ образомъ, церковная жизнь православныхъ протекала внѣ обычныхъ юридическихъ рамокъ[1]). Православные могли свои церковныя дѣла устраивать, какъ сами знали[2]). Только при обращеніи къ властямъ дѣлались послѣдними — въ зависимости отъ того или инаго конкретнаго положенія вещей — тѣ или иные выводы изъ общаго принципа, что король является патрономъ церкви въ Угріи. Такъ же произвольно поступали и domini terrestres.

Такъ и здѣсь, Балица и Драгъ передали монастырю изъ дарованныхъ имъ королемъ владѣній три села самостоятельно, *частнымъ образомъ*, не испросивъ у короля согласія и подтвержденія. Поэтому ихъ донація имѣла силу *только* при ихъ жизни. Унаслѣдовавшіе ихъ владѣнія сыновья — опять же *частнымъ образомъ* — подтверждаютъ донацію отцовъ. Поэтому такая донація и не была облечена въ обыч-

имена Balk u Drag стоятъ безъ »condam«, обычнаго при упоминаніи скончавшихся. 28 іюня 1402 г. о Драгѣ говорится, какъ объ умершемъ (*condam* dominus Dragh, vajvoda Maramorosiensis, ib., 126), Балкъ же именуется покойнымъ первый разъ въ грамотѣ 5 февраля 1404 г. (*condam* Balk, woywode nostri, ib., 128).

[1]) Подобное положеніе создалось для православныхъ и въ польско-литовскомъ государствѣ послѣ Брестской уніи 1596 г. Правительство признало законной только уніатскую церковь и всѣми мѣрами ее поддерживало (Грушевскій, op. c., V, 618).

[2]) Ср. письмо примаса Липпаи Конгрегаціи пропаганды 1654 г.: »nullus curavit, nullus patrocinatus est causae Ruthenorum, utpote schismaticorum«, и докладъ угорскаго королевскаго совѣта 1642 г.: »quidquid hactenus domini Munkacsienses libere in istos vladicas exercuissent, nemini cordi fuit, tamquam res et negotium schismaticorum et haereticorum« (Hodinka, op. c., 178, пр. 1).

ную юридическую форму, не была написана на обычномъ латинскомъ языкѣ. Передача монастырю селъ была оформлена волеизъявленіемъ жертвователей *передъ свидѣтелями,* на *понятномъ имъ языкѣ,* и только *для памяти* волеизъявленіе было занесено на томъ же языкѣ на письмо. Это обычная форма старыхъ грамотъ, древнерусскихъ »*памятей*«, нѣчто въ родѣ »chartae pagenses«, гдѣ центръ тяжести лежалъ *не* въ самой грамотѣ, а въ *показаніяхъ свидѣтелей.*[1]) Съ прекращеніемъ мужскаго потомства первыхъ жертвователей и съ возвращеніемъ владѣній королю или съ переходомъ ихъ къ постороннимъ лицамъ, монастырь лишался права на пожертвованныя села, и они могли остаться за нимъ только »antiqua consuetudine«, если этому не препятствовали новые владѣльцы.

Съ 1404 г. до 1494 г. мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о положеніи Грушевскаго монастыря[2]) и его права ставропигіи. Лишь до нѣкоторой степени этого права касается

3. Грамота короля Матвѣя I, Будинъ, 20 марта 1479 г.

Король Матвѣй, по просьбѣ Іоанникія (Iwannythye), »metropolitani Nandoralbensis«, освобождаетъ навсегда отъ платежа какихъ либо обыкновенныхъ или чрезвычайныхъ податей (taxae), идущихъ въ королевскую казну, »universos et singulos Walachos presbyteros, fidem grecam tenentes[3]), in comitatu Maromarusiensi existentes — — prefatoque metropolitano subjectos«.

---

[1]) На это указываетъ и тотъ фактъ, что грамота выдана *не* отъ имени жертвователей, но *отъ имени свидѣтелей.*

[2]) Только грамотой палатина гр. Гедервари 17-го іюня 1438 г. повелѣвается Лелесскому конвенту обходъ, провѣрка и возстановленіе границъ »possessionis Kertveles — — Kalugerorum in claustro b. Michaelis archangeli in comitatu Maramarus, — — ad modum Graecorum fundato, — — apud manus ipsorum habitae« (Mihályi, op. c., № 178, 306—307), да въ грамотахъ Ладислава V 6 апрѣля и 10 іюня 1456 и 17 февраля 1457 г. упоминается іеромонахъ Симонъ, игуменъ »claustri Ruthenorum, in honorem s. Michaelis constructi« (ib., № 222, 376—379, №№ 230 и 231, 393—395).

[3]) Т. е., конечно, вообще православныхъ (см. о томъ выше, стр. 102 и сл.).

Nandor Alba — мадьярское названіе сербскаго Бѣлграда, употреблявшееся съ XIV по XVI в. въ формахъ »Nandor, Nándor, Landor, Lándor Fejérvár.« Происхожденіе названія доселѣ не выяснено[1]).

Дѣйствительно, съ 1427 до 1521 г. Бѣлградъ находился въ рукахъ Угріи[2]). Во второй половинѣ XIII в. упоминается тамъ сербская митрополія, но сохранилась ли она позже и, особенно, во время принадлежности Бѣлграда Угріи, не-

---

[1]) Šišić, O značenju imena Nándor Fejérvár (Rad. jugosl. Ak.. № 207, 1915, 101—136). Въ латинскихъ грамотахъ болѣе раннее и долѣе державшееся названіе сербскаго Бѣлграда Alba bulgarica, болѣе позднее и менѣе употребляемое Alba graeca (110, 121). Мадьярскіе ученые Melich и Eckhart (Magyar Nyelv, 1909, №№ 4, 9, 10) отождествляютъ »Nandor« съ упомянутымъ у арабскаго автора Гардези (1051—1052) именемъ какихъ то Ромеевъ-христіанъ, сосѣдившихъ съ Мадьярами въ Ателькузу: Nandor, Nender, Nendeze (Гардези пользовался трудомъ Джайгани — около 900 г.; у основывавшагося также на Джайгани Аль Бекри, † 1094 г., вм. Nandor — Benedi, т. е. Venedi). Мелихъ считаетъ этихъ »Nandor« за Грековъ, а »Nándor Fejérvár« за переводъ Alba graeca, Экгартъ — за Болгаръ, а »Nándor Féjérvár« за переводъ Alba bulgarica. Не говоря уже о ненадежности транскрипціи именъ у арабскихъ писателей, намъ лично кажется совсѣмъ невѣроятнымъ, чтобы у Мадьяръ сохранилось въ памяти еще съ Ателькузу (съ IX в.!) названіе своихъ сосѣдей Nandor. Его они никогда не прилагали ни къ Грекамъ, ни къ Болгарамъ, и вдругъ въ XIV в. оно примѣняется къ Бѣлграду.

Шишичъ предлагаетъ другое объясненіе, основываясь на описаніи путешествія на востокъ Антона Врančича 1553 г.; »Hungari« (Бѣлградъ) »Nandor Albam nominant a vicino colle — —, qui mons vulgo Nandorhegye etiam nunc appellatur« (131). По Шишичу, »nandor« — старомадьярское слово, сохранившееся въ названіи растенія »nándorfű« въ нарѣчіи Мадьяръ въ окольи Блатенскаго озера, удержавшемъ многіе архаизмы. »Nandor« — это Glechoma hederacea, по сербо-хорватски: dobričavica, dobričava trava, zemaljski bršlan (Šulek, Jugosl. imenik bilja), чеш. openec, нѣм. Gundelrebe, рус. котовникъ, котятникъ, будра (Павловскій, Нѣм. рус. словарь). Отваръ его — народное лѣкарство отъ грудныхъ болѣзней. Nándorhegye — это Врачаръ (отъ врачъ, врачевать), *Nándor Fejérvár* = Vračarski Beograd (133—136). Правильно ли объясненіе Шишича, пусть рѣшатъ спеціалисты. Самое, повидимому, простое объясненіе отъ имени Nándor = Фердинандъ, не годится: не было такого Фердинанда, отъ имени котораго могъ бы быть названъ Бѣлградъ.

[2]) Šišić, op. c., 120.

извѣстно[1]). Основываясь на этомъ отсутствіи извѣстій, а также на отдаленности Мараморошa отъ сербскаго Бѣлградa, считали обыкновенно, что Іоанникій былъ митрополитомъ *не* сербскаго, а *Трансильванскаго* Бѣлградa[2]) — Alba Julia, Gyula Fejérvár, позже Alba Carolina, Károly Fejérvár, Karlsburg. Но, во первыхъ, также нѣтъ никакихъ извѣстій, чтобы во второй половинѣ XV в. была уже въ Трансильваніи православная митрополія[3]). Во вторыхъ, отдаленность вовсе не мѣшала іерархическому подчиненію. Мы видимъ, что Валахія въ 1389—1394 г. признавала верховную власть Охриды[4]), Молдавія до 1370 г. была подчинена Галицкому митрополиту[5]), у него и позже посвящались Молдавскіе епископы[6]). Въ 1469 г. Галицкій митрополитъ Макарій осуществляетъ свою юрисдикцію въ Трансильваніи[3]). Фактически церковная зависимость заключалась въ посвященіи духовныхъ лицъ въ Бѣлградѣ, въ удѣленіи изъ Бѣлградa антиминсовъ, въ присылкѣ оттуда[7]) довѣренныхъ лицъ для ревизіи, разбора жалобъ и т. п. Къ тому же, сообщеніе Мараморошa съ Бѣлградомъ, несмотря на значительное разстояніе, было весьма удобно по р. Тисѣ. Въ третьихъ: совершенно *невѣроятно*, чтобы въ столь важной по содержанію королевской грамотѣ, дошедшей до насъ въ оригиналѣ, *была допущена такая небрежность*: вмѣсто »metropolitanus Alba Juliensis«[8]) написали »Nandor Albensis«!

Когда, какимъ образомъ и долго ли Мараморошскіе православные были подчинены Бѣлградскому митрополиту, прочно ли было выхлопотанное имъ у короля освобожденіе духовен-

---

[1]) Голубинскій, Краткій очеркъ, 471—472. Православный монастырь въ Бѣлградѣ упомянутъ въ грамотѣ Ладислава V 1453 г. (Hodinka, op. c., 29).

[2]) Голубинскій, op. c., 399 (на основаніи Гинца и Шагуны); Hodinka, ib., 29, 207.

[3]) См. выше, стр. 111 и пр. 1.

[4]) См. выше, стр. 112.

[5]) Hurmuzaki, op. c., 254.

[6]) Hodinka, op. c., 28.

[7]) Или въ назначеніи постоянныхъ мѣстныхъ.

[8]) Или »Transilvanus«, какъ во второй интерполяціи грамоты 1494 г. (см. ниже).

ства отъ королевской подати, не знаемъ. Не знаемъ и того, насколько затронуты были зависимостью отъ Бѣлграда права Грушевской ставропигіи, думаемъ, однако, что въ томъ или иномъ размѣрѣ эти права сохранились за игуменомъ-экзархомъ. Для живущаго въ Бѣлградѣ и имѣющаго свою паству митрополита не было существеннымъ ущербомъ то, что надъ частью церквей удержалъ юрисдикцію Грушевскій игуменъ.

Оставимъ, однако, въ сторонѣ одиноко стоящее извѣстіе грамоты 1479 г.

Съ 1391 г. патріаршій экзархъ — игуменъ[1]) Грушевскаго монастыря, за отсутствіемъ на Карпатской Руси епископской власти, могъ безпрепятственно осуществлять свои права церковной юрисдикціи и пользоваться сопряженными съ ней доходами отъ церквей и паствы въ предѣлахъ владѣній Балицы и Драга и ихъ потомковъ. Къ игумену-экзарху могло обращаться за посвященіемъ церквей и разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ и распрей православное духовенство и церквей внѣ этихъ владѣній[2]), тѣмъ болѣе, что сравнительно

---

[1]) Въ Мукачевскихъ схематизмахъ въ числѣ нѣкогда существовавшихъ монастырей значится »Archimandria s. Michaelis archangeli de Kőrtvélyes«. Весьма возможно, что настоятель ставропигіальнаго монастыря и экзархъ патріарха носилъ почетный титулъ *архимандрита*, но, такъ какъ въ документахъ (правда, какъ видимъ, очень малочисленныхъ) такого титула не встрѣчаемъ, то и мы избѣгаемъ его употребленія.

[2]) Гдѣ же получали посвященіе кандидаты въ діаконы и священники? Документарнаго отвѣта дать нельзя. Могли появляться и въ Угріи т. н. »странствующіе« епископы, не имѣвшіе опредѣленной каѳедры въ опредѣленной территоріи, какъ это было въ 1456 г. въ Трансильваніи, судя по письмамъ извѣстнаго францисканца Іоанна Капистрана (если только они не подложны). Въ этомъ году, по просьбѣ Капистрана, Іоаннъ Гуняди арестовалъ схизматическаго епископа »Johannes de Kaffa« (не былъ ли это потомокъ приближеннаго князя Ѳеодора, »Андрея, пана де Kaffa«?) и послалъ его въ Темешваръ, гдѣ Капистранъ его допросилъ. »Johannes de Kaffa«, по словамъ Капистрана, »князь схизматиковъ, учитель всякой схизмы и ереси, глава еретиковъ Румынъ«, не былъ утвержденъ Римомъ, по своему посвящалъ Румынъ, но, по заявленію того же Капистрана, имѣлъ всѣ степени священства, въ томъ числѣ и епископскую. »Князь схизматиковъ« дѣйствовалъ въ югозападной Трансильваніи, въ Гунядской ст.: Гуняди приказалъ капитанамъ замковъ Solymos,

обезпеченный Грушевскій монастырь могъ оказать имъ и матерьяльную помощь. Такимъ образомъ, расширялись территоріально предѣлы юрисдикціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доходы ставропигіи. Думаемъ, что большой ударъ былъ нанесенъ Грушевскому монастырю удаленіемъ изъ Мараморошa

---

Vajda Hunyad и Déva изгнать посвященное схизматическимъ епископомъ румынское духовенство (Hodinka, op. c., 28, 193—194). Напомнимъ еще дѣятельность митрополита Галицкаго Макарія въ 1469 г. (см. выше, стр. 111, пр. 1). Подобные случаи могли имѣть мѣсто и на границахъ или въ самой территоріи Карпатской Руси. Но, кромѣ такихъ случайныхъ возможностей, кандидаты могли и сами отправляться за посвященіемъ, куда имъ было, почему либо, удобнѣе: въ Галичину, Молдавію, Валахію, Болгарію, Сербію. Принимались на приходы и являвшіеся откуда либо уже посвященные діаконы и священники. Такъ было въ Вяткѣ до XV в., такъ было и у нашихъ старовѣровъ-поповцевъ до появленія Бѣло-Криницкой іерархіи (Голубинскій, Исторія рус. церкви, I, 342, пр.). Бывали, вѣроятно,какъ и у насъ, между приходившими и самозванцы.

И въ первой половинѣ XVIII в., когда уже упрочилось Мукачевское греко-католическое епископство, этими епископами допускались на священническія мѣста лица, посвященныя внѣ Угріи — въ Галичинѣ, Молдавіи, а также и въ Угріи отъ схизматическихъ епископовъ. Такъ, по канонической визитаціи епископа Михаила Мануила Ольшавскаго 1751 г., въ 77 парохіяхъ (во многихъ было по нѣсколько священниковъ) Мараморошa было очень мало ставленниковъ Мукачевскаго епископа. 13 было посвящено православнымъ епископомъ Мараморошскимъ Іосифомъ Стойкой (1693—1715), 38 — таковымъ же Досиѳеемъ (1718—1735); посвященныхъ въ Молдавіи было 16, въ Польшѣ (т. е. въ Галичинѣ) — 2, въ Арадѣ у сербскаго епископа — 1, въ Трансильваніи — 1 (Гаджега, Додатки, Наук. Зб., I, 1922, 171—212). Наконецъ — и *это очень важно* — заселеніе территоріи Карпатской Руси происходило постепенно. Въ теченіе столѣтій, до XVIII и даже въ XIX в., приходили новые поселенцы одиночками и группами — по взаимному ли соглашенію или по уговору »локаторовъ, князей«. *Вполнѣ возможно,* что *съ ними переселялся и церковный причтъ.* Такъ, въ Галичинѣ въ XVI в. въ договорную съ локаторомъ грамоту, »привилегій«, вносилась и »фундація« для церкви — обыкновенно 1 ланъ пахотной земли съ соотвѣтствующей долей сѣнокоса и огорода, съ правомъ выруба деревьевъ въ лѣсу, безплатнаго помола на мельницѣ (Грушевскій, op. c., V, 377, 275). Подобныхъ документовъ для Карпатской Руси не имѣемъ, но это *не значитъ,* что ихъ *нѣтъ и не было. Просто доселѣ никто не занимался систематическимъ собираніемъ матерьяловъ для соціально-экономической исторіи Карпаторуссовъ.*

потомковъ воеводы Саса, принявшихъ фамилію *Drágfy*, т. е. *Драговичи*. Этотъ могущественный родъ, ища себѣ болѣе широкой карьеры, постепенно обмѣнялъ свои Мараморошскія владѣнія на иныя въ Угріи и къ половинѣ XV в. окончательно покинулъ Мараморошъ[1]). Этимъ ставропигія лишилась покровителей, возможно, и части пожертвованныхъ селъ[2]), а, главное, юридическаго основанія правъ экзарха. Когда въ сосѣдней съ Мараморошской Бережской сто́лицѣ появился между 1488 и 1491 г. православный епископъ, неминуемо должны были возникнуть столкновенія Мукачева съ Грушевомъ. Епископъ, естественно, стремился вернуть себѣ отошедшую къ Грушевскому монастырю паству, а, кромѣ того, расширить свою власть и сопряженные съ нею доходы на церкви въ бывшихъ владѣніяхъ Балицы и Драга, а игуменъ — отстоять свою юрисдикцію и доходы.

Такимъ образомъ, создалось весьма запутанное положеніе. Особенно невыгодна была позиція игумена Грушевскаго монастыря. Православный епископъ *eo ipso* имѣлъ право на юрисдикцію и доходы съ православныхъ *вообще*, игуменъ же *только* съ тѣхъ, которые жили »*in pertinentiis*« монастыря, т. е. въ бывшихъ владѣніяхъ Балицы и Драга. Но »pertinentiae« *внѣ* Мараморошa давно уже перешли въ другія руки, точно также и бо́льшая, вѣроятно, часть ихъ селъ *въ* Мараморошѣ[3]). Но, всетаки, игуменъ пытался удержать за монастыремъ и собой тѣ села, которыя de facto, по старинѣ, признавали юрисдикцію монастыря.

Столкновеніе каноническаго права и права фактическаго владѣнія и нашло себѣ отраженіе въ грамотахъ 1494 и 1498 г.[4])

---

[1]) Kadlec, Valaši, 253—254; Hodinka, op. c., 206.

[2]) Въ грамотѣ 1438 г. изъ нихъ упоминается только Грушево (см. выше, стр. 118, пр. 2).

[3]) Это еще не выяснено никѣмъ.

[4]) Поэтому мы и думаемъ, что »sinistra expositio«, на основаніи которой, какъ видно изъ грамоты 1498 г., епископъ Іоаннъ, *по словамъ Гиларія*, получилъ какую то грамоту или грамоты отъ Владислава II, была *не вполнѣ* »sinistra«. Епископъ, опираясь на каноническое право, просилъ короля дать ему грамоту, призывающую всѣхъ православныхъ къ повиновенію епископу, какъ ихъ законному церковному главѣ — можетъ быть, умолчавъ объ исключительности

4. Грамота короля Владислава II, Котицы, 14 мая 1494 г.

Въ этомъ году Гиларій, »Prior claustri sive monasterii b. Michaelis archangeli in Maromaros — —, Graecae fidei professor«, явился лично къ королю, представилъ ему греческую грамоту патріарха Антонія, написанную на пергаментѣ и скрѣпленную висячей свинцовой печатью, вмѣстѣ съ буквальнымъ (verbotenus) ея латинскимъ переводомъ, и просилъ о ея подтвержденіи для себя и послѣдующихъ настоятелей монастыря. Очевидно, уже въ это время обострились отношенія между игуменомъ монастыря и Мукачевскимъ епископомъ Іоанномъ, и Гиларій хотѣлъ королевской конфирмаціей подкрѣпить права, дарованныя монастырю патріархомъ.

Относительно этой грамоты приходится *особенно пожалѣть*, что *нѣтъ на лицо оригинала*, и даже неизвѣстно, гдѣ онъ находился въ XVIII в. и гдѣ находится въ настоящее время. Копія была выдана въ 1721 г. римско-католическимъ капитуломъ въ Карлсбургѣ (Gyula Fejérvár, Alba Julia) по просьбѣ іезуита Georgius Régai[1]). По этой копіи издалъ ее Гинцъ, а затѣмъ и другіе[2]).

Грамоту эту мы раздѣлимъ на три части: *a*) expositio просьбы игумена Гиларія; *b*) латинскій переводъ греческой грамоты патріарха Антонія; *c*) собственно конфирмація грамоты патріарха и окончаніе грамоты Владислава II.

a) Первая часть грамоты не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и вполнѣ подтверждается дошедшей

положенія Грушевскаго игумена, какъ патріаршаго экзарха, а, можетъ быть, bona fide считая, что съ прекращеніемъ владѣтельныхъ правъ Драговичей, прекратились и права экзарха. Во исполненіе этой просьбы Іоанна, по нашему мнѣнію, и были выданы Владиславомъ двѣ грамоты 31 іюля 1491 г.

[1]) Вмѣстѣ съ копіей грамоты Матвѣя 1479 г. (Mihályi, op. c., 608; Hodinka, Okmánytár, 3). G. Régai (1678—1748) собралъ копіи множество документовъ по исторіи православной церкви въ Угріи (Nilles, Symbolae ad illustrandam historiam ecclesiae orientalis in terris Coronae St. Stephani, Innsbruck, 1885, I, 401—402).

[2]) Hintz, Geschichte d. Bisthums der griechisch nicht unirten Glaubens-Genossen in Siebenbürgen, Hermannstadt, 1850; Laurian, Magazin istoric, III, 172; Şaguna, Adaus la promemoria, 1850 (Mihályi, l. c.).

до насъ въ подлинникѣ грамотой того же короля 1498 г., при чемъ замѣчается даже буквальное сходство отдѣльныхъ выраженій[1]).

b) Латинскій переводъ. *Вѣрность латинскаго перевода* патріаршей грамоты, которымъ, вмѣсто греческаго оригинала, до настоящаго времени пользовались всѣ изслѣдователи[2]), *не подвергалась никѣмъ сомнѣнію*[3]).

Дѣйствительно, въ конфирмаціи стоитъ: »earundem litterarum exemplum, *verbotenus in latinum traductum*«. *Точность* перевода была, между прочимъ, засвидѣтельствована профессоромъ греческаго языка Пештскаго университета И. Тельфи (Télfy János)[4]).

Но мы сравнили переводъ съ греческимъ текстомъ[5]).

Латинскій текстъ въ конфирмаціи *вовсе не есть переводъ* — да еще *точный* (!) — текста греческаго, но *совершенно свободная, въ иномъ порядкѣ, въ иныхъ выраженіяхъ, передача основнаго смысла распоряженій патріарха* — иногда *въ искаженномъ видѣ* — да, къ тому же, *съ произвольными измѣненіями и прибавками.*

---

[1]) 1494 г.

„Venerabilis et *religiosus frater Hilarius, Prior* claustri sive *monasterii* ecclesiae *b. Michaelis archangeli in Maromarus fundati, Graecae fidei professor*, (представилъ намъ) quasdam *litteras* privilegiales — — *patris* quondam *Antonii*, civitatis *Constantinopolitanae*, Novae Romae *patriarchae* — — de et *super* nonnullis *indultis et libertatibus*, eidem ecclesiae — — *per eundem concessis* — —, *supplicans* — —, ut litteras patriarchales — — dignaremur *confirmare* и т. д.

1498 г.

Exponitur — — in persona *religiosi fratris Hilarii, Grece fidei professoris, Prioris monasterii b. Michaelis archangeli in Maromarusio fundati*, quod licet nos certas *litteras* — — in Christo *patris*, fratris *Anthonii, patriarche Constantinopolitani, super* certis *indultis et libertatibus* ac iuribus prefati monasterii, *per eundem* patriarcham *concessis*, ad *supplicacionem* eiusdem exponentis *confirmaverimus*“ и т. д.

[2]) Кромѣ Hurmuzaki, Fragmente zur Geschichte der Rumänen, I, Bucureşcĭ, 1872, 267—268 u Iorga, Studii şi documenti, XII, XLI—XLIII.

[3]) Кромѣ Iorga, l. c.

[4]) Mihályi, op. c. 111, пр. 5.

[5]) Результаты были нами изложены въ статьѣ A máramorosi szt. Mihály monostor 1391-i görög oklevelének latin fordítása az 1494 évi megerősitő oklevélben (Turul, 1925) и въ Filol. Sb. Č. A. v. , 1925, 234—239. Здѣсь не ограничиваемся повтореніемъ напечатаннаго, но добавляемъ нѣчто новое.

Отмѣтимъ наиболѣе существенное:

1. Латинскій текстъ: »Vajvoda Balicza et Drag mester, qui habent ecclesiam seu monasterium perpetuum in Maromaros«. Въ греческомъ текстѣ нѣтъ этого двойнаго выраженія »ecclesia *seu* monasterium«, а все время говорится только о »*μοναστήριον*«.

2. Латинскій текстъ: »*Balicza et Drag* mester — — venerunt ad nos«, далѣе же упоминается *только* Драгъ: »*Drag* mester — — nostra authoritate benediximus patriarchali«. Въ греческомъ текстѣ прямо сказано, что въ Константинополь прибылъ только Драгъ.

3. Латинскій текстъ: »Venerunt ad nos — — infelici et urgente imperii Constantinopoli statu«. Этой, совершенно лишней и неумѣстной для достоинства патріарха и имперіи фразы[1]) въ греческомъ текстѣ нѣтъ.

4. Латинскій текстъ: »Balicza et Drag mester — — humilitati nostrae ac ecclesiae . . . haereditatem — —, ecclesiam videlicet, in nomine s. Michaelis fundatam, *donarunt* et *obtulerunt*«. Совершенно невозможно, чтобы воеводы-братья поднесли монастырь *въ даръ* патріарху и Константинопольской церкви. Далѣе слѣдуетъ безсмысленная — по отношенію *къ уже подаренному* — прибавка: »obtulerunt ita, quod ad ecclesiam humilitatis nostrae *respectum habeat eidemque obediat*«. По греческому тексту, Драгъ просилъ, чтобы »монастырь получилъ *патріаршій надзоръ и защиту* (*πατριαρχικῆς ἐπισκέψεως καὶ δεφενδεύσεως*)[2]), будучи и называясь патріаршимъ«.

5. Латинскій текстъ: »si Priori mori (ut omnes mortales sumus) contigerit«. Въ греческомъ текстѣ нѣтъ этой, заключенной въ скобки, благочестивой аксіомы.

Болѣе важны слѣдующія отступленія:

6. Въ латинскомъ текстѣ совершенно пропущенъ терминъ »*σταυροπήγιον*«.

7. Въ греческомъ текстѣ игумену монастыря *трижды* придается высокій титулъ »намѣстникъ« — »*ἔξαρχος*« патріарха, въ латинскомъ же онъ именуется только »Prior, Abbas«.

---

[1]) Не есть ли это анахронизмъ »переводчика«? Зная о положеніи Константинополя послѣ 1453 г., онъ перенесъ это положеніе и на 1391 г.

[2]) Эти термины трижды повторены.

Возможно, что »переводчикъ« просто не понималъ значенія терминовъ ставропигія и экзархъ[1]).

8. Въ обоихъ текстахъ приведены названія *семи* мѣстностей, бывшихъ во владѣніи Балицы и Драга, надъ которыми патріархъ установилъ церковную юрисдикцію игумена монастыря. Изъ нихъ *только три* въ обоихъ текстахъ совпадаютъ: 3. Ugotsa — *Ὀγγοτζα*; 5. Chicho — *Τζιτζόβ*; 6. Balvanus — *Παλβανέτζ*. Врядъ ли бы мы рѣшились отождествить 1. Zilagysag (т. е. Szilágyság) съ *Σελατζ*. Остальныя *три* мѣстности носятъ совершенно разныя названія: 2. Megyesalya — *Ἀρτούντ*; 4. Berzava — *Ἰουμπερέκ*; 7. Almazig (т. е. Almaszég)[2]) — *Πίστρα*. Почему »переводчикъ« поставилъ другія названія, не беремся объяснить.

Все, выше отмѣченное, свидѣтельствуетъ только о невѣжественности, легкомыслiи и недобросовѣстности »переводчика«. Два слѣдующихъ мѣста, думаемъ, доказываютъ здѣсь *преднамѣренный подлогъ*:

9. Оба текста существенно расходятся при опредѣленіи *порядка выборовъ* преемника игумена-экзарха, Пахомія. По греческому тексту, выбираютъ игумена Балица и Драгъ *съ совѣтомъ монастырской братіи*: »*μετὰ καὶ τῆς βουλῆς τῶν τοῦ μοναστηρίου μοναχῶν*«, по латинскому же, *не только воеводы съ монахами*, но и *всѣ православные владѣній воеводъ въ общемъ собраніи*: »omnes fratres spirituales tunc et Balicza ac Drag mester *cum omnibus hominibus parvis et magnis*, in dictis pertinentiis residentibus ac *congregatis aperte*, ut ita congregati Priorem eligant«.

На православномъ востокѣ существовалъ нѣкогда такой *всенародный* порядокъ выбора, но только *не* настоятелей мо-

---

[1]) Въ приведенномъ нами въ § 4 мѣстѣ »переводчикъ« неумѣло, своими словами, пытался опредѣлить, въ какія, именно, отношенія къ патріаршему престолу поставилъ патріархъ Грушевскій монастырь. Въ строчкѣ *датировки* переводчикъ, не понимая, что̀ значитъ »*ιδ ινδ.*«, т. е. »14 индикта«, вмѣсто »индикта« поставилъ »XIIII дня мѣсяца« (въ спискѣ Коллара; у Шагуны: XIII).

[2]) Szilágyság съ XIII до начала XV в. обозначало обширную мѣстность на востокѣ Угріи по рр. Berettyó, Kraszna и Számos (Pallas, Nagy Lexikon); Megyesalja въ Сатмарской, Almaszég въ Бихорской ст. (Mihályi, op. c., 111); Berzava — или Borsova въ Бережской ст., или Berzava въ Трансильваніи (Kadlec, Valaši, 216).

настырей, а *епископовъ*[1]). Не знаемъ, установился ли дѣйствительно за сто лѣтъ, 1391—1494 г., такой порядокъ выборовъ игуменовъ Грушевскаго монастыря[2]), или это есть измышленіе »переводчика«, но *цѣль* измѣненія въ такомъ смыслѣ грамоты патріарха ясна: воспользоваться королевской конфирмаціей для возвышенія игумена-экзарха *на почти епископскую высоту.*

Еще болѣе выдаетъ скрытую цѣль автора другое мѣсто:

10. Въ греческомъ текстѣ находится *стереотипная клаузула* грамотъ о возведеніи церковныхъ институцій на степень ставропигіи: »(постановляется), чтобы и храмы, освященные мѣстными архіереями (*παρὰ τῶν τοπικῶν ἀρχιερέων*)[3]), получили патріаршую защиту и надзоръ и (связанные) съ этимъ почетъ и величіе«, т. е., были бы, наравнѣ съ храмами, освященными экзархомъ, *патріаршими* и состояли *подъ юрисдикціей патріаршаго экзарха.* Вмѣсто этой стереотипной формулы въ латинскомъ текстѣ читаемъ: »si quis nostrorum subditorum(!) *archiepiscopus* aut *episcopus in* dicto *monasterio*(!) aut *pertinentiis* eiusdem *inveniretur*(!)[4]), quod eiusmodi dicto Priori esset *in adjutorium.*« Надъ послѣднимъ, вполнѣ необычнымъ съ точки зрѣнія каноническаго права выраженіемъ всѣ изслѣдователи ломали себѣ голову[5]). Во всякомъ случаѣ, эта фраза устанавливаетъ *полную независимость* игумена отъ какого либо мѣстнаго епископа или архіепископа[6]).

Послѣдніе два пункта ясно показываютъ, что *фальсифицированный »переводъ« могъ возникнуть только во время борьбы Грушева съ Мукачевомъ, т. е., непосредственно передъ 1494 г.*[7])

---

[1]) А также, mutatis mutandis, *приходскихъ священниковъ*, что̀ было и позже.

[2]) Хотя это весьма сомнительно.

[3]) Т. е., если бы таковые имѣлись по близости.

[4]) Патріархъ, значитъ, *сознается* въ полной своей *неосвѣдомленности*!

[5]) Г о д и н к а, напримѣръ, понимаетъ »adjutorium« въ томъ смыслѣ, что епископъ *обязанъ былъ*, по желанію игумена, посвящать представляемыхъ послѣднимъ кандидатовъ въ діаконы и священники.

[6]) Любопытно еще, что въ греческой грамотѣ говорится только о *церковной юрисдикціи* игумена-экзарха, въ латинскомъ же текстѣ преобладаютъ заботы о его правахъ на *доходы* (proventus).

[7]) И ни въ какомъ случаѣ, напримѣръ, въ XVIII в., когда давно уже не существовало и Грушевскаго монастыря.

c) Остальная, слѣдующая за латинскимъ переводомъ, часть грамоты.

Ее, въ свою очередь, подраздѣлимъ на болѣе мелкія части:

a_1) Обычное подтвержденіе представленной грамоты: »Nos — — praescriptas litteras — — patriarchae — —conspeximus praesentibusque litteris nostris similiter privilegialibus earundem exemplum de verbo ad verbum inseri et inscribi facientes, eas et omnia in eis contenta — — acceptamus, approbamus et ratificamus ac pro eodem claustro — — et consequenter pro fratre Hilario suisque successoribus — — innovantes, perpetuo valituras, confirmamus«. Странно только, что королевская канцелярія *не потрудилась провѣрить латинскій переводъ*. Или въ ней не было людей, знавшихъ по гречески, или, вообще, канцелярія особенно объ этомъ не заботилась, зная, что слабовольный Владиславъ II охотно удовлетворялъ всякимъ просьбамъ, лишь бы отдѣлаться отъ докучавшихъ ему людей — за что̀ и называли его современники Мадьяры: »Dobrze László[1])«.

b_1) Тотчасъ за этимъ *полнымъ подтвержденіемъ* грамоты патріарха, да еще *въ ея латинскомъ переводѣ*, слѣдуетъ *удивительная клаузула*, не только *уничтожающая только что утвержденныя права игумена*, но и прямо *ставящая игумена въ зависимость отъ епископской власти*: »confirmamus, *ita tamen*, quod ipse frater Hilarius Prior et sui successores episcopo de Munkats sui ordinis *reverentiam*[2]), *archiepiscopo vero de Transilvania, modernis* (!) *et futuris* (!), *debitam subjectionem* (!) *et obedientiam praestare debeant et teneantur*«. Это мѣсто очень смущало изслѣдователей, но смущало, главное, потому, что *нѣтъ извѣстій о существованіи* въ это время въ Трансильваніи *православнаго архіепископства*[3]). Бо́льшая часть предполагала здѣсь описку: вмѣсто »de Transilvania« должно быть »Transalpino«. Эта догадка подтверждается спискомъ Коллара[4]), гдѣ, дѣйствительно, находимъ »Transalpino«. Но опять тогда странно, почему *угорскій* король подчиняетъ *угорскій*

[1]) Т. е., король на все говорилъ »dobrze!«, со всѣмъ соглашался.

[2]) Это еще было бы понятно.

[3]) См. выше, стр. 111 и пр. 1.

[4]) О немъ см. ниже въ транскрипціи грамоты.

монастырь архіепископу *Валахіи*?! Никто, повидимому, не задумывался надъ болѣе важнымъ: какъ могла попасть въ конфирмацію клаузула, *уничтожающая всю силу грамоты, только что подтвержденной?* Необходимо отмѣтить и то, что въ дошедшей въ оригиналѣ грамотѣ того же Владислава II 1498 г. говорится *только* о *подтвержденіи* имъ грамоты патріарха, но *нѣтъ* и *намека на* подобную *клаузулу*. Мы рѣшительно считаемъ клаузулу *интерполяціей* и, именно, *начала XVIII в.*[1]) Какъ разъ въ 20-хъ годахъ XVIII в., въ то самое время, когда появилась на свѣтъ копія грамоты 1494 г., велся споръ изъ за Мараморошa между греко-католическими епископами — Мукачевскимъ Георгіемъ Геннадіемъ Византіемъ (1716—1733) и румынскими Фогарашскими[2]) Іоанномъ Патаки (1721—1730) и Іоанномъ Иннокентіемъ Клейномъ, рум. Micu (1730—1751)[3]). Эта интерполяція, слѣдовательно, внесена какимъ либо *сторонникомъ Фогарашскаго епископства.*

Заключительныя формулы: засвидѣтельствованіе *печатью*, *вручение* (Aushändigung, Datum per manus) и *датировка* также внушаютъ нѣкоторыя подозрѣнія.

Мы просмотрѣли десять грамотъ Владислава II 1491—1499 г., изданныхъ Михальи и Годинкой[4]):

c_1) О печати упомянуто только въ двухъ грамотахъ. Въ нашей грамотѣ: »harum nostrarum, quibus secretum sigillum nostrum, quo, ut rex Hungariae, utimur, est appensum, vigore et testimonio[5])«.

---

[1]) Въ XV—XVI в. такая интерполяція не имѣла бы ни цѣли, ни смысла.

[2]) Основано Фогарашское епископство въ 1721 г., въ 1733 г. перенесено въ Блажъ (Blasendorf, Balázsfalva) (Nilles, op. c., Index).

[3]) А. Петровъ, Мат., II, 39.

[4]) 5 изъ нихъ дошли до насъ въ оригиналѣ, 3 въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ 1500, 1728 и 1753 г., 2 въ простыхъ копіяхъ 1721 г. и конца XIX в.

[5]) Въ грамотѣ 17 февраля 1494 г., Будинъ: »In cuius rei memoriam — — literas — —, pendentis et authentici sigilli nostri, quo, ut rex Hungariae, in judiciis utimur, munimine roboratas, — — duximus concedendas« (Mihályi, № 350); 28 апрѣля 1498 г., Будинъ: »Presentes — —, quas secreto sigillo nostro, quo, ut rex Hungariae, utimur, — — inpendenti communiri fecimus« (ib., № 356).

d_1) Формула вручения во всѣхъ десяти грамотахъ отсутствуетъ, въ нашей изложена очень подробно: »Datum Cassoviae per manus — — Thomae, episcopi Jauriensis et postulati Agriensis, aulae nostrae summi et (!) secretarii cancellarii[1]) ac fidelis nostri dilecti«.

Пункты c_1 и d_1 не имѣютъ, впрочемъ, особаго значенія. Гораздо болѣе кажется страннымъ

e_1) отступленіе нашей грамоты въ датировкѣ. Всѣ остальныя грамоты датированы по календарю *цикла церковныхъ праздниковъ*[2]), наша же грамота *числомъ мѣсяца*: »quarta decima die Maii«.

Предоставляемъ окончательное рѣшеніе спеціалистамъ[3]).

Нѣкоторыя дальнѣйшія свѣдѣнія о борьбѣ Грушевскаго игумена съ Мукачевскимъ епископомъ даетъ

5. Грамота короля Владислава II, Будинъ, 29 ноября 1498 г.

Въ ней король сообщаетъ, что, хотя онъ и подтвердилъ въ 1494 г. привилегіи, данныя Грушевскому монастырю и его игумену патріархомъ Антоніемъ, всетаки епископъ Іоаннъ, *какъ о томъ жаловался ему игуменъ Гиларій*, прошлымъ лѣтомъ (т. е. 1498 г.) пытался обывателей, живущихъ »in pertinenciis monasterii — —, taxare« и этимъ нанести ущербъ доходамъ монастыря »vigore quarundam litterarum nostrarum,

---

[1]) Мы не можемъ взять на себя провѣрку этихъ данныхъ.

[2]) Объ грамоты 31 іюля 1491 г.: »die dominica proxima ante festum Ad vincula b. Petri apostoli« (Mihályi, op. c., № 348, Hodinka, op. c., № 4); 5 августа 1492 г.: »in vigilia festi b. Laurency martiris (Mihályi, op. c., № 349); 17 февраля 1494 г.: »36 die octavarum festi epiphaniarum Domini« (ib., № 350); 19 марта 1495 г.: »feria quinta proxima post dominicam Reminiscere« (ib., № 353); 9 сентября 1495 г.: »feria quarta proxima post festum nativitatis Virginis Marie« (ib., № 354); 28 іюня 1496 г.: »feria tertia proxima post festum b. Ladislai regis« (ib. № 355); 28 апрѣля 1498 г.: »in vigilia festi b. Marci apostoli« (ib., № 356); 29 ноября 1498 г.: »in vigilia festi b. Andree apostoli« (ib., № 360); 28 января 1499 г.: »die dominica proxima ante festum purificacionis b. Marie Virginis« (ib., № 361).

[3]) Для этого надо бы просмотрѣть *всѣ* грамоты Владислава II *для Угріи*.

ad sinistram exposicionem[1]) a maiestate nostra, *ut dicitur*, impetratarum«. Въ назначенный для разбора дѣла день епископъ Іоаннъ не явился. Поэтому король опредѣляетъ для этого новый срокъ и до той поры предписываетъ сто́личной администраціи охранять интересы монастыря.

Чѣмъ дѣло кончилось, неизвѣстно. Съ 1498 до 1551 г., т. е., 53 года, никакихъ документовъ, касающихся карпаторусской церкви, не имѣется. Мы не знаемъ, были ли у епископа Іоанна преемники, или на время прекратилась карпаторусская іерархія; не знаемъ и о томъ, каково было тогда положеніе монастыря Грушевскаго. Такой перерывъ объясняется возстаніемъ Г. Дожи 1514 г., продвиженіемъ Турокъ и періодомъ смутъ послѣ Могачской битвы 1526 г., въ которой погибъ и король Людовикъ. Тогда по всему государству началась ожесточенная борьба между двумя королями Угріи, Фердинандомъ I и Трансильванскимъ княземъ Іоанномъ Запольей, опиравшимся на помощь Турокъ. По смерти Запольи въ 1540 г., его вдова Изабелла провозгласила королемъ только что родившагося сына Запольи, Іоанна Сигизмунда. Лишь въ 1551 г. состоялось временное примиреніе Фердинанда I и Изабеллы[2]). За это время Мукачево и Мукачевская доминія переходили изъ рукъ въ руки. Въ 1537 г. войсками Фердинанда Мукачево было взято штурмомъ[3]). Въ это, вѣроятно, время былъ совершенно раззоренъ и покинутъ монашеской братіей Мукачевскій монастырь[4]). Когда и какъ онъ сталъ вновь обитаемъ монахами — неизвѣстно. Не мудрено, что въ это время погибла и бо́льшая часть монастырскихъ документовъ.

---

[1]) Отъ этой » inistra exposicio« и выданныхъ на ея основаніи грамотахъ см. выше, стр. 123, пр. 4.

[2]) Fessler-Klein, Geschichte v. Ungarn, III, 434—435, 498, 503 и сл., 543.

[3]) Hodinka, M. püspökség története, 221, пр. 2; Lehoczky, op. c., III, 513—514.

[4]) Въ грамотѣ Фердинанда I 15 марта 1552 г.: »quomodo olim in quodam loco super fluvium Lathoreda« (т. е. Латорица) »sub ecclesia et castro — — ad ipsum claustrum ab antiquo pertinens molendinum quoddam exstructum fuisset, quod molendinum *tempore desolationis praefati claustri* perierat« (Hodinka, l. c.).

Съ 1551 г., когда вновь начинается — далеко, правда, не непрерывный — рядъ документовъ съ упоминаніемъ о Мукачевскомъ и Грушевскомъ монастырѣ, изъ грамотъ обнаруживается, что Грушевскій монастырь долженъ былъ подчиниться Мукачевскому епископу. Такъ, Фердинандъ I въ грамотѣ 9 октября 1551 г. циркулярно предписываетъ помѣщикамъ и властямъ, чтобы они не препятствовали »Ladislao, episcopo Ruthenorum, in claustro b. Nicolai — — commoranti«, собирать доходы, которые »ex vetusta consuetudine et ritu Graecae religionis« должны платить епископу живущіе »in bonis vestris ac in medio vestrum et *praesertim in comitatu Maromarusiensi* plurimi presbyteri Rutheni et laici, Graecam fidem profitentes et ad iurisdiccionem suam pertinentes[1])«. Какъ разъ именно въ Мараморошѣ преимущественно и имѣлъ ранѣе юрисдикцію игуменъ Грушевскаго монастыря. Еще яснѣе свидѣтельствуетъ о полной побѣдѣ Мукачевскаго епископа грамота 19 февраля 1556 г. Георгія Батори, наджупана Сатмарской и Сабольчской ст. и владѣтеля Бычковской доминіи, къ которой тогда принадлежало Грушево. Въ этой грамотѣ Батори предписываетъ управленію доминіи ввести въ обладаніе монастыремъ и его движимымъ и недвижимымъ имуществомъ »Larium, episcopum Ruthenum, ut claustrum — — ingredi curamque claustri et animarum — — habere debeat[2])«. Этотъ »Lariona« (Иларіонъ) упоминается въ грамотахъ 3 іюля 1558 г. и 25 января 1561 г., какъ »in claustro b. Nicolai commorans[3])«; главной его резиденціей, значитъ, былъ монастырь Мукачевскій. И позднѣе, въ 1604 г. и 1607 г., Сергій, »episcopus Ruthenorum Munkacsiensis«, имѣетъ въ своемъ распоряженіи и Грушевскій монастырь[4]).

Какъ Мукачевскій епископъ достигъ этой побѣды, неизвѣстно, но думаемъ, что нѣкоторую роль сыграла *интерполяція во второй грамотѣ Владислава* II 1491 г.

---

[1]) Hodinka, Okmánytár, № 9.
[2]) Ib., № 12.
[3]) Ib., № 13, 14.
[4]) Ib., № 38, 42.

6. Грамоты короля Владислава II, Стольный Бѣлградъ, 31 іюля 1491 г.

Въ Стольномъ Бѣлградѣ[1]) 31 іюля 1491 были выданы Владиславомъ *двѣ* грамоты[2]). Въ *первой* король обращается къ »plebanis Ruthenis, *sub iurisdiccione ecclesie b. Nicolai confessoris in oppido Munkach* — — existentibus«, и повелѣваетъ имъ повиноваться »Johanni episcopo, *sub cuius iurisdiccione estis*«. Такимъ образомъ, *каѳедра* епископа Іоанна находится въ *монастырѣ св. Николая въ Мукачевѣ*. Во *второй* грамотѣ упоминается »Johannes, episcopus Ruthenorum, *in claustro b. Michaelis archangeli in Maromarī* — — commorans«. *Резиденціей* епископа является, значитъ, *Грушевскій монастырь св. Михаила*. Это мѣсто второй грамоты въ такомъ видѣ сообщалось во всѣхъ ея изданіяхъ, включая и Okmánytár Годинки 1911 г.[3]) Между тѣмъ, еще въ началѣ сороковыхъ годовъ XIX в., М. Лучкаи, Historia Carpatho-Ruthenorum, замѣтилъ здѣсь *подлогъ*[4]), и его слова напечаталъ Дулишковичъ въ 1875 г.[5]) Интерполяція видна и простымъ глазомъ на оригиналѣ, хранившемся въ епархіальномъ архивѣ въ Ужгородѣ[6]), особенно же ясно высту-

[1]) Alba Regalis, Székes Fejérvár.

[2]) На содержаніи ихъ остановимся ниже. Обѣ дошли до насъ въ оригиналѣ.

[3]) Чтобы объяснить такое странное противорѣчіе въ двухъ грамотахъ, выданныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, въ одинъ и тотъ же день, и въ одномъ и томъ же мѣстѣ, Годинка придумываетъ совершенно невѣроятныя гипотезы (Munk. püspökség története, 201—202, 213—217), хотя интерполяція замѣчена была уже давно. Въ 1910 г. Годинка зналъ нашу статью объ этомъ въ журналѣ Századok, 1910 г., но издалъ текстъ грамоты въ 1911 г., не исправляя интерполяціи, а лишь поставилъ вопросительный знакъ.

[4]) Рукопись епархіальной библіотеки, II, cap. 41, 173.

[5]) Op. c., II, 68, пр. Замѣчанія Лучкаи и Дулишковича были сообщены нами въ Мат., VI, 1911, 277 (книга напечатана, собственно, еще въ концѣ 1910 г.).

[6]) Мы теперь не нашли у себя сигнатуры. Вѣрнѣе всего, она была Privilegia et protectionales, Gg, № 2. Послѣдніе годы въ архивѣ были на лицо только *копіи* грамоты подъ сигнатурами: Proventus in genere № 4 и Religionaria sub voce Ruthenorum № 216, куда же дѣвался оригиналъ, никто не могъ выяснить. Хорошо еще, что сохранились два наши фотографическихъ факсимиле.

паетъ на увеличенномъ въ $3^1/_2$ раза снимкѣ части грамоты, изготовленномъ для насъ въ Ужгородѣ въ 1907 г.

Въ началѣ грамоты стоитъ: »Wladislaus« и т. д. »Exposuit nobis — — Iohannes, episcopus Ruthenorum, in claustro beati« — далѣе что-то выскоблено и по разурѣ иной рукой и иными чернилами написано: »Michaelis archangeli in Maramar«; за этимъ продолжается первоначальный текстъ: »ritu Grecorum fundato, commorans« и т. д. Такъ какъ при подчисткѣ въ началѣ уцѣлѣла буква »N«, то, очевидно, въ оригиналѣ стояло первоначально »Nicolai confessoris in Munkach[1])«.

Цѣль подлога совершенно ясна: доказать, что Мукачевскій епископъ Іоаннъ *имѣлъ резиденцію въ Грушевскомъ монастырѣ*, который, слѣдовательно, *подчинялся его юрисдикціи*. Подлогъ былъ сдѣланъ, очевидно, между 1494 и 1551 г.[2]) Врядъ ли бы, однако, кто либо рѣшился представить такую грубую поддѣлку въ канцелярію *того же короля*, которымъ была выдана грамота 1491 г., слѣдовательно, она могла возникнуть только послѣ его смерти въ 1516 г. Думаемъ, все-таки, что и въ ближайшіе годы смутъ, волненій и запустѣнія Мукачевскаго монастыря врядъ ли бы пришло кому въ голову возобновлять старый споръ Мукачева съ Грушевомъ. Только когда Мукачевскій монастырь опять ожилъ, когда въ немъ опять появился епископъ, только тогда могъ вновь подняться этотъ вопросъ. Такимъ образомъ, интерпо-

[1]) Сообщаемъ съ благодарностью сужденіе объ интерполяціи спеціалиста-палеографа, директора Земскаго архива въ Прагѣ, д-ра Я. Б. Новака, по нашей просьбѣ разсмотрѣвшаго увеличенную фотографію части грамоты: »Je v 5. řádce patrna *interpolace*. Pokud lze z fotografie usouditi, byla slova páté řádky »Michaelis archangeli in Maramar« psána na rasuře. Začáteční písmeno slova »Michaelis« je psáno pomocí starého velkého písmene »N«, k němuž byl přidán třetí dřík. »Ductus« interpolovaných slov je jiný, než ostatního písma na první pohled. Při rozboru jednotlivých písmen vysvitne, že písmena jednotlivých slov se ve svém tahu neshodují s písmeny ostatní listiny. Konečné *s* má zcela jiný tvar, *c* a *e* nejsou spojována do prava, jméno »Maramar(os)« je nemožně kráceno, protože nezbylo dosti místa atd. Ze všech těchto znaků lze usouditi, že slova »(N)ichaelis archangeli in Maramar« je *padělek vepsaný později do listiny* na místo vzniklé rasurou. V Praze 1. března 1903. Dr. Jan B. Novák.«

[2]) Послѣ 1551 г. въ немъ не было нужды.

ляція могла быть сдѣлана *послѣ 1537* и *передъ 1551 г.* Профессоръ палеографіи и дипломатики Карлова университета, д-ръ Фридрихъ, разсмотрѣвшій увеличенную фотографію грамоты, заявилъ намъ, что, судя по характеру нѣкоторыхъ буквъ, особенно же *g*, слова »Michaelis archangeli in Maramar̄« могли быть написаны *около половины XVI в.*, чѣмъ вполнѣ подтверждаются наши историческія соображенія.

Любопытно, что грамота 1491 г. съ указанной интерполяціей, хотя, можетъ быть, bona fide, была использована *и въ XVIII в.*, но уже *противъ* Мукачевскаго епископа.

Съ начала XVIII в. Мукачевскіе греко-католическіе епископы стремились подчинить своей власти Мараморошъ, гдѣ еще сохранилось православіе, и гдѣ управляли православные епископы, Іосифъ Стойка и потомъ Досиѳей Ѳеодоровичъ, жившій въ монастырѣ Угольскомъ[1]). Одновременно изъявляли притязанія на Мараморошъ и греко-католическіе епископы Трансильваніи въ Фогарашѣ[2]). Послѣ кончины Досиѳея — между 1733 и 1735 г. — православное духовенство Мараморошa, возбуждаемое Драговскимъ протопопомъ, Іоанномъ Стойкой, не желая подчиниться Мукачевскому епископу, Симеону Ольшавскому, пыталось въ 1735 г. — но безъ успѣха — выбрать изъ своей среды преемника Досиѳею[3]).

Въ томъ же епархіальномъ архивѣ въ Ужгородѣ есть копія грамоты 1491 г. — съ интерполяціей, засвидѣтельствованная Мараморошской сто́лицей и выданная въ 1735 г. упомянутому *Іоанну Стойкѣ*. Сто́лица или не замѣтила, или *не желала замѣтить*[4]) подлога, ибо выражается слѣдующимъ образомъ: »litteras — — non rasas, nec vitiatas, nec cancellatas, neque in aliqua sui parte suspectas, sed *omni prorsus vitio et suspitione carentes*[5])«.

[1]) Грушевскій монастырь тогда уже не существовалъ.

[2]) См. вообще объ этомъ Cziple, A máramorosi püspökség kérdése, Bst, 1910.

[3]) А. Петровъ, Мат., I, 25—26, II, 40.

[4]) Объ антикатолическомъ настроеніи Мараморошскаго дворянства и о поддержкѣ имъ православныхъ см. А. Петровъ, Мат., II, 32, 34, 36, 38, 49, а также Cziple, op. c., passim.

[5]) А. Петровъ, Мат., VI, 278.

Очевидно, Стойка и его сторонники хотѣли, на основаніи грамоты, доказать, что Грушевскій монастырь былъ нѣкогда *резиденціей православнаго епископа*, и что, слѣдовательно, духовенство и, вообще, православные Мараморошa имѣютъ право отстаивать свою независимость отъ греко-католическихъ епископовъ Мукачева и Фогараша и выбрать себѣ особаго епископа.

III.

Грамоты о монастырѣ св. Николая у Мукачева и о началѣ карпаторусской іерархіи[1]).

1. Грамоты короля Матвѣя I о пресвитерѣ Лукѣ, Будинъ, 14 августа 1458 г., и Рабъ(?)[2]), 1 мая 1488 г.

Вторая грамота, 1488 г., не вызываетъ какихъ либо недоумѣній. Король Матвѣй ею поручаетъ »Blasio de Raska, provisori curie castri nostri Budensis«, произвести слѣдствіе по жалобѣ »Luce, presbiteri Rutheni, in monasterio oppidi Munkach constituti«, на то, что Бенедиктъ, плебанъ »de Iwany«, со своими слугами напалъ на монаховъ, посланныхъ Лукой для собиранія десятины съ вина, таскалъ ихъ за бороды, подвергъ жестокимъ побоямъ и отнялъ часть вина. Такъ какъ Лука не нашелъ справедливости у кастелляновъ Мукачевскаго замка, то обратился прямо къ королю. Если жалоба Луки подтвердится, Блазій долженъ постараться, чтобы Лукѣ было дано плебаномъ удовлетвореніе.

Такимъ образомъ, Лука, по этой грамотѣ, есть *священникъ*, живущій въ монастырѣ и управляющій имъ, т. е. *іеромонахъ, игуменъ монастыря*[3]).

Грамота 1458 г., напротивъ того, представляетъ затрудненія для изслѣдователя. Въ ней Лука, какъ и въ 1488 г., именуется (дважды) »presbiter Ruthenus«, подчиненная ему

---

[1]) 1458 г. (III), 1488 г. (V), 1491 г. (VI, VII).

[2]) *Győr, Raab, Jaurinum.* Въ оригиналѣ строчка датировки не ясна. Можно прочесть только [ ]»auriensi«.

[3]) Ср. »sacerdos Simon kalugerus, in claustro b. Michaelis archangeli degens« въ грамотахъ 1456 и 1457 г. (см. выше, стр. 118, пр. 2).

церковная институція (шесть разъ) называется »plebania«, изъ нихъ въ первый разъ »plebania Ruthenicalis«. Этой грамотой король, по ходатайству за Луку какихъ то лицъ — »attentis et consideratis moribus et industria Luce, quibus idem nostro in conspectu a nonnullis nostris subditis meruit commendari« — утверждаетъ его въ плебаніи, которую, по словамъ Луки, онъ занималъ уже много лѣтъ: »eundem ad plebaniam Ruthenicalem s. Nicolai prope possessionem Munkach, Monostor vocatam, ritu Ruthenorum fundatam, — — quam videlicet plebaniam ipse Lucas se a pluribus retroactis annis de iure tenuisse[1]) et eciam nunc tenere asserit, — — duximus eligendum et nominandum[2])«. Кромѣ того, король приказываетъ Лелесскому конвенту ввести Луку во владѣніе селами Бобовищи и Лавки, »ad eandem plebaniam *ab antiquo* spectantibus«.

Самъ по себѣ, терминъ »plebania« вм. »parochia« употреблялся въ Угріи даже и по отношенію къ »схизматикамъ[3])«. Но плебанія св. Николая была *не* простая приходская церковь, »parochia ruralis«. Во первыхъ, о ней въ грамотѣ сказано, что право назначенія на нее принадлежитъ королю: »auctoritate nostra regia, qua *huiusmodi* plebania *more predecessorum nostrorum regum Hungarie ad nostram collacionem pertinere dinoscitur*, duximus eligendum et nominandum«. Го-

[1]) Годинка пробуетъ опредѣлить, съ какого именно времени занималъ Лука плебанію. Основываясь на заявленіи плебана Діонисія въ грамотѣ 1493 г., что Лука представилъ королю грамоты дѣда и отца Іоанна Корвина, Годинка заключаетъ, что *сербская* грамота была исходатайствована у »Великаго деспота« *не* Лукой, и, значитъ, Лука занялъ плебанію *послѣ 1439 г.*, т. е. 1439—1458 г. (191—192). Основаніе довольно шаткое. И Діонисій могъ вообще не знать о такой сербской грамотѣ, и для канцеляріи Корвина имѣли значеніе грамоты дѣда и отца герцога Іоанна, а не грамота какого то »деспота«, почему канцелярія и не считала нужнымъ исправить показаніе Діонисія.

[2]) Слова »duximus eligendum et nominandum« обозначаютъ здѣсь *утвержденіе*, т. наз., »nova donacio«. Ср. далѣе: »plebaniam — —duximus *denuo* et *ex novo* dandam et conferendam«.

[3]) Ср. въ первой грамотѣ Владислава II 1491 г.: »*plebanis* Ruthenis, sub iurisdiccione ecclesie b. Nicolai — — existentibus«; во второй грамотѣ того же года эти »plebani« именуются »presbiteri«. Ср. также въ грамотѣ Фердинанда I 1 октября 1551 г.: »*plebanis* et presbyteris — — Ruthenis« (Hodinka, Okmánytár, № 8).

динка совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ римско-католической церкви въ Угріи были привилегированныя плебаніи, замѣщеніемъ которыхъ распоряжался король, но что относительно »схизматической« церкви этого не было и не могло быть[1]). Не могъ Матвѣй назначить Луку и въ качествѣ »domini de Munkács«, такъ какъ Мукачевская доминія тогда ему не принадлежала[2]). Вполнѣ вѣроятно предположеніе Годинки, что вышеприведенная формула была внесена въ грамоту, такъ сказать, *машинально, по канцелярской рутинѣ*, какъ обычная въ грамотахъ о назначеніи королемъ на духовныя должности[3]).

Во вторыхъ — и это гораздо труднѣе объяснить — въ грамотѣ сказано: »plebaniam — — *cum sua solita iurisdiccione*«. Простой священникъ никакой юрисдикціи надъ кѣмъ либо не имѣлъ и не могъ имѣть. Очевидно, Лука *не былъ обыкновеннымъ священникомъ*, а плебанія св. Николая *не была обыкновенной плебаніей*[4]).

Попробуемъ въ этомъ разобраться.

Прежде всего, считаемъ *невозможнымъ*, чтобы *епископа*, хотя бы »схизматическаго«, назвали въ грамотѣ *священникомъ*. Съ точки зрѣнія римско-католической церкви, *апостольское*

[1]) Op. c., 196.

[2]) По смерти Іоанна Гуняди въ 1456 г., Мукачевская доминія перешла къ его вдовѣ, Елизаветѣ Szilágyi, и оставалась за ней до ея смерти въ 1484 г. (Lehoczky, op. c., III, 513).

[3]) Op. c., 189.

[4]) Годинка много страницъ посвящаетъ пресвитеру Лукѣ и его плебаніи (174, 186—197, 200—201, 219—220 и passim). Путаясь и противорѣча самъ себѣ, онъ то считаетъ плебанію, основанную, де, въ 1439 —1445 г. (188) за *епископство*, а Луку — за перваго карпаторусскаго *епископа* (174, 186, 188—191), то полагаетъ, что Лука былъ *викарный* (чей?) епископъ, не имѣвшій ни каѳедры, ни епархіи, а только право рукополагать въ діаконы и священники (т. наз., чеш. světící biskup, мад. fölszentelt püspök, 218), называли же его въ грамотѣ пресвитеромъ только потому, что или не знали (!) о его епископствѣ, или *не привыкли* (!) давать титулъ епископа схизматикамъ (189 — а въ 1488 г.?). Въ одномъ мѣстѣ онъ соглашается, что Лука былъ только священникомъ, имѣвшимъ, однако, бóльшія права, чѣмъ обыкновенные священники (195). Наконецъ, сознается, что совершенно не можетъ себѣ объяснить, *почему епископа* Луку называли *пресвитеромъ*, а его *епископскую каѳедру* — »*plebania* cum solita iurisdiccione« (195, 197).

преемство епископской степени священства признается *законно существующимъ и въ православной, »схизматической« церкви*[1]). Въ угорскихъ грамотахъ и иныхъ памятникахъ православный *епископъ* всегда титулуется *епископомъ*, хотя бы съ прибавленіемъ: »schismaticus, Ruthenus« и т. п., иногда »vladika[2])«. Между тѣмъ, Лука и въ 1458 г., и въ 1488 г. называется только »presbiter«. Въ грамотѣ 1493 г. плебаномъ Діонисіемъ также упомянутъ »praedecessor episcopi (Johannis) Lucas *presbiter*, in claustro s. Nicolai commorans[3])«. Очевидно, Лука имѣлъ *степень* только *священника*.

Но это не былъ простой священникъ, а *іеромонахъ, настоятель монастыря*. Онъ имѣлъ *юрисдикцію* — и, именно, надъ монахами монастыря. И въ грамотѣ 1458 г. его плебанія называется по мадьярски »Monostor«. Какъ игуменъ монастыря, Лука распоряжается монастырскимъ имуществомъ, между прочимъ, двумя селами, и считаетъ себя имѣющимъ право собирать для монастыря *десятину* съ вина. Выскажемъ еще одно предположеніе: среди Румынъ, до организаціи церковной іерархіи, настоятели болѣе важныхъ монастырей назывались, какъ и епископы, »владыками[4])«. Окрестные сельскіе священники часто добровольно — хотя бы изъ матерьяльныхъ побужденій — признавали юрисдикцію этихъ »владыкъ[5])«. Не невозможно, что и на Карпатской Руси стало нѣчто подобное — особенно въ Мукачевѣ, въ сосѣдствѣ румынской Бережской Крайны и Мараморош, а

[1]) Какъ, въ свою очередь, признаетъ это и православная церковь у римо-католиковъ.

[2]) Ср. выше, стр. 104, пр. 5. и 121, пр. 2.

[3]) Изъ этихъ словъ Годинка дѣлаетъ слѣдующій выводъ: »такъ какъ Лука названъ предшественникомъ епископа, то, значитъ, *епископомъ* былъ и самъ Лука« (197). До XVIII в. карпаторусскіе епископы были въ то же время и *настоятелями* монастыря св. Николая, и Лука былъ названъ *предшественникомъ* Іоанна именно въ этомъ послѣднемъ санѣ — *игумена* монастыря.

[4]) Въ православной церкви въ бывшей Россіи, и, именно, въ монастыряхъ, всегда называли настоятеля »владыка«. Церковныя службы, чинъ которыхъ создался въ монастыряхъ, начинаются словами »Благослови, Владыко«, хотя бы возглавлялъ богослуженіе и не архіерей.

[5]) Iorga, op. c., I, 251, 275.

не невозможно, что и священники нѣкоторыхъ селъ могли признавать юрисдикцію Мукачевскаго игумена[1]).

Въ виду такого необычайнаго положенія »схизматическаго« пресвитера, королевская канцелярія была, вѣроятно, поставлена въ недоумѣніе, какимъ же терминомъ назвать ту церковную институцію, во главѣ которой стоялъ Лука? Приравнять Луку къ католическимъ *аббатамъ* было бы слишкомъ высоко для »схизматическаго попа[2])«. Подъ терминъ: »parochia = ecclesia ruralis« »Monostor« не подходитъ. Между тѣмъ, тогда въ Угріи существовалъ терминъ »plebania«, обозначавшій *главную* изъ парохій, *освобожденную* отъ *юрисдикціи архидіакона* и имѣвшую *право на сборъ десятины*[3]). Вѣроятно, въ виду этого, канцелярія и сочла умѣстнымъ назвать институцію, подчиненную Лукѣ, »plebania Ruthenicalis«. Потомъ же, тридцать лѣтъ спустя, когда болѣе выяснилось, что это за плебанія, къ ней стали прилагать обычный терминъ »monasterium, claustrum«, какъ это видимъ въ 1488 г. и позже. Впрочемъ, все это только догадки.

2. Грамоты короля Владислава II о епископѣ Іоаннѣ, Стольный Бѣлградъ, 31 іюля 1491 г.

Послѣдній разъ пресвитеръ Лука, игуменъ Мукачевскаго монастыря, упоминается въ грамотѣ 1 мая 1488 г. Спустя три года и три мѣсяца въ томъ же монастырѣ имѣетъ резиденцію Іоаннъ, но уже *не* »*presbiter* Ruthenus«, а »*episcopus* Ruthenorum«. Первый разъ его имя встрѣчается въ двухъ грамотахъ 31 іюля 1491 г.

Какъ мы уже выше отмѣтили, правительственные круги

[1]) Доказать это предположеніе мы, однако, не беремся.

[2]) Къ тому же, думаемъ, что монастырь св. Николая, какъ и другіе православные монастыри, былъ довольно малолюденъ.

[3]) Tauber, Manuale iuris canonici continuo respectu habito ad Hungariam, 3-ье изд., Sabariae, 1908: »Denominationes *plebani* et *parochi* in Hungaria olim non erant synonimae. *Ecclesia plebanialis* erat *ecclesia principalis* inter ceteras ecclesias curatas, independens a iurisdictione archidiaconi et ius decimarum habens. — — *Plebani* erant clerici harum ecclesiarum. Ceterae ecclesiae rurales vocabantur *parochiae* — —. Inde a saeculo XIV discrimen inter denominationem parochi et plebani evanescere incepit, postea promiscue adhibetur utraque« (269—270).

Угріи совершенно не интересовались жизнью, порядками и организаціей ея православной церкви[1]). Только въ половинѣ XVII в., когда, по примѣру польско-литовскаго государства, стали и въ Угріи приниматься мѣры къ введенію между православными уніи, какъ моста для незамѣтнаго перехода изъ православія въ латинскую, католическую церковь[2]), пришлось при переговорахъ съ Ватиканомъ разслѣдовать вопросъ о началѣ Мукачевскаго епископства и о источникахъ его доходовъ. По правиламъ католической церкви, никакое епископство не можетъ быть утверждено Римомъ, пока не выяснена каноническая законность его основанія, и пока оно не обезпечено опредѣленной дотаціей. Оказалось, что о Мукачевскомъ епископствѣ никто ничего не знаетъ. Ягерскій епископъ, Г. Липпаи, 15 марта 1641 г. пишетъ одному кардиналу, что уже два года ведутся о введеніи уніи переговоры »cum *patriarcha* (!) Ruthenorum Graeci schismatis in dioecesi mea Agriensi[3])«; тотъ же титулъ »patriarcha à Muncach« даетъ Мукачевскому епископу Вѣнскій нунцій, Аѳинскій архіепископъ Гаспаро, 19 марта того же года[4]). Императоръ Фердинандъ I въ письмѣ къ посланнику князя Трансильваніи 22 августа 1641 г. упоминаетъ о »episcopus et patriarcha Munkacsiensis[5])«. Удивленная, очевидно, неожиданнымъ появленіемъ на свѣтъ какого то *Му-*

[1]) См. выше, стр. 117.

[2]) Такъ, примасъ Угріи, Георгій Липпаи, въ докладѣ Конгрегаціи de propaganda Fide 2 іюля 1654 г. пишетъ: »Populus Ruthenus —— poterit *insensibiliter* per sacerdotes *reduci ad fidem Catholicam*, dummodo possint remanere in suo ritu Graeco. —— Coeperunt converti eorum sacerdotes, qui populum, plane rudem rerum divinarum, *insensibiliter ad Catholicam fidem et Unionem ecclesiae reducent*« (Hodinka, Okmánytár, № 126); Annuae litterae Societatis Jesu (рукопись Вѣнской придворной библіотеки) ad an. 1665: „In eo jam contentio est, ut episcopo illis (schismaticis) cum ecclesia Catholica unito ac probo dato tota Ruthenorum natio *sensim sine sensu ecclesiae Romanae reddatur*. —— Cassoviensis Collegii missio —— hoc habuit singulare ——, ut harum partium schismaticis ecclesiae Romanae unitus episcopus tribuatur atque ita *suaviter* ad ejus Unionem reducantur« (№ 12.221).

[3]) Hodinka, Okmánytár, № 71.

[4]) Ib., № 72.

[5]) Ib., № 83, 84.

качевскаго патріарха, Конгрегація посылаетъ о немъ въ Вѣну два запроса 12 ноября того же года[1]). Въ 1651 г., когда Липпаи былъ уже примасомъ Угріи, Конгрегація обращается къ нему съ вопросомъ о началѣ Мукачевскаго епископства[2]). Липпаи потребовалъ информацію отъ избраннаго Мукачевскимъ епископомъ принявшаго унію Парѳенія, но тотъ отвѣтилъ только, что *видѣлъ* »privilegia seu diplomata regum (!) fundationis hujus monasterii et episcopatus ante annos 150[3])«, т. е., *это было сказано совершенно наудачу,* и Липпаи высказалъ справедливое сомнѣніе: »existimo illam fundationem fuisse monasterii, episcopatum vero a schismaticis episcopis Constantinopolitano patriarcha annuente erectum[4])«, т. е., опять таки, только предположеніе.

Все это свидѣтельствуетъ, что *ни въ Угріи вообще, ни въ самой Мукачевской епархіи не сохранилось не только документовъ, но и воспоминаній о началѣ Мукачевскаго епископства*[5]).

Въ 1665 г. примасъ Селепчени въ донесеніи Конгрега-

---

[1]) Ib., № 86, 87.

[2]) Hodinka, Története, 179.

[3]) Т. е. 1504 г. (!)

[4]) 2 іюля 1654 г., Hodinka, Okmánytár, № 126.

[5]) Правда, въ декретѣ Леопольда I 23 октября 1659 г. о назначеніи принявшаго унію Парѳенія Мукачевскимъ епископомъ императоръ и король упоминаетъ о »privilegia ac fundationes *Hungariae regum*«, представленныхъ въ угорскую королевскую канцелярію, изъ которыхъ, де, видно »episcopatum Munkácsiensem —— pro Ruthenis —— catholicae Romanae ecclesiae unitis —— pietate ac liberalitate *dictorum regum ab antiquo fundatum*« (Hodinka, Okmánytár, № 138). То же самое повторяется и въ приказѣ Леопольда Прешпоркской камерѣ 14 января 1660 г. ввести Парѳенія въ обладаніе Мукачевскимъ епископствомъ: монастырь Мукачевскій былъ основанъ »*a piis principibus et regibus Hungariae ante aliquos centenos annos* —— ita, ut ibi *episcopus* Graeci ritus *ex ordine Basilianorum, catholicae Romanae ecclesiae unitorum, resideret* (ib., № 142). Не говоря уже о вполнѣ антиисторическомъ утвержденіи, будто епископство основано угорскими королями для »Rutheni *uniti*«, все это ни на чемъ не основано: въ перечнѣ грамотъ, представленныхъ по дѣлу Мукачева въ разныя »eosa credibilia« для выдачи завѣренныхъ копій, нѣтъ ни одной грамоты такого содержанія. Если бы на самомъ дѣлѣ было такъ, то Мукачевское епископство было бы папой канонизовано еще въ XVII в., а не въ 1771 г. Въ перепискѣ съ Римомъ подобныхъ утвержденій нѣтъ.

ціи пропаганды сообщаетъ нѣчто, повидимому, болѣе опредѣленное: »semper retroactis saeculis et temporibus ex *Russia* mittebantur illuc (Munkács) episcopi schismatici — — manebantque superiores illius monasterii[1])«. Откуда взялъ примасъ это, ничѣмъ не доказанное, извѣстіе, не знаемъ. Не сдѣлалъ ли онъ такой выводъ изъ докладовъ Холмскаго уніатскаго епископа Іакова Суши[2])? Суша былъ съ 1664 г. въ Римѣ по дѣламъ уніи въ польско-литовскомъ государствѣ. Въ это время велись переговоры Угріи съ римской куріей объ утвержденіи папой Мукачевскаго греко-католическаго епископства. Ягерскій католическій епископъ домагался, чтобы это епископство было подчинено Ягру, а черезъ него Остригому. Іаковъ Суша, вѣроятно, по порученію Гавріила Коленды, администратора Кіевско-Галицкой уніатской митрополіи[3]), выступилъ съ притязаніями на іерархическое подчиненіе Мукачевской епархіи Кіеву. Сохранилось о томъ прошеніе папѣ и два доклада Суши 1665 г.[4]) Въ первомъ докладѣ Суша заявляетъ, что »200 лѣтъ или менѣе назадъ[5]) Мукачевъ былъ подчиненъ Перемышльскому епископу, но, въ слѣдствіе его отдаленности отъ Перемышля, а также, *можетъ быть*, потому, что Угрія отдѣлилась отъ Польши — раньше же Угрія и Польша подчинялись одному королю[6]) — угорскіе короли основали особое Мукачевское епископство. Епископъ Мукачевскій всегда былъ въ сношеніяхъ съ митрополитомъ Кіевскимъ и отъ него посвящался[7])«.

[1]) Hodinka, Története, 180, пр. 1.

[2]) 1652—1685 (Pelesz, Geschichte d. Union d. ruthen. Kirche, II, 1880, 334).

[3]) Кіевская митрополія была тогда занята православными: Сильвестръ Коссовъ († 1657), Діонисій Балабанъ († 1663), Антоній Винницкій (Pelesz, op. c., II, 258—259).

[4]) Передъ 25 февраля (Hodinka, Okmánytár, №№ 160—162).

[5]) Т. е., передъ 1465 г., а, можетъ быть, и нѣсколько позже.

[6]) По Годинкѣ, это указываетъ на Владислава I († 1444 г.)s. но, въ виду неопредѣленности словъ Суши, можетъ относиться и ко времени Людовика Анжуйскаго († 1382).

[7]) »Iste episcopatus non tam pridem erectus est, siquidem ante 200 anno, vel minus Munkaczovia erat sub episcopo Praemisliensi. Sed quia haec dioecesis Praemisliensis latissima sit, — — difficile episcopi Praemislienses poterant at-

Сообщеніе Суши возбуждаетъ очень мало довѣрія. Оно никакими фактами не доказано, слишкомъ неопредѣленно[1]) и, затѣмъ, *явно тенденціозно* — Суша старался обосновать права Кіевскаго митрополита надъ Мукачевскимъ епископствомъ. Къ тому же странно, что въ то время, какъ въ Мукачевѣ ничего не знали о прошломъ епархіи, въ отдаленномъ Кіевѣ или Перемышлѣ такія воспоминанія сохранились.

Если *въ православныхъ государствахъ* — на Руси, въ Болгаріи, Сербіи, Валахіи, Молдавіи, гдѣ церковь шла рука объ руку съ государственной властью, помогала ей при строеніи государства, а государство заботилось о расширеніи христіанства и объ организаціи церкви, если тамъ начало церковной іерархіи далеко не выяснено и окружено иногда непроницаемымъ туманомъ[2]), то тѣмъ понятнѣе такое отсутствіе свѣдѣній *въ Угріи*, гдѣ православная церковь и вѣра были, такъ сказать, подъ спудомъ, *на положеніи нелегальномъ*. Только изрѣдка и случайно встрѣтится упоминаніе о православныхъ, только изрѣдка и случайно правительство или доминіальная власть выразитъ въ грамотѣ свое волеизъявленіе въ отвѣтъ на просьбу или жалобу представителей православной іерархіи.

Такимъ образомъ — если только не желаемъ пускаться въ область ни на чемъ не основанныхъ догадокъ[3]) — мы

---

tendere omnibus, maxime provinciae Munkaczoviensi, quae remotissima est. Qua de causa, *fortassis* quando Ungariae regnum divisum sit a Polonia, nam antea sub uno rege — — erant, hic episcopatus erectus est a regibus Ungariae. — — Episcopus Munkaczoviensis semper habebat relationem ad metropolitanum Kioviensem, a quo consecrationem accipiebant (sic!)« (Hodinka, Okmánytár, № 161).

[1]) Чтó признаетъ и Годинка (Története, 180).

[2]) Голубинскій, Исторія русской церкви, I, 264—270, 276—280, 333—338; его же, Очерки исторіи правосл. церквей, 33—36, 349—350, 372—374, 448—449; Pelesz, op. c., I, 1878, 156—157, 377—383.

[3]) a) Мукачевское епископство есть одно изъ древнихъ Паннонскихъ епископствъ или, по крайней мѣрѣ, возникло во время Меѳодія: Колларъ въ Меморіалѣ 1749 г., Жатковичъ (Исторія угрорусской исторіографіи), Базиловичъ, Мондокъ (схематизмъ Мук. епархіи 1878); b) основано въ 1360 г.: Décsy (A m. oroszokról való igen rövid elmélkedése — Весьма краткое размышленіе о Угроруссахъ), Лучкаи, Дулишковичъ; c) между 1439—1445: Годинка; d) при Владиславѣ II: Базиловичъ, Месарошъ (см. наше »Вмѣсто введенія«, стр. 2, пр. 1, и Годинка, Története, 181—82).

должны признаться, что о *началѣ Мукачевскаго епископства* »*ignoramus et ignorabimus*«. До насъ дошли *только факты*: *въ 1491—1498 г.* былъ въ Мукачевѣ епископъ *Іоаннъ*, а, послѣ перерыва въ 53 года, *въ 1551 г.* — епископъ *Владиславъ*[1]).

Была ли надлежащей церковной властью, и какой именно, канонически учреждена въ концѣ XV в. въ Мукачевѣ епископская каѳедра, была ли эта каѳедра признана, такъ сказать, оффиціально угорскими королями[2]), былъ ли епископъ Іоаннъ ранѣе выбранъ монахами (или вообще духовенствомъ) и потомъ посвященъ, и гдѣ, или же былъ прямо назначенъ на эту каѳедру какой нибудь церковной властью, и какой именно, или былъ переведенъ ею съ какой либо иной каѳедры — *все остается неизвѣстнымъ*. Но возможенъ и другой случай: Іоаннъ былъ не имѣвшимъ каѳедры, »странствующимъ« епископомъ[3]), или ушедшимъ съ другой каѳедры и, почему либо, основавшимся въ Мукачевскомъ монастырѣ[4]). При томъ положеніи, въ которомъ находилась православная церковь въ Угріи, вторая возможность кажется намъ наиболѣе вѣроятной.

Перейдемъ теперь къ грамотамъ 1491 г.

Обѣ грамоты по содержанію связаны между собой. Въ первой грамотѣ король повелѣваетъ »universis et singulis plebanis Ruthenis, sub iurisdiccione ecclesie s. Nicolai confessoris in oppido Munkach, ritu Grecorum fundate, existentibus«, чтобы тѣ *впредь* — »*amodo deinceps*« — повиновались »Ioanni, episcopi vestro, sub cuius scilicet iurisdiccione estis, in omnibus licitis et consuetis iuxta antiquam consuetudinem« и платили ему то, что̀ слѣдуетъ, »de universis proventibus vestris«.

Вторая грамота есть циркулярное обращеніе Владислава II ко всѣмъ представителямъ духовной и свѣтской власти — до рихтаровъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, и вообще ко всѣмъ подданнымъ короля, чтобы они не препятствовали живущимъ въ ихъ владѣніяхъ »plurimis Ruthenis presbiteris, item colonis,

[1]) Василій?

[2]) Что̀ весьма и весьма сомнительно.

[3]) Годинка — безъ какихъ либо доказательствъ — отождествляетъ этого Іоанна Мукачевскаго съ Іоанномъ »de Kaffa« 1456 г. (op. c., 194).

[4]) Но, конечно, съ согласія владѣльца доминіи, герцога Іоанна Корвина.

Grecam fidem tenentibus«, платить, что̀ слѣдуетъ, ихъ епископу »ex vetusta consuetudine de omnibus proventibus et obvencionibus suis«, какъ на это жаловался »Ioannes, episcopus Ruthenorum, in claustro beati N[icolai confessoris in Munkach][1]), ritu Grecorum fundato, commorans«.

Изъ этихъ грамотъ, особенно изъ первой, можно заключить, что епископъ, какъ представитель церковной власти, *появился въ этой области недавно*[2]), и платежи ему *не вошли еще въ прочно установленный обычай*. Выраженія: »iuxta antiquam consuetudinem, ex vetusta consuetudine« совершенно нельзя понимать въ смыслѣ »давняго *здѣшняго* обычая« платить епископамъ — ибо *доселѣ епископа тутъ не было* — а только въ смыслѣ »давняго обычая *церкви вообще*«, какъ это видно, напримѣръ, изъ грамотъ Фердинанда I 1 октября 1551 г.: »Ladislaus, episcopus Graecae religionis ecclesiae beati Nicolai« жалуется намъ, что многіе »plebani et presbyteri aliique — — Rutheni« не платятъ »iustos et *ab antiquo* dictae *ecclesiae suae* solvi debitos proventus«; далѣе еще яснѣе: вы должны повиноваться епископу »in omnibus licitis et consuetis *iuxta antiquam consuetudinem et ritum vestrum*«[3]), и 9-го октября того же года »*ex vetusta consuetudine et ritu Graecae religionis*[4])« и т. п.

Относительно же того, что владѣльцы помѣстій не позволяли живущимъ на ихъ земляхъ православнымъ духовнымъ лицамъ и крестьянамъ отдавать должную часть доходовъ епископамъ, то подобнаго рода жалобы идутъ непрерывно до самаго XVIII в. Стремясь побольше выжать съ населенія, помѣщики — сами неправославные — не могли примириться съ тѣмъ, что какіе то гроши уходятъ съ ихъ помѣстій нѣкоему, совершенно имъ чуждому »схизматическому владыкѣ«.

Въ какихъ либо иныхъ разъясненіхъ объ грамоты не нуждаются.

На этомъ кончаемъ наши замѣчанія о старѣйшихъ грамотахъ, относящихся къ исторіи Карпатской Руси.

---

[1]) Возстановляемъ первоначальный текстъ, замѣненный въ оригиналѣ грамоты позднѣйшей интерполяціей.

[2]) Ср. »amodo deinceps«.

[3]) Hodinka, Okmánytár, № 8.

[4]) Ib., № 9.

Транскрипція текстовъ грамотъ.

I и IX.

Грамота Константинопольскаго патріарха Антонія IV, Константинополь, августъ 6899 (1391) г., и ея латинскій переводъ въ конфирмаціи короля Владислава II, Кошицы, 14 мая 1494 г.

+ *Ἀντώνιος, ἐλέῳ θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, Νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.* +

+ *Ἐπεὶ οἱ εὐγενέστατοι αὐτάδελφοι, ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητοὶ υἱοὶ τῆς ἡμῶν μετριότητος, ὅ τε βοϊβόδας ὁ Μπάλιτζας καὶ ὁ Νδράγος, ἔχουσι μοναστήριον ἀπό γονικότητος περὶ τὸν τόπον τοῦ Μαραμόρεσο εἰς ὄνομα τιμώμενον τοῦ τιμίου ταξιάρχου τῶν ἄνω δυνάμεων Μιχαὴλ, ὑπὲρ οὗ καὶ παρεκάλεσεν ἐνταῦθα ἐλθὼν τὴν ἡμῶν μετριότητα καὶ ἐπιδημήσας εἰς τὴν βασιλίδα τῶν πόλεων ὁ εὐγενέστατος Νδράγος χάριν προσκυνήσεως τῶν ἐνταῦθα ἁγίων καὶ τυχὼν παρὰ τῆς ἡμῶν μετριότητος ἀγάπης καὶ τιμῆς καὶ φιλίας τῆς προσηκούσης ὡς εὐγενὴς καὶ μέγας ἄνθρω-*

Antonius, Dei gratia civitatis Constantinopolitanae, Novae Romae, ac totius orbis patriarcha.

Bene beateque progeniti et in Deo honorati bonique christiani, *humilitatis*[1]) nostrae secundum confirmationem sancti Spiritus dilecti filii et generosi, vajvoda Balitza et Drag mester, qui habent ecclesiam sive monasterium perpetuum in *Maromaros*[2]), in nomine sancti Michaelis archangeli fundatum, qui venerunt ad nos et humilitati nostrae, infelici et urgente imperii Constantinopolitani statu, supplicarunt ac in beatitudine, obedientia, quam habuerunt pro consuetudine christianae religionis, praestiterunt humilitatique *no-*

[1]) *Sch.* и *K.*: humilitati.

[2]) *K.*: Maromoros.

πος καὶ καλὸς ἄνθρωπος καὶ ὀρθόδοξος, καὶ ἐδεήθη, ὡς ἂν τὸ εἰρημένον μοναστήριον ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ ἑξῆς ἀπολαύῃ τῆς πατριαρχικῆς ἐπισκέψεως καὶ δεφενδεύσεως, πατριαρχικὸν καὶ ὂν καὶ ὀνομαζόμενον, ἡ μειριότης ἡμῶν, τὴν αὐτοῦ προσδεξαμένη δέησιν δικαίαν οὖσαν καὶ εὔλογον, ἅμαδὲ καὶ συνήθη τῇ τοῦ θεοῦ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ καὶ τῷ οἰκουμενικῷ πατριάρχῃ, τὸ μὴ μόνον σταυροπήγια γίνεσθαι πατριαρχικὰ καὶ ναοὺς ἱεροὺς καθιεροῦσθαι ἐπὶ τῷ ὀνόματι τοῦ πατριάρχου, ἀλλὰ καὶ τὰ παρὰ τῶν τοπικῶν ἀρχιερέων καθιερωθέντα ἀπολαύειν τῆς πατριαρχικῆς δεφενδεύσεως καὶ τῆς ἐπισκέψεως καὶ τῆς ἀπὸ τούτου τιμῆς καὶ μεγαλειότητος, τὸ παρὸν ἀπολύει σιγιλλιῶδες γράμμα, δι' οὗ παρακελεύεται, ὡς ἂν ἡ παρὰ τὸν τόπον τοῦ Μαραμόρεσο ἁγία καὶ σεβασμία μονὴ ἡ εἰς ὄνομα τιμωμένη τοῦ τιμίου ταξιάρχου τῶν ἄνω δυνάμεων

strae[1]) ac ecclesiae . . .[2]) haereditatem de propriis bonis et bene acquisitis, ecclesiam videlicet in nomine sancti Michaelis archangeli fundatam, donarunt ac obtulerunt ita, quod ad ecclesiam humilitatis nostrae respectum habeat eidemque obediat.

Nos autem, videntes justum eorum desiderium ac integram fidem considerantes, donationem *ejusmodi ratam, gratam*[3]) accepimus voluntatique eorum condescendimus ac Drag mester, veluti humilitatis nostrae filium, nostra authoritate, qua fungimur, benedeximus patriarchali. Itaque, quem Deus eliget in dicto monasterio Priorem, quod talis etiam habeat nostram benedictionem, qua valeat omnes ecclesias, quae sunt *in pertinentiis*[4]) praedicti monasterii consecrare. Ad haec, si quis nostrorum subditorum archiepiscopus aut episcopus in dicto monasterio aut pertinentiis ejusdem inveniretur, quod ejusmodi dicto Priori esset in adjutorium, velut hae humilitatis nostrae litterae ostendunt, sigillo nostrae ecclesiae munitae.

---

[1]) *Sch.* и *K.*: omne.
[2]) *Sch.*; *K.*: eorum.
[3]) *K.*; *Sch.*: gratam ejusmodi.
[4]) *K.*: impertinentiae.

Μιχαὴλ ἀπολαύῃ ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ ἑξῆς τῆς πατριαρχικῆς ἐπισκέψεως καὶ δεφενδεύσεως καὶ τῆς ἀπὸ τούτων τιμῆς καὶ τοῦ μεγαλείου, πατριαρχικὴ καὶ οὖσα καὶ ὀνομαζομένη· καθιστᾷ δὲ ἡ μετριότης ἡμῶν καὶ τὸν τιμιώτατον καθηγούμενον τῆς αὐτῆς σεβασμίας μονῆς, ἱερομόναχον Παχώμιον, ἔξαρχον εἰς τὰς ὑποκειμένας τῷ μοναστηρίῳ χώρας, ἤγουν τὸ Σελατζίον, τὸ Ἀρτούντιν, τὸ Ὄγγοτζα, τὸ Ἰουμπερέκιν, τὸ Τζιτζόβιν, τὸ Παλβανέτζιν καὶ τὴν Πίστραν· ὀφείλει τοίνυν ὁ ῥηθεὶς τιμιώτατος καθηγούμενος καὶ ἔξαρχος τῆς ἡμῶν μετριότητος ἐπιβλέπειν τοὺς εὑρισκομένους ἐν ταῖς εἰρημέναις χώραις ἱερεῖς καὶ τὸν λαὸν καὶ παραινεῖν καὶ διδάσκειν αὐτοὺς τὰ ψυχωφελῆ καὶ σωτήρια, ἀνακρίνειν τε καὶ ἐξετάζειν τὰ παρὰ τῶν ἱερέων γινόμενα ἐκκλησιαστικὰ δίκαια καὶ τὰ δεόμενα διορθώσεως διευθύνειν νομίμως τε καὶ κανονικῶς,

Quia nos ecclesiam istam ex sincero corde ac cum magno honore in nostram protectionem suscepimus ac pro salute christianitatis, et concedimus ejusmodi Priori ac *donamus*[1]) authoritatem super omnes proventus dicti monasterii ac *pertinentiarum*[2]), quae hic infra inseruntur,

velut:

Zilágyság[3]), *Megyesálya*[4]), *Ugotsa*[5]), Berzava, *Chicho*[6]), Bolvanus, *Almazig*[7]); et in omnibus his *nominatis*[8]) Pachomius Prior et Abbas plenariam autoritatem habeat *ac*[9]) respectum ad omnes sacerdotes et ad alios omnes homines, in dicto monasterio ac ejusdem pertinentiis *existentes*[10] ita, ut eos ad bona opera *inducet*[11]), et erudiat animae et corporis et habeat judicare omnes causas, ad sedem ecclesiasticam spectantes, in dicto monasterio et pertinentiis ejusdem. Et *quod*[12])

---

[1]) *K.*: damus.
[2]) *K.*: pertinentias.
[3]) *K.*: Zilagsak.
[4]) *K.*: Megyes-Allya.
[5]) *K.*: Ugoscha.
[6]) *K.*: Csicho.
[7]) *K.*: Almaszeg.
[8]) *K.*: nominatus.
[9]) *K.*: et.
[10]) *Sch.* и *K.*: existentibus.
[11]) *K.*; *Sch.*: indicet.
[12]) *K.*: qui.

ἔχειν τε ἄδειαν τοὺς ἀνεγειρομένους ἐν ταῖς χώραις ταύταις θείους καὶ ἱεροὺς ναοὺς καθιεροῦν ἐπὶ σταυροπηγίῳ πατριαρχικῷ, ὀφείλοντος ἀναφέρεσθαι τοῦ πατριαρχικοῦ μνημοσύνου καὶ τοῦ ὀνόματος κατὰ πάσας τὰς ἱερὰς τελετὰς καὶ ἐν τῇ εἰρημένῃ σεβασμίᾳ μονῇ καὶ ἐν πᾶσι τοῖς μέλλουσι ἀνεγείρεσθαι θείοις καὶ ἱεροῖς ναοῖς. ἔτι τε παρακελεύεται ἡ μετριότης ἡμῶν διὰ τοῦ παρόντος σιγιλλιώδους γράμματος, ὡς ἐὰν συμβῇ θάνατος τῷ καθηγουμένῳ τούτῳ, ἵνα οἱ ῥηθέντες εὐγενέστατοι αὐτάδελφοι, ὅ τε βοϊβόδας ὁ Μπάλιτζας καὶ ὁ Νδράγος, ἔχωσιν ἄδειαν, μετὰ καὶ τῆς βουλῆς τῶν τοῦ μοναστηρίου μοναχῶν ἐκλέγεσθαι ἕτερον ἡγούμενον καὶ καθιστᾶν εἰς τὸν τόπον αὐτοῦ, καὶ ἵνα ἔχῃ καὶ ἐκεῖνος ἄδειαν καὶ ἐξουσίαν εἰς τὰς εἰρημένας χώρας, ὡς ἔξαρχος ἡμέτερος ἐπιβλέπειν τοὺς ἱερεῖς καὶ καθιεροῦν τοὺς ἀνεγειρομένους πατριαρχικοὺς ἱεροὺς ναοὺς ἐπὶ σταυροπηγίῳ πατριαρχικῷ. τούτου γὰρ χάριν ἀπολέλυται αὐτοῖς καὶ τὸ παρὸν σιγιλλιῶδες γράμμα τῆς ἡμῶν μετριότητος δι' ἀσφάλειαν κατὰ μῆνα αὔγουστον τῆς ιδ' ἰνδ. τοῦ ,ϛωϙθ' ἔτους. +

omnes ecclesias in pertinentiis dicti monasterii ac omnes earundem et dicti monasterii proventus ac sacerdotes sub potestate sua habeat et manibus. Et quod in omnibus divinis officiis pro *suo*[1]) patriarcha faciat commemorationem,

quam ob rem vobis has litteras nostras dedi.

Et quod, si *Priori*) mori — ut omnes mortales sumus — contigerit, omnes fratres spirituales tunc et Balicza *ac*[3]) Drag mester cum omnibus hominibus parvis et magnis, in dictis pertinentiis residentibus ac congregatis aperte, ut ita congregati Priorem eligant nostra authoritate et benedictione, qui ita electus omnimodam potestatem super omnes proventus abbatiae praedictae eodem pacto, sicut et praedecessor suus, a nobis ad honorem sancti Michaelis archangeli habeat, concessimus et pro maiori fide et veritate ac confirmatione loci sancti has litteras nostras dedimus. Et haec scripta sunt XIII[4]) die mensis augusti,

[1]) *Sch.*: sua.
[2]) *Sch.*: нѣтъ.
[3]) *K.*: et.
[4]) *K.*: XIIII.

anno, in quo scribebartur millenarii VI et C. C. C. C. C. C. C. C. ac LXXXX nono.

+ *Εἶχε καὶ διὰ τιμίας πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ· Ἀντώνιος, ἐλέῳ θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, Νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.* +

Печатаемъ по изданію Miklosich u. Müller, Acta patriarchatus Constantinopolitani, Vindobonae, 1860, II, 156—157, № 426. Грамота патріарха Антонія сохранилась вмѣстѣ съ другими, несомнѣнно подлинными, документами во второй изъ рукописей Вѣнской придворной библіотеки № XLVII и № XLVIII, привезенныхъ изъ Константинополя А. Г. Бусбекомъ (Augerius Gislain de Busbecke) и содержащихъ единственные остатки протоколовъ Константинопольскаго патріаршаго синода 1315—1402 г. г. (op. c., I, Praefatio, VI). О грамотѣ Владислава II 1494 г. см. ниже при № IX. Сокращенія *Sch.* и *K.* обозначаютъ варіанты текста въ изданіяхъ Шагуны и Коллара (о нихъ см. ниже).

II.

Грамота сыновей воеводы Балицы, Димитрія и Александра, Мараморошскій Сиготъ, 1 мая 6912 (1404) г.[1])

† Се азь[2]) пань Радуль, вицашпань Марамуре*ш*скым, и жупань Ба*н*ко, и Тодѣрь, и Шандрь, немиши о*т* Са*р*васова[3]), Иванчукь, Драгомирь и брать его Дань, и Леока Белкови*ч*, и Косте Драгушевичь, и Косте Поповь, и Нань о*т* Съпѫнкы, даемо вѣдомо симъ наши*м* листомь въсѣкому, кто посмотрить на сесь листъ, аже Балица воевода и Драгь мещерь съзидаше це*р*ковь въ име *свята*го архаггела Михаила на земли Тересовскои и прѣ*д* нами дадоше о*т* своего урика три села манастирю и единь[2]) млинъ. Едно село Тересь, а друго Кривчичь, а третіе Крушево, и млинъ, що ѣ на земли Длъгополскои на Сопункы, где падаеть Съпънца у Тису, да служе*т* манастиру *свята*го архаггела Михаила. А по ихъ съме*р*ти и Думитру воевода, и брать его Але(кса)[4])*н*дръ мещерь дадоше прѣ*д* нами всѣми тия ( )[4]) села *свято*му архагге*л*у Михаилу о*т* своего урика: село Тарась, и село Кривчичь, и село Крушево, и млинь[2]), що ѣ на земли Длъго-

---

[1]) Въ виду наличности факсимиле, нѣтъ необходимости передавать текстъ палеографически точно. Поэтому мы: *a*) раскрываемъ титла (кромѣ ѣ, ибо неясно, скрыто здѣсь *е*, *есть* или *есть*) и переносимъ буквы надъ строкой въ текстъ, отмѣчая эти случаи *курсивомъ* и не ставя на концѣ ни ъ, ни ь; *b*) вмѣсто *е* и є пишемъ *е*, вм. *о* и ѡ —*о*, вм. *оу* и ѹ — *у*, вм. ꙗ — *я*; *c*) опускаемъ надстрочные знаки и знаки препинанія рукописи и примѣняемъ современную интерпункцію; *d*) имена собственныя и мѣстныя названія начинаемъ съ большой буквы. Отмѣтимъ, что буква *й* въ рукописи не употребляется.

[2]) ь исправлено другими чернилами въ ъ.

[3]) Второе *о* въ *сово* исправлено другими чернилами въ *а*.

[4]) Оборвано.

полскои на Сопонкы, кде падае*т* Съпжнца у Тису. А тия села дадоше прѣ*д* нами и на наше вѣ*даніе* и с полемь, и съ лѣсомь, и съ водою, и съ въсѣмь прижитко*м* да будуть манастиру.

Писано под нашими печатами на столномъ мѣстѣ у Сигѣту въ лѣ*то* с҃ и ц҃ и в҃і м*ѣся*ца мая въ а҃ д*е*нь.

Оригиналъ, хранящійся въ архивѣ Народнаго музея (Nemzeti Muzeum) въ Будапештѣ (пока безъ сигнатуры), написанъ на внутренней шероховатой сторонѣ плотнаго пергаментнаго листка, кое гдѣ прорваннаго и съ червоточинами. Наружная сторона отполирована. Въ замѣткѣ лица, пожертвовавшаго грамоту Музею, указано, что листокъ служилъ раньше, какъ переплетъ какой то небольшой рукописи in 16°. Дѣйствительно, листокъ перегнутъ вдвое, съ трудомъ разгибается, и въ немъ еще сохранилась сшивавшая рукопись нить. Благодаря любезности главнаго библіотекаря Музея, д-ра Э. Якубовича, мы познакомились съ грамотой и получили фотографическій съ нея снимокъ. Напечатана нами грамота въ Filolog. Sborn. České Akademie věd a umění, 1925, 179—184 и 234—239, съ факсимиле и статьей о грамотѣ, а потомъ отдѣльно, какъ № 30 изданій Общества имени А. Духновича въ Ужгородѣ, 1927, Древнѣйшая церковно-славянская грамота 1404 г. о карпаторусской территоріи, 1—15.

III.

Грамота короля Матвѣя I, Будинъ, 14 августа 1458 г.

Commissio propria domini regis.

Nos Mathias, Dei gracia rex Hungarie, Dalmacie, Croacie etc., memorie commendamus, tenore presencium significantes, quibus expedit, universis, quod nos attentis et consideratis moribus et industria Luce, presbiteri Rutheni, quibus idem nostro in conspectu a nonnullis nostris subditis meruit commendari, eundem ad plebaniam Ruthenicalem sancti Nicolai prope possessionem Munkach[1]), Monostor[1]) vocatam, ritu Ruthenorum *fundatam*[2]), cum sua solita iurisdiccione, quam videlicet plebaniam ipse Lucas se a pluribus retroactis annis de iure tenuisse et eciam nunc tenere asserit, auctoritate nostra regia, qua huiusmodi plebania more predecessorum nostrorum, regum Hungarie, ad nostram collacionem pertinere dinoscitur, duximus eligendum et nominandum eandemque eidem simul cum duabus possessionibus, puta Bwbowysthye et Luka vocatis, ad eandem plebaniam ab antiquo spectantibus pariterque cunctis ipsarum plebanie et posssesionum utilitatibus, proventibus, obvencionibus et pertinenciis quibuslibet, premissis sic, ut prefertur, stantibus et se habentibus, duximus denuo et ex novo dandam et conferendam ac de eadem eidem providendum, ymmo damus, conferimus et eidem providemus presencium per vigorem.

Quocirca vobis, fidelibus nostris, conventui ecclesie de Lelez, harum serie firmiter precipiendo mandamus, quatinus prefatum Lucam, presbiterum Ruthenum, in prefatam plebaniam more, in talibus observare alias consueto, et item in dominium

---

[1]) Оригин.: Munkachmonostor.

[2]) Оригин.: fundate.

dictarum possessionum, Bobowysthye et Lwka vocatarum, ac utilitatum et pertinenciarum earundem quarumlibet denuo et ex novo introducere et eandem ac easdem eidem statuere eundemque in eisdem contra quoslibet illegittimos impetitores et in suis solitis iurisdiccionibus tenere et conservare debeatis auctoritate nostra presentibus vobis in hac parte attributa et iusticia mediante, secus facere non ausuri.

Presentibus perlectis exhibenti restitutis.

Datum Bude in vigilia festi assumpcionis beate Marie virginis anno Domini millesimo quadringentesimo quinquagesimo octavo.

L. S.

Оригиналъ въ архивѣ Братиславскаго капитула, сигнатура Capsa 11, fasc. 1, №. 2, написанъ на пергаментѣ. Подъ текстомъ печать краснаго воска, покрытая бумагой. На оборотѣ въ углу на лѣвой сторонѣ: »A° 1634. Athanasius Krupecky, Episcopus Premisliensis«; на правой сторонѣ: »Ѿ Матиашь кралѧ ѡ Бовища«. Изданія: Pray, Specimen hierarchiae Hungaricae, I, 1776, 394, неизвѣстно, по какому тексту; Basilovits, op. c., 16—17, по транссумпту Прешпоркскаго капитула 1690 г.; по оригиналу Hodinka, Okmánytár, № 1.

IV.

Грамота короля Матвѣя I, Будинъ, 20 марта 1479 г.

Nos Mathias, Dei gracia rex Hungarie, Bohemie etc., memorie commendamus, tenore presencium significantes, quibus expedit, universis, quod nos cum ad humilime supplicacionis instanciam fidelis nostri reverendi Jowanythye, metropolitani Nandoralbensis, nostre propterea porrecte maiestati, tum vero ex gracia speciali universos et singulos Wolachos presbiteros, fidem Grecam tenentes, in comitatu Maromarusiensi existentes, presentes et futuros, de solucione quarumcunque taxarum, tam ordinariarum, quam extraordinariarum, per ipsos in medium regnicolarum nostrorum solvi maiestatique nostre ab eisdem provenire debencium, perpetuis futuris semper temporibus graciose duximus eximendum et supportandum, immo eximimus et supportamus presencium per vigorem.

Quocirca vobis, fidelibus nostris, univesis et singulis dicatoribus et exactoribus quarumcunque taxarum nostrarum, tam ordinariarum, quam extraordinariarum, item comitibus camerarum salium nostrorum regalium, in predicto comitatu Maromarusiensi pro tempore constitutis, eorumque vicesgerentibus, harum serie firmiter precipiendo mandamus, quatinus amodo deinceps prefatos Wolachos presbiteros, ut prefertur, fidem Grecam tenentes prefatoque metropolitano subiectos ad solucionem aliquarum taxarum, ordinariarum scilicet et extraordinariarum, in medium regnicolarum nostrorum solvi debencium, contra formam premisse nostre exempcionis dicare et compellere ipsosque racione non solucionis earundem in personis rebusque et bonis ipsorum quibusvis impedire, turbare seu quovismodo dampnificare nusquam et nequaquam presummatis neque sitis ausi modo aliquali gracia nostre sub obtentu.

Presentibus perlectis exhibenti restitutis.

Datum Bude sabbato proxime aute dominicam Letare anno Domini millesimo quadringentesimo septuagesimo nono, regnorum nostrorum Hungarie etc. anno vigesimo secundo, Bohemie vero undecimo.

Relacio Vrbani
prepositi, thesaurarii regii.

L. S.

Оригиналъ въ архивѣ Мукачевской епархіи въ Ужгородѣ, сигнатура Privilegia et protectionales, Gg (у Годинки и Гаджеги Gc— не знаемъ, кто ошибся), № 1, написанъ на пергаментѣ. Подъ текстомъ печать краснаго воска, покрытая бумагой. По транссумпту, выданному Карлсбургскимъ капитуломъ въ 1721 г. іезуиту G. Régai, издалъ Hintz, Geschichte d. griechisch nicht unirten Glaubensgenossen in Siebenbürgen, Hermannstadt, 1850, 63—64; по оригиналу Hodinka, op. c., № 2; сильно уменьшенное факсимиле у Гаджеги, Наук. Зб., VI, 1928-29.

V.

Грамота короля Матвѣя I, Рабъ (?), 1 мая 1488 г.

Commissio propria domini regis.

Mathias, Dei gracia Hungarie, Bohemie etc. rex duxque Austrie, fideli nostro egregio Blasio de Raska, provisori curie castri nostri Budensis, salutem et graciam.

Expositum extitit maiestati nostre pro parte et in persona religiosi Luce, presbiteri Rutheni, in monasterio oppidi Mwnkach constituti, querulose, quod, cum ipse superioribus diebus quosdam monachos suos causa congregacionis decimarum, ad ipsum monasterium provenire debencium, transmisisset, quidam Benedictus, plebanus de Iwanẏ cum quibusdam familiaribus suis in eosdem monachos irruisset et eosdem inpudice per barbas trahendo diris verberum plagis affecisset vinaque nonnulla earundem decimarum ab eisdem recepisset et abstulisset. Et licet prius ipse exponens de et supra huiusmodi dampnis et iniuriis, sibi illatis, castellanis eiusdem castri Mwnkach conquestus fuerit, tamen *iidem*[1]) castellani nullam eidem ex parte prefati plebani iusticiam impendere curassent et nec curarent eciam de presenti in preiudicium eiusdem exponentis dampnumque et iniuriam manifestam. Supplicatum igitur extitit, ut eidem exponenti circa premissa de remedio providere dignaremur opportuno. Et quia nos nullo modo volumus huiusmodi actus illicitos, per quempiam commissos, simpliciter pertransire, fidelitati idcirco tue serie presencium strictissime precipimus et mandamus, quatinus acceptis presentibus negocium ipsum partes inter prescripas dtebito modo revidere et revideri facere debeas et, si premissa eo modo, prout et quemadmodum maiestati nostre

[1]) Оригин.: idem.

exposita sunt, fuisse et esse compereris, extunc eidem exponenti ex parte dicti plebani de et super omnibus dampnis et iniuriis omnimodam satisfaccionem impendere et impendi facere debeas et tenearis auctoritate nostra, presentibus tibi in hac parte concessa, et iusticia mediante, aliud nullatenus facturus.

Presentibus perlectis exhibenti restitutis.

[ ][1])auriensi in festo beatorum Philippi et Jacobi apostolorum, anno Domini millesimo quadringentesimo octogesimo octavo.

L. S.

Оригиналъ въ архивѣ Братиславскаго капитула, сигнатура Capsa 11, fasc. 1, № 3, написанъ на вдвое сложенной и слѣпленной бумагѣ. Подъ текстомъ восковая печать, покрытая бумагой. На оборотѣ: »ѿ Матиꙗша королѧ, абы справеливо (д) ѹчинена за бие (т) ѡдного попа на дѣжме монастыско (р ѕ), которого Иваноски (ѕ) клева (н) би (л̂) и дѣжму ѿнѧ (л̂) монастыскую (р)«. По транссумпту Прешпоркскаго капитула издалъ Basilovits, op. c., 19—20; по оригиналу Hodinka, op. c., № 3.

---

[1]) Нельзя прочесть.

VI.

Первая грамота короля Владислава II, Стольный Бѣлградъ, 31 іюля 1491 г.

Commissio propria domini regis.

Wladislaus, Dei gracia rex Hungarie et Bohemie etc., fidelibus nostris universis et singulis plebanis Ruthenis, sub iurisdiccione ecclesie beati Nicolai confessoris, in oppido Mwnkach rito Grecorum fundate, existentibus, salutem et graciam.

Volumus et fidelitati vestre et vestrum cuiuslibet presencium serie strictissime precipiendo committimus et mandamus, quatinus amodo deinceps reverendo patri Johanni, episcopo vestro, sub cuius scilicet iurisdiccione estis, in omnibus licitis et consuetis iuxta antiquam consuetudinem obedire et obtemperare ipsumque revereri de universis quoque proventibus suis, qui eidem de vestri medio provenire debent, respondere et per hos, quorum interest, responderi facere debeatis et teneamini, aliud non facturi.

Presentibus perlectis exhibenti restitutis.

Datum in suburbio civitatis nostre Albe Regalis die dominico[1]) proximo[1]) ante festum Ad vincula beati Petri apostoli, anno Domini millesimo quadringentesimo nonagesimo primo, regnorum nostrorum anno Hungarie etc. secundo, Bohemie vero vigesimo primo.

L. S.

[1]) Sic!

Оригиналъ въ архивѣ Братиславскаго капитула, сигнатура Capsa 11, fasc. 1, № 4, написанъ на вдвое сложенной и слѣпленной бумагѣ. Подъ текстомъ восковая печать, покрытая бумагой. На оборотѣ: »ѿ Лало (вс) краѧ ѿданы влцѣ пану« — далѣе мы могли прочесть только отдѣльныя слова: — — »приѧти (т) да (н) да ⊔ (ѕ) редє (з)«. По транссумпту Карлсбургскаго капитула 1721 г. издалъ Hintz, op. c., 54—56; неизвѣстно, по какой копіи, Basilovits, op. c., I, 21; по оригиналу Hodinka, op. c., № 4.

VII.

Вторая грамота короля Владислава II, Стольный Бѣлградъ, 31 іюля 1491 г.

Commissio propria domini regis.

Wladislaus, Dei gracia rex Hungarie et Bohemie etc., fidelibus nostris universis et singulis, prelatis, baronibus, comitibus, castellanis, nobilibus ipsorumque officialibus, item civitatibus, oppidis et villis earumque rectoribus, iudicibus scilicet et villicis ac alterius cuiusvis status et condicionis hominibus, in hoc regno nostro Hungarie ubivis constitutis et commorantibus, presentes visuris, salutem et graciam.

Exposuit nobis fidelis noster reverendus Iohannes, episcopus Ruthenorum, in claustro beati N ( )[1]), ritu Grecorum fundato, commorans, gravi cum querela, qualiter in bonis et possessionibus vestris et in medio vestri plurimi Rutheni presbiteri et plurimi item coloni, Grecam fidem tenentes et sub iurisdiccione sua existentes, commorarentur, qui proventus, sibi et dicte ecclesie sue ex vetusta consuetudine provenire debentes, reddere et restituere *difficultarentur*[2]) in grave preiudicium iurium eiusdem ecclesie sue et dampnum valde magnum. Et quia nos pati nolumus, ut idem exponens et dicta ecclesia sua solitis et iustis suis proventibus destituatur, mandamus idcirco fidelitati vestre et vestrum *cuilibet*[3]) presencium serie strictissime, quatinus amodo in posterum prefato exponenti et dicte

[1]) Нѣсколько словъ выскоблено и по разурѣ иной, позднѣйшей рукой и иными чернилами написано: »(M)ichaelis archangli in Maramaŕ«; буква »M« сдѣлана изъ буквы »N« прибавкой вертикальной черты.

[2]) Оригин.: difficultarent.

[3]) Оригин.: cuiuslibet.

ecclesie sue per prenominatos Ruthenos presbiteros et colonos, Grecam fidem, ut prefertur, tenentes, ubivis in prescriptis bonis et possessionibus vestris in medio vestri commorantes, de omnibus proventibus et obvencionibus suis locis debitis et temporibus semper opportune respondere et responderi facere modis omnibus debeatis et teneamini, aliud non facturi.

Presentibus perlectis exhibenti restitutis.

Datum in suburbio civitatis nostre Albe Regalis die dominica proxima ante festum Ad vincula beati Petri apostoli, anno Domini millesimo quadringentesimo nonagesimo primo, regnorum nostrorum anno Hungarie etc. secundo, Bohemie vero vigesimo primo.

L. S.

Оригиналъ въ 1907 г. находился въ архивѣ Мукачевской епархіи въ Ужгородѣ, вѣроятно, подъ сигнатурой Privilegia et protectionales, Gg, № 2, и былъ снятъ для насъ однимъ Ужгородскимъ фотографомъ въ натуральную величину (VIIa), а часть грамоты съ интерполяціей съ увеличеніемъ въ $3^1/_2$ раза (VIIb). На чемъ онъ былъ написанъ, не помнимъ. Куда потомъ дѣвался оригиналъ, никто не могъ выяснить. Сохранились только разновременныя съ него копіи подъ сигнатурами Proventus in genere, № 4 и Religionaria sub voce Ruthenorum, № 216. По транссумпту Карлсбургскаго капитула 1721 г. издалъ Hintz, op. c.; неизвѣстно, по какой копіи, Basilovits, op. c., I, 22—23. Hodinka, op. c., № 5, составилъ сводный текстъ по изданіямъ Гинца и Базиловича и передѣлалъ орѳографію, приспособивъ текстъ къ орѳографіи грамотъ XV в.

VIII.

Грамота герцога Іоанна Корвина, Мукачево, 6 февраля 1493 г.

Commissio[1]) *propria Domini Ducis.*[1])

Nos Iohannes Corvinus de Hunyad, Sclavoniae, Opaviae Liptoviaeque dux etc., memoriae commendantes, significamus, quibus expedit, universis, quod cum nos aestate proxima in castro nostro Soklos (Szoklos) constituti fuissemus, venit coram nobis honorabilis Iohannes, episcopus Rutenus, ritum Graecorum tenens, in claustro s. Nicolai, supra oppidum nostrum Muwkách (Munkách) *fundato*[2]), degens, exhibuitque nobis quasdam sex litteras, unas illustrissimi condam Theodorici[3]), ducis Godoliae[4]) (Podoliae), assertas (conscriptas), alias (alteras) Despoti magni, Rascianorum idiomate confectas, tertias avi nostri Johannis de Hunyad, gubernatoris olim regni Hungariae, quartas et quintas genitoris nostri charissimi, serenissimi principis domini Mathie[5]), Hungariae, Bohemiae etc. regis, sextas autem conventus ecclesiae s. Crucis de Lelesz, penes quas idem Iohannes, episcopus Rutenus, curavit nobis suplicari, ut quasdam decimas vinorum de promonthorio Levathka (Levaska) *ac*[6]) item frugum et bladorum de medio jobagionum (jobbadionum) nostrorum in Oroszwég et oppido Munkáth (Munkács) *commorantium provenientes*[7]) ac

---

[1]) Jag.: нѣтъ.
[2]) Jag.; *B.*: fundati.
[3]) *B.*: (P. Schmith Theodorum scribit).
[4]) *B.*: (P. Schmith Ducem Munkácsiensem facit).
[5]) *B.*: sic!
[6]) Jag.: нѣтъ.
[7]) *B.*: comoran. prouen.

restituere. Ad cujus supplicationem animum nostrum cum inclinassemus et litteras praenotatas perspicacius intuiti fuissemus fecissemusque septem porcos de incolis Oroszwég eidem faceremus reddere et cum secretario et consiliariis perspicere, visum nobis fuit una cum eisdem originales itteras illustris videlicet Theoderici (Theodorici) ducis false et inique fuisse confectas. Proinde, quia animus noster erat castrum nostrum Munkách (Munkács) proxime visitare, distulimus in adventum nostrum ad castrum memoratum Munkach (Munkács) negotium hoc terminandum. Ubi cum jamjam adventassemus, rursum denuo praefatus Iohannes, episcopus Rutenus, praesentiam nostram adiens (adveniens), supplicavit nobis, quatenus litteras memoratas eidem confirmare et proventus annotatos eidem administrari facere dignaremur. Ex opposito adstitit coram nobis honorabilis Dionisius, artium liberalium magister, ecclesiae s. Martini episcopi et confessoris in oppido Munkách (Munkács) fundatae plebanus, proponens, qualiter saepefatus Iohannes, episcopus *Ruthenus*[1]), falsis litteris mediantibus jura plebaniae suae diruere molitus sit quodque (quomodoque) praedecessor ejusdem episcopi, Lucas, presbyter Ruthenus, in dicto claustro s. Nicolai olim commorans, ab avo et genitore nostro charissimo false et *inique*[2]) litteras impetrasset, allegans *insuper*[3]), quoniam indignum et ss. Patrum sancitis contrarium foret, ut christiani suas decimas schismaticis dare debeant. Advenerunt (advenientes) praeterea coram nobis populi et jobagiones nostri christiani, qui hujusmodi decimis obligantur, enixius nos exorantes (exorando), quatenus dignaremur annuere, ut decimas eorum non schismaticis, sed plebano ipsorum darent, prout illustris domina Elisabeth, avia nostra, et genitor noster, rex charissimus, jam prius statuissent. Itaque inter tot propositiones et allegationes vires litterarum perspicacius nos intendere volentes, cum his doctis viris, qui ad latus nostrum tunc adhaerebant, litteras *praenotatas*[4]), per dictum Iohannem episcopum exhibitas, diligentissima cum cura et studio jussimus perspicere et pro evidentiori causa fecimus inquirere ve-

[1]) Jag.; *B.*: Ruhtenus.
[2]) Jag.; *B.*: inique semper.
[3]) Jag.; *B.*: semper.
[4]) Jag.; *B.*: adnotatas.

teres litteras praenotati ducis Theodorici *investigando*[1]), si his litteris, quas jam fatus Iohannes episcopus exhibuit, responderent. Cumque unae litterae dicti domini ducis per rectorem hospitalis, dominicum de Thúr, in Zár[2]) (Szasz) commorantem, oblatae fuissent, vidimus et cognovimus nulla ex parte litteris his, per episcopum exhibitis, respondere, et titulum, et sigillum longe diversum fore. Insuper per alia plurima documenta cognovimus eas ipsas litteras, nomine dicti Theoderici (Theodorici) ducis saepedicto claustro confectas et per Iohannem episcopum exhibitas, falsas, iniquas et viribus carituras esse, quia etiam cognovimus apertissime pergamenum pollitum et priorem scripturam de eo deletam esse et, per consequens, alias omnes litteras ratione ejusdem[3]) a (et) dictis dominis Despoto, Ioanne gubernatore avo et rege Mathia, genitore *nostro*[4]) charissimis, ac conventu (conventus) s. Crucis de Lelesz ac etiam per nos datas, indebite et injuste fuisse confectas; quas quidem sex litteras, similiter et nostras, prius praetextu rei hujusce (hujuscemodi) datas, suadente justitia et juris aequitate, cassavimus cassamusque et viribus destitutas esse censemus praesentium per vigorem. Cumque dictus dominus Iohannes, episcopus Ruthenus, cognovisset litteras suas falsas et iniquas esse, ultro *et*[5]) sponte renuntiavit decimis vinorum, bladorum et frugum de promontorio Lewathka (Levaska) et jobbagionibus (a jobbadionibus) oppidi nostri Munkács et Oroszvég, christianis scilicet, claustro suo *provenientibus*[6]) et *provenire*[7]) *debentibus*[8]), profitens, quod dictus Dionisius plebanus et sui successores perpetuo recipere possent, nec *hoc praetermittendo*[9]), ut de ceteris et ab his, qui ritum colunt Graecum, decimas vinorum et bladorum de promontorio Lewathka (Levaska) .....[10])

---

[1]) *B.*: investigan.

[2]) *B.*: (id est Beregszász propter Saxones, illuc a Gisela collocatos, Záz dictum).

[3]) *B.*: (id est intuitu ejusdem substrati).

[4]) Jag.; *B.*: nostris.

[5]) Jag.; *B.* — нѣтъ.

[6]) *B.*: provenien.

[7]) Jag.; *B.*: pervenire.

[8]) *B.*: deben.

[9]) Jag.; *B.*: paretermittens.

[10]) Въ Jag. этотъ пропускъ не отмѣченъ.

Et item ratione septem porcorum de medio nostrorum jobagionum, in Oroszvég commorantium, praefato claustro s. Nicolai ante tempora dari solitorum, dictus Dionisius plebanus et Iohannes episcopus in hujusmodi devenerunt ordinationem et unionem, ut, quia in dicta Oroszvég christiani et schismatici mixtim moi rantur, porci eorundem incolarum annuatim dinumerentur et, si christiani numero plures porcos habuerint, quatuor porci Dionisio plebano et suis successoribus cedant, et tunc Iohanni episcopo et suis successoribus tres porci veniant. Si vero horum, qui ritum Graecorum tenent, plures porci inveniantur, Iohannes episcopus et sui successores *Rutheni*[1]) quatuor eligant porcos, Dionisio vero plebano et suis successoribus, taliter stante casu, tres porci designentur.

In cujus rei testimonium (memoriam) firmitatemque perpetuam praesentes litteras nostras, majoris sigilli nostri appensione (appressione) communitas, memorato Dionisio plebano suisque successoribus universis duximus concedendas.

Datum in castro nostro Munkách (Munkács) in festo b. Dorotheae virginis et martiris anno millesimo quadringentesimo tertio.

Lecta et correcta in decimatione bladorum.

Оригиналъ въ XVIII в. находился, повидимому, въ архивѣ Ягерскаго капитула: можетъ быть, онъ и теперь тамъ хранится (см. выше стр. 91). Въ 1768 г. издалъ грамоту N. Schmitt, Episcopi Agrienses, I, съ произвольными измѣненіями (по Годинкѣ, op. c., 9, по оригиналу). Въ 1785 г. по оригиналу гр. I. Batthyány, Leges ecclesiasticae Regni Hungariae, I, 514 — подъ строкой на стр. 514—516. Въ 1799 г. Базиловичъ напечаталъ текстъ грамоты и по Ягерскому транссумпту, op. c., II, 50—54, и по изданію Баттьяни, ib., II, 44—48. Hodinka, op. c., № 6, воспользовался, повидимому, текстомъ Баттьяни, но на 1-ой строкѣ 9-ой страницы, между словами »de promontorio Lewathka« и »Et item racione septem porcorum«, пропустилъ около 6 строкъ: »a jobbagionibus oppidi — — de promontorio Lewathka«, а также замѣнилъ орѳографію XVIII в. орѳографіей XV. Мы печатаемъ текстъ точно по изданію Баттьяни (*B.*), исправляя его явныя ошибки по Ягерскому транссумпту (Jag.) и помѣщая варіанты Jag. въ скобкахъ.

---

[1]) *B.*: et Rutheni.

IX.

Грамота короля Владислава II, Кошицы, 14 мая 1494 г.[1])

Nos Vladislaus, Dei gratia rex Hungariae et Bohemiae etc., memoriae commendamus tenore praesentium significantes, quibus expedit, universis, quod venerabilis et religiosus frater Hilarius, Prior claustri sive monasterii ecclesiae beati Michaelis archangeli, in *Maromaros*[2]) fundati, Graecae fidei professor, nostrae maiestatis accedens in praesentiam, exhibuit et praesentavit nobis quasdam litteras privilegiales reverendissimi patris quondam Antonii, civitatis Constantinopolitanae, Novae Romae, ac totius orbis patriarchae, in pergameno Graecis litteris exaratas sigilloque suo plumbeo impendenti consignatas, et cum hoc etiam earundem litterarum exemplum, verbotenus in latinum traductum, de et super nonnullis indultis juribusque et libertatibus, eidem ecclesiae sancti Michaelis per eundem concessis, inferius in tenore ejusdem exempli denotatis et specificatis, supplicans majestati *nostrae*[3]), *ut*[4]) litteras hujusmodi patriarchales ac omnia, in eisdem contenta, rata, grata et accepta habere ac pro eodem fratre *Hilario*[3]) suisque successoribus universis ecclesiaeque praenotatae innovantes, perpetuo valituras, gratiose[5]) dignaremur confirmare, quarum quidem litterarum et earundem exempli tenor sequitur in haec verba: »Antonius, Dei gratia — — et C. C. C. C. C. C. C. C. ac LXXXX nono[6])«. Nos igitur hujusmodi supplicatione memorati fratris Hilarii

[1]) Безъ латинскаго перевода грамоты патріарха Антонія 1391; переводъ см. выше подъ № I, параллельно съ греческимъ текстомъ.

[2]) *K.*: Maramorisio.

[3]) *K.*: нѣтъ.

[4]) *K.*: ac.

[5]) *K*; *Sch.* — нѣтъ.

[6]) Текстъ см. выше, № I.

exaudita et clementer admissa *praescriptas*[1]) litteras dicti patriarchae non abrasas, non cancellatas nec in aliqua sui parte vitiatas conspeximus *praesentibusque*[2]) litteris nostris similiter privilegialibus earundem exemplum de verbo ad verbum inseri et inscribi facientes, eas et omnia in eis contenta catenus, quatenus eaedem rite et legitime existunt emanatae viribusque earum veritas suffragatur, acceptamus, aprobamus et ratificamus *et*[3]) pro eodem claustro sancti Michaelis archangeli et, consequenter, *pro fratre*[4]) Hilario suisque successoribus universis *innovantes*[5]), perpetuo valituras confirmamus, ita tamen, quod ipse frater Hilarius Prior et sui successores episcopo de Munkats sui ordinis reverentiam, *archiepiscopo*[6]) vero *de Transilvania*[7]), *modernis* et *futuris*[8]), veluti superioribus suis, debitam subjectionem et obedientiam praestare debeant et teneantur, harum nostrarum, quibus secretum sigillum nostrum, quo, ut rex Hungariae utimur, est appensum, vigore et testimonio litterarum mediante.

Datum Cassoviae per manus reverendi in Christo patris domini Thomae, episcopi ecclesiae Jaurinensis et postulati Agriensis, aulae nostrae *summi et*[8]) secretarii cancellarii ac fidelis nostri dilecti, quarta decima die mensis Maii, anno Domini millesimo quadringentesimo nonagesimo quarto, regnorum nostrorum Hungariae etc. anno quarto, Bohemiae vero vigesimo quarto.

Гдѣ былъ оригиналъ въ XVIII в. и существуетъ ли нынѣ, неизвѣстно. По транссумпту, выданному въ 1721 г. Карлсбургскимъ капитуломъ іезуиту G. Régai, напечаталъ грамоту Hintz, op. c., изъ него переиздалъ Schaguna, Geschichte d. Griechisch-Orientalischen Kirche in Oestreich, Hermannstadt, 1862, 27 и сл., а за нимъ и другіе. Нѣсколько иной текстъ даетъ Kollár, Humillimum Promemoria de ortu, progressu et in Hungaria incolatu gentis Ruthenicae, anno 1749 (напечаталъ о. каноникъ В. Гаджега, Наук. Зб., III, 1924, 15—17). Мы воспользовались изданіемъ Шагуны (*Sch.*), исправляя явныя ошибки и приводя подъ строкой варіанты Коллара (*K.*).

[1]) *K.*: praesentes.
[2]) *K.*: patentibus.
[3]) *K.*: ac.
[4]) *K.*: praefato fratri.
[5]) *K.*: innovantibus.
[6]) *K.*: archiepiscopoque.
[7]) *K.*: Transalpino.
[8]) *Sch.* и *K.*: sic!

X.

Грамота короля Владислава II, Будинъ, 29 ноября 1498 г.

Wladislaus, Dei gracia rex Hungarie, Bohemie etc., fidelibus nostris comiti vel vicecomiti et iudicibus nobilium comitatus Maromarusiensis presentibus et futuris salutem et graciam.

Exponitur maiestati nostre in persona religiosi fratris Hylarii, Grece fidei professoris, Prioris monosterii beati (!) Michaelis archangeli, in Maromarusio fundati, quod, licet nos certas litteras reverendissimi in Christo patris, fratris Anthonii, patriarche Constantinapolitani, super certis indultis et libertatibus ac iuribus prefati monosterii, per eundem patriarcham concessis, ad supplicacionem eiusdem exponentis confirmaverimus, tamen venerabilis frater Johannes, episcopus de Monkach, Grece fidei professor, in estate proxime preterita contra huiusmodi indulta prefati patriarche omnes populos, in pertinenciis dicti monosterii commorantes, vigore quarundam litterarum nostrarum, ad sinistram exposicionem eiusdem a maiestate nostra, ut dicitur, impetratarum, vellet et niteretur taxare et ad illegittimam recepcionem proventuum dicti monosterii inhiare. Et licet nos utrasque partes ad presenciam maiestatis nostre vocari fecerimus, ut inter ipsas super ipso negocio iudicium faceremus, tamen, quia prefatus episcopus de Monkach pro tempore deputato coram nobis non comparuit, ideo nos, ipsum exponentem in iuribus suis infra revisionem huiusmodi differenciarum turbari nolentes, mandamus fidelitatibus vestris serie presencium firmiter, ut acceptis presentibus prefatum exponentem contra iura et privilegia dicti *monosterii* [1]), ad sollucionem illegittimam aliquorum reddituum prefato episcopo de Monkach artari non

[1]) Оригин.: monesterii.

permittatis, sed ipsum interea, quousque scilicet per nos causa et differencia pretacta revidebitur, maiestatis nostre in persona et auctoritate, presentibus vobis in hac parte concessa et iusticia mediante, protegere, tueri et defensare debeatis, secus non facturi.

Presentibus perlectis exhibenti restitutis.

Datum Bude in vigilia festi beati Andree apostoli, anno Domini millesimo quadringentesimo nonagesimo octavo, regnorum nostrorum Hungarie etc. anno nono, Bohemie vero vigesimo nono.

Relacio venerabilis Georgii, prepositi Budensis, secretarii regie maiestatis.

L. S.

Оригиналъ въ архивѣ Мукачевской епархіи въ Ужгородѣ, сигнатура Privilegia et protectionales, Gg., № 3, написанъ на пергаментѣ. Подъ текстомъ печать краснаго воска, покрытая бумагой. По транссумпту 1721 г. издалъ Hintz, op. c., 68—69; неизвѣстно, по какой копіи, Basilovits, op. c., I, 24—25; по оригиналу Hodinka, op. c., № 7; сильно уменьшенное факсимиле у Гаджеги, Наук. Зб., VI, 1928-9.

Приложенія.

О подложности грамоты князя Ѳеодора Коріатовича 1360 г.[1])

»Безспорно, что выдающіеся дѣятели церкви, духовныя лица, которыхъ благочестіе и праведная жизнь были высоко чтимы, — — прибѣгали къ подлогу и обману, когда нужно было защитить владѣнія, права, значеніе ихъ церквей«.

(Bresslau, Handbuch der Urkundenlehre, 1889, 11).

»Пользовались ихъ (Коріатовичей) именами для поддѣлки документовъ«.

(K. Stadnicki, Synowie Giedymina, I, 1881, 139, пр. 24).

Ѳеодоръ, мелкій литовско-русскій удѣльный князь, четвертый сынъ Михаила Коріата, одного изъ младшихъ сыновей Гедимина, самъ по себѣ мало могъ интересовать польскую историографію, но, такъ какъ съ его именемъ связана была судьба Подолья, яблока раздора между польскимъ королевствомъ и великимъ княжествомъ литовскимъ, то имя Ѳеодора выступаетъ въ польскихъ хроникахъ. Длугошъ, для доказательства правъ Польши на Подолье, утверждалъ, что Подолье было завоевано Казимиромъ. То же повторяетъ за нимъ Кромеръ[2]). По смерти Казимира, по Кромеру, Подолье, какъ и остальная Русь, перешло подъ власть угор-

[1]) Помѣщаемъ здѣсь въ переработанномъ и дополненномъ видѣ наше изслѣдованіе, первоначально напечатанное подъ тѣмъ же заглавіемъ въ академическомъ изданіи »Статьи по славяновѣдѣнію«, II, Спб., 1906, 270—299, и отдѣльно.

[2]) Грушевскій, ор. с., IV, 89—90 и пр.

скаго короля Людовика, который въ Подольи поставилъ правителя изъ Угріи. Повидимому, таковымъ Кромеръ считалъ именно Ѳеодора Коріатовича, владѣвшаго Мукачевомъ. О немъ Кромеръ упоминаетъ еще и въ 1366 г.[1]) Между 1392 и 1394 г. Ѳеодоръ передалъ себя и Подолье подъ власть Ягайлы[2]). Литовско-русскія лѣтописи расходятся между собой: однѣ сообщаютъ, что Ѳеодоръ Коріатовичъ имѣлъ столкновеніе съ Ольгердомъ, который и захватилъ его въ плѣнъ, другія же, болѣе достовѣрныя, приписываютъ подчиненіе Подолья и плѣнъ Ѳеодора Витовту. Собравшій много разнаго матерьяла, также и изъ уже изчезнувшихъ источниковъ, но совершенно некритичный Стрыйковскій не смогъ сколько нибудь разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ и создалъ *двухъ* Ѳеодоровъ Коріатовичей. Первый былъ княземъ Подолья въ тридцатыхъ годахъ XIV в., имѣлъ столкновеніе съ Ольгердомъ, въ 1339 г. долженъ былъ удалиться въ Угрію, гдѣ и умеръ въ 1340 г.; другой владѣлъ Подольемъ въ концѣ XIV в., былъ побѣжденъ Витовтомъ въ 1395 г. и заточенъ въ Вильнѣ. Этимъ Стрыйковскій, котораго хроника была очень популярна, надолго запуталъ біографію Ѳеодора. Вносились въ его разсказъ и разныя поправки: одни отодвигали прибытіе перваго Ѳеодора въ Угрію къ 1352—1354 г., другіе считали, что и въ тридцатыхъ годахъ XIV в., и въ концѣ его являлся въ Угрію одинъ и тотъ же Ѳеодоръ Коріатовичъ[3]).

---

[1]) Такъ увѣряетъ Stryjkowski, Kronika polska, litewska, żmódźka i wszystkiéj Rusi, 1-oe изд., Królewiec, 1582, перепечатано въ Варшавѣ, 1846, II, 19. Мы, однако, этого мѣста у Кромера не нашли.

[2]) Такъ, повидимому, слѣдуетъ понимать слова Кромера: послѣ разсказа о событіяхъ 1392 г. Кромеръ упоминаетъ о завоеваніи Подолья Казимиромъ, по смерти котораго »sicut caeterae Russiae, quae in ditione Polonorum tunc erat, ita Podoliae quoque Ungaros rex Ludovicus praefecit. —— Et extant in archivio regio binae literae Theodori, ducis Podoliae ac domini de Muncatio, quae arx est in Ungaria, paulo post haec tempora« (т. е. 1392 г.) »scriptae, quibus testatum facit se cum Wladislao, rege Polonorum, transegisse et cum Podolia ipsi se in fidem et clientelam tradidisse«. Далѣе сообщается о событіяхъ 1394 г. (M. Cromeri, De origine et rebus gestis Polonorum chronicon, Polonicae historiae corpus, II, Basileae, 1582, 641—642; первое изданіе, Basileae, 1555).

[3]) М. пр. и Легоцкій, ор. с., I, 157.

К. Стадницкій[1]) доказалъ несостоятельность соображеній Стрыйковскаго и выяснилъ причины недоразумѣнія[2]). Сообщенныя частью Легоцкимъ[3]), частью нами извлеченія изъ подлинныхъ грамотъ вполнѣ подтверждаютъ выводы Стадницкаго[4]).

Въ дѣйствительности, существовалъ только *одинъ* Ѳеодоръ Коріатовичъ. Отъ отца Ѳеодоръ наслѣдовалъ Новгородъ Литовскій. По смерти трехъ старшихъ братьевъ[5]), онъ (послѣ 1389 г.) переѣхалъ въ Подолье, гдѣ и сталъ княжить. Когда Витовтъ началъ уничтожать въ Литвѣ удѣлы, Ѳеодоръ, послѣ осени 1393 г., долженъ былъ покинуть Подолье[6]). Оставивъ тамъ по городамъ угорскіе и волошскіе гарнизоны, Ѳеодоръ удалился въ Угрію. Сигизмундъ, отношенія котораго къ Польшѣ были очень натянуты[7]), охотно — на всякій случай — принялъ его и пожаловалъ ему Мукачевскую доминію[8]). Пер-

[1]) Synowie Giedymina, I—III, 1849—1853; мы пользовались Львовскимъ изданіемъ 1881 г.

[2]) Op. c., I, 159—181.

[3]) Ib., I, 138—140.

[4]) См. ниже регесты.

[5]) Юрій † послѣ 1374 г., Александръ † послѣ 1380 г., Константинъ † послѣ 1389 г. (Wolff, Kniaziowie litewsko-ruscy, Warszawa, 1895).

[6]) Грушевскій, op. c., IV, 170—171.

[7]) Ib., 123—124.

[8]) Когда именно, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, не раньше 1395 г.; лишь по смерти въ этомъ году жены Сигизмунда, Маріи, доминія перешла къ Сигизмунду. Вообще, что̀ было съ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ въ 1393—1395 г., остается весьма неяснымъ. Возможно, что, удалившись въ 1393 г. въ Угрію, Ѳеодоръ попробовалъ вскорѣ вернуть себѣ Подолье, но былъ взятъ въ плѣнъ Витовтомъ, а тотъ его передалъ Ягайлѣ, верховную власть котораго тогда, послѣ соглашенія 4 августа 1392 г., онъ признавалъ. Лишь съ 1395—1396 г. Витовтъ объявляетъ себя Великимъ княземъ Литвы (Грушевскій, op. c., IV, 140—141). На то, что Ѳеодоръ былъ въ заточеніи у Ягайлы, указываетъ приводимая Грушевскимъ регеста грамоты 1403 г.: Ѳеодоръ прощаетъ Ягайлѣ свое плѣненіе, хотя Грушевскій сомнѣвается, относится ли это къ 1393—1395 г. или къ какой либо позднѣйшей такой же попыткѣ Ѳеодора (ib., 171). Упомянутыя Кромеромъ двѣ грамоты Ѳеодора (по Кромеру 1392—1394 г. г.) указывали бы на эту первую попытку, но слова ихъ, что Ѳеодоръ былъ тогда »dominus de Muncatio«, совершенно противорѣчатъ такому толкованію и заставляютъ пріурочить грамоты къ болѣе позднему времени.

вый разъ упоминается о пребываніи Ѳеодора въ Угріи въ грамотѣ Сигизмунда 1398 г., а первый разъ Ѳеодоръ именуется »dominus de Munkach« въ 1401 г.[1]) Мукачевская доминія осталась за нимъ до его смерти въ 1414 г. Кромѣ того, въ разные годы Ѳеодоръ занималъ должность наджупана Бережской ст.[2]), а въ 1404 г. и Сатмарской. Все время Ѳеодоръ носилъ титулъ »dux Podolie«, сохраняя, такимъ образомъ, свои на нее притязанія[3]).

Вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ былъ въ Угріи и его братъ Василій, титулуемый въ 1398 г. также »dux Podolie«; далѣе, однако, о немъ въ грамотахъ не упоминается; можетъ быть, онъ скоро умеръ[4]).

По смерти Ѳеодора, вдова его Walha[5]) носитъ титулъ »ducissa de Munkach«, слѣдовательно, за ней была оставлена Сигизмундомъ Мукачевская доминія — вся или часть, неизвѣстно[6]). Упоминаются въ грамотахъ и дочери Ѳеодора, Annuska и Maria[7]). Кромѣ Мукачевской доминіи, вдова Ѳеодора и дочери имѣли еще значительныя владѣнія въ Мараморошѣ, доходы съ которыхъ составляли за два года 500 золотыхъ флориновъ[8]). По смерти Вальги, доминія не была оставлена за

---

[1]) Здѣсь и далѣе при ссылкахъ на грамоты см. ниже наши регесты.

[2]) Въ 1404, 1406—1408 г.г. (по грамотамъ). Въ составленномъ Легоцкимъ по архивнымъ даннымъ спискѣ Бережскихъ наджупановъ Ѳеодоръ является таковымъ еще въ 1400 и 1411 г. Въ 1412 г. занимаетъ эту должность палатинъ Н. Гараи (ор. с., I, 353).

[3]) Возможно, что Ѳеодоръ въ 1410 г. пробовалъ вернуть себѣ Подолье (см. въ регестахъ грамоту палатина Н. Гараи этого года), хотя отсутствіе у Годинки латинскаго текста выдержки изъ грамоты удерживаетъ насъ отъ болѣе рѣшительнаго предположенія (см. также выше, стр. 181, пр. 8).

[4]) Василій, вѣроятно, былъ старше Ѳеодора, такъ какъ имя Василія поставлено въ грамотѣ на первое мѣсто. Стадницкій упоминаетъ о Василіи Коріатовичѣ, выдавшемъ на себя запись Ягайлѣ въ 1403 г. (ор. с., I, 180—181). Что̀ это за запись, и какое ея отношеніе къ регестѣ 1403 г. у Грушевскаго, не беремся рѣшить.

[5]) Ольга?

[6]) Имя Вальги видимъ въ грамотахъ 1416—1418 г.

[7]) Въ 1416 и 1417 г.

[8]) Грамота 1416 г.

ея дочерьми[1]), а передана совершенно имъ чужому лицу, Матвѣю Pálóczy.

Говорится въ грамотахъ и о приближенныхъ Ѳеодора, вѣроятно, прибывшихъ съ нимъ изъ Подолья: Ondrej Pan de Kaffa и Helele[2]). Въ 1416 и 1417 г. г. они именуются каштелянами Мукачевскаго замка[3]), а Helele въ 1415 и 1418 г. »officialis ducisse de Munkach«.

Такимъ образомъ, всѣ достовѣрныя данныя свидѣтельствуютъ *о пребываніи Ѳеодора Коріатовича въ Угріи съ конца XIV в. и до половины 2-го десятилѣтія XV в.*

Тѣмъ не менѣе, и самъ Стадницкій, а также Бидерманъ, Легоцкій[4]) и другіе[5]) считали несомнѣннымъ, что Ѳеодоръ и *ранѣе,* именно *въ половинѣ XIV в., былъ въ Угріи и владѣлъ Мукачевскимъ замкомъ и доминіей.*

Основаніемъ для такого мнѣнія служили, во первыхъ, *позднѣйшія угорскія хроники,* во вторыхъ, *грамота 1360 г.*

Но и *авторы хроникъ,* и *авторы грамоты 1360 г. черпали изъ одного и того же мутнаго источника — изъ путанныхъ извѣстій о Ѳеодорѣ Коріатовичѣ въ польской исторіографіи XVI в.*[6])

---

[1]) Марія вышла замужъ за любимца Сигизмунда, магната Эмериха Marczali (Hodinka, Története, 154).

[2]) Регесты; Легоцкій, ор. с., I, 138, III, 534; Bidermann, Die ungarischen Ruthenen, I, 8, пр. 2. Какъ возникло довольно странное имя »Ondrej Pan de Kaffa«, не умѣемъ объяснить. Судя по предикату »de Kaffa«, Андрей былъ выходцемъ изъ Кафы, генуэзской колоніи (на мѣстѣ древней и нынѣшней Ѳеодосіи), бывшей нѣкогда очагомъ генуэзской торговли на Черномъ морѣ. Кафа имѣла разноплеменное населеніе, въ томъ числѣ и значительное количество Русскихъ, и была въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Подольемъ (Грушевскій, ор. с., IV, 298—299). Не былъ ли »схизматическій« епископъ 1456 г. Іоаннъ »de Kaffa« потомкомъ этого Андрея? (см. выше стр. 121, пр. 2.)

[3]) Lehoczky, ор. с., I, 140; III, 596.

[4]) Бидерманъ и Легоцкій, судя по цитатамъ, и не знали изслѣдованія Стадницкаго.

[5]) М. пр., и Грушевскій въ первомъ изданіи IV т., Львовъ, 1903, 148.

[6]) Что позднѣйшія угорскія хроники пользовались въ данномъ случаѣ не какими либо старыми угорскими же историческими трудами, видно изъ отсутствія въ хроникахъ подобныхъ ссылокъ. Впрочемъ, надо было бы просмотрѣть *всю* историческую литературу Угріи и Польши XVI в. Врядъ ли, однако, кто бы захотѣлъ тратить трудъ

Старыя историческія связи сосѣднихъ государствъ, Угріи и Польши, во второй половинѣ XVI в. не ослабѣли, но еще болѣе оживились. Не говоря уже о политическихъ фактахъ, вродѣ выбора Стефана Баторія на польскій престолъ, религіозныя движенія, вызванныя реформаціей, сближали другъ съ другомъ послѣдователей борющихся съ католичествомъ и между собой реформаціонныхъ теченій въ различныхъ странахъ. Трансильванія съ прилегающими къ ней столицами Угріи, бывшая во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII в. вполнѣ или почти независимой отъ Габсбурговъ Угріи, стала убѣжищемъ для гонимыхъ индѣ крайнихъ сектъ, преслѣдуемыхъ и католиками, и протестантами. Изъ Польши, между прочимъ, изъ Галичины и литовско-русскихъ областей, шелъ притокъ социніанъ, въ томъ числѣ близкихъ къ полужидовству ихъ отвѣтвленій. Въ Польшѣ, въ Лозкахъ и въ Раковѣ, печатались социніанскія книги для Угріи и Трансильваніи. Станкаръ, домашній врачъ вліятельнаго при дворѣ Изабеллы магната, серба Петра Петровича, сѣявшій въ Трансильваніи семена социніанства, съ 1551 г. долго былъ въ Польшѣ, а, по возвращеніи оттуда, въ 1554—1555 г. проповѣдывалъ на разныхъ церковныхъ съѣздахъ, между прочимъ, и въ Мукачевѣ. Бландрата, извѣстный своей социніанской дѣятельностью въ Польшѣ, съ 1563 г. былъ придворнымъ врачомъ Іоанна Сигизмунда[1]).

Добавимъ еще, что Мараморошъ былъ соединенъ съ Трансильваніей, а сосѣдняя съ нимъ Мукачевская доминія долгое время находилась въ рукахъ Трансильванскихъ князей[2]). Къ тому же, черезъ Мукачево проходили пути изъ Трансильваніи и Угріи въ Польшу.

Понятно, что изъ Польши проникали въ Угрію, между

и время на такую, совершенно пустую и безцѣльную работу — развѣ только изъ любви къ искусству!

[1]) А. Петровъ, Отзвукъ реформаціи въ русскомъ Закарпатьи, 79—80.

[2]) Съ 1528 до 1540 г. она принадлежала Іоанну Запольѣ, потомъ его вдовѣ Изабеллѣ, правившей за малолѣтняго Іоанна Сигизмунда, затѣмъ, на короткое время, Фердинанду I, съ 1557 до 1567 г. опять Изабеллѣ и Іоанну Сигизмунду ((Fessler-Klein, op. c., III, 434—435, 498, 503; Lehoczky, op. c., III, 513—514).

прочимъ, и въ Мукачево, и въ Трансильванію плоды не только религіозной, но и вообще умственной жизни Польши. Книжнымъ и устнымъ путемъ переходили въ Угрію и историческія свѣдѣнія, а, въ томъ числѣ, и извѣстія о томъ, что князь Ѳеодоръ Коріатовичъ былъ въ первой половинѣ XIV в. изгнанъ Ольгердомъ и удалился въ Угрію, что онъ былъ въ живыхъ въ 1366 г., что онъ владѣлъ Мукачевской доминіей[1]).

Первое упоминаніе о пребываніи Ѳеодора Коріатовича въ Угріи находимъ у N. Istvánffy Pannonius, Historiarum de rebus Ungaricis libri XXXIV, Coloniae Agrippinae, 1622. Иштванфи (1538—1615) писалъ этотъ трудъ въ 1608—1615 г., слѣдовательно, долженъ былъ или, по крайней мѣрѣ, могъ быть знакомъ съ хрониками и Кромера[2]), и Стрыйковскаго[3]). Иштванфи сообщаетъ только, что Ѳеодоромъ Коріатовичемъ (Queriatovicsius), съ согласія королей Карла и Людовика, былъ выстроенъ Мукачевскій замокъ. M. Szent Iványi, Curiosiora — — Miscellanea, Tyrnaviae, 1689, почти буквально повторяетъ слова Иштванфи.

Въ 1693 г. не только грамота 1360 г. была съ высоты престола признана подлинной, но и заключавшіяся въ ней распоряженія Ѳеодора Коріатовича стали проводиться въ жизнь[4]). Имя Ѳеодора уже съ начала XVIII в. стало обрастать легендами. Поэтому L. Thuróczi, Ungaria suis cum regibus, Tyrnaviae, 1729, знаетъ больше подробностей о князѣ Ѳеодорѣ: »Theodorus Keriatovichius, Theodorus Querentianus, princeps Ruthenus, dux Munkacsiensis«, владѣлъ Мукачевскимъ замкомъ, городомъ и доминіей, къ которой принад-

---

[1]) Думаемъ, что авторы грамоты 1360 г. *врядъ ли читали* Кромера или Стрыйковскаго, но они могли *слышать* о томъ, что было въ Польшѣ извѣстно объ ихъ благодѣтелѣ, и поэтому для датировки грамоты и выбрали годъ изъ половины XIV в. Не указываетъ ли на устный источникъ свѣдѣній и то, что въ грамотѣ отчество Ѳеодора является въ искаженной формѣ Keriatovich? Въ польскихъ хроникахъ отецъ его всегда называется Koriat. Впрочемъ, и у Иштванфи отчество Коріатовича находимъ въ той же искаженной формѣ: Queriatovicsius.

[2]) 1-ое изданіе въ 1555 г. Объ Иштванфи см. Szinnyei, Magyar írók.

[3]) 1-ое изданіе въ 1582 г.

[4]) См. выше, стр. 57.

ло 300 селъ. Θеодоръ въ 1350 г. возвелъ стѣны города и въ 1360 г. *построилъ*[1])(!) Мукачевскій замокъ. Онъ же близъ города за Латорицей на холмѣ основалъ для Василіанъ монастырь, а жена его Доминика (!) на Сорочьей горѣ около города монастырь Василіанокъ«.

Совершенно ясно, что вышеприведенныя несамостоятельныя, перешедшія изъ Польши, свидѣтельства позднихъ угорскихъ хроникъ *не обладаютъ никакой силой доказательности*[2]). Такую же цѣну имѣетъ и наша грамота съ *отчествомъ Θеодора*, съ ея *датой 1360 г.*, почерпнутыми изъ той же Польши.

Думаемъ, что сама эта *дата*, при полной *несостоятельности оригинала* грамоты *съ палеографической точки зрѣнія*, достаточно свидѣтельствуетъ о *подложности* дошедшаго до насъ документа. Но, такъ какъ *вѣра* въ его подлинность крѣпко еще держится, считаемъ, всетаки, необходимымъ привести и другія соображенія противъ подлинности грамоты 1360 г.

Во первыхъ, мало вѣроятно, чтобы молодому человѣку[3]), притомъ еще одному изъ второстепенныхъ литовскихъ князей, который врядъ ли успѣлъ уже оказать Угріи какія либо услуги, и отъ котораго угорскіе короли врядъ ли могли разсчитывать извлечь какія либо выгоды, была вручена такая важная пограничная крѣпость, какъ Мукачево, такая большая доминія, какъ Мукачевская. Въ послѣдней, по грамотѣ 1360 г., Θеодоръ пользуется столь широкой властью, что, не обращаясь къ королю за разрѣшеніемъ или хоть за подтвержденіемъ своихъ распоряженій, основываетъ монастырь[4]), да еще *православный*[5]), даетъ монастырю населенныя мѣстности и другія угодья и доходы[6]).

---

[1]) Замокъ уже въ 1332 г. называется castrum (Lehoczky, op. c., III, 543).

[2]) А, особенно, Туроци, воспользовавшагося и грамотой 1360 г., и новѣйшими легендами.

[3]) Послѣ 1360 г. Θеодоръ жилъ еще 54 года.

[4]) Въ которомъ Θеодоръ, *еще молодой человѣкъ*, уже строитъ *склепъ* для своего вѣчнаго упокоенія!

[5]) Въ царствованіе такого фанатика-католика, какъ Людовикъ Анжуйскій!

[6]) Между прочимъ, и часть доходовъ, которые шли на спеціальныя нужды замка, *крѣпости*. Къ тому же еще, все это жалуется на »вѣчныя времена«: »in perpetuum; perpetue et irrevocabiliter tenendum, possidendum pariter et habendum«.

Во вторыхъ, Легоцкій и Бидерманъ приводятъ рядъ грамотъ, доказывающихъ, что съ 1353 г. Мукачевская доминія принадлежала королевѣ Елизаветѣ, а послѣ нея женѣ Сигизмунда, королевѣ Маріи, до ея смерти въ 1395 г.[1])

Обратимся теперь къ *тексту* грамоты[2]).

1. Nos Teodorus Keriatovich.

Думаемъ, что современники пребыванія князя Ѳеодора въ Угріи *никогда не называли* его *по отчеству*, да еще въ *спеціально-русской* формѣ съ суффиксомъ: *овичъ*. Врядъ ли современники и знали что нибудь объ его отцѣ — что̀ для нихъ значило имя какого то Коріата, удѣльнаго князя въ далекой Литвѣ! Для ближайшихъ къ Ѳеодору людей онъ былъ просто »князь Ѳеодоръ«, для болѣе ему чуждыхъ — »князь Ѳеодоръ, панъ Мукачева«. Особенно же неумѣстно употребленіе *отчества въ титулѣ владѣтельнаго князя*, да еще въ *латинской* грамотѣ *не по латыни*[3]), а *на народномъ*, въ данномъ случаѣ, *на русскомъ* языкѣ[4]).

---

[1]) Въ 1353 г. Елизавета даетъ обывателямъ Берегсаса, а въ 1354 г. Вари право рубить дрова »in silvis reginalibus«, въ 1364 г. дѣлаетъ распоряженія противъ Бережскаго поджупана Іоанна за его насилія, въ 1376 г. позволяетъ городу Мукачеву завести свою печать, въ 1378 г. подтверждаетъ привилегіи Волоховъ и »князей« Бережской Крайны и въ томъ же году даетъ новыя привилегіи Волохамъ внѣ Крайны. Послѣдняя грамота подтверждена Маріей въ 1383 г. ((Lehoczky, op. c., I, 138; Bidermann, op. c., II, 48). Кромѣ того, есть грамоты, касающіяся Бережской ст., у Mihályi, Máramorosi diplomák: королевы Елизаветы 1366 г. (№ 30), 1370 г. (№ 34), 1380 г. (№ 43), королевы Маріи 1383 г. (№ 45), 1384 г. (№ 82).

[2]) Оригиналъ грамоты хранится въ архивѣ Братиславскаго капитула, сигнатура Capsa 11, fasc. 1, № 1. Написанъ на грубомъ пергаментѣ, въ которомъ видны проколы для шнуровъ, прикрѣплявшихъ висячую печать. На оборотѣ: »A. 1634. Athanasius Krupecky, Episcopus Premisliensis et Samboriensis«. Напечатана первый разъ у N. Schmitt, Episcopi Agrienses, I, 1768, 269—270, по какому тексту, не знаемъ, но неточно, съ исправленіемъ ошибокъ и подновленной орѳографіей. По Прешпоркскому транссумпту у Базиловича, op. c. I, 11—13.

[3]) Въ родѣ, напримѣръ, »filius Koriat«, или, скорѣе, »filius Michaelis, alias Koriat« (Stadnicki, op. c., I, 141, пр. 27).

[4]) Хотя въ *Литвѣ* такія титулованія встрѣчаются: »A. 1420. Nos Boleslaus, alias Swidrigaill, Dei gratia dux Olgarthowicz« (Radziмiński, Arch. ks. Lubartowiczów Sanguszków, 1887, I, № 27).

2. Nos Theodorus —— Die gracia dux de Munkach.

Во всѣхъ подлинныхъ грамотахъ, какъ видно изъ регестъ, Ѳеодоръ титулуется »Dei gracia dux Podolie[1])«. Конечно, въ 1360 г. Ѳеодоръ не былъ еще »dux Podolie«, но и тогда онъ не могъ бы себя титуловать »*Dei gracia* dux de Munkach[2])«. И въ 1360 г. онъ получилъ бы доминію отъ короля и былъ бы въ ней *не* независимый князь »Dei gracia«, но лишь »dominus«, и не »*Dei* gracia«, а только »*regis* gracia«. »Jus regium«, согласно угорскимъ законамъ, оставалось за королемъ. Въ грамотѣ 1412 г. Сигизмундъ называетъ Мукачевскій замокъ »castrum *nostrum*«, а, по грамотѣ его 1419 г., Ѳеодоръ былъ только »*gubernator* castri *nostri* Munkács[3])«.

3. Справедливо указываетъ Годинка[4]), что Ѳеодоръ, нѣсколько лѣтъ бывшій наджупаномъ, ведшій рядъ судебныхъ процессовъ, *долженъ былъ знать угорскіе законы* или, по крайней мѣрѣ, имѣть у себя знающихъ *совѣтниковъ* или хоть свѣдущаго по этой части *нотара*. И, прежде всего, онъ долженъ былъ знать, что каждая *передача* кому либо чего либо *изъ имущества, пожалованнаго* ему *королемъ*, только тогда получаетъ *законную силу*, если король выразилъ на это *согласіе* и выдалъ о томъ соотвѣтствующую *грамоту*. Грамота 1398 г. доказываетъ, что князья Василій и Ѳеодоръ, дѣйствительно, это знали. Авторы же грамоты 1360 г., какъ видимъ, совершенно не считались съ угорскими законами.

4. Такъ же справедливо замѣчаніе Годинки[5]), что кан-

---

[1]) Только въ грамотѣ 1408 г. (регесты, № 8) имѣемъ »Theodorum, *ducem de Mutasch*«. Грамота извѣстна лишь по копіи въ протоколахъ Лелесскаго конвента. Въ копіи вполнѣ возможны пропуски и искаженія. Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ небрежнымъ переписчикомъ, свидѣтельствуетъ искаженное названіе Мукачева »*Mutasch*«.

[2]) Правда, въ грамотахъ вдова Ѳеодора называется »ducissa«, но она была вдова »ducis«, а, такъ какъ и ея мужъ и она владѣли Мукачевомъ, то съ прибавленіемъ »de Munkach« — врядъ ли это былъ ея *оффиціальный* титулъ.

[3]) Въ грамотѣ 1360 г., наоборотъ, какъ будто *съ умысломъ*, подчеркивается *верховная власть* Ѳеодора надъ замкомъ, городомъ и доминіей: »opidum *nostrum* Munkach« (дважды); »de *nostris propriis* bonis; de proventibus castri *nostri* Munkach«.

[4]) Története, 149, 152—153, 160—161 и passim.

[5]) Op. c., 146—147, 163—165.

целярія или, хотя бы, нотаръ Ѳеодора не могли бы — съ точки зрѣнія тогдашней юридической практики — составить грамоту такъ *неумѣло*, такимъ *примитивнымъ стилемъ*, съ такими *необычными формулами* и такимъ *плохимъ латинскимъ языкомъ*[1]).

5. Особенности грамоты, отмѣченныя въ §§ 3 и 4, такимъ образомъ, изобличаютъ, что грамота составлена *не* угорскимъ княжескимъ *нотаромъ*, но *людьми, мало знавшими угорскую правовую практику* и, по всей вѣроятности, *Русскими*. То же подтверждаетъ необычайная въ тогдашнихъ угорскихъ грамотахъ, но часто встрѣчающаяся въ дарственныхъ записяхъ *православныхъ*, угроза *загробнымъ судомъ* нарушителю воли жертвователя[2]): если кто изъ потомковъ князя Ѳеодора не исполнитъ его распоряженій и не будетъ давать, что̀ слѣдуетъ, монастырю, »extunc ipse coram omnipotenti Deo cum anima nostra litem habeat protrahendi«.

6. De proventibus — — castri nostri Munkach teneantur dare — — centum florenos longos.

Сколько намъ помнится, въ угорскихъ историческихъ документахъ XIII и XIV в. *florenus longus* не встрѣчается. Въ нашихъ регестахъ упоминаются только floreni auri. Въ бытность нашу въ 1890 г. въ Прешпоркѣ, извѣстный мадьярскій историкъ, каноникъ А. Поръ (Pór A.), подтвердилъ, что въ XIV в. florenus longus еще не былъ въ ходу въ Угріи[3]).

Въ чуждую намъ область нумизматики мы не отваживаемся пускаться и приведемъ только мнѣнія знающихъ людей. Florenus longus, мад. vonás forint, по Чапловичу, еще въ концѣ XVIII в. употреблялся въ сдѣлкахъ, какъ *воображаемая* денежная единица[4]), и равнялся 3 маріашамъ или

[1]) Напримѣръ: »ita eciam confirmavimus (!), quod quicunque ex filiis, aut generacionibus (!), vel posteritatibus (!) nostris, vel aliqui alii istam donacionem nostram non obstaret (!) vel contradiceret; praesentes literas nostras, sigilli nostri appensione roboratas, eidem claustro nostro duximus roboratas (!)« и т. д. Нѣкоторыя ошибки въ латинскомъ языкѣ явно указываютъ на вліяніе *русскаго* языка составителей грамоты: »monasterium — — *quem*; ad *eundem* (monasterium)« = монастырь, *который*, *въ него* (монастырь); »de monte, que vocatur« = съ горы, *которая*; »quatuor vasa *vina*« = четыре сосуда *вина* и т. п.

[2]) Hodinka, op. c., 164.

[3]) Его слова были тогда же нами записаны.

[4]) »Gibt es auch *eingebildete* Münzen, zum Beispiel: vonás Gulden« (Csaplovics, Gemälde v. Ungern, Pest, 1829, II, 108).

51 кр. Какъ монета, florenus longus = 57 кр. и его антитезъ, florenus brevis, kurta forint = 50 кр., были въ ходу, по словамъ Симончича, до 1723 г.[1]) Въ XVII в. florenus longus приравнивался къ florenus Rhenensis = 60 кр. Такъ, въ письмѣ Л. Колонича къ С. Краснаи по дѣлу о передачѣ Іосифу де Камелисъ доходовъ, опредѣленныхъ грамотой 1360 г.: »centum florenos longos, id est Rhenenses[2])«. Въ діаріи Камелиса: »pro anno 1692 accepi — — pecuniarum Rhen. flor. centum[3])«.

Когда вошли въ употребленіе floreni longi, мы сказать не умѣемъ. Въ словарѣ Бартала подъ florenus longus указано: см. vonás forintones. Подъ vonás forint помѣщена выдержка изъ Нумизматики Симончича, со ссылкой *только* на грамоту 1360 г. Далѣе Симончичъ пишетъ: »Hos florenos longos censet esse vonás forintones = 51 kr. Cl. Pray; ego vero — — inquam esse auri florenos majores; nihil enim facilius commutatur, quam magnus et longus«. То же самое повторяетъ Симончичъ въ своей Dissertatio epistolica, адресованной Базиловичу и напечатанной послѣднимъ[4]). Симончичъ, такимъ образомъ, считалъ florenus longus терминомъ, *необычнымъ* въ Угріи XIV в.

Изъ всего вышеприведеннаго, повидимому, слѣдуетъ, что и florenus longus является *аргументомъ противъ подлинности* нашей грамоты[5]).

7. *Палеографическая оцѣнка грамоты*, дошедшей до насъ *въ оригиналѣ*, имѣетъ *особо важное значеніе*. Одной изъ причинъ, почему со времени Базиловича ни у кого и не возбуждалось сомнѣніе въ подлинности грамоты 1360 г., было то, что никто не видѣлъ ея оригинала, а всѣ поль-

---

[1]) Simonchich, Dissertatio de Numismatica Hungariae Diplomaticae accomodata, Viennae, 1794; Bartal, Glossarium, подъ словомъ kurta forint.

[2]) Basilovits, op. c., II, 13.

[3]) Ib., II, 14.

[4]) Ib., IV, 245—250.

[5]) Годинка приводитъ толкованіе нѣкоего своего пріятеля Ф. Ковача (Kovács F.), что florenus longus значитъ флоринъ, выплаченный *въ денарахъ* — въ такомъ видѣ онъ будетъ *длиннѣе* (!), чѣмъ флоринъ, какъ одна монета, а монахамъ, де, выгоднѣе было получать флорины уже размѣненными на мелкую монету (op. c., 157). Объясненіе натянутое и весьма странное.

зовались изданіемъ ея у Базиловича[1]), гдѣ текстъ переданъ неточно, съ исправленіемъ ошибокъ, съ подновленной орѳографіей. Только Ѳ. Легоцкій, *не* ученый *по спеціальности,* но ученый *по призванію,* всю свою долгую жизнь[2]) посвятившій раскопкамъ въ землѣ[3]) и розыскамъ въ архивахъ[4]), при посѣщеніи въ 1877 г. архива Прешпоркскаго капитула ознакомился съ оригиналомъ. Его опытный глазъ сейчасъ же замѣтилъ грубую поддѣлку[5]): »текстъ грамоты 1360 г., написанный на пергаментѣ, съ перваго взгляда кажется подозрительнымъ. Самъ пергаментъ, необычайно толстый, грубый и неправильной формы, былъ, повидимому, содранъ съ переплета какой то книги. Текстъ, состоящій изъ выцвѣтшихъ крупныхъ буквъ, является *подражаніемъ документу скорѣе XIII, чѣмъ XIV в., на что̀ указываютъ и употребляемыя въ немъ сокращенія*[6]). То обстоятельство, что грамота не имѣетъ печати, еще болѣе увеличиваетъ подозрѣнія, и висящая съ грамоты бахрома не можетъ устранить сомнѣніе[7])«. По словамъ Годинки[8]), Легоцкій въ рецензіи на статью Жатковича, Egri harcz[9]), упрекалъ въ журналѣ Századok за 1900 г. автора за то, что тотъ признавалъ

---

[1]) Op. c., I, 11—13.

[2]) Ѳ. Легоцкій былъ сначала адвокатомъ, а съ 1866 г. юрисконсультомъ Мукачевской доминіи гр. Шенборновъ, не препятствовавшихъ его научнымъ занятіямъ. Онъ скончался въ началѣ войны, имѣя болѣе 85 лѣтъ отъ роду (Шашъ, Архивъ Мукачева, 37).

[3]) Имъ собранъ превосходный доисторическій музей; нынѣ, кажется, въ Мукачевскомъ замкѣ.

[4]) Куда по его смерти дѣлась огромная масса его выписокъ изъ архивныхъ документовъ, съ которой мы были знакомы, не знаемъ.

[5]) Совершенно такой же приговоръ вынесъ извѣстный палеографъ, Вѣнскій проф. Оттенталь, которому † И. В. Ягичъ показалъ факсимиле грамоты въ нашихъ Мат., III. По словамъ И. В. Ягича, »sein im Beurteilen solcher Fragen sehr erfahrener Blick führte dahin, dass diese Urkunde den Eindruck einer *plumpen Fälschung* mache« (A. sl. Ph., XXXII, 1910, 305).

[6]) † Проф. И. И. Холоднякъ, не знавшій въ 1906 г., какъ и мы, словъ Легоцкаго, пришелъ *къ тому же* выводу: »начертанія нашего документа *наиболѣе близки не къ XIV,* а *именно къ XIII в.*« (см. ниже, Палеографическій этюдъ).

[7]) Op. c., III, 357.

[8]) Op. c., 101.

[9]) Борьба съ Ягромъ.

грамоту 1360 г. подлинной. Съ мнѣніемъ Легоцкаго согласился тогдашній редакторъ журнала[1]).

По соображеніямъ историческаго характера, мы давно считали грамоту 1360 г. подозрительною. Когда же мы въ Прешпоркѣ въ 1890 г. внимательно осмотрѣли оригиналъ, наши подозрѣнія перешли почти что въ увѣренность. Намъ бросился въ глаза характеръ буквъ, не только рѣзко отличающійся отъ обычнаго въ XIV в. письма *грамотъ*[2]), но сравнительно мало напоминающій и письмо *книгъ* того времени. И самый почеркъ показался намъ нѣсколько неестественнымъ, напряженнымъ: писецъ, скорѣе, словно вырисовалъ непривычныя для него начертанія.

По разнымъ обстоятельствамъ, только въ 1906 г. удалось намъ опубликовать фотографическое факсимиле грамоты 1360 г. и критическое о ней изслѣдованіе. Тогда же мы обратились къ нашему покойному коллегѣ, латинисту и палеографу, проф. И. И. Холодняку, съ просьбой принять на себя трудъ разбора грамоты съ палеографической точки зрѣнія. Результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ перепечатываемомъ ниже безъ всякихъ перемѣнъ »Палеографическомъ этюдѣ«. Его выводъ: »писецъ грамоты взялъ для себя образцомъ какую либо рукопись, писанную *книжнымъ минускуломъ XIII в.*, и до нѣкоторой степени приблизилъ письмо къ XIV в. *Во всякомъ случаѣ грамота не можетъ принадлежать XIV* в.«.

Этотъ выводъ дѣлаетъ окончательно *несомнѣнной подложность грамоты Ѳеодора Коріатовича 1360 г.*

Годинка въ 1910 г. вполнѣ присоединился къ нашему заключенію и, со своей стороны, какъ мы видѣли, добавилъ нѣкоторыя соображенія, подтверждающія ея подложность[3]).

---

[1]) Но, при такомъ отрицательномъ отношеніи къ грамотѣ 1360 г., Легоцкій оставался подъ гипнозомъ общераспространенной вѣры въ то, что въ этомъ году Ѳеодоръ Коріатовичъ дѣйствительно былъ въ Угріи, основалъ и богато одарилъ Мукачевскій монастырь (op. c., I, 138, II, 30—31; B. m. lelkelszségek története, 1904, 5).

[2]) На приложенныхъ таблицахъ №№ 11 и 12 помѣщены образцы письма грамотъ XIII и XIV в. изъ ближайшихъ къ восточной Угріи мѣстностей — Польши и Трансильваніи.

[3]) Но все это, повидимому, не пошатнуло на Карпатской Руси *вѣру* въ подлинность грамоты и въ великую роль Ѳеодора Коріато-

Но, съ окончательнымъ установленіемъ подложности грамоты 1360 г., возбуждаются дальнѣйшіе вопросы:

1. Кѣмъ была составлена грамота?

Опредѣленныхъ лицъ, конечно, нѣтъ возможности указать, но, очевидно, »is fecit, cui prodest«, т. е., авторами подлога могли быть только люди, судьба которыхъ была связана съ судьбой Мукачевскаго монастыря — какой нибудь выдающійся членъ монашеской братіи или игуменъ монастыря, онъ же и Мукачевскій епископъ — по собственному ли почину или по согласію съ монахами.

Изъ разнообразныхъ документовъ XVII и даже первой половины XVIII в., т. е., уже послѣ упроченія уніи, видно печальное матерьяльное и соціальное положеніе карпаторусскаго духовенства и монашества вмѣстѣ съ карпаторусскимъ епископомъ. Духовенство было приравнено къ крѣпостнымъ крестьянамъ (subditi, glebae adscripti; jobbágyok), не отличалось отъ нихъ и по образу жизни, и даже по внѣшнему виду. Церкви не были обезпечены земельными надѣлами, духовенство не получало десятины, какъ духовенство католическое, и жило отъ своего хозяйства и убогой платы за требы; оно, наравнѣ съ крестьянствомъ, облагалось произвольными поборами, принуждалось къ барщинѣ, подвергалось тѣлеснымъ наказаніямъ, тюремному заключенію; дѣти его обращались въ рабство и продавались. Монастырь былъ лишенъ своихъ прежнихъ владѣній. Даже въ 1734 г. монастырь находился въ крайне убогомъ и заброшенномъ видѣ. Мукачевскіе монахи еще во время Іосифа де Каме-

---

вича въ карпаторусской исторіи. Такъ, Szulincsák, Когда поселились подкарпатскіе Русины въ Угріи (по мадьярски), Ungvár, 1918, и Н. Шкирпанъ, Записки по исторіи Подкарпатской Руси, передъ 1922 г., сохраняютъ полную вѣру въ то, и въ другое; о. И. Кондратовичъ, Исторія Подкарпатской Руси для народа, 1925, не упоминаетъ, правда, ни о грамотѣ, ни о донаціяхъ Ѳеодора, но признаетъ, что Ѳеодоръ Коріатовичъ »велику и знамениту роль грає« въ исторіи Карпаторуссовъ; о. В. Гаджега не рѣшается высказаться о подлинности или подложности грамоты 1360 г., но склоняется къ тому, что Ѳеодоръ Коріатовичъ былъ въ Угріи въ половинѣ XIV в. и занимаетъ »первое мѣсто в исторіи подкарпатського руського народа« (Подкарп. Русь, VI. 1929, № 7).

лисъ жили личнымъ трудомъ и милостыней богобоязненныхъ людей. Епископы были также и матерьяльно, и даже лично весьма необезпечены; не только владѣльцы доминій, но и ихъ чиновники подвергали ихъ оскорбленіямъ, аресту и изгнанію съ каѳедры[1]). Что во второй половинѣ XVI в. было не лучше, если не хуже, свидѣтельствуютъ нижеприводимые документы.

Послѣ перерыва въ 53 года[2]), съ половины XVI в. возобновляется рядъ грамотъ, и тотчасъ же въ нихъ отражаются старанія епископа и монаховъ обезпечить существованіе свое и монастыря.

Въ грамотѣ 15 марта 1552 г. Фердинандъ, по просьбѣ епископа Ладислава[3]), даетъ распоряженіе каштеляну Мукачевскаго замка разрѣшить Ладиславу вновь выстроить мельницу близъ монастыря на р. Латорицѣ »ad ipsum claustrum ab antiquo pertinente(m) — —, quod molendinum tempore desolationis claustri perierat«, если это не нанесетъ ущерба доходамъ замка или чьимъ нибудь инымъ[4]).

3 іюля 1558 г. Изабелла, вдова Іоанна Запольи, по просьбѣ епископа Иларіона[5]) съ братіей, освобождаетъ его и монаховъ отъ податей и повинностей[6]). Результата, однако, или не было, или онъ былъ достигнутъ на весьма короткое время[7]), такъ какъ въ 1569 г., передъ 19 сентября, неназванный по имени епископъ и братія жалуются Максимиліану II, что »чиновники (officiales) Мукачевскаго замка очень часто насиліемъ вымогаютъ у нихъ лошадей, лисьи и куньи шкуры, они же и другіе подданные короля не позволяютъ епископу и его уполномоченнымъ визитировать церкви, забираютъ себѣ плату за посвященіе (cathedraticum)

---

[1]) А. Петровъ, »Старая вѣра« и унія, Мат., II, 7—10 и пр., 14—15, 46—48.

[2]) Объ этомъ и о запустѣніи монастыря см. выше, стр. 132 и 135.

[3]) По Годинкѣ, онъ былъ »szentmiklósi«, т. е., родомъ изъ Чинадѣева, Бережской ст. (Története, 108).

[4]) Hodinka, Okmánytár, № 11.

[5]) Lariona.

[6]) Ib., № 13.

[7]) Въ 1567 г. полководецъ Фердинанда Швенди захватилъ замокъ и доминію.

и другіе доходы, полагающіеся епископу и церкви съ духовенства, противозаконно, ради наживы, присваиваютъ себѣ церковную юрисдикцію надъ духовенствомъ и подвергаютъ его взысканіямъ; чиновники замка взимаютъ съ духовныхъ лицъ разнообразныя подати и принуждаютъ ихъ, наравнѣ съ крестьянами, къ барщинѣ, угрожая побоями и арестомъ[1])«. Въ 5 пунктѣ, на основаніи представленной ими копіи какой то донаціи — »paria cujusdem nostrae donacionis« — просятъ вернуть захваченныя насиліемъ »a monasterio nostro abalienata bona — —; nunc enim ea bona, *licet exigua*, ad arcem Munkach possidentur[2])«.

Максимиліанъ въ декретахъ 13 и 14 августа того же года каштеляну замка, его чиновникамъ и владѣльцамъ доминій, сообщая подробно жалобы епископа и братіи, приказываетъ прекратить упомянутыя ими злоупотребленія и вернуть монастырю имущество, насильно захваченное[3]). Относительно же отнятыхъ у монастыря селъ, Бобовищи и Лавки, Максимиліанъ отложилъ рѣшеніе. Поэтому тотъ же неназванный епископъ и братія подаютъ ему новое прошеніе передъ 19 декабря того же года, чтобы Максимиліанъ приказалъ пока вернуть имъ *хотя бы мельницу* въ Бобовищахъ, захваченную для себя однимъ изъ чиновни-

---

[1]) „Officiales — — arcis Munkach — — diversimode ac multipliciter equos, pelles vulpinas et mardurinas violenter extorquentes, nos gravare non cessant; — — episcopum — — suosque vicegerentes, non solum — — officiales, sed etiam alii subditi SS. M. V. in visitatione consueta — — impediunt, imo cathedraticum aliosque nostros proventus exigi nobis non permittunt, pro se usurpantes cunctos redditus ecclesiae nostrae; jurisdictionem (episcopi) in clerum sibi ipsis usurpant lucrique causa, laici existentes, disciplinam episcopalem in illos exercent; domini terrestres in eorum bonis — — visitationem — — non permittunt; officiales — — ad solutionem dicae aliorumque tributorum miseros nostros sacerdotes urgent ad cunctaque servitia rusticalia compellunt — — carceres et verbera cruciatusque, nisi voluntati eorum morem gesserimus, certo minantes«.

[2]) Ib., № 17. Какая это была донація и какія »bona«, видно изъ новаго ихъ прошенія 1569 г. передъ 19 декабря: »Obtulleramus — — privilegium *Matthiae regis*, in quo duae possessiones, *Lauka* et *Bobolista*, in comitatu de Beregh, nostrae esse, ad monasterium nostrum de iüre et ab antiquo pertinere clare dinosceretur« (ib., № 21), т. е., *грамота Матвѣя 1458 г.*

[3]) Ib., №№ 18—20.

ковъ замка[1]). Какое рѣшеніе вынесъ Максиміліанъ о двухъ селахъ, неизвѣстно, но, очевидно, ни просьбы епископа и монаховъ, ни королевскіе декреты не привели къ благопріятнымъ для монастыря результатамъ. Правительственная власть или не особенно старалась о защитѣ »схизматическихъ« епископа и монаховъ, или ничего не могла сдѣлать съ могущественными магнатами, владѣвшими Мукачевской доминіей[2]). Это видно изъ извѣстій 1597 г.

Въ началѣ 1597 г. пріѣхалъ въ Прагу Мукачевскій епископъ Ладиславъ[3]) и обратился къ Рудольфу II съ жалобой на Сигизмунда Ракоци. Содержаніе жалобы изложено въ письмѣ Рудольфа 29 марта 1597 г. къ Сигизмунду Ракоци: »епископъ Ладиславъ и братія монастыря св. Николая около Мукачевскаго замка принесли тяжкое обвиненіе, что два села, Бобовищи и Лавки, пожалованныя монастырю покойнымъ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ, иначе княземъ Мукачева, неизвѣстно на какомъ основаніи, во время смутъ предшествующаго времени были взяты къ Мукачевскому замку и теперь находятся въ твоихъ рукахъ. Жалобщики и ихъ предшественники много разъ обращались къ прежнимъ владѣльцамъ доминіи и къ тебѣ съ просьбой вернуть захваченныя села, десятины и всѣ доходы, но безъ всякаго успѣха. Напротивъ того, ты и твои чиновники налагаютъ на нихъ разныя тяготы, твои чиновники вмѣшиваются въ ихъ духовныя дѣла, дозволяютъ разводы супружествъ Русскихъ, запрещаютъ посты и другіе религіозные обряды[4]). Поэтому повелѣваемъ вернуть

[1]) »Quod negotium« (о возвращеніи селъ) »quia S. S. M. ad aliud tempus reiecit revidendum, — — supplicamus, dignetur unum saltem molendinum, quod est in — — Bobolista, satis exigui momenti, quod nec nunc in utilitatem S. S. M. V. cedit, verum — — provisoris Mükacsiensis in ea villa officialis pro se percipit, — — usque revisionem causae nostrae de dictis duabus possessionibus nobis restitui iubere« (ib., № 21).

[2]) Въ 1567 г. полководецъ Фердинанда Л. Швенди занялъ Мукачевскій замокъ. Съ 1573—1586 г. доминія была во власти фамиліи Mágócsi. Въ 1588 г. получилъ доминію Сигизмундъ Ракоци (Lehoczky, op. c., III, 514).

[3]) По Годинкѣ, »ardánházi«, т. е., изъ Арданова, Бережской ст. (Története, 108).

[4]) О вмѣшательствѣ кальвинистовъ въ церковныя дѣла православныхъ см. А. Петровъ, Мат., II, 13—14 и VIII, 84—85.

захваченное имущество и прекратить злоупотребленія чиновниковъ[1])«. Но повелѣніе не помогло[2]). Напротивъ того, когда Ладиславъ вернулся изъ Праги, и Ракоци узналъ, что Ладиславъ ѣздилъ на него жаловаться, арестовалъ его, держалъ полгода въ заключеніи, потомъ потребовалъ 1000 фл. за освобожденіе, лишь по просьбѣ священниковъ освободилъ за 200 фл. и затѣмъ выгналъ Ладислава изъ доминіи[3]).

Такова была моральная и соціальная атмосфера, въ которой приходилось вѣка влачить свое существованіе карпаторусскому духовенству и монашеству. Если на западѣ высокіе прелаты римско-католической церкви для защиты или уве-

[1]) „Expositum est —— in personis — — Ladislai episcopi ac totius conventus fratrum Ruthenorum ecclesiae b. Nicolai confessoris, prope arcem nostram Munkach ritu Graecorum fundatae, gravi cum querela, quomodo superioribus disturbiorum temporibus quaedam duae possessiones, B o b o w y s t y e et L a w k a vocatae, *ex collatione quondam Theodori Keryathowyth*, alias *ducis de Munkach*, ad — — ecclesiam ipsorum pertinentes, nescitur, qua ratione, simul cum pertinentiis suis ad istam arcem — — Munkach, nunc in manibus tuis existentem, occupatae tenerentur. Ac licet ipsi exponentes et antecessores ipsorum priores dictae arcis Munkach possessores, ita te quoque iam saepius requisivissent, ut ipsis adempta eorum bona ac decimas cunctosque proventus remittere reddereque ac restituere velles, — — nihil tamen hucusque apud te tuosque officiales efficere potuissent, sed potius ad diversa onera ferenda insuper adigerentur tuique officiales in spiritualia eorum officia sese ingererent, divortia in matrimoniis Ruthenorum admitterent, ieiunia aliaque pia eorum opera prohiberent et similia non sine scandalo perpetrarent« (ib., № 24).

[2]) Какъ правительство опасалось трогать магнатовъ, видно изъ слѣдующаго: эрцгерцогъ Матвѣй, по распоряженію Рудольфа, запросилъ канцлера Іоанна Kutassy по дѣлу о возвращеніи монастырю захваченнаго Ракоци (10 августа 1597 г., ib., № 27). 3 сентября 1597 г. Куташи сообщаетъ Матвѣю мнѣніе свое и угорскаго королевскаго совѣта: мельницу, десятину и движимое имущество Ракоци обязанъ вернуть. Относительно же Бобовищъ и Лавокъ: »quia —— Rákóczi dominium arcis Munkács simul cum illis possessionibus — — apprehendisse ac se aliquot iam annos possedisse dicat, *praeter viam juris* — — adimi ei non posse existimamus« (ib., № 29), т. е., предлагаетъ обобраннымъ епископу и монахамъ *судиться съ магнатомъ!*

[3]) D e u t r a l i s i n q u i s i t i o 1—5 февраля 1642 г. — протоколъ (по мадьярски) допроса по приказу Г. Ракоци Бережской столицей свидѣтелей о зависимости Мукачевскаго епископа отъ доминіи, показанія 10-го (75-и лѣтъ) и 25-го свидѣтелей (ib., № 89). Вообще такія i n q u i s i t i o n e s *иногда сообщаютъ чрезвычайно интересныя историческія и бытовыя подробности.*

личенія имущества и правъ имъ подчиненныхъ, вообще хорошо обезпеченныхъ церковныхъ институцій, »ad majorem ecclesiae gloriam«, не останавливались передъ подлогомъ или обманомъ[1]), то у кого подымется рука бросить камень осужденія въ послѣдовавшихъ примѣру прелатовъ несчастныхъ карпаторусскихъ монаховъ, которымъ пришло въ голову обороняться оружіемъ слабыхъ, подлогомъ и обманомъ, тѣмъ болѣе, что они не хотѣли *путемъ подлога* захватить *чужое*, а только вернуть *свое*, захваченное властными людьми *путемъ насилія*[2])*?!*

2. Когда грамота была составлена?

Разбирая вопросъ о времени внесенія интерполяціи во вторую грамоту 1491 г., мы указали, что, въ виду тревогъ и смутъ въ Угріи въ первой половинѣ XVI в., въ виду разрушенія и запустѣнія монастыря, старый споръ между Мукачевомъ и Грушевомъ могъ возобновиться только тогда, когда вновь ожилъ Мукачевскій монастырь, когда въ немъ вновь появился епископъ, т. е., въ концѣ первой половины этого вѣка[3]). Не ранѣе того же срока, по тѣмъ же причинамъ, могла возникнуть и грамота 1360 г. О позднемъ времени ея составленія свидѣтельствуетъ также и титулъ »Teodorus *Keriatovich*« и *дата изъ половины* XIV в. Очевидно, когда монахи разбѣжались, монастырская традиція или прервалась, или затемнилась. Сохранилась только память, что монастырь не то былъ основанъ, не то былъ одаренъ какимъ то княземъ Ѳеодоромъ. Книги или слухи, приходившіе изъ Польши, дали братіи свѣдѣнія о князѣ Ѳеодорѣ Коріатовичѣ, о томъ, что онъ владѣлъ Мукачевомъ, и о времени, когда, приблизительно, это было.

---

[1]) См. въ началѣ эпиграфъ изъ Bresslau.

[2]) Не только изъ прошеній епископа и монаховъ, но и изъ грамотъ, выданныхъ подлежащей властью, видно, что нѣкогда монастырю — на основаніи ли какихъ либо документовъ, или же »antiqua consuetudine«, по личному пожертвованію кого либо — принадлежали: а) села Бобовищи и Лавки; в) мельницы въ Бобовищахъ и на р. Латорицѣ между монастыремъ и замкомъ; с) десятины вина и хлѣбовъ съ крестьянъ разныхъ поселеній; д) подать свиньями съ Росвигова (см. также ниже урбаръ 1570 г.).

[3]) См. выше стр. 132 и 135.

Точнѣе опредѣлить, *когда именно* возникла подложная грамота 1360 г., намъ представляется весьма труднымъ. Годинка изъ того, что въ концѣ 1569 г. епископъ и братія представили Максимиліану копію грамоты Матвѣя 1458 г., выводитъ, что, значитъ, тогда еще въ ихъ рукахъ *не было* грамоты 1360 г. и, что, слѣдовательно, она была составлена[1]) *послѣ 1569* г.[2]) Но самъ же Годинка высказываетъ и другое предположеніе: у епископа и братіи и въ 1569 г. имѣлась уже грамота 1360 г., но, считая ее не вполнѣ надежной — такъ какъ она не была утверждена королемъ — попробовали сперва пустить въ ходъ королевскую грамоту 1458 г., когда же это, какъ мы видѣли, не удалось, выступили въ 1597 г. съ грамотой 1360 г. Не беремся рѣшить, что̀ болѣе соотвѣтствуетъ истинѣ. Вопросъ, собственно, совершенно праздный[3]).

»*Terminus ad quem*«, напротивъ, вполнѣ *ясенъ*. Грамота 1360 г. была представлена Рудольфу въ Прагѣ *въ началѣ 1597 г.*[4]), значитъ, *возникла передъ 1597 г.*

Въ 1634 г. грамота была въ рукахъ уніатскаго Перемышльскаго епископа, Аѳанасія Крупецкаго[5]). Возможно, что Крупецкому показывалъ грамоту Василій Тарасовичъ, выбранный въ этомъ году Мукачевскимъ епископомъ, скло-

[1]) Или, какъ онъ себѣ представляетъ, *текстъ* давно существовавшей грамоты 1360 г. былъ послѣ 1569 г. *переписанъ* на новый пергаментъ (см. выше стр. 101, пр. 2)

[2]) Története, 109—111.

[3]) Можетъ быть, до нѣкоторой степени подтверждается второе мнѣніе Годинки замѣткой въ урбарѣ доминіи 1570 г. (Országos levéltár, Urbaria et conscriptiones, fasc. 18, № 24), напечатанной нами еще въ 1911 г. (Мат., VI, 303), но никѣмъ не замѣченной: »Oroszvég. Nonam vini et frugum (incolae) dant episcopo Ruthenico. Eidem episcopo Ruthenico loco decimae porcorum dant porcos sedem. *Privilegia episcopi Ruthenici vel monasterii ejus*, quemadmodum agnoscitur ex litteris privilegialibus parochialibus, parocho ecclesiae s. Spiritus, in possessione Ivani fundatae, (datis?), *jam in his, quam in aliis juribus, quae sibi episcopus Ruthenicus vindicat, minus justa reperiuntur. In sola gratia Caesareae Majestatis stat, quid et quantum illis concedatur uti*«. Такимъ образомъ, уже въ 1570 г. въ рукахъ епископа находилась *какая то грамота* (или какія то грамоты), которую управленіе доминіи считало, если не вполнѣ подложной, то, по крайней мѣрѣ, подозрительной. *Могла быть* это и грамота 1360 г.

[4]) См. выше, стр. 197, пр. 1.

[5]) См. выше, стр. 187, пр. 2.

нявшійся къ уніи и бывшій въ сношеніяхъ съ Польшей.[1]) Василій Тарасовичъ представилъ грамоту 1360 г. въ Лелесскій конвентъ и получилъ съ нея засвидѣтельствованную копію 17 сентября 1635 г.[2]), а въ 1642 г., вмѣстѣ съ другими семью грамотами, Ясовскому конвенту. Засвидѣтельствованную копію получилъ 2-го мая 1642 г.[3]) Въ самомъ Мукачевскомъ монастырѣ въ половинѣ XVII в. грамота 1360 г. была всѣмъ извѣстна: на построенной въ 1661 г., вмѣсто прежней деревянной церкви, церкви каменной господаремъ Валашскимъ[4]) Константиномъ и его женой Недѣлею была кирилловская надпись въ виршахъ, сообщенная въ латинской транскрипціи Базиловичемъ:

»Theodor Keriatovics Knyazem bil«, »Za otpuszcsenie hrichow monastir zrobil«[5]) и т. д.

Повидимому, однако, извѣстность грамоты не выходила за предѣлы карпаторусской монашеской братіи. Въ довольно многочисленныхъ разнаго рода документахъ, связанныхъ со стараніями правительства о церковной уніи Карпаторуссовъ, *до 1690 г. нѣтъ упоминанія ни о Θеодорѣ Коріатовичѣ, ни объ основаніи имъ епископства или монастыря, ни о грамотѣ 1360 г.*[6]) Только 12 іюля 1690 г. первый разъ видимъ ссылку

[1]) Дулишковичъ, op. c., II, 92, пр. § 2—3, изъ рукописи Лучкаи.

[2]) Hodinka, Okmánytár, № 56.

[3]) Ib., № 93.

[4]) Потомъ Молдавскимъ.

[5]) Basilovits, op. c., I, 100—101.

[6]) Во всѣхъ такого рода документахъ или употребляются *неопредѣленныя, неясныя выраженія*: »primaeva fundatio, antiqua fundatio, fundationales seu donationales antiquae«, или — опять таки неопредѣленно — *основаніе монастыря* (или *епископства*), при томъ для »Rutheni, *cum Romana ecclesia uniti*«, приписывается *какимъ то*, ни разу не названнымъ по имени и безъ указанія года, *королямъ Угріи*: »privilegia seu diplomata regum fundationis — — ante annos 150; privilegia ac fundationes Hungariae regum; monasterium a piis principibus et regibus Hungariae ante aliquos centenos annos fundatum — —, de quibus omnibus litterae fundationales et originales haberentur de facto; donationales regiae« (отъ годовъ: 1641, 1654, 1659, 1660, 1686, въ Okmánytár №№ 69, 84, 126, 138, 142, 215). Только въ назначенной, очевидно, *для Рима* »Brevis informatio«, составленной на основаніи меморіала примаса Г. Липпаи, находимъ *прямое указаніе* на грамоту 1360 г., но съ замѣткой, что монастырь

на грамоту 1360 г., а, именно, въ отвѣтѣ администратора Ракоціевскихъ имѣній, Клобушицкаго, на запросъ Колоничa о суммѣ доходовъ доминіи съ селъ Бобовищи и Лавки и съ десятины вина изъ виноградника въ Ивановцахъ[1]).

Все это производитъ впечатлѣніе, что прикосновенныя къ дѣлу лица, имѣвшія въ рукахъ и оригиналъ грамоты 1360 г., и ея завѣренныя копіи, знали о ея подложности, или, по крайней мѣрѣ, чувствовали, что что то съ ней неладно, и не осмѣливались выступить съ какими либо требованіями на основаніи грамоты. Только когда Л. Колоничъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, поддержать колебавшуюся унію, только тогда пришло удобное время. Было ясно, что правительственная власть не только не будетъ придирчиво провѣрять подлинность грамоты, но, напротивъ, охотно используетъ грамоту для матерьяльнаго обезпеченія греко-католической Мукачевской каѳедры, тѣмъ болѣе, что ущербъ отъ осуществленія грамоты падалъ на имущество подозрительной для Габсбурговъ мятежной фамиліи Ракоци.

Но, отвергая подлинность, какъ »x« грамоты Ѳеодора, князя Подолья, такъ и грамоты Ѳеодора Коріатовича 1360 г., мы вовсе не думаемъ отвергать мѣстное преданіе, что князь Ѳеодоръ, владѣлецъ Мукачева, между 1395—1398 и 1414 г. или основалъ православный монастырь св. Николая на Чернечей горѣ близъ Мукачева, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ и, можетъ быть, много для матерьяльнаго обезпеченія монастыря, основаннаго кѣмъ либо раньше[2]).

Въ пользу того или другаго свидѣтельствуетъ прежде всего то, что Ѳеодоръ находился въ совершенно аналогичномъ положеніи, какъ православные же румынскіе воеводы Балица и Драгъ или иные основатели монастырей въ Мараморошѣ. Не

былъ основанъ *для схизматиковъ*: »monasterii Munkacsiensis — — fundati per Theodorum, ducem de Munkacz, pro monachis Ruthenis gr. r. *schismaticis*« (1666 г., ib., № 166). Правительственная же власть стремилась представить, что »Rutheni« и раньше, въ XIV—XV в., были »uniti«, такъ что унія XVII в. есть только возстановленіе прежняго *единства* (unio) церкви.

[1]) Hodinka, Okmánytár, № 249.

[2]) Это могъ быть какой нибудь румынскій воевода Бережской Крайны или другихъ волошскихъ селъ стóлицы.

будемъ повторять, что̀ нами о такихъ *частныхъ* монастыряхъ православныхъ князей, бояръ и вообще богатыхъ людей сказано выше[1]). Ѳеодоръ, его семья, пришедшіе съ нимъ изъ Подолья его приближенные, нуждались въ церкви и причтѣ, и самый удобный, обычный способъ былъ имѣть свой *собственный*, такъ сказать, *придворный монастырь*. Ѳеодоръ могъ даже привести съ собой изъ Подолья нѣсколько монаховъ, и ранѣе возносившихъ за него и семью молитвы Богу.

Теперь относительно донаціи для монастыря. Мы выше[2]) указали, что часть того, что̀ упомянуто въ грамотѣ 1360 г., нѣкогда — въ началѣ XV в. — *дѣйствительно* принадлежало монастырю. Вполнѣ возможно, что или все, или часть принадлежавшаго была *дѣйствительно* пожертвована *Ѳеодоромъ*. Подтверждаетъ — не скажемъ даже эту *вѣроятность*, но этотъ *фактъ* — то, что въ подложной »х« грамотѣ жертвователемъ названъ *именно Ѳеодоръ, князь Подолья*. »Х« грамота возникла въ 1418—1439 г., т. е., отъ четырехъ до двадцати пяти лѣтъ послѣ его смерти, когда въ Мукачевѣ и окольи были еще живы современники Ѳеодора. Составители »х« грамоты не могли бы приписать ему пожертвованіе, если бы современники знали, что Ѳеодоръ *не* жертвовалъ. Не могъ бы, въ послѣднемъ случаѣ, ни Лука, ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему игуменовъ монастыря рѣшиться предъявить »х« грамоту Юрію Бранковичу для подтвержденія — сейчасъ же нашлись бы свидѣтели того, что Ѳеодоръ ничего не сдѣлалъ для монастыря.

Судя по полной аналогіи положенія Балицы и Драга съ положеніемъ князя Ѳеодора, и самое *оформленіе* передачи Ѳеодоромъ пожертвованнаго монастырю состоялось *такъ же, какъ намъ представляетъ грамота 1404 г.*[3]) Пожертвованіе Ѳеодора было *частной* донаціей, совершенной *передъ свидѣ-*

---

[1]) Стр. 105.

[2]) Стр. 198, пр. 2.

[3]) Возможно, что Ѳеодоромъ была дана монастырю подобная грамотѣ 1404 г. грамота на »словенскомъ« языкѣ. Отмѣтимъ еще любопытную подробность: и грамота 1404 г., и грамота 1360 г. написаны на пергаментѣ, *снятомъ съ переплета книгъ*. Очевидно, у *частныхъ* лицъ не было достаточно матерьяла для изготовленія грамотъ.

телями и лишь *для памяти* занесенной на письмо — *безъ королевскаго подтвержденія*. За отсутствіемъ у Ѳеодора мужскаго потомства, его донація, послѣ его смерти, теряла силу, и монастырь могъ ссылаться для доказательства своихъ правъ только на *давность*, на »antiqua consuetudo«, которую могли и не признать позднѣйшіе владѣльцы доминіи[1]). И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ XVI в. у монастыря все было отнято. Монашеская братія прибѣгла, такъ сказать, на авось, къ послѣднему средству и сочинила подложную грамоту отъ имени Ѳеодора Коріатовича и датировала ее 1360 г. Такъ какъ монастырю все равно нечего было терять, то, возможно, въ новую грамоту внесено было и то, чѣмъ монастырь *никогда* не владѣлъ — будь, что будетъ. Какъ мы видѣли, до самаго конца XVII в. никакого результата и не было. Только унія помогла монастырю осуществить pia desideria монашеской братіи второй половины XVI в.

Кончая этимъ наши замѣчанія и соображенія, предлагаемъ вниманію читателей »Палеографическій этюдъ« † проф. И. И. Холодняка.

---

[1]) Почему для возвращенія монастырю сравнительно менѣе цѣнныхъ *десятинъ* понадобилось составленіе подложной грамоты, а для владѣнія *двумя селами* Лука обошелся безъ таковой, легко объяснить. Взиманіе десятины затрагивало интересы *частнаго лица* — католическаго плебана Мукачева. Къ тому же, повидимому, монастырь пробовалъ *брать десятину и съ католиковъ* (см. грамоту 1493 г.). Поэтому очень рано могли возникнуть споры изъ за десятины. Бобовищи же и Лавки принадлежали къ *Мукачевской доминіи*, которою владѣли высокопоставленные и богатые люди: палатинъ Угріи Матвѣй Палоци, Юрій Бранковичъ (къ тому же, и самъ православный), »губернаторъ« Угріи Іоанъ Гуняди и его вдова Елизавета Силади. Понятно, что владѣніе монастыремъ двумя селами не наносило большаго ущерба такимъ лицамъ. Грамота Матвѣя Корвина 1458 г. закрѣпила за монастыремъ эти села до смутъ XVI в.

И. И. Холоднякъ:

Палеографическій этюдъ.

(Посвящается В. И. Ламанскому).

Предложенный нашему разсмотрѣнію документъ — грамота князя Ѳеодора Коріатовича монастырю св. Николая близъ города Мукачева на владѣніе доходами съ нѣсколькихъ поименованныхъ въ текстѣ угодій, т. е., частная donatio весьма обыкновеннаго типа. Актъ писанъ на пергаменѣ, $3\frac{1}{2} \times 8$ вершковъ, въ 21 строку *вдоль* листа; печати въ настоящее время не имѣетъ, но слѣды проколовъ для шнура еще видны. Объ этой сторонѣ внѣшности документа нѣтъ надобности распространяться, такъ какъ она никакихъ особыхъ замѣчаній не вызываетъ; за то полное право на наше вниманіе имѣетъ *письмо*, къ анализу котораго и переходимъ.

Документъ датированъ »anno D(omi)ni (M)CCCLX«, т. е., 1360-мъ годомъ, съ пропускомъ цифры M, что, уже само по себѣ, является не совсѣмъ обычнымъ; во всякомъ случаѣ, составитель документа желалъ пріурочить его къ XIV вѣку.

Для начертанія текста онъ избралъ, однако, не обиходный *курсивъ* или *полукурсивъ* XIV вѣка, который, особенно во 2-й половинѣ столѣтія въ своихъ болѣе округлыхъ и разгонистыхъ разновидностяхъ составляетъ прямой переходъ къ обиходному же письму XV вѣка и для мало-мальски опытнаго писца не долженъ составлять никакой особой трудности, а избралъ *книжный минускулъ*, т. е., письмо, хотя и употреблявшееся для документовъ, но не бывшее для нихъ обиходнымъ и значительно болѣе трудное для исполненія.

Но здѣсь и начинается рядъ крупныхъ палеографическихъ недоразумѣній.

Мы видимъ, прежде всего, уже на первый взглядъ, и чѣмъ внимательнѣе вглядываемся, тѣмъ въ бóльшей степени, ка-

кую-то шаткость, неувѣренность почерка, которая можетъ происходить отъ двухъ, главнымъ образомъ, причинъ: или отъ неопытности писавшаго вообще, или отъ малой привычки его именно къ тому почерку, которымъ онъ пишетъ данный текстъ; но тщательный анализъ ductus'овъ писца нашей рукописи долженъ, думается намъ, убѣдить всякаго въ томъ, что, хотя его латынь и оставляетъ желать бо́льшей правильности, хотя бы даже въ предѣлахъ знанія языка въ то время и въ той мѣстности, но рука его неопытной въ ars scribendi названа быть не можетъ: *нажимы* пера выдержаны вездѣ довольно ровно, нижніе *срѣзы* литеръ даютъ вездѣ почти тотъ же уголъ, *кругло́ты* ведены увѣренно, наконецъ, литеры, за которыя писецъ, такъ сказать, не опасается, напр., круглое *s*, начертаны довольно смѣло и привычно; но иное дѣло, если мы представимъ себѣ писца, *опытнаго вообще*, но не набившаго себѣ руку именно въ *воспроизводимомъ имъ въ данный моментъ почеркѣ*, который онъ *копируетъ*, но *не* которымъ онъ самъ *пишетъ* обыкновенно — тогда и получится именно та картина, которая представлена на нашей таблицѣ[1]) въ 1-мъ столбцѣ: особенно характерны начертанія *a*, *b*, *d*, *f*, *h*, *n*, *p*(*ro*), *s* (longa), *t* и *u*; нельзя ни минуты допустить предположеніе, что такое разнообразіе ductus'овъ происходитъ изъ неопытности *вообще*, а не изъ неопытности именно *въ этомъ минускулѣ*, воспроизвести который понадобилось нашему писцу для извѣстной цѣли; видно, при томъ, что *послѣднія* строки документа писаны нѣсколько тверже и увѣреннѣе *начальныхъ*, какъ будто къ концу пишущій въ извѣстной степени *овладѣлъ* своимъ письмомъ.

Какого же времени письмена онъ пытается воспроизвесть? Что это, вообще говоря, *не минускулъ* половины XIV вѣка — говорить нѣтъ надобности: если въ частностяхъ начертаній кое-гдѣ замѣтны типичные изломы и развилинки этой эпохи, то несходства гораздо больше.

Для сравненія мы сопоставили на нашей таблицѣ нѣсколько типичныхъ образчиковъ обычнаго книжнаго и отчасти документальнаго минускула ближайшихъ періодовъ, т. е.,

[1]) № 10.

XIII и XIV вѣковъ, воспользовавшись для XIII вѣка—1 cod. Monac. Chroust, IX, 9—10; 2) id. IX, 8; 3) id. IV, 7; 4) id. IV, 10; 5) cod. Vindob. Staatsarch. n. 341, id. VIII, 10; для XIV в. — 1) cod. Berol. theol. fol., n. 136 (Arndt, 59) и 2) cod. Berol. lat. Q., n. 291 (Arndt, 58).

Изъ этого сопоставленія ясно видно, что наиболѣе близки начертанія нашего документа *не* къ XIV, *а именно къ XIII вѣку*, хотя грамота датирована XIV-мъ: таже фигура *a* (въ XIV в. оно въ минускулѣ обыкновенно закрытое, въ курсивѣ и полукурсивѣ—открытое), *d* (большаго и малаго), *f*, *h* (особенно строчнаго), *n* (прописное и строчное писаны въ нашемъ документѣ одной фигурой), *o* (большаго и малаго), *q*, *r*, *s*, *t* (прописное *t* документа—изъ ранней эпохи), *u*; за XIII в. говоритъ также и сильное преобладаніе округлостей надъ изломами. Надстрочные знаки—обычнаго минускульнаго типа, только въ словѣ po[r]cos (стрк. 8 сверх.) допущенъ надстрочный знакъ для *r* довольно мало употребительной формы.

Изъ сказаннаго вытекаетъ: 1) что писецъ копировалъ рукопись минускульнаго типа XIII вѣка; это *не могъ быть*, конечно, *оригиналъ* документа, такъ какъ онъ долженъ былъ относиться къ XIV-му; желая *создать* такой оригиналъ и не имѣя для этого подъ руками хорошихъ образцовъ письма *надлежащей* эпохи, писецъ взялъ »scripturam antiquiorem« *ближайшей*, но, до нѣкоторой степени, невольно приблизилъ ее къ XIV-му вѣку; 2) что поддѣлка эта совершена или съ цѣлью возсоздать утраченный оригиналъ, или — что̀ вѣроятнѣе — составить *подложный* документъ для какихъ-либо опредѣленныхъ цѣлей, установить которыя можетъ историческій анализъ нашей рукописи.

XIV-му вѣку во всякомъ случаѣ она принадлежать не можетъ.

Регесты грамотъ о князѣ Ѳеодорѣ Коріатовичѣ въ Угріи[1]).

1. Безъ года: »Extant in archivio regio binae literae Theodori, ducis Podoliae ac domini de Muncatio, quae arx est in Ungaria, paulo post haec[2]) scriptae, quibus testatum fuit se cum Wladislao, rege Polonorum, transegisse et cum Podolia ipsi se in fidem et clientelam tradidisse«.[3])

2. 1398 г.: »Sigismundus« и т. д. Лелесскому конвенту: »cum — — princeps — — Vascilius, dux Podoliae, suo ac — — Thodor ducis, fratris sui, nominibus — — villam suam Sarkad — — in comitatu de Bereg aliasque per nostram celsitudinem ipsis donatam, Stanislao, filio Johannis, Johanni, Petro, Georgio et Bogdan, fratribus suis uterinis, eorumque haeredibus pro ipsius Stanislai servitiis perpetuo contulerit nosque ad — — Vascilii petitionem hujusmodi donationem literasque inde secutas — — approbaverimus, ut in — — literis nostris — — continetur, iidemque pro eandem villam Sarkad lege regni nostri requirente legitime vellent introire, si contradictio cujuspiam ipsis non obviaret«, введите упомянутыхъ лицъ во владѣніе означеннымъ селомъ.

3. 1401 г.: »Sigismundus« и т. д. Лелесскому конвенту: Жаловался намъ »princeps Theodorus, dux Podoliae et do-

---

[1]) Нами составлены регесты по копіямъ въ Протоколахъ Лелесскаго конвента грамотъ №№ 2, 3, 6, 7, 8, 9, 12, 15, 16, 18 (изъ нихъ у Легоцкаго. op. c., I, 138—140, имѣются регесты №№ 2, 3, 6, 12, 18); № 5 по оригиналу въ Кошицкомъ городскомъ архивѣ; только по Легоцкому регесты грамотъ №№ 10, 13, 14, 17; откуда взяты регесты остальныхъ грамотъ, указано въ примѣчаніяхъ.

[2]) Предшествуетъ этому у Кромера разсказъ о событіяхъ послѣ 1392 г.

[3]) M. Cromeri, De origine et rebus gestis Polonorum (Polonicae historiae corpus, II, Basileae, 1582, 642).

minus de Monkacs«, что »Georgius et Cosma, filii Nicolai, Michael et Johannes, filii Emerici de Kirsanow, circa festum b. Andreae apostoli« напали на его »jobbagiones ad silvam ipsius d. ducis, ad castrum suum Munkacs — —pertinentem«. Конвентъ: Слѣдствіе подтвердило справедливость жалобы.

4. 1403 г.: »Theodorus, dux Podoliae et dominus de Munkacs, ignoscit Vladislao regi et subditis ejus offensam arrestationis«.[1])

5. 1404 г: »Nos Theodorus — — dux Podolie ac comes quoque de Bereg nec non inter ceteros comes Satmariensis — —, quod in a. d. M. C. C. C. C. quarto judex, jurati et universi cives Cassovienses, cum qua supma (!) pecunia (!) nobis tenebantur, videlicet tria milia florenorum, per centum novos denarios compotando (!), quas pecunias — — rex Sigismundus pro fideli servicio nostro nobis contulerat, supranotatas pecunias idem (!) cives in die nativitatis Marie — — compleverunt et persolverunt. In cuius — — literas nostras sigillatas damus eis expedicionalem (!) anno supradicto«. Во время Легоцкаго на ней еще сохранялся поврежденный отпечатокъ круглой въ 3 см. діаметромъ печати зеленаго воска, изображающей всадника съ обнаженнымъ мечомъ, ѣдущаго налѣво; уцѣлѣла и часть изображенія коня. Теперь остались только обломки.

6. 1406 г.: »Sigismundus« и т. д. Лелесскому конвенту: »Gregorius, filius Benedicti, Stephanus, filius Dominici, Georgius, filius Andreae, Ladislaus, filius Joannis, alius Ladislaus, filius Daba de Kerepecz«, жаловались, что »Theodorus, dux Podoliae, comes comitatus de Beregh«, давно уже чинилъ имъ насилія, нападалъ на ихъ »territorium Kerepecz« и, наконецъ, совсѣмъ имъ завладѣлъ. Конвентъ: Справедливость жалобы подтвердилась, но не вполнѣ. Конвентъ вызвалъ »Theodorum ducem in possessione sua Chomonya« явиться къ такому то сроку »Vestrae Sublimitatis in praesentiam, rationem in praemissis redditurum efficacem«.[2])

7. 1407 г.: »Sigismundus« и т. д. Лелесскому конвенту: »Жаловался намъ »Theodorus, dux Podoliae, comes comitatus de Beregh, avunculus noster carissimus«, на »Paulum de Atya«. Упоминается принадлежащее Ѳеодору »possessio Chomonya«.

[1]) Изъ какихъ то регестъ XVI в. у Грушевскаго, op. c., IV, 171

[2]) Цѣликомъ напечатано Fejér, Cod. dipl. Hung., X. 4, 269, 270.

8. 1408 г.: »Sigismundus« и т. д. Лелесскому конвенту: Жаловались »Ugrinus et Egidius, filii Michaelis, ac Nicolaus et Joannes, filii ejusdem Ugrini, et Simon, filius Egidii de Komlós«, на „Theodorum, ducem de Mutasch« (sic!), что тотъ годъ держалъ въ заточеніи Николая и захватилъ ихъ села Komlós и Kövesd. Конвентъ: Справедливость жалобы подтвердилась; Ѳеодоръ вызванъ »in possessione sua Déda« явиться »Vestrae Sublimitatis in praesentiam, rationem de praemissis redditurus«.

9. 1408 г.: »Sigismundus« и т. д. Лелесскому конвенту: »Dicitur nobis in persona — — principis Theodori, ducis Podoliae et comitis de Beregh, quod ipse Paulum, filium Petri de Senethe, jobagionem suum, alias in certis legationibus suis ad — — Ladislaum, archidiaconum et canonicum in ecclesia Agriensi, destinasset, qui, malo fretus consilio, furore repletus, ipsum nullis culpis suis exigentibus diris verberum et vulnerum plagis sauciasset, semivivum relinquendo«. Повелѣвается конвенту произвести слѣдствіе.

10. 1409 г.: Князь Ѳеодоръ ведетъ процессъ съ Теобальдомъ[1]) (?) и Іоанномъ, сыновьями Петра Salánki, изъ за земли, принадлежавшей къ »possessio Beregh« князя и ими захваченной.

11. 1410 г.[2]): Палатинъ Николай Гараи, по письменной просьбѣ князя Ѳеодора, откладываетъ разборъ процесса между L. Vitkay и L. Károlyi, такъ какъ обвиняемый[3]) находится вмѣстѣ съ княземъ на Руси[4]).

12. 1412 г.: »Sigismundus« и т. д. Лелесскому конвенту: »Ex querela — — principis — — Theodori, avunculi nostri, — percepimus, quomodo Nicolaus, filius Ugrini de Komlós, et alii nobiles de eadem, possessionem Komlós — — et Kövesd — —, ad castrum nostrum Munkach spectantem, eorum fore asserendo, in congregatione generali Universitatis nobilium et alterius sta-

[1]) У Легоцкаго Tiba.

[2]) Содержаніе по мадьярски у Годинки, Története, 152.

[3]) Кто именно это былъ, у Годинки не видно.

[4]) »Oroszország«. Къ сожалѣнію, Годинка не приводитъ выдержки изъ оригинала, такъ что неизвѣстно, упомянута ли тамъ »Podolia« или вообще »Russia, Ruthenia«.

tus comitatus de Beregh hominum, per — — comitem Symonem de Rozgon pridem celebrata, litteras affirmatorias pro se ipsos emanari procurassent, quarum vigore iidem nobiles de Komlós, ipsum Theodorum ducem in causam attrahendo, — — novissime eandem possessionem reobtinuissent et nunc in dominium ejusdem vigore litterarum praefati comitis Symonis adjucatoriarum se statui facere conarentur in praejudicium juris nostri valde magnum«. Вызовите ихъ къ намъ со всѣми ихъ документами.

13. 1414 г.: Постановлено привести князя Ѳеодора къ присягѣ по его процессу съ Петромъ Salánki.

14. 1414 г.: Въ королевскомъ указѣ, данномъ въ Вышеградѣ, относительно процесса Петра Salánki съ княземъ Ѳеодоромъ, о послѣднемъ говорится, какъ уже о покойномъ.

15. 1415 г.: »Sigismundus« и т. д. Лелесскому конвенту: »Dicitur nobis in personis Georgii et Jacobi, filiorum Galli de Zeech, quomodo . . . . .[1]) Theodori, ducis Podoliae, temporibus jam praeteritis, possessionem ipsorum Chesfalu, — — in comitatu de . . . .[1]) existentem, omni sine lege fuisset depraedatus ac universas res et bona ipsius possessionis non modici valoris abstulisset et spoliasset«. Вызовите »praefatum Helele« и произведите слѣдствіе. Конвентъ: »Helele, familiaris dicti condam Theodori ducis«, вызванъ »in possessione, Vari vocata, officiolatu videlicet suo«.

16. 1416 г.: »Sigismundus« и т. д. Лелесскому конвенту: »Dicitur nobis in personis — — dominae relictae condam Theodori ducis ac — — Annuska et Maria — — filiarum suarum, quod Stanislaus de Dolha in anno, cujus secunda instaret revolutio, contra voluntatem et absque consensu ipsarum, collectam et proventus, ipsis in Marmarusio provenire debentes, pro se recipiendo, eisdem quingentorum florenorum auri dampna intulisset potentia mediante«. Произведите слѣдствіе.

17. 1417 г.: Вдова князя Ѳеодора, Walha, и дочь Annus ведутъ процессъ противъ Георгія и Станислава Dolhai изъ за насилій послѣднихъ въ ихъ владѣніяхъ въ Мараморошѣ.

18. 1418 г.: »Sigismundus« и т. д. Лелесскому конвенту: Жалуются »Jacobus, filius Galli de Zeech, ac Georgius, filius

[1]) Точки въ Лелесской копіи.

Jacobi de eadem, quod Helele, officialis ducissae de Munkach, temporibus proxime praeteritis, ad possessionem eorundem Chedfalva — — veniendo, quemdam jobagionem ipsorum, in dicta Cgedfalva (sic!) residentem, non recepta licentia nec justo terragio[1]) deposito ac aliis debitis minime persolutis una cum universis rebus et bonis ejusdem ad possessionem Váry, officiolatum suum, traduxisset moraturum — — lite tamen inter ipsos pendente«. Конвентъ: Helele вызванъ на допросъ.

19. 1419 г.: Сигизмундъ называетъ Ѳеодора »quondam illustris princeps Theodorus, dux Podolie, gubernator castri nostri Munkács«.[2])

---

[1]) Terragium = census agrarius (Bartal, Glossarium).

[2]) Hodinka, op. c., 151.

Текстъ грамоты 1360 г. въ оригиналѣ[1]).

Nos Teodorus Keriatovich dei gr*aci*a dux de munkach Vniuerſis *et* ſingulis tam preſentib*us* q*uam* futuris

preſentes viſuris harum ſerie pate facimus Quod Nos p*ro* ſalute a*nim*e n*o/t*re fecimus co*n*ſtruer*e et* edificar*e*

monaſterium S*anct*i Nicolai ep*i/co*pi et *con*feſſoris p*ro*pe opidu*m* n*o/t*rum munkach q *u e m* ad ritu*m* et more*m* greco*rum* uel

ruthen*orum con*ſecrare: Et ad e u n d e *m* monachos ruthenos conſtituim*us* qui in p*er*petuu*m* ibi d *e* o ſeruia*nt*

Et ad ſuſtentac*ionem* eo*run*dem monacho*rum* ruthen*orum* de n*o/t*ris p*ro*prijs bonis dedim*us* et donauim*us* duas poſſe*//ion*es

villas Boboujiſche et lauca cu*m* om*n*ib*us* p*rouen*tib*us* et contribucionib*us* ab antiquis t*empor*ib*us* ad eaſde*m* de iure pro

uenire debe*n*tib*us* ſimulcu*m* decimis frugu*m* et vino*rum* ac Bobouijſche cu*m* fluuio et mole*n*dino. Ita q*uo*d de eade*m*

Bobouijſche om*n*i anno Tenea*n*tur dare ſex porcos eiſde*m* monachis et de Lauca om*n*i anno quatuo*r* porcos

Deinde v*er*o decimas vino*rum* de mo*n*te Juanijheg. Et ſimiliter de mo*n*te q *u e* voc*a*tur lelijechoka in metis ei*us*

Opidi n*ost*ri munkach cu*m* alijs mo*n*ticulis a mo*n*te lelijechoka vſq*ue* monaſterium adiace*n*tib*us* decimas vino*rum*

conceſſim*us* eide*m* claustro. Et eciam decimas frugum et alio*rum* de campo illi*us* ville q u a vocatur

Orozvijg in eade*m* munkach e x i ſt $\overline{en}$[2]) verſus monaſterium om*nin*o co*n*ceſſim*us* p*re*dicto claustro: Et ecia*m*

de eade*m* Orozvijg om*n*ib*us* annis Teneantur dare eiſde*m* monachis ſeptem porcos: Ite*m* de p*rou*entib*us*

---

[1]) Курсивомъ напечатаны буквы, скрытыя подъ знакомъ сокращений. Вмѣсто *i*, *ı* и *i* оригинала напечатано вездѣ *i*.

[2]) Sic!

Текстъ грамоты 1360 г. въ изданіи Базиловича[1]).

Nos Theodorus Keriatovich, Dei gratia Dux de Munkács Universis et Singulis, tam praesentibus, quam futuris,

praesentes visuris. Harum serie patefacimus. Quod nos pro salute animae nostrae fecimus construere, et aedificare

Monasterium Sancti Nicolai Episcopi et Confessoris, prope Oppidum nostrum Munkács, q u o d ad Ritum, et morem Graecorum, vel

Ruthenorum consecrare : et ad i d e m Monachos Ruthenos constituimus, qui in perpetuum ibi D o m i n o serviant,

et ad sustentationem eorundem Monachorum Ruthenorum de Nostris propriis Bonis dedimus, et donavimus duas Possessiones

Villas, Bobovische et Lauka, cum omnibus Proventibus et Contributionibus, ab antiquis temporibus ad easdem de Jure pro-

venire debentibus, simul cum decimis frugum, et vinorum, ac Bobobysche cum fluvio, et molendino. Ita quod de eadem

Bobovysche omni Anno teneantur dare sex porcos eisdem Monachis, et de Lauka omni Anno quatuor porcos.

Deinde vero decimas vinorum de monte Ivány-hegy, et similiter de monte, q u i vocatur Lelyechoka, in metis ejus

Oppidi nostri Munkács, cum aliis monticulis, a monte Lelyechoka usque ad Monasterium adjacentibus decimas vinorum

concessimus eidem Claustro: et etiam decimas frugum et aliorum de campo illius Villae, q u a e vocatur

Orozvig in eadem Munkács e x i s t e n t i s versus Monasterium omnino concessimus praedicto Claustro: et etiam

de eadem Oroszvig omnibus annis teneantur dare eisdem Monachis septem porcos: Item de proventibus

[1]) Op. c., I, 11—13. Разрядкой отмѣчены важнѣйшія отступленія отъ оригинала.

eiuſdem caſtri noſtri munkach Teneantur dare fruges decem cubulos et totidem siligines et quatuor vaſa

vina et centum sales et centum florenos longos: Item iſta omnia preſcripta dedimus donauimus et contulimus

perpetue et irreuocabiliter tenendum poſſidendum pariter et habendum predicto clauſtro noſtro pro refrigerio anime noſtre

quem nos fundauimus vbi eciam ſepulcrum noſtrum collocare fecimus: Ita eciam confirmauimus Quod quicunque ex

filijs aut generacionibus uel poſteritatibus noſtris uel aliqui alij iſtam donacionem noſtram non obſtaret uel contradiceret

aut predicto clauſtro perſoluere nollet extunc ipſe coram omnipotenti deo cum anima noſtra litem habeat protrahendi: In cuius

rei firmitatem et perpetuitatem preſentes literas noſtras sigili noſtri appenſione roboratas eidem clauſtro noſtro duximus

roboratas: Datum in munkach octauo die menſis marcij Anno domini. C. C. C. L. X.

---

ejusdem castri nostri Munkách teneantur dare fruges decem cubulos, et totidem s i l i g i n i s, et quatuor vasa

v i n i, et centum sales, et centum florenos longos. Item ista omnia praescripta dedimus, donavimus, et contulimus

perpetue, et irrevocabiliter t é n e n d a, p o s s i d e n d a, pariter et h a b e n d a praedicto Claustro nostro, pro refrigerio animae nostrae,

q u o d nos fundavimus, ubi etiam sepulchrum nostrum collocari fecimus. Ita etiam confirmavimus: quod quicunque ex

filiis, aut generationibus, vel Posteritatibus nostris, vel aliqui alii istam donationem nostram non o b s e r v a r e t, vel contradiceret,

aut praedicto Claustro persolvere nollet, ex tunc ipse coram Omnipotenti Deo cum anima nostra litem habeat protrahendi. In cujus

rei firmitatem et perpetuitatem praesentes Literas nostras Sigilli nostri appensione roboratas eidem Claustro nostro duximus

roboratas. Datum in Munkacs octavo die Mensis Martii, Anno Domini M. CCC. LX.

Résumé.

Les plus anciens diplômes concernant l'histoire de l'église et de la hiérarchie carpathorusse 1391—1498.

Dans l'introduction, au début et dans le premier et le troisième chapitre, l'auteur s'arrête sur la colonisation des pentes méridionales, appelées plus tard hongroises, des Carpathes par le peuple Russe, et sur les origines du christianisme dans son milieu. La pénétration de l'élement russe à travers les Carpathes se produisait lentement, le long de plusieurs siècles. La question consiste seulement à décider, quand est ce que ce mouvement a t'il commencé. D'après l'avis des uns, les débuts de l'installation des Russes au-delà des Carpathes peuvent être rapportés au VIIe—VIIIe siècle ap. J.-C.; selon l'opinion des autres, elle ne date que du XIIe—XIIIe siècle. La cause de ces dissidences provient uniquement d'un malentendu de caractère formel. Le nom de »russe« s'est répandu même dans la principauté russe de Kiev lentement et tardivement parmi les masses populaires. Ainsi, il ne pouvait pas avoir de »Russes« de l'autre côté des Carpathes avant le XIIe siècle et même, d'une manière plus précise, avant la fin de ce siècle, exception faite pour les colonies militaires dans les diverses parties de la Hongrie, que formaient les personnes appartenantes à la classe supérieure — celle des „družinniki" de princes. Mais les »Slaves orientaux« — sous de divers noms — pouvaient sans aucun doute pénétrer, et le faisaient, à travers la chaîne des Carpathes à une époque fort antérieure — peut-être déjà au VIIe—VIIIe siècle. Plus tard, ces »Slaves orientaux« ou ont disparu dans la masse des autres peuples ou se sont fondus avec ceux des mêmes tribus, qui venaient en Hongrie déjà sous le nom

de »Russe«. Il est aussi nécessaire de considérer les choses sous un aspect historique: on ne peut se figurer la densité de la population du territoire carpathorusse d'il y a quelques siècles d'après l'état actuel et celui du XIXe, XVIIIe et XVIIe siècles. La colonisation des »Slaves orientaux« et la colonisation »russe« était trés peu épaisse, de même au pied des montagnes que dans les bassins des cours d'eau. Quant aux montagnes boisées, elles restaient longtemps inhabitées, jusqu'au XIIIe—XIVe siècle, si l'on ne tient pas compte de la population nomade bergère, très peu nombreuse. On ne doit point oublier également la présence d'une large zône inhabitée entre les lignes de défense primitives, appelées »záseky«[1]), du côté de la Hongrie comme de celle de la Pologne et de la Galicie.

L'aspect extérieur du territoire des Carpathes, déjà même au XIe s., le caractère lent de la colonisation, la rareté de la population, excluent par eux-mêmes la question, pour ainsi dire, des commencements du christianisme dans la Russie de Carpathes. Qu'on ne peut guère le mettre en rapport avec les évêchés douteux de la Pannonie, cela est tout à fait clair, mais on ne peut également le rapporter à l'époque de Saint-Méthode. Il n' y a pas eu de conversion à peu près simultanée au christianisme du peuple russe dans la région des Carpathes. Les »Slaves orientaux« y arrivaient encore en qualité de payens, et, peu à peu, subissaient l'influence de leurs voisins chrétiens. Les »Russes« apportaient avec eux la foi »russe«, orthodoxe, et peut-être aussi le clergé russe. Nous ne possédons aucun renseignement jusqu'à la fin du XVe s. concernant une hiérarchie, dont le centre se placerait sur le territoire de la Russie des Carpathes.

Dans le 2e chapitre sur »L'enchaînement des renseignements quasi-documentaires« l'auteur démontre, comme une histoire quasi-politique de la Russie des Carpathes a été créée des renseignements séparés, éloignés l'un de l'autre à la distance de plusieurs siècles, pris pour la plupart des sources douteuses, à l'aide de combinaisons des savants, d'interprétations arbitraires, parfois de fictions tendancieuses: »Les Russes, qui se sont installés de l'autre côté des Carpathes, si non avant

[1]) Où étaient entassés alternativement des abatis d'arbres (d'où le mot »záseka«), des remparts, des fossés etc.

les Magyars, du moins simultanément à eux, possédaient encore au début du XIe s. leur »Kraïne Russe = Ukraïne«; celle-ci avait ses voïevodes-ducs, même de maison royale, jouissait de l'autonomie, et c'est seulement depuis la fin du XVe siècle que les Russes ont perdu leurs privilèges«. On a trouvé même des héros de cette histoire: le »voïevode russe« de l'an 1299; le »voïevode russe Petr Petrovič«, et surtout »l'indépendant ou à demi indépendant Théodor Koriatovič, prince de Moukačevo par la grâce de Dieu«. Cette histoire n'est qu'un *mirage* en réalité. Ni pour l'actualité, ni pour l'avenir ce mirage et ses héros n'ont aucune importance et ne profiteront à rien. Cet appui sur l'ancienne autonomie prétendue des Carpathorusses ne peut avoir d'effet sur personne. Le fait de l'existence actuelle du peuple carpathorusse, son adhésion volontaire à la République Tchécoslovaque, les pactes internationaux — voilà ce qui garantie le droit de la Russie des Carpathes à l'autonomie.

Mais ce mirage n'est pas seulement *faux* et *inutile*: il est *nuisible*, surtout parce que les ombres des héros *imaginaires* des temps anciens masquent à seux qui étudient ce passé *le véritable héros — le peuple carpathorusse*. Ne possédant ni magnats, ecclésiastiques ou laïcs, ni noblesse, ni bourgeoisie, le peuple carpathorusse se composait de deux éléments, également assujettis, également humiliés, également livrés à l'arbitraire des grands de ce monde: les *paysans* et leur *clergé*. Et ce *»héros inconnu«*, à travers des siècles d'oppression, de souffrances, a conservé jusqu'au XXe siècle son âme russe, ses usages russes, sa langue russe, et son nom de russe. Il n'a pas eu d'histoire *politique* et ne pouvait pas l'avoir: son unique *histoire* c'est celle *des rapports sociaux et économiques*, mais personne n'a encore abordé même l'exploitation des matériaux qui la concernent et qui existent abondamment dans les recensements de la population taillable.

L'ouvrage lui-même s'occupe de l'analyse critique et historique des dix les plus anciens diplômes.

Le diplôme du prince Jean Korvin Houňadi de l'année 1493, qui était longtemps envisagé comme faux, est en réalité authentique, quoique son original est inconnu actuellement. Dans ce diplôme Jean Korvin a déclaré faux un certain

diplôme de Théodore, prince de Podolie, en faveur du monastère de Moukačevo, composé entre les années 1418 et 1439.

Six diplômes concernent le cloître du St.-Archange Michel près du village Hrouševo du comitat de Maramoroš.

Sur la prière des voïevodes roumains Balitza et Drague *le patriarche de Constantinople Antoine a élevé par le diplôme de 1391* le cloître du St.-Archange Michel, fondé par les ancêtres des voïevodes, à la dignité de la stauropigie patriarcale, c'est à dire, d'une institution indépendante de l'évêque et soumise directement au patriarche, et le Prieur du monastère à la dignité de l'exarque du patriarche, avec le droit de juridiction ecclésiastique sur le clergé et le peuple dans les domaines de Balitza et de Drague. De leur côté les voïevodes ont donné au monastère trois villages, laquelle donation fut confirmée par *les fils de Balitza dans le diplôme de l'anné 1404.* Probablement, les fils de Drague, qui mourut avant Balitza, ont fait la même chose, mais ce diplôme ne nous est pas parvenu. Jusqu'à l'apparition d'un évêque sur le territoire de la Russie des Carpathes, le Prieur-exarque de Hrouševo pouvait exercer sans obstacle sa juridiction ecclésiastique. Il est possible, que le clergé des villages en dehors des domaines de Balitza et de Drague s'est soumis à cette juridiction. *Le diplôme du roi Matthieu de l'année 1479* nous apprend la subordination du clergé roumain de Maramoroš au mitropolite du Belgrade serbe. Mais cette subordination était de courte date et de caractère plus nominal et ne pouvait par cela enfreindre essentiellement les droits du Prieur-exarque. Mais quand, entre les années 1488 et 1491, apparaît dans le monastère de St.-Nicolas près Moukačevo l'évêque Jean, des conflits deviennent inévitables. Jean, comme évêque, pouvait réclamer la réalisation de son droit de juridiction sur le clergé en général; le Prieur-exarque voulait défendre ses droits dans les domaines de Balitza et de Drague. Or, la situation du Prieur n'était guère avantageuse, les domaines ayant passé progressivement dans d'autres mains. Nous voyons la première trace d'un pareil conflit dans *le diplôme de Vladislave II de l'année 1494.* Le Prieur du monastère de Hrouševo, Hilaire, a présenté au roi le diplôme grec du patriarche Antoine de l'année 1391, suivi de sa traduction latine,

en priant de la confirmer, ce que le roi a fait. Or, la traduction latine apparaît non point comme une traduction du diplôme grec, mais comme une fantaisie, avec des lacunes arbitraires, des mutilations, des suppléments, fantaisie d'ailleurs tendancieuse, ayant pour but non seulement de confirmer l'indépendance du Prieur de tout évêque, mais le mettre presqu'à la hauteur de l' évêque[1]). Il ressort du *diplôme de ce même Vladislave II de l'année 1498* que la lutte continuait encore à cette époque. Nous ne connaissons pas la décision du roi. Aprés 1498, à travers plus de 50 ans, nous ne possédons aucun document concernant l'église carpathorusse. Un des premiers diplômes de 1551 témoigne de ce que le monastère de Hrouševo est déja soumis à l'éveque de Moukačevo. Sans doute, Moukačevo a remporté sa victoire sur Hrouševo en partie grâce à l'interpolation, faite dans *le diplôme de Vladislav II de 1491* vers le milieu du XVIe s. La partie du texte primordial, où se trouvait l'indication, que l'évêque Jean habite le monastère de St.-Nicolas près Moukačevo, a été grattée; par une écriture postérieure il y est noté, que sa résidence se trouve au monastère du St.-Archange Michel à Maramoroš. Le but de l'interpolation est clair: prouver, qu'en 1491 le monastère de Hrouševo a été soumis à l'évêque Jean[2]).

Quatre diplômes: ceux du roi Matthieu I Korvin de 1458 et de 1488 et deux diplômes du roi Vladislav II de 1491[3]) concernent le monastère de St.-Nicolas près Moukačevo. Il ressort de ces diplômes qu'avant l'année 1439 et en 1488, en tête du cloître était placé

[1]) Notons, que dans ce diplôme, dont l'original se trouve l'on ne sait où a été faite, dans la période entre 1720—1730, une interpolation qui saute aux yeux: immédiatement à la confirmation de l'independance complète du Prieur de tout évêque, suit une clausule, qui subordonne le Prieur à un archevêque de Transylvanie (dans une autre copie à celui de Valachie). Dans ces années du XVIIIe siècle, une lutte pour Maramoroš a eu lieu entre les évêques gréco-catholiques de Moukačevo et de Fogaraš — il est évident que l'interpolation a été faite par un partisan quelconque de Fogaraš.

[2]) Dans la période entre 1730—1740 le diplôme de 1491 avec le texte interpolé a été exploité *contre* les prétentions sur le Maramoroš de l'évêque de Moukačevo, comme de celui de Fogaraš, mais sans résultat, et Maramoroš dut se soumettre à l'évêque de Moukačevo.

[3]) En restituant le texte authentique altéré par l'interpolation du second diplôme de Vladislav II.

le presbytre, c'est à dire le »hiéromoine«, le Prieur Luc, en 1491 l'évêque Jean. Quand la chair épiscopale de Moukačevo a-t-elle été instituée, par quel pouvoir ecclésiastique, ou est-elle née simplement du fait même de l'installation de l'évêque dans le monastère de Moukačevo, »ignoramus« et, probablement, »ignorabimus«. De même, reste inconnu le sort de l'évêché de Moukačevo des années 1498—1551. Nous n'avons que des données nues: en 1498 au monastère de St.-Nicolas se trouvait l'évêque Jean, en 1551 l'évêque Ladislav.

Suit la transcription du texte des diplômes. Sept diplômes sont édités d'après les originaux: ceux des années 1404, 1458, 1479, 1488, 1491 (deux diplômes) et 1498; les trois derniers d'après les éditions précédantes: ceux des années 1391, 1493 et de 1494.

Un Supplément est ajouté à l'étude: De la fausseté du diplôme du prince Théodor Koriatovič de l'année 1360. D'après des sources dignes de foi, Théodor, le plus jeune fils du prince Lithuanien Koriate Guédiminovič, régnant en Podolie entre 1389 et 1393, dut, à cause d'un conflit avec Vitovte, s'éloigner en Hongrie, où le roi Sigismund lui a donné le domaine de Moukačevo, qui lui est resté jusqu'au jour de sa mort en 1414. Néanmoins, tous les savants considéraient comme chose certaine, que Théodor déjà plus tôt, notamment au milieu du XIVe s. était en Hongrie et se trouvait en possession du domaine de Moukačevo. Ils invoquent le témoignage des chroniques postérieures hongroises et du diplôme de 1360. Mais les auteurs des chroniques comme ceux du diplôme de 1360 puisaient à la même source trouble: les renseignements embrouillés que fournit sur Théodor Koriatovič l'historiographie polonaise du XVIe s.

La date elle-même de 1360, et le fait que le diplôme ne résiste point à la critique paléographique, seraient suffisants pour proclamer faux le diplôme. Mais son caractère de faux peut être attesté également par toute une série de contradictions, qu'il présente étant comparé aux autres diplômes, sans aucun doute authentiques, et aux faits historiques. Il a été composé dans la deuxième moitié du XVIe siècle, quand les moines, depouillés par les possesseurs du domaine de Moukačevo, ont essayé de se

faire rendre par le moyen d'un faux ce qu'on leur a pris par force, mais sans résultat. Dans la première moitié du XVIIe s. on en a fait faire deux copies certifiées, en 1661 il a été connu dans le cloître de Moukačevo, mais cette connaissance ne sortait pas du cercle étroit monastique. Il n'est pas mentionné dans les diplômes assez nombreux de la deuxième moitié du siècle jusqu'à 1690, ni le nom de Théodor Koriatovič non plus. Il paraît que ceux, dans la possession de qui il se trouvait, le considéraient comme faux, ou, du moins, en doutaient, et n'osaient point apparaître avec des prétentions quelconques en se réclamant de ce diplôme. Seulement quand le primas de la Hongrie, L. Kolonich, a décidé de soutenir à tout prix l'union ecclésiastique fort chancelante, le diplôme fut mis en jeu. Il était clair, que le gouvernement n'usera guère de tracasseries en vérifiant l'autenticité du diplôme, mais au contraire l'exploitera volontiers pour assurer matériellement la chair gréco-catholique de Moukačevo.

Mais tout en refusant de reconnaître l'autenticité du diplôme de Théodor, prince de Podolie, mentionné dans le diplôme de Jean Korvin, comme de celui de 1360, l'auteur n'a pas l'intention de réfuter la tradition locale que le prince Théodor entre les années 1395—1398 et 1414 eût fondé le cloître orthodoxe de St.-Nicolas près Moukačevo ou du moins eût contribué, et peut-être beaucoup même, à l'amélioration des conditions matérielles du monastère, fondé plus tôt par quelque autre personne, comme ont agi Balitza et Drague envers le cloître de Hrouševo. Comme Balitza et Drague ont transmis au monastère de Hrouševo trois villages par la voie de donation privée, sans la confirmation royale, de même a dû procéder Théodor Koriatovič. Théodor n'ayant pas laissé d'héritiers de ligne masculine, sa donation, après sa mort, perdait sa vertu, et le cloître ne pouvait s'appuyer que sur le droit de l'ancienneté, »antiqua consuetudo«, ce qui l'a mené, au bout du compte, à la perte de ses domaines et de ses revenus.

L'analyse paléographique du diplôme a été donné par le feu professeur J. J. Cholodňak dans son »Étude paléographique« qui suit.

Viennent ensuite les »Regestes des diplômes concernant le prince Théodor Koriatovič en Hongrie«

et le texte en regard du diplôme de 1360 d'après l'original et dans l'édition de Basilovits, Brevis notitia fundationis Koriatovits.

Dans l'avant-propos l'auteur indique les problèmes essentiels de l' historiographie carpathorusse.

Sous une couverture à part se trouvent les reproductions des fac-similés photographiques des diplômes authentiques, qui nous sont parvenus en original, du diplôme de Théodor Koriatovič de 1360, une table comparée des lettres des documents du XIIIe et XIVe ss. et deux tables de reproductions de diplômes polonais et de ceux de Transylvanie des mêmes siècles.

Дополненіе.

Къ стр. 24—25.

Здѣсь мы позабыли отмѣтить слѣдующее: въ гл. 10 Анонимъ сообщаетъ о приходѣ за Карпаты съ Мадьярами: а) Кумановъ—Половцевъ; b) Русскихъ. О приходѣ первыхъ онъ говоритъ болѣе подробно и обстоятельно, о приходѣ вторыхъ *только между прочимъ*: »точно также (similiter) пришли съ Альмошемъ и Русскіе«.

Приходъ съ Мадьярами Кумановъ—Половцевъ есть *выдумка* Анонима, *исторически совершенно нелѣпая*: Мадьяры *въ концѣ IX в.* продвигались на западъ подъ давленіемъ съ востока *Печенѣговъ*, *Половцы* же, какъ извѣстно, появляются въ южнорусскихъ степяхъ *только въ половинѣ XI в.* Какой же вѣры заслуживаетъ переданное рядомъ, и то мимоходомъ, извѣстіе его же о приходѣ съ Мадьярами *Русскихъ?!* Очевидно, и тамъ, и здѣсь, Анонимъ не основывался на какихъ либо »традиціяхъ«, а просто произвольно фантазировалъ. Сочинить замѣтку о приходѣ съ Мадьярами Русскихъ было Анониму тѣмъ естественнѣе, что онъ ведетъ Мадьяръ въ ихъ будущую родину черезъ *русскіе* города, Суздаль (!), Кіевъ, Владимиръ, Галичъ (!), разсказываетъ о подаркахъ, заложникахъ и проводникахъ, данныхъ Мадьярамъ *русскими* князьями. Никакого »зерна исторіи«, какъ думаетъ проф. Мелихъ (ор. с., 156), въ этой выдумкѣ Анонима мы не видимъ.

Списокъ книгъ и статей А. Л. Петрова о Карпатской Руси 1891—1930 г.

Матеріалы по исторіи Закарпатской (б. Угорской) Руси.

I.—II. »Старая вѣра« и унія въ XVII—XVIII ст. Спб., 1905—1906, 161 стр.

III. О подложности грамоты князя Ѳеодора Коріатовича 1360 г. Критическое изслѣдованіе. Спб., 1906, 37 стр. + 4 фотогр. факсимиле.

IV. Собраніе прежнихъ статей (1891—1903): Замѣтки по этнографіи и статистикѣ. Архивы и библіотеки Угорщины. Угорусскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Старопечатныя книги въ Мукачевѣ и Ужгородѣ; Памятники угорусской письменности. Спб., 1906, 71 стр.

V. Первый печатный памятникъ угорусскаго нарѣчія. Урбаръ и иные связанные съ крестьянской Маріи Терезы реформой документы. Текстъ и изслѣдованіе. Спб., 1908, 139 стр.

VI. Предѣлы угорусской рѣчи въ 1773 г. по оффиціальнымъ даннымъ. Спб., 1911, 347 стр. + 7 картъ.

VII. Памятники церковно-религіозной жизни Угроруссовъ XVI—XVII в.: 1. Няговскія поученія на евангеліе; 2. Іерея Михаила, »Оброна вѣрному чловку«. Спб., 1914, 301 стр.

VIII. Отзвукъ реформаціи въ русскомъ Закарпатьи XVI в. Няговскія поученія на евангеліе. Věstník Kr. Čes. Spol. nauk, Praha, 1923, 123 стр.

Объ этнографической границѣ русскаго народа въ Австро-Угріи. Петроградъ, 1915, 46 стр. + 2 карты.

Národopisné hranice Slováků a Karpatorusů podle sčítání lidu r. 1919 (Этнографическая граница Словаковъ и Карпаторуссовъ по переписи 1919 г.). Česká Revue, Praha, 1923, 8 стр.

Nerostné bohatství Maramoroše v XVI st. (Минеральныя богатства Мараморошa въ XVI в.). Republika Č. sl., Praha, 1924, 4 стр.

Národopisná mapa Uher podle úředního Lexikonu osad z roku 1773 (Этнографическая карта Угріи по оффиціальному Лексикону поселеній 1773 г.). Nákladem České Akad. věd a umění, Praha, 1924, 131 стр. + карта въ краскахъ на 4 листахъ.

Каноническія визитаціи Подкарпатской Руси 1750—1767 г. Науков. Зб., Ужгородъ, 1924, 32 стр.

M. B é l, Tractatus de re rustica Hungarorum a Notitiae Hungariae novae. Тексты и изслѣдованіе. Věstn. Kr. České Spol. nauk, Praha, 1925, 75 стр.

Recense na knihu Dr. P e r f e c k é h o, Sociálně-hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve století XIII—XV (Рецензія на книгу д-ра П е р ф е ц к а г о, Соціально-экономическія отношенія Подкарпатской Руси въ XIII—XV в.). Český časopis historický, Praha, 1925, 15 стр.

Древнѣйшая церковно-славянская грамота 1404 г. о карпаторусской территоріи. Filol. Sborn. České Akad. věd a umění, Praha, 1925, и № 30 изданій Общества А. Д у х н о в и ч а, Ужгородъ, 1927, 15 стр.

Neznámý rukopisný materiál pro historickou demografii Slovenska a Podkarpatské Rusi z r. 1864—65: Fr. P e s t y, Helység névtára (Неизвѣстный доселѣ рукописный матерьялъ для исторической демографіи Словенска и Подкарпатской Руси 1864—65 г.: Fr. Pesty, Helység névtára). Věstn. Kr. Čes. Spol. nauk, Praha, 1926, 93 стр.

Sborník F r. P e s t y h o, Helység névtára, jako pramen historicko-demografických údajů o slovenských a karpatoruských osadách (Сборникъ Фр. П е ш т и, Helység névtára, какъ источникъ историко-демографическихъ данныхъ о словенскихъ и карпаторусскихъ поселеніяхъ). Nákladem České Akad. věd a umění, Praha, 1927, VI + 158 стр.

Карпаторусскія межевыя названія. Nákladem České Akad. věd a umění, Praha, 1929, 35* + 220 стр.

K. Fejérváry, De moribus et ritibus Ruthenorum и аналогичныя свѣдѣнія М. Беля и А. Сирма и. Записки чина св. Василія Великаго, Жовква, 1929, и отдѣльно, 22 стр.

Древнѣйшая на Карпатской Руси шолтысская грамота 1329 г. Карпатскій Свѣтъ, № 7—8, и отдѣльно, Ужгородъ, 1929, 7 стр.

Древнѣйшія грамоты къ исторіи карпаторусской церкви и іерархіи 1391—1498 г. Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavě, č. I, Praha, 1930, XVII + 229 стр. + 12 фотографическихъ факсимиле.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Задачи карпаторусской исторіографіи . . . III—XIX

Вмѣсто введенія: **О началѣ Карпатской Руси . . . . . 1—88**

I. »Ничья« территорія и засѣки по склонамъ Карпатъ . . . . . 6—17

II. Цѣпь »quasi-документарныхъ« извѣстій 17—60

1. Двамѣста изъ »Gesta Hungarorum« Анонимнаго нотара короля Белы 22—26
2. Эмерихъ, »dux Ruizorum« 26 30
3. »Marchia Ruthenorum, Alpes Ruthenorum« . . . . . 30—36
4. Русская Краина . . . . . 36—47
5. »Русскій« епископъ въ Бихорѣ . . 48—49
6. Письмо папы Евгенія IV 49
7. »Dux Ruthenorum« 1299 г. . . . . 50—51
8. »Петръ Петровичъ, русскій воевода« . . . . . 52—55
9. »Theodorus Keriatovich, Dei gracia dux de Munkach« . . . . . 55—60

III. »Русскіе« и »восточные Славяне« въ Угріи . . . . . 60—88

Историко-критическій разборъ грамотъ . 89—147

I. Грамота герцога Іоанна Корвина Гуняди, Мукачево, 6 февраля 1493 г. . . . . 91—102

II. Грамоты о монастырѣ св. архангела Михаила въ Мараморошѣ . . . . . 102—137
1. Грамота патріарха Антонія, Константинополь, августъ 6899 (1391) г. 109—114
2. Грамота сыновей Балицы, Димитрія и Александра, Мараморошскій Сиготъ, 1 мая 6912 (1404) г. . . . . 114—118
3. Грамота короля Матвѣя I, Будинъ, 20 марта 1479 г. . . . . 118—123
4. Грамота короля Владислава II, Кошицы, 14 мая 1494 г. . . . . 124—131
5. Грамота короля Владислава II, Будинъ, 29 ноября 1498 г. . . . . 131—133
6. Грамоты короля Владислава II, Стольный Бѣлградъ, 31 іюля 1491 г. 134—137

III. Грамоты о монастырѣ св. Николая у Мукачева и о началѣ карпаторусской іерархіи . . . . . 137—147
1. Грамоты короля Матвѣя I о пресвитерѣ Лукѣ, Будинъ, 14 августа 1458 г., и Рабъ (?), 1 мая 1488 г. . . . 137—141
2. Грамоты короля Владислава II о епископѣ Іоаннѣ, Стольный Бѣлградъ, 31 іюля 1491 г. . . . . 141—147

Транскрипція текстовъ грамотъ . . . . 148—175

Приложенія . . . . . 177—224

О подложности грамоты князя Ѳеодора Коріатовича 1360 г. . . . . 179—203

*И. И. Холодняк*ъ, **Палеографическій этюдъ . 204—206**

Регесты грамотъ о князѣ Ѳеодорѣ Коріатовичѣ въ Угріи . . . . . 207—211

Транскрипція текста грамоты 1360 г. 212—215

Résumé . . . . . 217—224

Дополненіе къ стр. 24—25 225

Списокъ книгъ и статей А. Л. Петрова о Карпатской Руси 1891—1930 г. 227—229